

АБДУЛЛА ҚОДИРИЙ

ЎТГАН КУНЛАР

РОМАН

ЎзССР ДАВЛАТ
БАДИИЙ АДАБИЁТ НАШРИЁТИ
ТОШКЕНТ — 1958

А БДУЛЛА
КАДЫРИ

МИНУВШИЕ
ДНИ

РОМАН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ УЗССР
ТАШКЕНТ — 1958

Перевод с узбекского
Л. Бать и В. Смирновой

*
Перевод романа на русский язык
сверен издательским редактором узбекского текста
РУСТАМОМ КАМИЛОВЫМ

*
Под редакцией
С. ЕВГЕНОВА

*
Вступительная статья
И. СУЛТАНОВА

*

АБДУЛЛА КАДЫРИ

Абдулла Кадыри (Джулкунбай) — видный представитель новой советской литературы узбекского народа. Талантливый романист и сатирик, Абдулла Кадыри создал ряд произведений, во многом правдиво изображающих жизнь узбекского народа в советскую эпоху и особенно в прошлом. Он внес большой вклад в развитие реализма в узбекской литературе.

В своих исторических романах — «Минувшие дни», «Скорпион из алтаря» — он изобразил мрачные картины прошлого, когда в стране господствовал гнет феодалов. Пробуждение социалистического сознания в народе он отразил в произведениях, написанных на темы советской действительности (в рассказах, в повести «Абид-Кетмень»).

Творчество писателя было многогранным и сложным, что нетрудно проследить на его творческом пути, на его успехах и неудачах. До Великой Октябрьской революции Абдулла Кадыри не сумел тесно связаться с революционно настроенной частью трудящихся масс, стоял в стороне от революционного движения. В советское время, поняв, что Октябрьская социалистическая революция принесла трудящимся подлинную свободу, радуясь этому, участвуя в строительстве новой жизни, Абдулла Кадыри все же не успел глубоко усвоить марксистско-ленинское учение об обществе и законах его развития. В результате творчество писателя не было свободно от некоторой ограниченности в понимании исторической действительности, а порою и односторонности в показе этой действительности.

Абдулла Кадыри родился в 1894 году в Ташкенте. Его отец был торговцем, но «прогорел» и ко времени рождения сына занимался садоводством. Он отдал Абдуллу сначала в медресе (старометодную мусульманскую школу), а затем перевел в русско-туземную школу. Обучаясь у русских учителей, Абдулла в этой школе знакомится с великой русской литературой. Завершив начальное образование, он выходит на самостоятельный жизненный путь, работает в качестве приказчика и секретаря у одного из ташкентских богачей.

Молодость Абдуллы Кадыри протекала среди зажиточных дехкан, торговцев, ремесленников. Это не могло не оказать влияния на мировоззрение будущего писателя, на тематику и содержание его первых произведений.

В начале XX века в среде, где вращался Абдулла Кадыри, возникли социальные идеи, получившие впоследствии название «джадидизма». Местная национальная буржуазия стремилась к захвату рынков сбыта и вела ожесточенную борьбу за них под лозунгом «борьбы за национальную независимость». Национализм стал ее идеологическим знаменем. Узбекской буржуазии, стремившейся следовать примеру буржуазии других стран и даже мечтавшей вступить с ней в конкуренцию, требовались люди, получившие образование по «новому методу», усвоившие не только религиозные, но и «светские», то есть точные, знания — лишь такие люди могли способствовать установлению в стране капиталистических порядков. В силу этого узбекская буржуазия боролась за изменение системы просвещения, ратовала за изучение точных наук, обвиняла мусульманское духовенство и отсталую часть баев в непонимании «новых требований времени» — отсюда сторонники подобных идей и получили название «джадидов», то есть «поборников нового».

Делая первые шаги на литературном поприще еще до Октябрьской революции, Абдулла Кадыри пошел по пути джадидов. Их идеи нашли отражение в таких его стихотворениях, как «Наше положение», «К моей нации». В рассказе «Джувонбоз» («Развратник»), опубликованном в 1916 году, Абдулла Кадыри обличал в лице байского сына Сагдуллы молодых торговцев, предававшихся всевозможным порокам, показывал гибельность

развратного образа жизни. В драме «Несчастный жених» он обличал расточительность: показал трагическую судьбу бедного юноши, байского работника, который, женившись, устроил большой свадебный пир не по средствам, попал в долги и покончил самоубийством, не сумев расплатиться.

Произведения Кадыри этого периода, подобно всей литературе джадидов, были по своему содержанию далеки от коренных социальных проблем, поставленных на повестку дня общественной жизнью начала XX века. Как известно, самой важной проблемой того времени была борьба за свержение феодального и капиталистического строя. Русский рабочий класс, вышедший тогда на историческую арену и осознавший свою силу в революции 1905 года, ставил задачу — освободить народы от ига феодалов, помещиков и капиталистов. Партия большевиков, руководимая Лениным, неустанно внушала массам, что единственный путь к свободе — это пролетарская социалистическая революция. Революционные идеи, проникая и в массы угнетенных народов тогдашнего Туркестанского края, играли огромную роль в пробуждении их сознания.

Абдулла Кадыри в этот период оставался в плену понятий, имевших значение только для некоторых слоев национальной буржуазии, стремившихся к более интенсивному обогащению и власти. Дидактизм вместо художественного изображения, поспешное и прямолинейное высказывание «идеи» вместо создания широких и убедительных жизненных картин, отсутствие глубокого психологического анализа, серость и скудость языка были характерны для ранних произведений Абдуллы Кадыри. Эти произведения сохраняют некоторое значение лишь в том смысле, что они показывают, как в силу требований жизни и под влиянием русской культуры в узбекской до-революционной литературе уже начало появляться стремление к реализму и к созданию новых жанров (прозы, драматургии).

II

Начало наибольшему расцвету творчества Абдуллы Кадыри положила Великая Октябрьская социалистическая революция. Лишь в советское время, в результате более глубокого изучения жизни народа, взявшегося за

строительство нового общества, писатель сумел стать подлинным художником.

Несомненно, что изменения, происшедшие в творчестве Абдуллы Кадыри после революции, тесно связаны и с переломом в его мировоззрении. Молодой писатель, не сумевший до революции вырваться из круга идей джадидизма, в эпоху строительства новой жизни отошел от пути, по которому шли джадиды, и стал в ряды трудового народа, высоко поднявшего знамя пролетарской революции. Как известно, джадиды встретили Октябрьскую революцию враждебно. Сохранив верность наиболее реакционным силам местной буржуазии, джадиды выступали против советской власти, преклонялись перед иностранными империалистами и получали от них поддержку. Абдулла Кадыри не пошел этим путем. Отвернувшись от джадидизма, он приветствовал социалистическую революцию. Ему принадлежат слова: «Я человек, который уверен, что свободу Востоку и счастье его угнетенному пролетариату может принести только ленинизм».

Абдулла Кадыри с самого начала социалистической революции мы видим в рядах строителей новой жизни. В годы гражданской войны, находясь на службе в органах народной милиции, в советских продовольственных комитетах и учреждениях социального обеспечения, он участвовал в осуществлении мероприятий Коммунистической партии, проводимых среди местного населения. Вместе с тем он выступал в печати, защищая советский строй. Небольшое произведение «Мой отец и большевик», напечатанное в 1922 году в журнале «Инкилоб» («Революция»), свидетельствовало о симпатиях писателя к партии большевиков. Коммунистическая партия привлекает Абдулла Кадыри к работе в советской печати. В 1923 году Абдулла Кадыри становится одним из организаторов и активных авторов первого узбекского сатирического журнала «Муштум» («Кулак»). В передовой статье двадцать седьмого номера этого журнала за 1924 год Абдулла Кадыри отмечает огромную роль большевистской газеты «Правда» во всемирной борьбе за свободу, призывает работников узбекской печати неуклонно следовать примеру этого «льва правды».

Однако деятельность самого Абдуллы Кадыри в периодической печати не была свободна от некоторых промахов и ошибок. Например, в своих «Московских письмах»

(1925 г.), увлекаясь критикой отсталых и случайных элементов, попавших из Узбекистана в столицу нашей страны, он в этих письмах не дает читателю представления и о положительных сторонах советской действительности. В статье «Всякая всячина» он допускает неточные и двусмысленные формулировки. Подобные ошибки и недостатки показывают, что преодоление слабых сторон в мировоззрении писателя происходило не сразу и с большими трудностями.

Одновременно во многих своих рассказах, фельетонах и статьях, подписанных то его подлинным именем, то многочисленными псевдонимами («Джудкунбай», «Дунбуль», «Джиян», «Соврунбай», «Овсар», «Думбульнисо» и др.), Абдулла Кадыри направляет огонь беспощадной критики против элементов, мешающих строительству новой жизни — торгашей, кулаков, ханжей, двуличных чиновников, не отвернувшихся от старого и добивавшихся при новой власти «теплого и выгодного местечка», бюрократов, любителей легкой наживы, противников раскрепощения женщин, врагов просвещения, людей «блестящих снаружи и темных внутри». Абдулла Кадыри пропагандирует мудрую и справедливую национальную политику Коммунистической партии, с радостью отмечает успехи в хозяйственном и культурном строительстве, гневно разоблачает хищническую роль международного империализма.

При этом Абдулла Кадыри пользуется главным образом жанром сатиры и, добившись на этом поприще серьезных успехов, приобретает известность как талантливый сатирик.

Используя приемы узбекского фольклора, особенно «пичинг» (иронию), автор повествует в большинстве случаев от лица отрицательных персонажей, изображает явления жизни через их сознание и психику, и этим путем, с одной стороны, раскрывает сущность положительных явлений действительности, а с другой стороны, создает отрицательные образы, вызывая у читателей уничтожающий смех над всем отсталым и косным. Возьмем, например, рассказ «Моя биография» из цикла «Из записной книжки Калвака Махздума». Типичный представитель реакционного мусульманского духовенства, Калвак Махздум с серьезной миной рассказывает о своих приключениях, всячески стараясь возвеличить свою особу,

но мы ясно видим в нем надменного, невежественного и ограниченного человека. Особенно смешны приключения Калвака Махздума в советское время. В этих приключениях показана победа нового над старым, олицетворением которого является сам Калвак Махдум и люди, ему подобные.

В циклах рассказов «О чем говорит упрямый Ташпулат» и «О чем говорит тетушка Шарвон» — последний цикл остался незавершенным, — написанных в той же манере, автор идет по тому же пути сатирического обличения отрицательных типов.

Несомненной удачей Абдуллы Кадыри в сатирическом жанре являются образы муллы Калвака Махздума и бездельника — паразита Ташпулата. При создании этих образов писатель пользуется приемами реалистического письма, дает психологический анализ своих персонажей, раскрывает их внутреннюю сущность. В процессе работы над этими образами Абдулла Кадыри приобретает опыт писателя-реалиста, необходимый ему для перехода к жанру романа.

Уже ряд статей, написанных до того, как стал известен первый роман Абдуллы Кадыри, свидетельствует о правильном развитии эстетических взглядов писателя. В некоторых своих статьях о сатире он высказывает значительные мысли, относящиеся к литературному творчеству вообще. Если выразить их языком наших дней, эти мысли сводятся к следующему.

Литература должна быть тесно связана с жизнью («Слово—форма, пусть же мысль будет вложенным в нее кирпичом; обожженная в печи общественной мысли, пусть она ложится основой в здание новой жизни»); Кадыри призывает писателей думать о «социальной и политической целесообразности выбранной темы».

Художественная литература должна выполнять свою общественную функцию присущими ей средствами, то есть через изображение характеров, образы («Хотя в литературе существует несколько способов, вызывающих смех, но самый лучший тот, который вызывает смех путем изображения характеров...»).

Художественное творчество должно быть близким народу («Сатирическая критика близка по духу простым людям и является выражением прочувствованных ими мыслей и чувств. Короче говоря, содержащийся в природе

сатирической критики смех любим простыми людьми, воспринимается ими как собственное творчество»).

Истинное искусство — в простоте, живости и ясности языка («Подлинное писательское мастерство заключается в умении довести высказываемую мысль до понимания одинаково всеми... Нельзя допускать в произведениях слов и фраз, затрудняющих выражение мысли»).

Творчество требует упорной работы, талант достигает совершенства лишь в труде («Не вздумайте, полагаясь на помощь других, читать отходную молитву духу собственного таланта. Писать, работать над произведением — не час, а десять часов, исправлять — не один раз, а десять раз. Это гораздо полезней и надежней, чем томиться в ожидании чужой помощи»).

Если добавить к этим мыслям, высказанным в статьях «Нашим писателям» (1925 год) и «Нашим юмористам» (1926 год), выступление Кадыри в № 16 журнала «Муштум» за 1924 год против чуждого народу футуризма, то станет ясно, что писатель в этот период не только в творческой практике, но и теоретически защищал мысли, важные для развития советской литературы. Усвоение писателем правильных эстетических взглядов способствовало успеху и первого шага, сделанного им на поприще романиста.

III

Первый роман Абдуллы Кадыри «Минувшие дни» стал известен читателю сначала по отрывкам, опубликованным в 1922 году в сборнике «Инкилоб». Роман, состоящий из трех частей, в 1925 году вышел отдельной книгой.

В романе «Минувшие дни» Абдулла Кадыри изображает жизнь узбекского народа в первой половине XIX века. Роман насыщен духом разоблачения крайней несправедливости и бессмысленности социальных порядков и образа жизни в феодальную эпоху. Описанный в романе период автор расценивает как «самые грязные и черные дни нашей истории», получившие впоследствии название «последних ханских времен».

В первой главе романа один из его главных героев Атабек встречается с сыновьями торговцев в городе Маргелане. В беседе молодых купцов возникает вопрос о семье, и Атабек высказывает взгляды, совершенно проти-

воположные тем представлениям, которые господствовали в описываемое время. Атабек против общепринятого «ада-та» (неписанного закона); семья, по его мнению, должна строиться на основе взаимной любви мужчины и женщины; при заключении браков пора положить конец «воле отца и матери» (то есть зависимости юношей и девушек от желаний и выбора родителей); нужно, чтобы каждый мужчина видел в жене не рабыню, а человека, друга, любимую. Только при этих условиях люди могут обрести счастье в семейной жизни.

Но если нет справедливости в стране, трудно найти радость и в семейной жизни. Прямой разговор о несправедливости, царящей в государстве (действие происходит в Кокандском ханстве), заходит уже во второй главе романа.

Находясь в гостях у одного видного маргеланского купца, Атабек высказывает свое несогласие с порядками, и прежде всего с насилием, господствующим в его стране. Атабек думает о необходимости изменить методы управления страной и приходит к заключению, что в этой области нужно следовать примеру России. Но подобно тому, как взгляды Атабека на семью находят еще мало сочувствующих, так и его мечты о пресечении насилия, прекращении междоусобных войн и установлении в стране относительного порядка встречают ожесточенное сопротивление со стороны защитников феодальной олигархии и невежества.

Во второй главе романа мы читаем: «Тогда мало кто из купцов Туркестана вел дела в русских городах, поэтому все смотрели на Атабека с почтительным удивлением. Кутидор и Зия-шахичи слышали о русских разные небылицы, и им хотелось узнать правду от очевидца.

— До поездки в Шамай я думал, что всюду власть такая, как у нас. Но в Шамае перевернулись все мои представления, я все теперь вижу по-иному. Надо признать, что урусы умеют управлять; рядом с ними наши порядки похожи на игру. Ума не приложу, как быть, если и дальше так будет идти! Увидев, какие порядки в Шамае, я хотел на крыльях лететь домой, явиться к хану, рассказать о законах урусов. Я мечтал, чтобы хан выслушал меня, написал указ руководствоваться их примером... Я хотел, чтобы наш народ за один месяц догнал

урусов! Но увы, вернулся я на родину и увидел, что это несбыточная мечта. Никто даже и слушать меня не хотел, а если находился кто-нибудь, то тут же охлаждал мои порывы: «И ты думаешь, что хан станет слушать тебя, а беки будут исполнять подобные приказы?!» Сначала я не хотел верить этим словам, но вскоре понял, что люди говорят правду. Разве на кладбище услышит кто-нибудь призыв «спаситель!»?

Противоречие между относительно прогрессивными для своего времени устремлениями Атабека и его единомышленников, с одной стороны, и конкретной исторической действительностью XIX века — с другой, борьба между передовыми и реакционными силами эпохи — вот что составляет основное содержание романа «Минувшие дни».

Показывая остроту и трагический исход этой неравной борьбы, писатель разоблачает несправедливый и антигуманистический характер социальных порядков и моральных догм, господствовавших в жизни узбекского народа в XIX веке.

Сторонники прогрессивных в известной степени идей, выведенные в романе, подвергаются преследованиям со стороны хана и беков. Они претерпевают много трудностей и лишений и в конце концов, не достигнув своей цели, вынуждены мириться с господством темных сил. Крушением под гнетом этих сил прекрасной, полной светлых чувств супружеской жизни Атабека и его возлюбленной Кумюш завершается роман.

Ценность реалистического произведения определяется тем, в какой мере писателю, находящемуся на прогрессивных позициях, удается изобразить важнейшие социальные явления описываемого им времени. В романе «Минувшие дни» жизнь узбекского народа в первой половине прошлого века изображена с прогрессивной точки зрения. Так, показано засилие невежественных эгоистических беков и чиновников, затевавших жестокие междоусобные войны, разжигавших межплеменную рознь в народе, угнетавших трудовой народ. Протест народа против насилия и готовность выразить этот протест в активной форме были типичны для того времени и также нашли отражение в романе. Силы, выступавшие тогда против феодальных порядков, в понимании писателя выходили из среды торговых людей, имевших возможность приобщаться к про-

свещению, знакомиться с культурой других, передовых стран. Выступление этих пробужденных сил на историческую арену, вызванное, с одной стороны, отсталостью страны, феодальным гнетом, и с другой,— влиянием России, было закономерно для XIX века. Роль, которую сыграла Россия в XIX веке в отношении народов Востока, Ф. Энгельс высоко оценил еще в 1851 году, указывая, что Россия прогрессивно влияла на страны, расположенные по берегам Черного и Каспийского морей и в Средней Азии¹. Несколько позже благотворное влияние России послужило серьезным толчком к возникновению в общественной мысли народов Средней Азии просветительно-демократического течения, нашедшего отражение, например, в творчестве таких писателей, как Ахмад Дониш, Фуркат, Муками.

В романе «Минувшие дни» в изображении исторической действительности имеются и недостатки, о которых читатель должен быть предупрежден. Они проистекают из того, что в пору работы над романом «Минувшие дни» Абдулла Кадыри еще недостаточно понимал, что история развития общества есть история борьбы антагонистических классов, история борьбы эксплуатируемых с эксплуататорами. Поэтому, хотя автор и показывал в своем произведении выступления народа против феодального гнета, он не в силах был дать читателю достаточно полное и правильное представление о всей остроте этой борьбы. Борьба народа, являющаяся, объективно и по существу, борьбой против основ феодализма, против эксплуатации человека человеком, в изображении Кадыри походит скорее на борьбу против «плохих» беков, приобретает окраску борьбы «добра» вообще со «злом» вообще. Споры нет, в XIX веке не каждый труженик, поднявшийся против притеснителей, понимал, что необходимо разрушать всю феодальную систему, и большинство крестьянских восстаний действительно ограничивалось целью заменить «плохого» правителя «хорошим», «справедливым». Но вместе с тем и в эпоху феодализма, особенно в XIX веке, уже выдвигались из народа силы, сознательно боровшиеся против самой системы феодализма. Именно в деятельности этих передовых борцов находили свое воплощение наиболее передовые тенденции эпохи. Писа-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 211.

тель показал в романе движение народных масс против отдельных угнетателей, но не вывел наиболее сознательных и последовательных борцов за свободу.

Непонимание всей неизбежности и остроты классовой борьбы привело писателя к другой ошибке: изображая некоторых людей, вышедших из среды эксплуататоров, но стоящих на прогрессивных позициях (таких, как Атабек, пропагандирующий необходимость учиться у русских, или Юсуфбек-хаджи, выступающий против междоусобных войн), писатель не вскрыл их классовую ограниченность. Атабеки и юсуфбеки, несмотря на то, что для своего времени они были в известной степени носителями передовых идей, не доходили, да и не могли дойти до понимания необходимости полного уничтожения эксплуатации человека человеком.

Важнейшее значение в те времена имело отношение к России, вопрос о присоединении страны к русскому государству. Атабек, Юсуфбек-хаджи и их единомышленники признают превосходство культуры, призывают учиться у России, но в то же время не выступают за присоединение Средней Азии к русскому государству. А между тем, как свидетельствуют исторические материалы, в среде, изображаемой в романе, было уже немало людей, понимавших, что непрерывные феодальные смуты и угрозы иноземного вторжения кончатся лишь после присоединения страны к великому северному соседу. Они открыто выступали за присоединение. Но такие люди в романе «Минувшие дни» не выведены.

Следует, однако, подчеркнуть, что отмеченные недостатки романа «Минувшие дни» не давали основания для обвинения автора в умышленном искажении истории или в пропаганде буржуазного национализма. А к таким упрекам в свое время склонны были некоторые не в меру ретивые критики-вульгаризаторы.

IV

Вторым крупным произведением Абдуллы Кадыри был роман «Скорпион из алтаря». Это произведение писатель закончил в 1928 году и в следующем выпустил отдельной книгой. По характеристике самого автора, «Скорпион из алтаря» — исторический роман о злом

правителе одной из крупнейших областей Туркестана (в основном Ферганской долины) Худояр-хане и его чиновниках. «Тему романа,— писал Кадыри,— составляет период правления последнего туркестанского феодала Худояр-хана, который для удовлетворения своих желаний приносил в жертву массы дехкан и мелких ремесленников, издевался над женщинами и всякого, кто ему противился, беспощадно наказывал. Насколько позволяет избранная тема, в романе описывается и духовенство — эта опора Худояр-хана,— внутренний мир и поступки духовных лиц, их жизнь в медресе и в семье, рассказывается о том, что у духовенства уже не оставалось человеческих черт, а если и оказывалось немного, то и те поглощались развратом. Это отрицательные герои романа. С другой стороны, изображены выступающие против черных сил неимущие классы и их борьба против ханского строя и духовенства, моральный облик бедных тружеников, их характеры, их семейная жизнь, быт, отношение друг к другу... Наряду с изображением борьбы этих двух классов, в романе показаны ханский гарем с его «сорока девушками», исторические и этнографические черты быта узбекского народа, его забавы и увеселения, состязания в остроумии, показаны судьбы талантливых женщин-поэтесс, а также многое другое».

Поставив перед собой задачу «изобразить борьбу двух классов», Абдулла Кадыри обнаруживает тем самым свое стремление к марксистско-ленинскому толкованию истории. Следовательно, в мировоззрении писателя, по сравнению с тем временем, когда создавались «Минувшие дни», происходит эволюция. Содержание «Скорпиона из алтаря» действительно свидетельствует, что в своих взглядах на жизнь и в методах изображения исторической действительности писатель поднялся на несколько ступеней выше.

Хотя исторический фон в романе «Скорпион из алтаря» менее значителен по масштабу, чем в «Минувших днях», зато исторические события здесь более органически связаны с личной судьбой героев, и идейное направление произведения выражено яснее, отчетливее. Разоблачение феодализма в «Скорпионе из алтаря» носит более последовательный и глубокий характер, чем в «Минувших днях». В романе отчетливо выражена мысль, что причиной господствующего в стране гнета является

не произвол каких-нибудь отдельных «плохих» беков, взбравшихся на вершущку общественной лестницы, а не справедливость, негодность всей системы феодализма. Автор вводит читателя в среду, в центре которой стоит сам «главный феодал» — Худояр, изображает ханский дворец как очаг угнетения, невежества и интриг. Опираясь на богатый жизненный материал, романист в живых художественных образах проводит правильную мысль о роли духовенства как опоры феодального строя.

Идейный рост романиста, его более глубокое понимание исторических процессов мы видим и в выборе главного героя произведения. На этот раз Абдулла Кадыри делает главным героем своей книги человека, вышедшего из народа, сына бедняка, сироту Анвара. Несмотря на то что Анвар вырос приемным ребенком в семье священнослужителя и благодаря способностям достиг секретарской должности во дворце хана, он сохранил благородные человеческие качества. Он не страдает той классовой ограниченностью, которая была присуща Атабеку из «Минувших дней». Благодаря кровной связи и духовной близости с народом ненависть Анвара к насилию, к феодалам, к реакционному духовенству — безгранична. Еще до того, как хищник Худояр-хан решает отнять у Анвара его возлюбленную Рано, герой романа убеждается, что дворец хана — это гнездо насилия. Анвар отказывается от предложенного ему места начальника ханской канцелярии. Его отношение к феодальному строю раскрывается уже в первых главах книги. Он спрашивает возлюбленную: «— Хорошо ли будет, если меня сделают мирзой, Рано?»

— Откуда мне знать, хорошо или плохо?

— Плохо, Рано!

— Почему плохо?

— Грязная работа... Я бы совсем ушел из дворца, если бы нашел другое занятие.

— Грязная работа? Но ведь исполнял же эту должность бек-пачча.

— Я не хочу быть бек-паччой, Рано! Кровь, что безвинно проливается во дворце, постоянные стоны, которые слышатся вокруг, терзают мое сердце и отнимают у меня покой. Если я сделаюсь начальником канцелярии, мне придется плавать в крови невинных людей. Страдания мои станут безысходными. Может быть, меня заста-

вят участвовать в злодеяниях. Ведь для того, чтобы долго продержаться на этой должности, нужно казаться хорошим хану, выполнять его волю и точить по его желанию нож насилия. Но я, кажется, родился не для такого бессовестного дела.

И Анвар, человек со светлой душой, убежденный в своей правоте, став начальником канцелярии, чувствует себя подобно голубю, попавшему в стаю коршунов. Враги — Абдурахман-домулла, Шаходат-муфтий, Мадхий и другие — стремятся свалить Анвара Между ханом и Анваром возникает острый конфликт. Так во дворце как бы сталкиваются два общественных полюса, две непримиримые силы: эксплуататоры — феодалы и эксплуатируемые трудящиеся. На одном полюсе — Худояр и его приспешники, на другом — Анвар и его друзья. Желание хана насильно сделать Рано своей женой оказывается последней каплей, переполнившей чашу терпения Анвара и его сторонников. Две непримиримые силы вступают в жестокую схватку. Правда в этой схватке на стороне Анвара, на стороне народа; хан и его пособники, обличенные в несправедливости, могут противопоставить правде только грубую силу.

«Усевшись на троне и поставив перед собой двух палачей, Худояр вел беседу с домлой Шоговулом Турсуном и двумя-тремя чиновниками.

— О великий наш защитник! — сказал худайчи.— Преступник явился сам, он вверяет себя вашей милости.

— Какой преступник?

— Мирза Анвар!

Хан вздрогнул, покачнулись чиновники.

— Веди!

Худайчи поклонился и попятился. Анвар остановился у порога между палачами и поклонился хану.

У хана, увидевшего соперника спокойным и отважным, задергались веки, зашевелилась борода, и он некоторое время облизывался, словно не находя слов.

— Ты совершил против нас преступление, собачий сын!

Анвар вскинул голову:

— Признаю!

— Хлеб-соль мою забыл!

— Не отрицаю!

— Признаешь и не отрицаешь!.. Великолепно!—

сказал насмешливо хан. — И от смерти не отказываешься?!

— Я пришел сюда не для того, чтобы просить у вас милости, — усмехнулся Анвар. — Я пришел для того, чтобы отдать себя смерти и этим освободить невинного человека.

Присутствовавшие высокие чиновники закусили губы. Худояр саркастически рассмеялся.

— Совершил дело, достойное мусульманина, да?!

— Ну да, — ответил Анвар. — Раз другие теряют честь мусульманина, хватая за чужие грехи невинных людей, я лучше решил умереть честным мусульманином.

Этот ответ заставил Худояра покраснеть. На его лбу показался пот, в глазах запылал огонь злости.

— Разве достойно мусульманина то, что ты сделал, собачий сын?

— А достойно ли мусульманина сверх своих ста жен отнимать еще девушку, на которой хотел жениться бедный человек?

— Уведи его, палач!»

Моральное превосходство и правота в этой борьбе — на стороне Анвара, представляющего народ. Читателя еще раз убеждает в этом предсмертная отповедь Анвара домулле Абдурахману.

«В то время когда Анвар совершал омовение, палачи и есаулы стояли вокруг него с обнаженными кинжалами в руках... После молитвы Анвар поднялся и, пока ему скручивали локти, стал беспокойно оглядываться по сторонам. Вдруг он увидел впереди столпившегося народа муллу Абдурахмана, который отвратительными масляными глазами смотрел прямо на него. Анвар задрожал. Абдурахман ухмыльнулся.

— Вы вправе смеяться, домулла, ибо вы мстите мне, — внезапно сказал Анвар. Все взгляды устремились на Абдурахмана.

— Только вы смеетесь из подлости, а я... я пожинаю плоды своей честности, — продолжал Анвар. — Вы со своей грязной совестью — победитель. Я со своей чистой совестью — побежденный. Что привело меня на виселицу? Не совесть, не честность ли, господин? Что сделало вас зрителем? Не гнусность, не бесчестие ли, господин?»

На верхней ступени лестницы феодализма стоит хан Худояр, на нижней находят себе местечко подлецы, «скорпионы из алтаря», подобные домулле Абдурахману. Они — подлинное бедствие для народа.

Правильно выбрав главного героя, автор сумел более верно, полно и ярко, чем в «Минувших днях», изобразить остроту классовой борьбы в XIX веке, показать прогрессивные идеи того времени и носителей этих идей, передовых сынов трудового народа.

Но и этот роман Абдуллы Кадыри не свободен от просчетов.

В изображении классовой борьбы Кадыри и во втором своем романе допускает некоторую однобокость. Если лагерь угнетателей выписан у него очень подробно, то противостоящий ему мир простого народа изображен недостаточно широко. Хотя действия сочувствующего главному герою ткача Сафара, интеллигента Султанали и спасших Анвара от гибели простых людей Кобила, Рахима и Шарифа убедительно выражают ненависть народа к угнетателям, все же в романе не дается достаточно полной картины народной борьбы против феодализма.

V

«Минувшие дни» и «Скорпион из алтаря» были первыми романами в узбекской литературе и имели большое значение для утверждения в ней принципов реализма. Мы имеем здесь в виду зрелый реализм — литературное течение, которое, по определению М. Горького, есть «правдивое, неприукрашенное изображение людей и условий их жизни». Исторические романы Абдуллы Кадыри отвечают этому основному требованию реализма и потому становятся творческими документами формирования реализма в узбекской литературе.

Правда, в реализме Абдуллы Кадыри есть своя особенность: автор иногда несколько романтически идеализирует положительных героев, и от этого они в известной степени отрываются от окружающей их конкретной исторической обстановки. Но если брать в целом, то в творчестве Абдуллы Кадыри преобладает реалистический метод. Произведения Абдуллы Кадыри богаты точными зарисовками жизни узбекского народа, в них очерчено

множество образов людей, принадлежащих к различным социальным слоям.

Говоря об образах, созданных Абдуллой Кадыри, необходимо особо отметить ту любовь, с которой писатель изображает представителей трудового народа. Он ищет и находит у них, а также у людей, по своим мыслям и чувствам стоящих в известной близости к народу, большие достоинства — такие как справедливость, скромность, честность, внутреннее благородство. То же самое мы видим, когда Абдулла Кадыри изображает женщин, находившихся при феодализме в полном бесправии. Среди узбекских женщин, которых реакционеры и за людей не считали, писатель находит талантливых, умных, честных, свободолюбивых, и с большой теплотой лепит их образы.

Во всем этом проявляется одна из характерных черт подлинного реализма — народность.

VI

Используя большой творческий опыт, накопленный в годы работы над историческими романами, Абдулла Кадыри выступал с художественными произведениями и о жизни узбекского народа в советскую эпоху. Он опубликовал на эту тему несколько очерков и рассказов. Повесть «Абид-Кетмень», созданная в 1934 году, явилась важным шагом писателя по пути дальнейшего идейного и творческого роста. Абдулла Кадыри поставил себе целью изобразить в этой повести контраст между дореволюционным кишлаком и кишлаком периода коллективизации, показать преимущества социалистического пути развития узбекского села. В повести описывается история организации колхоза «Четан» и участие в этой работе дехканина-середняка Абида. После колебаний и преодоления многих трудностей Абид не только вступает в колхоз, но и становится одним из авторитетных его руководителей. В повести есть и другие запоминающиеся образы: Берды-Татар, который до революции батрачил, затем боролся за советскую власть и стал одним из активных участников колхозного строительства, домулла Хотиб и домулла Мухсин — отрицательные типы, обрисованные острым пером сатирика, и некоторые другие.

Однако в целом повесть «Абид-Кетмень» не дает полной и художественно убедительной картины перехода

кишлака на социалистические рельсы. Существенный недостаток повести — схематизм в показе сложных явлений действительности. Серьезные просчеты заметны и в описании главного героя. Автор наделил Абида необычайными достоинствами, но не позаботился о том, чтобы сделать этот образ типичным для крестьянина-середняка того времени.

Несмотря на эти недостатки, последнее произведение, написанное Абдуллой Кадыри — повесть «Абид-Кетмень», — значительно как обращение в узбекской литературе тридцатых годов к колхозной теме и как показатель стремления Абдуллы Кадыри понять и отразить в художественных произведениях важные явления советской действительности.

* * *

Как известно, Узбекистан вступил на путь строительства социалистического общества, лишь частично пройдя капиталистическую стадию общественного развития. Это обстоятельство и определило своеобразие борьбы за социализм в Узбекистане. Одной из основных задач в конкретных местных условиях стала борьба не только против остатков капитализма, но и против множества пережитков феодализма.

Это обстоятельство не могло не повлиять на характер и содержание новой художественной литературы узбекского народа. Ее важнейшей задачей явилось разоблачение деспотического характера феодального строя. Изображение великой роли социалистической революции в освобождении трудящихся узбеков оказалось неразрывно связанным с показом тиранической сущности феодальных порядков, отброшенных безвозвратно в прошлое. Составной частью борьбы против пережитков этого прошлого стало также обличение реакционного духовенства, правдивый рассказ о судьбе униженных и поработенных женщин, разъяснение вредности косных обычаев, еще отравлявших сознание народа. Все это заняло в узбекской советской литературе большое место, а Абдулла Кадыри, освещая эти темы, внес значительный вклад в советскую литературу.

Что же касается отмеченных слабостей в мировоззрении Кадыри, отразившихся в его творчестве, то они объясняются не только субъективными чертами его био-

графии, влиянием среды, в какой он рос, но и особенностями формирования узбекской советской литературы, сложной исторической обстановкой. Трудно было ожидать, чтобы в эпоху перехода от феодализма непосредственно к социализму путь идейного и творческого роста всех без исключения писателей был одинаково ровен, безошибочен, свободен от тех или иных недостатков. Особенно было подвержено ошибкам творчество тех писателей, которые в прошлом стояли в стороне от революционного движения. Однако при оценке творчества таких писателей, как Абдулла Кадыри, советское литературоведение, не скрывая противоречий в их развитии, должно в первую очередь иметь в виду объективную положительную роль, какую сыграли их произведения в строительстве новой жизни.

Со времени опубликования крупных произведений Абдуллы Кадыри прошло много времени. С тех пор узбекская советская литература проделала большой и весьма плодотворный путь роста. Метод социалистического реализма одержал в ней окончательную победу. Узбекская советская литература вышла на всесоюзную и мировую арену. Творчество Абдуллы Кадыри в некоторых отношениях стало для узбекской литературы пройденным этапом. Но тем не менее лучшие произведения талантливого писателя и мастера художественного слова Абдуллы Кадыри до сих пор не потеряли своей ценности и могут быть отнесены к достижениям узбекской советской литературы.

ИЗЗАТ СУЛТАНОВ

ОТ АВТОРА

Мы вступили в новую эру и во всех областях призваны идти новым путем. Писатель чувствует себя обязанным создать новые произведения всех видов, будь то роман, рассказ или стихи; дать народу «Тахира и Зухру», «Фархада и Ширин», «Бахрамгура», «Четырех дerviшей» нашего времени.

Задуманный мною роман «Минувшие дни» лишь первая попытка, лишь мечта подобного рода.

В любом деле поначалу возможны слабости и недостатки. По мере приобретения опыта они исправляются, и дело совершенствуется. Ободренный этой мыслью, я и решил, не смущаясь своей неопытностью, попробовать свои силы.

Говорят, что, начиная что-либо новое, нужно оглянуться на старое, и тогда достигнешь успеха. Потому-то я и хочу рассказать о прошлом, о недавно минувших днях, самых грязных и черных днях нашей истории — о времени последних ханов

*Абдулла Кадыри
(Джулкунбай)*

1926

АТАБЕК, СЫН ЮСУФБЕКА-ХАДЖИ

Был семнадцатый день месяца далув тысяча двести шестьдесят четвертого года хиджры¹. Солнце зашло. Со всех сторон неслись призывы муэдзинов к вечернему намазу.

Известный в городе Маргелане каравансарай, ворота которого обращены на юго-восток, был переполнен приезжими. Здесь останавливались обычно купцы из Ташкента, Самарканда, Бухары.

Вернувшись после дневных забот под кров каравансарая, его обитатели занялись приготовлением ужина. Во всех комнатах царило оживление: громкий разговор, хохот, шум такой, что казалось, вот-вот здание поднимется к небесам.

В глубине двора находилось помещение понаряднее остальных. Если в других комнатах полы были устланы кошмами, то здесь лежали ярко-красные ковры; если там на постелях — бязевые одеяла, то здесь — шелковые или из узорчатого атласа; вместо коптящей плошки тут горела свеча. Да и здешний жилец, не в пример суетливым, резким в движениях обитателям других комнат, держался чрезвычайно спокойно, погруженный в какие-то думы. Это был молодой человек крепкого сложения; на его красивом белом лице выделялись черные глаза и брови; усики чуть пробивались. Звали молодого челове-

¹ *Хиджра* — бегство Магомета из Мекки в Медину (16 июля 622 г.); с этого времени ведется мусульманское летосчисление. Месяц далув соответствует примерно январю. Указанная дата соответствует январю 1847 года.

ка Атабек. он был ташкентцем, сыном именитого Юсуфбека-хаджи.

В общем, и комната и ее обитатель заслуживали внимания.

Во двор караван-сарая вошли двое.

— Здесь остановился Атабек?— спросил один из них кого-то из толпившихся у ворот.

Им показали на знакомое нам помещение, и они направились туда.

Один из пришедших, человек лет двадцати пяти, небольшого роста, круглолицый, с маленькой бородкой и усиками, был сыном маргеланского торговца шелковыми тканями, богача Зия-шахичи. Звали его Рахмат. Его спутник, выглядевший старше лет на десять, приходился ему дядей. Долговязый, с лицом, изъеденным оспой, с взлохмаченной бородой и колючим взглядом, он имел весьма неприглядный вид. Довольно состоятельный, он славился отнюдь не богатством: к его имени Хамид неслучайно прибавляли прозвище «женолюб» или попросту «бабник». Иначе его никто и не называл.

Атабек почтительно встретил гостей.

— Простите, бек,¹ за беспокойство,— сказал Рахмат.— Мы, кажется, пришли не вовремя.

Атабек любезно возразил, приглашая гостей занять почетные места:

— Совсем напротив: не обеспокоили, а порадовали. Я впервые в вашем городе, никого тут не знаю и уже соскучился в одиночестве.

В это время в комнату вошел старик лет шестидесяти; у него было продолговатое лицо, немного выпуклый лоб, желтовато-карие глаза, длинная седая борода. Она то и выдавала его возраст, а так ни в фигуре, ни в лице его не было заметно признаков старости.

Старик и гости тоже обменялись приветствиями, и после того как гости сели у сандала² и была прочитана фатиха³, Атабек обратился к старику.

— Как себя чувствуете, почтеннейший?

— Слава богу, полегчало. Видно, просто угорел.

¹ Бек — правитель, начальник; в данном случае — вежливое обращение «господин».

² Сандал — низкий столик, который ставится над углублением в полу с горячими угольями; служит для согревания ног зимой.

³ Фатиха — краткая благодарственная молитва.

— Можете оказать услугу?

— Приказываете, господин мой!

— Спасибо, отец. Вскипятите-ка нам чаю.

Старик вышел, а Рахмат, снова почтительно справившись о здоровье Атабека, спросил:

— Кто этот человек?

Атабек взглянул на дверь, и лишь когда убедился, что старик не может услышать его, ответил:

— Это Хасанали, наш раб.

Хамид крайне удивился:

— Ваш раб?!

— Да.

История Хасанали была такова: еще в детстве он был куплен за пятнадцать золотых дедом Атабека у торговца живым товаром, который занимался тем, что ездил в Иран, крал там детей и привозил для продажи. Около пятидесяти лет прожил Хасанали в доме отца Атабека и стал настоящим членом этой семьи. Он был глубоко предан своему хозяину Юсуфбеку-хаджи, и особенно сыну его Атабеку, а они отвечали ему полным доверием и уважением. Когда Хасанали исполнилось тридцать лет, купили рабыню и женили его на ней, но все дети от этого брака вскоре умирали. Видимо, потому Хасанали привязался так сильно к Атабеку и относился к нему, как к родному сыну.

В глубине души этот честный слуга надеялся, что после его смерти будет кому вспомнить о нем и прочитывать молитву из корана. «Мне и того довольно»,— думал он. Однажды он высказал свою надежду Атабеку и получил искреннее заверение в том, что это будет исполнено.

Следующий вопрос Рахмата относился прямо к делу:

— Что вы привезли из Ташкента, бек?

— Пустяки: материю, обувь, казаны.

— В Маргелане сейчас большой спрос на эти товары,— вставил Хамид.

Атабек снял щипцами нагар со свечи. Беседа не клеилась, между собеседниками чувствовалась какая-то отчужденность: скажет кто-нибудь слово — и замолчит. Рахмат старался нарушить неловкое молчание, оживить разговор.

— Как вам понравился наш Маргелан, бек?

Атабек замаялся и нерешительно ответил:

— Как вам сказать... Скорее понравился... Ведь по ткацкому делу это первый город в Туркестане.

Ответ прозвучал невнятно, Хамид и Рахмат переглянулись. Атабек почувствовал, что совершил неловкость, и поторопился обратить все в шутку.

— Сначала мне Маргелан не понравился, потому что я чувствовал себя здесь одиноким, как на чужбине. Но теперь я вполне доволен: оказывается, и здесь есть друзья, догадавшиеся навестить меня.

— Простите,— сказал Рахмат,— я лишь сегодня узнал от отца, что вы в Маргелане. Иначе не преминул бы явиться раньше.

— Да что вы?

— Даю слово! И скорее нам следовало бы обидеться на вас: когда отец бывает в Ташкенте, он заезжает прямо к вам. Как же вы могли остановиться в караван-сарае?

— Да, вы правы. Но мне как-то неловко было разыскивать ваш дом, расспрашивать жителей... К тому же и с караванщиками я договорился встретиться в этом караван-сарае.

— Ну, какие пустяки!

Тем временем Хасанали разостлал скатерть, поставил угощение, принес чай. Все чинно принялись за еду.

— Сколько вам лет, бек?— спросил Хамид, обмакивая кусок хлеба в патоку.

Атабек не успел и рта раскрыть, как за него ответил разливавший чай Хасанали.

— Если богу будет угодно, то в нынешнем году обезьяны бек переступит двадцать четвертый год своей жизни.

— Разве мне уже двадцать четвертый год, отец? По правде сказать, я и сам не знал.

— Да, бек! Точно — двадцать четвертый.

— Вы женаты?— снова спросил Хамид.

— Нет.

Хасанали счел недостаточным это короткое «нет» и начал пояснять:

— Искали уже подходящую невесту, да, видно, не суждено было найти. К тому же сам бек не спешит жениться. Но сейчас хозяин твердо решил женить сына, как только вернемся из этой поездки.

— Да, женитьба — самое деликатное дело на свете,— сказал Рахмат, обращаясь к Атабеку.— Хорошо,

если жена окажется подходящей по характеру, а в противном случае — одна беда.

— Правда ваша, — согласился Атабек, — однако надо добавить, что и муж должен подходить к жене.

— Ну, в этом особой надобности нет, — возразил Хамид. — Для жены достаточно и того, что у нее есть муж. Племянник правильно сказал: была бы жена подходящая! Чего еще там!

Рахмат улыбаясь посмотрел на Атабека; тот ответил ему улыбкой и искоса бросил насмешливый взгляд на Хамида.

— Все дело в том, что женитьба у нас зависит от воли родителей, — сказал Рахмат. — А для них неважно, нравится ли невеста сыну; главное — чтобы им нравилась. Ни юношу, ни девушку ни о чем не спрашивают, они даже слова сказать не имеют права! Нельзя признать разумным такой обычай. Вот хотя бы я... Женился на девушке, выбранной родителями. Ну и вот, хоть моя жена им нравится, мне она не подходит. Возможно, и я ей не подхожу... Это вы правильно сказали, бек!

Атабек внимательно и сочувственно выслушал Рахмата, потом взглянул на Хамида: «Что мол на это скажете?»

— Ну, племянник, раз ты женился ради отца с матерью, так и обижаться на них незачем. А если жена тебе не по душе, найди другую и снова женись. Другая не подойдет — возьми третью. Не дело мужчины — горевать и печалиться из-за какой-то там жены.

Рахмат снова с улыбкой посмотрел на Атабека.

— Не знаю, разумно ли это — брать много жен и мучиться потом с ними. Не лучше ли жить в любви и согласии с одной женой? Вот у вас, например, две жены, и нет вам ни минуты покоя, каждый день в доме ссоры.

— Для таких молодцов, как ты, племянник, конечно, и одной жены много, — смеясь сказал Хамид. — Вот еще, нашел мученье — много жен! Да если с твоей плети каждый день будет стекать их кровь, то будь их хоть сотня — живи в свое удовольствие. У меня с моими двумя хватает скандалов, и все же я подумываю о третьей жене.

— Ну, в этом деле, дядя, вы мастак!

Хасанали ушел готовить плов. Атабек разливал чай. И гости и хозяин приумолкли, каждый думал о чем-то своем. Так прошло некоторое время. Молчание нарушил Рахмат:

— Вы не слышали, Мирзакарим-ака выдал свою дочь замуж?— спросил он у дяди.

Лицо Хамида приняло недовольное выражение, он нехотя ответил:

— У меня нет сведений. Но кажется, не выдал.

Рахмат обратился к Атабеку, вовлекая его в разговор:

— Есть одна девушка у нас в Маргелане... Красавица! Во всей округе, думается, нет равной ей по красоте.

Хамид хмуро, исподлобья, посмотрел на племянника, а тот, не обращая на это внимания, продолжал:

— Это дочь купца Мирзакарим-бая. Возможно, вы его знаете, он, кажется, несколько лет вел торговые дела в Ташкенте.

— Нет,— ответил Атабек,— не знаю его.

Хамид становился все мрачнее и мрачнее, он проявлял заметное беспокойство, а Рахмат говорил как ни в чем не бывало:

— Его дом стоит на углу обувного ряда. Очень богатый человек! В Ташкенте его знали многие именитые люди. Наверное, и с отцом взявшим он был знаком.

— Возможно,— сказал Атабек и почему-то вдруг вздрогнул. Да и выражение его лица стало иным — он был явно взволнован. Рахмат ничего не заметил, а Хамид украдкой все время наблюдал за ним.

— Когда же вы будете нашим гостем, бек-ака?— спросил Рахмат.

Атабек вышел из задумчивости.

— В любое удобное для вас время,— ответил он.

— Нет, вы сами назначьте нам день, мы за тем и пришли сюда.

— Нужно ли было так утруждать себя?

— Какая здесь трудность? Мы хотим переселить вас к нам из этого караван-сарая. А пока скажите хоть, когда будете нашим гостем. У отца большое желание поговорить с вами, узнать, что делается в Ташкенте.

— Я не смогу переехать к вам из караван-сарая. А представиться вашему отцу готов когда угодно.

— О, спасибо, спасибо! Не назначили бы вы все же определенный день?

— По вечерам я, как вам известно, свободен, но если отцу вашему удобно другое время, я всегда приму его приглашение с радостью.

— Пусть удача сопутствует вам во всем,— сказал Рахмат.— Но еще я хочу спросить вас, можно ли пригласить на эту встречу каких-нибудь близких нам друзей, например, Мирзакарима-кутидора?¹

Атабек снова смутился и, стараясь подавить смущение, поспешно ответил:

— Мне все равно.

Доевщи плов, гости попрощались и ушли.

2

ДОСТОЙНЫЯ ХАНСКОЙ ДОЧЕРИ

В доме Зия-шахичи, куда пришел Атабек, он увидел двух незнакомых ему людей и, здороваясь, внимательно посмотрел на них, а Зия-шахичи сказал:

— Вы не узнаете этих почтенных господ? Вот это один из близких друзей вашего отца, Мирзакарим-кутидор, а это Акрам-хаджи — купец из Андижана.

Мирзакарим, черноглазый, красивый, хорошо одетый человек, выглядел не старше пятидесяти лет. Акраму-хаджи можно было дать больше.

Атабек снова внимательно посмотрел на Мирзакарима.

— Очень рад познакомиться с близкими друзьями моего отца,— почтительно сказал он и, обращаясь ко всем присутствующим, добавил:— Отец просил передать привет всем его друзьям.

— Передайте ему благодарность и пожелание доброго здоровья!

Среди собравшихся на угощение, устроенное в честь Атабека, находились и Рахмат, и Хамид, и Хасанали.

Атабек и Мирзакарим-кутидор все время приглядывались друг к другу; казалось, что Мирзакарим хочет о чем-то спросить Атабека, но Акрам-хаджи и Зия-шахичи завели какой-то длинный разговор.

¹ *Кутидор* — приставка к имени, обозначающая в данном случае богатый купец. Эта приставка часто заменяет и само имя.

Наконец Мирзакарим улучил минутку, и когда его глаза снова поймали взгляд Атабека, он, улыбнувшись, спросил:

— А вы меня не помните, бек?

Атабек учтиво и внимательно посмотрел на собеседника:

— Нет, уважаемый!

— Сколько вам лет?

— Двадцать четвертый идет...

Мирзакарим что-то подсчитал про себя и сказал:

— Действительно, вы не можете меня помнить. Когда я вел торговые дела в Ташкенте, вам было лет пять-шесть. Мне все кажется, что это было совсем недавно, что только вчера я был в вашем доме... А на самом деле прошло почти двадцать лет и вы уже взрослый! Недаром говорят, что время летит, как стрела, пущенная с тетивы.

— Так вы бывали в нашем доме?

— И не раз! В те времена еще ваш дедушка был жив.

Сидевший в стороне, но прислушивавшийся к разговору Хасанали заметил:

— Этот почтенный господин посещал ваш дом, когда вы, бек, были еще совсем ребенком. Он, случалось, брал вас с собой в свою лавку.

Атабек задумчиво улыбнулся:

— Жаль, но я никак не могу припомнить.

Мирзакарим хотел еще что-то сказать, но в разговор вмешался Акрам-хаджи.

— Чем теперь занимается ваш уважаемый отец?

— Он — советник ташкентского правителя.

— Там по-прежнему управляет Азизбек?

— Да.

— Какой это бек! Скажите лучше Азиз-бача¹, — воскликнул вдруг Хамид и, усмехнувшись, посмотрел на Акрам-хаджи. — Еще недавно на пирах Мусульманкула этот самый Азиз-бача развлекал гостей.

Говоря это, Хамид так гордо взглянул на всех, как будто сообщил что-то чрезвычайно важное...

Намек Хамида показался всем неуместным, бестактным; собеседники переглянулись между собой. Воцари-

¹ Бача — мальчик-танцор.

лось неловкое молчание. Через некоторое время опять заговорил Акрам-хаджи:

— Правду ли говорят, что ваш правитель очень суров?

— Да, это так!— ответил Атабек.— Народ стонет от его жестокости.

Ответ Атабека вызвал удивление: ведь Азизбек был покровителем его отца.

До Ферганы давно уже дошла молва о том, как тиранит Азизбек население Ташкента. Он снискал себе славу самого жестокого деспота в Туркестанском ханстве. Акрам-хаджи нарочно задал этот вопрос Атабеку: он хотел испытать его. Интерес присутствующих к молодому гостю еще больше возрос.

— Ваш отец — советник Азизбека. Почему бы ему не наставить его на правильный путь?

Атабек улыбнулся.

— Простите, господин мой, вы, видно, не совсем ясно представляете себе положение моего отца... Наши беки, принимая важное решение, не слушают своих советников. Хотя Азизбек часто беседует с моим отцом и даже совещается с ним, но только по мелким незначительным поводам. Расскажу один случай, чтобы вам стало понятно. Недавно на какой-то пирушке один человек начал хвалить Азизбека, собеседник заспорил с ним: «Что ты его превозносишь! Ведь он просто бача». Тут же оказался доносчик, который поспешил довести эти слова до ушей Азизбека. На следующий день Азизбек вызвал к себе спорщиков. Тому, кто хвалил его, он дал высокую должность, другого же приказал казнить. Мой отец присутствовал при этом и попросил смягчить столь жестокое наказание. Тогда Азизбек крикнул палачу: «Веди быстрее!» Отец снова начал просить, но Азизбек сказал еще решительнее: «Ах, так! Брось этого! И веди самого хаджи!» Вот как он считается с отцом!

— Почему же жители Ташкента не обратятся с жалобой к хану?

— О какой по счету жалобе говорите вы? Уж не меньше десяти жалоб посылали на обидчика. Но что поделаешь, когда ближайший советник хана во много раз превосходит по жестокости Азизбека? К тому же Азизбек в последнее время плетет на ярлыки и приказы из Коканда... Да, в Ташкенте погрело сыгы жестокостью

и произволом Азизбека. А от кого ждать помощи — неизвестно.

Акраму-хаджи теперь было совсем ясно, что представляет собой отец Атабека Юсуфбек-хаджи, и он перевел разговор на другое.

Атабек сидел задумчивый за обильным столом. Как ни угощали его, как ни уговаривали отведать вкусных яств, он почти ничего не ел. Какие мысли владели им? Это трудно было узнать, но поведение его могло показаться странным. Он часто обращал свой взор на сидящего против него кутидора, а когда встречался с ним глазами, тут же отводил взгляд, притворяясь, что поглощен едой. Это подметил только Хамид, украдкой наблюдавший за ним.

— В каких же городах побывали вы, бек, по торговым делам?— спросил кутидор.

— Почти все наши города я объехал. Был также в городе урусов Шамае¹.

— Вот как! Вы и в Шамае были?— удивленно спросил Зия-шахичи.

— В прошлом году,— ответил Атабек.— Но поездка моя оказалась неудачной, много трудностей пришлось претерпеть.

— О, вы настоящий купец! — сказал кутидор. — Мы вот много старше вас, а и в своих больших городах не во всех побывали, вы же до самого Шамае добрались!

— Кто шагает — подобен реке, кто сиднем сидит — подобен циновке,— заметил Акрам-хаджи.

Тогда мало кто из купцов Туркестана вел дела в русских городах, поэтому все смотрели на Атабека с почтительным удивлением. Кутидор и Зия-шахичи слышали о русских разные небылицы, и им хотелось узнать правду от очевидца.

— До поездки в Шамай я думал, что всюду власть такая, как у нас. Но в Шамае перевернулись все мои представления, я все теперь вижу по-иному. Надо признать, что урусы умеют управлять; рядом с ними наши порядки похожи на игру. Ума не приложу, как быть, если и дальше будет так идти! Увидев, какие порядки в Шамае, я хотел на крыльях лететь домой, явиться к

¹ *Шамай* — Семипалатинск. Город, в котором до революции шел торговый обмен между русскими и туркестанскими купцами.

хану, рассказать о законах урусов. Я мечтал, чтобы хан выслушал меня, написал указ руководствоваться их примером... Я хотел, чтобы наш народ за один месяц догнал урусов! Но, увы, вернулся я на родину и увидел, что это несбыточная мечта. Никто даже и слушать меня не хотел, а если находился кто-нибудь, то тут же охлаждал мои порывы: «И ты думаешь, что хан станет слушать тебя, а беки будут исполнять подобные приказы?!» Сначала я не хотел верить этим словам, но вскоре понял, что люди говорят правду. Разве на кладбище услышит кто-нибудь призыв «спасите!»?

Все с интересом слушали Атабека. Никто еще не высказывал подобных мыслей. Даже те из присутствующих, кому и во сне не снилось заботиться о народе, не могли остаться безучастными к волнующему рассказу Атабека.

— В нашем положении виноваты мы сами,— сказал Зия-шахичи.— Характер у нас такой.

— Правда,— подхватил Акрам-хаджи.

Хамид, не желая отставать от других, тоже заметил:

— На земле бог дал богатство в руки неверных.

— А по-моему, урусы преуспевают из-за их сплоченности,— возразил Атабек.— У нас вечная междоусобица, вот потому мы и отстаем с каждым днем все больше и больше. Почтенный Зия-шахичи прав — мало у нас хороших людей, которые понимали бы, какая грозит опасность нашему народу. Повсюду проникают смутьяны и тянут народ в пучину бедствий. К чему эти распри между карачапанами и кипчаками?!¹ Какую пользу приносят они нашим братьям кипчакам? Это нужно лишь смутьянам, которые сеют семена вражды между народами! Можно ли считать, например, Мусульманкула беспристрастным человеком? Что принес он народу, кроме кровопролития? И все это из корысти. Ему нужно было избавиться от своего зятя Шерали-хана², вот он и поднял смуту, придравшись к пустякам, и убил его. Так же невинно пострадал Мурад-хан, а казнив ташкентского правителя, смиренного как овца Салимсакеба, поста-

¹ Карачапанами именовались в те времена узбеки. Кипчаки — одно из племен, в руках которого в описываемый период была сосредоточена власть.

² Шерали-хан был женат на сестре Мусульманкула, у них родился сын Худояр-хан, и Мусульманкул, чтобы захватить власть в свои руки, отдал дочь замуж за Худояр-хана. (П р и м. а в т о р а.)

вил на его место этого тирана Азизбека! Затем он провозгласил ханом несмышленного младенца Худояра, а себя объявил мингбаши¹ и сел на спину народу. Добро бы еще, если б Мусульманкул преследовал при этом благородную цель устранить деспотов, принести благо народу. Но ведь именно Мусульманкул посадил в Ташкенте Азизбека, изверга, какого не знала история. Мусульманкул не человек, иначе как бы он породил такого зверя! Единственный путь к спасению — уничтожить деспотов, захвативших власть з своих личных интересах!

Впервые слышали собравшиеся подобные речи, и они помогли им найти кончик нити в запутанном клубке — разобраться в истинных причинах вечных раздоров, дать им правильную оценку. Слова Атабека вызвали всеобщее восхищение. Когда он вышел из михманханы², чтобы совершить омовение перед вечерней молитвой, Зия-шахичи обменялся понимающими взглядами с друзьями и сказал ему вслед:

— Он настоящий сын своего отца!

— Да продлится его жизнь на многие годы! — поддержал Акрам-хаджи. — Он самый разумный среди нашей молодежи. Если бы мне было дабо право провозглашать ханов, я сделал бы его ханом! Где он учился?

Хасанали, сердце которого переполняла радость от похвал его любимцу, ответил:

— Он лучше всех учился в ташкентской медресе «Беклар беги». Но три года назад хаджи взял его оттуда и приставил к торговому делу.

— Да, аллах щедро наградил этого молодого человека, — сказал кутидор.

Лишь Хамид не присоединился к похвалам Атабеку, он казался чем-то раздосадованным и особенно заволновался, когда кутидор спросил у Хасанали, женат ли Атабек.

Когда Хасанали сказал, что бек до сих пор не нашел себе жены по сердцу, Хамид ядовито заметил:

— Может быть, ваш бек желает жениться на ханской дочери? Он, видно, из тех, которые, женившись, мучают своих жен.

¹ *Мингбаши* — дословно тысяцкий, в романе — высокая должность при ханском дворе, соответствующая премьер-министру.

² *Михманхана* — гостиная на мужской половине дома.

Хасанали не смолчал в ответ на эту колкость.

— Не думаю, что цель его — жениться на ханской дочери; хотя он, по моему мнению, вполне достоин этого. И вот еще что скажу: человек, который даже мне, рабу, остерегается сказать резкое слово, не нанесет обиды свободной женщине, да еще собственной жене. Вы ошибаетесь, молодой человек, Атабек никогда не может уподобиться тем, которые берут по нескольку жен да еще истязают их...

Намек Хасанали был весьма прозрачен. Ведь недавно он от самого Хамида слышал, что тот бьет при случае своих жен камчой¹. Его слова заставили Хамида опустить глаза. Зия-шахичи взглянул на него с улыбкой: «Что, получил?» А потом обратился к Хасанали:

— Простите, отец! Наш Хамидбай от рождения привык говорить грубости!

Кутидор тоже привегливо заговорил с Хасанали:

— Вы правы, отец! Атабек действительно достоин ханской дочери.

Хамиду оставалось только молчать. Он с недоброй усмешкой поглядывал на Хасанали и после плова сразу ушел. Затем стали расходиться и остальные. Атабеку и кутидору было по пути, они вышли вместе. Подходя к своему дому, кутидор начал прощаться:

— Послезавтра непременно ждем вас в гости. Придете?

— Обязательно приду.

— К дому ведет вот эта калитка на углу... А может, вы сегодня зайдете, переночуете у нас, а?

-- Нет уж... Благодарю вас... Счастливо оставаться, желаю вам здоровья!

Когда Атабек и кутидор распрощались и разошлись в разные стороны, из темного закоулка вынырнул закутанный в халат человек и посмотрел им вслед.

3

АТАБЕК ВЛЮБЛЕН

Полночь. В караван-сарая тишина. Хасанали отомкнул длинный винтовой замок на двери, вошел в комнату и в ожидании прихода Атабека развернул его постель. Но

¹ Камча — кожаная плетка.

Атабек все не шел. Он в это время стоял, прислонившись к столбу, у дома, словно и не догадывался, что дверь уже открыта и постель готова.

— Я уже постелил вам, бек!— окликнул его Хасанали.

Тогда лишь Атабек вошел и присел у постели. Хасанали ждал, что бек разденется, ляжет и он сможет унести свечу к себе. Но Атабек застыл в задумчивости.

«Вот уже несколько дней, как в нем произошла какая-то перемена»,— думал Хасанали. И действительно, Атабек находился в необычном состоянии: был рассеян, равнодушен к делам.

Долго смотрел Хасанали на него, наконец, ему надоело ждать.

— Я вам не нужен?

Атабек, казалось, слушал и не понимал. Он посмотрел на Хасанали, потом отвернулся и снова уставился в одну точку.

Беспокойство старого слуги росло. Чем объяснить рассеянность бека? Наконец, словно очнувшись от сна, Атабек вздрогнул и взглянул на Хасанали.

— Почему вы не ложитесь спать?— спросил он.

— Я вам не нужен?

— Конечно нет. И свечу заберите.

Хасанали спал в соседнем помещении. Оно было заполнено товаром — обувью, тканями; Хасанали было поручено их охранять.

— Тавба!¹— воскликнул старик, оставшись один и стеля себе постель.

Его беспокойство за Атабека росло всю неделю и, наконец, дошло до высшей точки. Голова распухла от разных предположений и догадок. Старик сидел на постели, пощипывая свою седую бороду, и размышлял: «Может быть, он допустил ошибку в торговых делах, а может быть, заболел? Ведь когда мы были у Зия-шахичи, он ничего не ел... Ай-ай, заболеть на чужой стороне!»

Впрочем, Хасанали отогнал эти мысли: Атабек от него не таится, если бы заболел, то сказал бы.

Так ничего и не надумавши, Хасанали встал и потушил свечу, стоявшую в нише. В полной темноте он ощупью добрался до двери, осторожно, стараясь, не

¹ Тавба — восклицание, выражающее удивление.

скрипеть, отворил ее и выглянул во двор. Убедившись, что кругом пусто, он, тихо ступая в мягких сапогах, подошел к дверям Атабека и снова опасно оглянулся.

Стояла крошечная тьма. Тишину ночи нарушало лишь пение петухов где-то вдаль да похрустывание клевера на зубах у лошадей. Хасанали приложил ухо к двери и прислушался. В комнате было тихо. Так прошло три-четыре минуты. По-прежнему ни звука. Немного постояв еще, Хасанали решил было уйти, как вдруг услышал тяжелый вздох. Он насторожился, в глазах зажглись беспокойные огоньки.

«Бек заболел», — прошептал он, решительно подошел к самым дверям, хотел уже их открыть, но отдернул руку: «А может, он и не болен вовсе». Так постояв еще минутку, он вернулся к себе, разделся и лег в постель, но тревога за Атабека не давала ему сомкнуть глаз. В голову лезли разные мысли. В ушах так и звучали слова Юсуфбека-хаджи: «Ты испытал в жизни многое, а сын мой совсем еще молод, и я доверяю его тебе». А как просила со слезами на глазах мать Атабека: «Тебя поручаю богу, а сына своего — тебе!»

Эти воспоминания отгоняли сон. Накинув чапан прямо на рубаху, Хасанали снова поднялся с постели, вышел из комнаты и присел на полу у двери Атабека.

Ночь была морозная, со всех сторон налетал холодный ветер, пронизывая Хасанали до костей, но он ничего не чувствовал — так был занят мыслями о том, что делается с Атабеком. Услышав тихое посапывание, старик немного успокоился и облегченно вздохнул. От дверей все же не отошел, продолжая мерзнуть. Когда же через несколько минут он совсем успокоился и собрался уходить, из комнаты донеслось сонное бормотание:

«Черные глаза... изогнутые брови...»

— А-а! — чуть не вскрикнул Хасанали и приложил ухо к щели в дверях. Теперь он весь превратился в слух, забыв о себе, о холоде, пронизывающем тело. Вскоре из комнаты донесли слова: «...лицо как луна, улыбка во взгляде, убежала... пугливая... О!»

Все сразу же стало ясно: бек влюблен! Делать здесь больше было нечего, старик вернулся к себе. Закутавшись в чапан, присел на одеяло и начал обдумывать: «В кого же это он мог влюбиться так сильно, что бредит

во сне? Где повстречал девушку в незнакомом городе? А может быть, он и не влюблен вовсе?»— начал опять колебаться старый слуга. Но тут он вспомнил слова, сказанные Атабеком со сна: «улыбка во взгляде, испугалась, убежала»,— и уже ничем иным как влюбленностью не мог себе их объяснить.

Приближался рассвет. Хасанали очень устал от всех своих сомнений и колебаний. Наконец он решил, что завтра попытается выведать все у самого Атабека, и успокоившись на этом, заснул.

4

«КЛИМАТ МАРГЕЛАНА НЕ ПО МНЕ»

За утренним чаем Атабек был грустен. Хасанали украдкой поглядывал на него. Молча пили они чай, и лишь когда Атабек отставил свою пиалу, старик заметил:

— Вот уже несколько дней вы какой-то смутный.

Атабек кивнул утвердительно и, помолчав немного, сказал:

— Неужто и вы заметили? Не знаю, что со мной... Видно, климат Маргелана не по мне!

— Верно,— подхватил Хасанали,— климат Маргелана и впрямь непостоянен, и мне уже два дня нездоровится. Надо поскорее уезжать, не то я еще свалюсь...

Говоря это, Хасанали впился взглядом в Атабека: ведь если его предположения правильны, то вряд ли бек захочет уезжать, и это можно будет прочесть на его лице.

Атабек медлил с ответом, он словно стоял перед неразрешимой задачей:

— Да... конечно, поедем,— заговорил он,— но вот никак не договорюсь о ценах на товары. Уж очень дешево дают. Возможно, придется задержаться на несколько дней... не знаю...

Хасанали едва не рассмеялся, услышав ответ бека: кажется, дело ясное, можно больше не выпытывать. Собеседники молчали. Сердце преданного слуги подсказало ему, что надо поговорить с беком откровеннее...

— Сын мой, Атабек!— начал он.

— Я слушаю вас.

— Скажите, кто я вам?

Атабек бросил на старика недоуменный взгляд и улыбнулся:

— Вы? Хотя вы и не родной мне отец, но настолько меня любите, так преданы мне, что я считаю вас своим отцом духовным.

— Так, хорошо, сын мой! Я ждал такого ответа. Но теперь спрощу еще: преданный раб или, как вы сами сказали, духовный отец, может ли пожелать своему сыну зла? Ответьте.

Атабек удивился еще более:

— Я не понимаю вас, отец, и все же отвечаю: вы всегда были отцом не только для меня, но и для всей нашей семьи, и никогда не желали нам худого.

Хасанали грустно сказал:

— Раньше было так, а теперь... В частности, вы...

— Я? Что я? Говорите прямо!

— Вашему доверию приходит, кажется, конец. И я ломаю себе голову, в чем провинился я перед вами?

— Странно что-то вы говорите,— пожимая плечами, сказал Атабек.— Вы ничего не могли сделать такого, чтобы обмануть мое доверие к вам! Бросьте сомнения. Я, как всегда, нуждаюсь в вашем совете и совершенно уверен, что мое добро хранится у вас так же надежно, как ребенок во чреве матери. Успокойтесь же и вы, отец.

— Как знать! Возможно, язык ваш говорит одно, а на душе у вас совсем иное, сын мой!

Атабек начал раздражаться:

— Вы ошибаетесь, отец!

— Нет, я уверен в этом.

— Тогда докажите, что мои слова расходятся с моими мыслями.

Хасанали нахмурился и сказал с обидой в голосе:

— У вас есть тайна, и вы от меня ее скрываете.

— У меня есть тайна?!

— Есть, сын мой, есть. Если вы сказали правду, что я для вас родной человек, откройтесь мне.

С лица Атабека исчезло недовольное выражение, он почти улыбался.

— Хорошо, значит, по-вашему, у меня есть тайна, которую я скрываю от вас?

— Да, есть!

— Прощу вас, расскажите о вашем открытии.

Хасанали отпил глоток чаю из пиалы и заговорил:

— С тех пор как мы в Маргелане, вы сами на себя

не похожи. Вы объясняете это тем, что климат Маргелана не по вас, а я подметил нечто другое...

Атабек отвернулся, избегая пристального взгляда старика. Да этот колдун все тайны может по лицу прочитать! Стараясь казаться спокойным, Атабек сказал, почесывая лоб:

— Продолжайте!

Хасанали, окончательно уверившись в своем предположении, твердо заявил:

— ...и вы скрываете от меня это. Конечно, вы вправе не делиться ни с кем. Однако чего можно этим добиться!

Атабек густо покраснел и опустил глаза. Хасанали смотрел на него сострадательно и ласкова, по-отечески. Как бы стараясь снять тяжелый груз с души бека, он сказал:

— Ничего в этом нет постыдного, сын мой! Любовь— это величайшее счастье, и немногие удостоиваются его. Но иногда она опасна. Поэтому не следует слишком предаваться ей, нужно проявить силу воли, не думать, забыть...

Услышав эти слова, Атабек поднял голову, выразительно посмотрел на Хасанали, глубоко вздохнул и снова опустил глаза, как бы говоря: «Забывать невозможно».

Воцарилось молчание. Хасанали, задумавшись, по привычке жевал свою бороду. Он решил больше ни о чем не спрашивать: Атабек и без того был достаточно смущен.

5

«ВОТ БЫ МНЕ ТАКОГО ЗЯТЯ!»

Обувной базар. На углу его расположен дом с пристройками. Читатель наш уже знает хозяина этого дома.

Пройдя в неприглядные, давно расшатанные, скрипящие и стонущие ворота, вы через три-четыре шага очутитесь в коридоре, столь темном, что он напомнит вам одну из бухарских темниц, и невольно устремитесь к озаренному светом концу коридора. Когда, спотыкаясь и падая, вы минуете, наконец, коридор, перед вами открывается большой арык, протекающий через уютный дворик, и вы сразу облегченно вздохнете.

Первое, что бросится в глаза во дворе,— это дом с

террасой, вытянувшийся с востока на запад. Если он и не представляет собой произведения искусства, то, во всяком случае, это один из лучших домов в городе.

На площадке перед домом, да и в помещении за ней, в этот час дня не видно никого, из чего можно заключить, что это наружный двор и михманхана. С севера и запада площадка окружена маленькими клетушками с висящими на дверях замками. Нетрудно догадаться, что клетушки заполнены добром и что владелец дома — богатым человеком. На юг, закрытые густыми ветвями вишневых деревьев, выходят задние стены лавок.

Но пройдем мимо михманханы на женскую половину двора. Коридор, ведущий туда, закрытый и с боков и сверху, так же темен, как и первый. Если, пройдя его, свернуть направо, то попадешь в конюшню, налево же расположен большой двор, со всех сторон окруженный службами, а прямо перед выходом вы увидите два больших дома, которые соединены между собой айваном¹, украшенным росписью и резьбой.

На айване, подле сандала, сунув ноги под атласные одеяла, прислонившись к стене, сидит человек в соболей шубе, крытой черным сукном. Нам незачем представлять его, так как читатель уже знаком с ним: это Мирзакарим-кутидор. Тут же сидят две женщины: статная, с открытым добрым лицом Офтоб-айм, жена кутидора, и старуха лет семидесяти — Айша-буви, ее мать. На Офтоб-айм атласное платье, короткая ватная душегрейка из неяркого атласа, голова ее покрыта кисеей. Почти-точно смотрит она на мужа.

Неподалеку у очага сидит на корточках грубоватая на вид женщина лет сорока пяти и кипит чай. Это служанка по имени Тойбека.

На этом сейчас закончим знакомство с этими членами семьи кутидора и через дверку с левой стороны террасы пройдем в комнату. Здесь на высоком ложе, в объятиях пуховых подушек и атласных одеял лежит молодая девушка. В беспорядке разметались на подушке ее черные косы, глаза из-под длинных пушистых ресниц уставились в одну точку, словно всматриваются во что-то: такие же черные, как и волосы, очень тонкие изо-

¹ Айван — терраса, галерея.

гнутые брови сошлись на переносице; это придает ее белому, прекрасному, как полная луна, лицу, несколько испуганное выражение. Вдруг щеки девушки зажглись румянцем, словно ее кто-то застал врасплох. Белой рукой откинула она край одеяла, потрогала черную родинку, искусно посаженную самой природой над ее верхней губой, оторвала голову от подушки и села. Под атласным платьем обрисовалась небольшая изящная грудь.

Девушка досадливо мотнула головой, и шелковистые кудри упали ей на лицо. Так, застыв как статуя, сидела она несколько мгновений.

Эта девушка с ангельскими чертами лица — дочь кутидора, Кумюш.

Несколько дней назад Кумюш стала жаловаться на дурное самочувствие, головные боли. «Не надо тревожить ее по утрам,— заботливо подумала мать,— пусть спит спокойно». Сегодня она не стала будить Кумюш даже к утренней молитве.

Между тем Кумюш умылась теплой водой, приготовленной для нее Тойбекой, привела себя в порядок, вышла на террасу, поздоровалась со всеми и села рядом с отцом.

Кутидор внимательно посмотрел на нее.

— Как себя чувствуешь, доченька?

— Голова еще болит, отец.

Он потрогал ее лоб.

— Эй-ха, Кумюш, да у тебя все еще жар! Будь осторожна, постели помягче да закутайся потеплей, пропотеешь — легче станет. Тойбека, забели чай Кумюш!

Офтоб-айм подхватила:

— Жар у нее, лицо пылает и, кажется, даже припухло.

В разговор вмешалась бабушка. Слабым старческим голосом она сказала:

— Вы не представляете, как она ночью напугала меня. Наговорила такого во сне...

Кумюш бросила быстрый взгляд на старуху.

— Да, это все из-за жара. Сегодня я поговорю с каким-нибудь врачом... А пока, дочь моя, выпей чаю!— посоветовал кутидор и снова внимательно посмотрел на Кумюш.

Закончив чаепитие, кутидор прочел молитву и встал.

— Имей в виду, Кумюш,— сказал он, обращаясь при этом и к Офтоб-айм,— я пригласил на сегодня гостя.

Пусть служанка уберет в михманхане. Дай ей вон те новые одеяла — покрыть сандал. Достаньте большой ковер. Есть у нас в доме сласти?

— Есть!..

— Хорошо. Попозже я пришлю мяса, сделайте пирожки.

«Ну, если кутидор заказывает пирожки с мясом, значит гость придет особенный»,— подумала Офтоб-аим.

— А что за гость?— спросила она.

— Ты его не знаешь. Один молодой ташкентец. И еще трое-четверо здешних знакомых. Значит, ты слышала, что я сказал?

— Слышала, слышала.

Кутидор отправился в лавку. Офтоб-аим приказала Тойбеке прибрать михманхану, а сама начала готовить тесто.

Кумюш молча сидела на террасе. Мучила ли ее головная боль, думала ли она о чем-то своем — но была она притихшая, закрытая, как цветок «ночная красавица» в дневные часы. Она едва слышала, что рассказывает ей бабушка, и лишь иногда вскользь улыбалась, когда старуха, стараясь развеселить девушку, говорила что-нибудь уж очень смешное.

Так прошло около часа. Наконец Кумюш встала, всунула изящные маленькие ножки в легкие кожаные туфли с низким вышитым задником, недавно подаренные ей отцом, и отправилась к матери, занятой стряпней.

Девушке недавно минуло семнадцать лет. Ростом она была в мать, но немного полнее ее. Постояв рядом с матерью, поглядев, как та работает, Кумюш прошла на мужскую половину, заглянула с террасы в михманхану, где Тойбека стелила ковер, и постояла там, прислонившись к столбу. Ей стало немного лучше, оживились прекрасные черные глаза, прояснилось румяное лицо. Все еще хмуря свои изогнутые брови, она спустилась с террасы во двор и направилась к арыку. Вода в нем шла из-под дома, где помещалась лавка, бежала три-четыре сажени по открытому месту и вновь скрывалась под мостиком.

Кумюш перепрыгнула на другую сторону арыка и присела на корточки. Взгляд ее нежных глаз был прикован к воде; тихо текла прозрачная вода, но в том месте, где сидела Кумюш, она, как бы приветствуя девушку,

делала небольшой круг и затем, словно замороженная чарами волшебницы, склонившейся над нею, делала круг побольше и уходила под мостик. Глядя на чудесное движение воды, Кумюш зачерпнула ее рукой и умыла лицо. Капли, поцеловав ее, упали обратно в арык, и вода в нем всколыхнулась, в глубине произошло какое-то смятение. После второй и третьей горсти, которые Кумюш плеснула себе в лицо, волнение в арыке еще увеличилось.

Наконец у Кумюш, видно, затекли ноги, и, прополоскав два раза рот с белыми как перламутр зубами, она встала и ушла.

Все лучше и лучше чувствовала она себя, движения стали легки и свободны. Когда девушка появилась в ичкари¹, Айша-буви радостно спросила:

— Тебе полегчало, внученька?

— Слава аллаху, да...

— Ну-ну, посиди спокойно, отдохни еще!

* * *

Зимние дни, что горсть — так малы, не успеешь вздохнуть, как уже вечер. А этот день показался совсем коротким.

Вот уже полчаса, как у кутидора гости. Хозяин встретил их радушно, угощение было обильное. Тойбека так и сновала между мужской и женской половиной дома, меняя блюда, наливая чай. Когда, наконец, у нее выдалась минутка, она подседа к Офтоб-аим, чтобы съесть свою долю плова. Хозяйка и служанка разговорились. Офтоб-аим спросила:

— Что там за люди? Ты ведь видела гостей.

— Ох, есть там один молодой гость! Посмотреть на него — и потом умереть не жалко, — сказала Тойбека, торопливо жуя. — И красивый, и разумный... Посадили его на почетное место. А ему и двадцати лет, может, не исполнилось — только-только усы пробиваются... Такой... Вот бы нам в зятя!

Тойбека, улыбаясь, смотрела на Кумюш.

— Вот, Кумюш, — также улыбаясь, обратилась к дочери Офтоб-аим, — ты слышишь? Тойбека приглядела тебе мужа, а ты все жалуешься, что голова болит...

¹ Ичкари — женская половина дома.

На румяные губы Кумюш набежала улыбка, блеснули перламутром зубы, однако тут же лицо ее приняло холодное выражение.

— Только и заботы — искать мне мужа!

Тойбека пропустила мимо ушей недовольные слова Кумюш.

— Э, детка, ты просто не знаешь... Увидела бы сама этого молодого красавца... Не то что тебе, а и мне в мои то годы захотелось выйти за него! — сказала она смеясь.

— Вот и выходите поскорее,— резко бросила Кумюш.

— Ах, если бы мне выпало такое счастье! Да я и волоска его не стою! А вот ты под стать ему. Недаром говорят: «Ровне с ровней лучше, а кизяку лежать в куче». Ха-ха-ха...

Обычно шутки Тойбеки вызывали веселый смех Кумюш, но на этот раз они ей пришлось не по вкусу. Она даже рассердилась, ушла из комнаты и прилегла на подушки.

Офтоб-аим думала, что Тойбека болтает о каком-то мальчике-танцоре, и не придавала никакого значения ее рассказам.

— Наведайтесь-ка в михманхану, тетушка,— сказала она. — Может, чаю подать надо.

Тойбека, доев плов, вышла. Но не прошло и пяти минут, как она чуть ли не бегом вернулась обратно. Лицо ее перекопилось от страха:

— А, чтоб он пропал! Из меня чуть душа вон не выскочила!

Этот выкрик привлек внимание Айши-буви, уже целый час перебиравшей четки. Но оглядев Тойбеку с ног до головы, она снова занялась своим делом.

Офтоб-аим лишь усмехнулась и спокойно спросила:

— Что случилось? Чего вы так испугались?

Тойбека отдышалась, присела к столбу и взволнованно заговорила:

— Взяла я у хозяина скатерть стряхнуть, вышла во двор, и у самых вишен наткнулась на человека. Я чуть караул не закричала с испуга. Видно, кто-то за гостями подсматривал.

— Кто бы это мог быть?

— Темно очень, я не разглядела, но показалось мне, что похож на черного Хамида. Только он ли, другой кто — бог знает. Зашаркал ногами и исчез.

Когда кутидор, проводив гостей, собрался ложиться спать, Офтоб-айм спросила его:

— Какой там был у вас молодой человек? Тойбека все восхищалась им: и красивый, говорит, и умный...

— Это и был новый гость из Ташкента. Сын Юсуфбека-хаджи, моего знакомого.

— Он и впрямь такой, как говорит Тойбека?

— Да! — сказал кутидор и восхищенно добавил: — Таким сыном можно только гордиться!

Офтоб-айм, смеясь, рассказала, как расхваливала Тойбека молодого человека и как восприняла ее слова Кумюш. Теперь смеялся и кутидор.

— Ох, и умна же эта баба! — сказал он о Тойбеке. — А и в самом деле, вот бы нам такого зятя!

6

КРОВАВЫЕ ТУЧИ НАД ТАШКЕНТОМ

До Маргелана дошел слух: правитель Ташкента Азизбек поднял восстание против Коканда. Он убил диванбеков¹, присланных для сбора пошлин и налогов.

Слухи легко сменяют одежды; на другой день уже говорили иное: «Мусульманкул отправил в Ташкент пять тысяч воинов, во главе которых стоит Нармухаммад-кушбеги²».

Но в народе к этому сообщению отнеслись равнодушно, никто не удивился, потому что подобные смуты бывали не раз. Народ привык к ним.

— Не сегодня-завтра явится какой-нибудь батыр-баши или офтобачи, или любой бек и устроит такую же смуту, — говорили в народе. — Дело привычное...

Однако у Атабека были свои основания забеспокоиться, услышав эту весть. У него даже кусок в горле застрял. Он ясно видел, какие бедствия может принести самоуправство Азизбека народу. Он понимал, что народ стоит на краю пропасти, страшной, как преисподняя.

— Упаси, всевышний! — воскликнул он, потрясенный и растерянный.

Атабек сидел подавленный обрушившимся на него известием, когда в комнату вошел Хасанали с письмом в руках.

¹ Диванбеки — ханские чиновники.

² Кушбеги — почетное звание правителя города или области.

— Из Ташкента, кажется. Наверное, от вашего отца,— указал он, протягивая письмо.

Атабек открыл его и начал читать. Это было длинное послание на большом листе бумаги.

«Свет очей моих,— писал отец,— сила моих чресел, плод моей жизни, сын мой, мулла Атабек, да будет тебе известно, что, хвала аллаху, я, отец, заступник твой перед богом, немогущая мать твоя и все твои близкие друзья пребываем под защитой всевышнего во здравии и благополучии, денно и нощно молим господу бога о благополучии света очей наших. Да будет суждено в добрый час встретиться с тобой!

Засим извещаем: твое письмо о благополучном бытии в Маргелан получили и возблагодарили всевышнего. Что же до наших дел в Ташкенте, то, возможно, уже и в Маргелане слышали о смуте, которую поднял против Коканда Азизбек, опираясь на темные силы. Он убил и повесил на дворцовых воротах беков дивана, прибывших для проверки казны. В Коканде не прошли мимо такого события. Слышали мы, что из Киравчи вышел в Ташкент Нармухаммад-кушбеги с пятью тысячами воинов. Какие испытания ждут наш народ!

И все же тому самому Азизбеку, который еще вчера заносил над подданными кровавый меч, от жестокой руки которого, обливаясь черной кровью, погибли их сыновья, отцы, матери, братья, еще не превратившиеся в прах, тому самому Азизбеку-кровопийце народ сегодня снова обещал служить верой и правдой, защищать его до последней капли крови. Вчера у дворцовой стены по приказу Азизбека был собран весь народ Ташкента, там были люди всех сословий, и высшее духовенство, и ученые. Азизбек приветствовал народ с караульной вышки дворцовой крепости. И подумай только, из глаз собравшихся текли слезы!

Сын мой, ты в какой-то мере можешь отличить белое от черного, прочти же мое письмо со вниманием.

Азизбек показал на трупы повешенных на воротах дворца и спросил:

«Подданные, видите этих преступников? Знаете, почему они заслужили казнь?» «Не знаем, таксыр!» — закричал народ.

¹ Таксыр — господин.

Азизбек объяснил: «Это трупы военачальников Мусульманкула, они были главарями кипчаков и врагами карачапанов! Это трупы диких кабанов. Я предал их смерти, мстя за вас, узбеки мои преданные, я умертвил их, чтобы порадовать души ваших родных, погибших от руки кипчаков! Разве я поступил не по справедливости, мои подданные?»

Народ кричал: «По справедливости! Хорошо сделали, таксыр! Так и нужно было отомстить кипчакам!»

Тогда Азизбек перешел к истинной цели своего обращения к народу:

«За мою честную службу вам, карачапаны, кипчаки, конечно, захотят отомстить, они попытаются снять меня с должности правителя Ташкента и, если хватит сил, убить меня. Что вы думаете об этом?»

Небо задрожало от раздавшихся криков народа: «Мы готовы жизнь отдать за вас, защищать до последней капли крови! Пусть только осмелятся кипчаки! Ни один волос не упадет с головы вашей, пока мы защищаем вас!»

Азизбек поблагодарил народ и перешел к главному: «Благодарю, подданные! Слыхали, будто кипчаки во главе с Нарлухаммадом-кушбеги начали поход против Ташкента? Надо ли нам готовиться дать им отпор, подданные?» «Надо, таксыр,— закричал народ,— обязательно надо!»

Азизбек воскликнул: «Если со мной такие подданные, как вы, не о чем беспокоиться!» «О таксыр, мы не допустим кипчаков, пока вы с нами! Сегодня же приступим к приведению в порядок крепостных стен...»

Азизбек благословил народ, и все начали готовиться к войне.

Вот, сын мой, уж и не знаю, плакать ли над участью народной или смеяться. Но как бы там ни было, над Ташкентом опять за клубились кровавые тучи, и чем все это кончится, известно лишь богу. Помимо всего прочего, должен предупредить тебя: о делах государственных говори с осторожностью, подумавши. Помни всегда о погибших из-за пустяков. Пусть только аллаху будет известно, что на душе и у меня и у тебя. Возможно, что в Фергане меня считают соучастником Азизбека, а тебя, значит, сыном заговорщика, учти это! Не забывай об опасности, грозящей мне и тебе в столь смутное время.

И еще дам тебе совет: пока не утихомирится смута, в Ташкент не возвращайся. Как только наступит мир, я дам тебе знать, если жив буду.

Все наши друзья живы и здоровы.

Передай привет Хасанали.

Твой отец Юсуфбек-хаджи.

Писано в Ташкенте в двадцать седьмой день месяца далув 1264 года хиджры.

Прочитав письмо, Атабек тут же стал перечитывать не совсем ясные в нем места.

«Вот лиса!» — подумал он при этом об Азизбеке. Когда же дошел до места: «пока не утихомирится, в Ташкент не возвращайся», он воскликнул:

— Если так, пусть долго не утихомирится! — и тихо улыбнулся.

7

ВЫНУЖДЕННОЕ СВАТОВСТВО

Каждый раз из Коканда приходили новые тревожные вести. Прошло дней пятнадцать после того, как узнали, что Ташкент осажден кокандскими войсками. Однако все еще не было сообщений о взятии Ташкента.

А вот со вчерашнего дня из уст в уста передается весть: «Нармухаммад-кушбеги ранен, погибло полторы тысячи воинов». О, видно, Азизбека не так легко победить.

К любовной тоске Атабека прибавилась тревога за родной город, он не переставал думать о ташкентской трагедии, все сильнее волновался и грустил. В иные дни он даже не выходил из комнаты, ни с кем не общался, вел отшельнический образ жизни.

Хасанали не на шутку забеспокоился. Он видел, что Атабек с каждым днем становится все бледнее и печальнее. Догадавшись, что молодой человек в кого-то влюблен, он начал доискиваться — в кого, из какой семьи эта девушка, можно ли что-нибудь предпринять. Но даже выяснив все, он выжидал, его удерживали такие соображения: «Атабек молод, а в молодости любовь — крылатая птица. Сегодня тут, а завтра улетела». Но видя постоянство Атабека, его задумчивость и бледность, Хасанали решил, что пора действовать. А что делать? Как излечить молодого человека от недуга?

Без конца обдумывал Хасанали, с чего начать. В голове роились разные планы, и ни один не казался ему подходящим.

Наконец однажды он сказал сам себе:

— Попытаюсь предпринять кое-что сегодня... Быть может, удастся.

После ужина Хасанали вошел к Атабеку, погруженному в чтение «Бабурнаме»¹. Не раскрывая своих намерений, Хасанали спросил:

— Я вам не нужен, бек? Хотел бы сходить в баню...

— У меня никаких дел нет, идите, — сказал Атабек, не отрывая глаз от книги.

Пока Хасанали собрался и вышел, уже стемнело. Небо покрылось тучами, дул резкий холодный ветер, в воздухе беспорядочно кружились снежинки. Улица была покрыта твердыми комьями земли — это замерзла под снегом грязь, в которой во время таяния пешеходы увязали по пояс. Теперь же идти было легко и поскрипывание снега под ногами звучало приятно, как музыка.

Лавки уже закрылись, но в чайханах было людно. Посреди помещений горели костры. Танцевали мальчики, развлекая посетителей. Тут были и молодые люди, и муллы с большими чалмами на головах, и семидесятилетние старики. Зимние вечера длинные, и в чайханах всегда полно людей.

Хасанали прошел на мужскую половину двора Зия-шахичи и посмотрел на закрытое ставнем окно. Сквозь щели проникал свет — значит, кто-то есть. Хасанали присосанился и вошел в дом. В михманхане был один Зия-шахичи, он совершал намаз.

Обрадованный, что все складывается так, как он хотел, Хасанали присел, ожидая окончания намаза.

Зия-шахичи воздел руки к небу, произнося слова заключительной молитвы. После этого подошел к старику поздороваться.

— Располагайтесь как дома, отец! Все ли у вас благополучно?

— Слава аллаху, хорошо.

Они присели к сандалу. Помолчали. Зия-шахичи, стараясь разгадать причину неожиданного посещения, бр-

¹ «Бабурнаме» — историческое произведение Захириддина Бабура (1483—1530).

сил на Хасанали несколько вопрошающих взглядов. Приход старика показался ему из ряда вон выходящим событием: ведь Хасанали раб, с каким же делом может он явиться к такому знатному человеку, как Зия-шахичи?!

— Не удивляйтесь, господин, мой приход вызван важным делом.

— Вас прислал Атабек?

— Нет, я сам пришел, господин!

Зия-шахичи был крайне удивлен.

— Какое же у вас дело?

Хасанали улыбнулся:

— Вы очень удивитесь, может быть, и не поверите, когда узнаете...

— Вот как?

— Двадцать пять дней, даже около месяца прошло со времени нашего приезда в Маргелан. И с тех самых пор Атабека одолевает недуг.

Зия-шахичи удивлялся все больше.

— Какой недуг? Ведь Атабек здоров.

— Так-то оно так, я сам долго не мог догадаться, что с ним.

— Ну, и что же?

— Это любовь!

— Любовь?

— Да, любовь,— повторил Хасанали,— за такой короткий срок он совсем переменялся. Чего я только не передумал за это время!

— Кого же он полюбил? Вы знаете?

— Знаю... Дочь кутидора.

— Ну-у,— вырвалось у Зия-шахичи.

Он задумался на мгновение, потом спросил:

— Вы это точно знаете?

— Уверен.

— Он сам сказал?

— Сам он хоть и не сказал, но это так.

— А где же Атабек мог видеть девушку?

— К сожалению, этого я не знаю.

Зия-шахичи продолжал расспрашивать.

— Что же вы намерены предпринять?

— Вот это и есть главная причина моего прихода к вашей милости. Я пришел к вам за советом.

Зия-шахичи задумался.

— Странно, странно! — пробормотал он, закладывая под язык щепотку наса¹.

Хасанали рассказал о всех своих наблюдениях.

— Тонкое дело, — заметил под конец Зия-шахичи. — Если мы женим здесь Атабека, не обидится ли на нас Юсуфбек-хаджи?

— Да пошлет вам бог долгую жизнь, господин! — воскликнул Хасанали. — Я, ваш покорный слуга, тоже много думал об этом. Но что поделаешь? Мы вынуждены пойти на это, даже если он обидится. Впрочем, Юсуфбек-хаджи достаточно умен, он не станет обижаться. Но меня беспокоит и другая сторона — согласится ли кутидор?

Зия-шахичи снова задумался, почесывая голову.

— Да, и тут могут быть препятствия. Даже если кутидор хорошо относится к Атабеку, он, может быть, не захочет отдать дочь на сторону за приезжего... Не знаю!

— По-моему, надо все же спросить у кутидора, — сказал Хасанали. — Вдруг он согласится, а если не согласится — сообщим Атабеку, он может и остынет после этого.

Зия-шахичи одобрил это предложение.

— Что ж, хорошо! Когда вы думаете пойти к кутидору?

— Тут уж ваша воля!

На лице Зия-шахичи заиграла улыбка.

— А знаете, сейчас и пойдём! Попытаемся хоть раз в жизни быть сватами.

Зия-шахичи начал одеваться.

— И мне пойти с вами? — спросил Хасанали. — Или уж вы сами?

Зия-шахичи махнул рукой:

— Вреда не будет, если и вы пойдёте.

«ПОЗДРАВЛЯЕМ С ХОРОШИМ ЗЯТЕМ»

К кутидору неожиданно явились гости. Он не решился спросить, что привело их в его дом, но лицо его выражало удивление. Он принялся разжигать огонь в сандале.

¹ Нас — особый вид табака. Его кладут под язык.

— Бросьте возиться,— весело сказал Зия-шахичи.— Несите скорее дастархан для сватов.

Кутидор, не говоря ни слова, направился в ичкари, чтобы распорядиться насчет угощения. Хасанали поглядел ему вслед, говоря:

— Да будет милостива к нам судьба!

Зия-шахичи подхватил:

— Будет милостива с помощью божьей! Кто же не согласится принять в зятя такого молодца, как Атабек!

Кутидор вошел в комнату, и сваты переглянулись. Почувствовали, что хозяин дома нетерпеливо ждет, когда гости заговорят. Но молчание затянулось, и он обратился к Хасанали:

— Атабек здоров?

Тут Зия-шахичи счел, что удобный момент наступил, он сделал знак Хасанали молчать и ответил за него сам:

— Вот мы и пришли к вам, непрошенные,— тревожат нас здоровье Атабека.

Ничего не понимая, кутидор спросил:

— Атабек заболел?

— Сегодня он еще здоров,— значительно подчеркивая слово «сегодня», сказал Зия-шахичи.— А в дальнейшем его здоровье зависит от вас.

Кутидор недоумевал все больше:

— Никак не пойму что-то...

— Вынужден повторить свои слова: сегодня Атабек еще здоров. А теперь его здоровье в ваших руках!

— В моих руках?

— Да! И в вашей воле!

— Каждый желает здоровья такому человеку, как Атабек, но странно, как его здоровье может зависеть от чьей-то чужой воли?

Зия-шахичи настаивал на своем:

— Не удивляйтесь, друг мой: здоровье Атабека в ваших руках. Я говорю совершенно серьезно.

Кутидор начал догадываться, о чем идет речь, и смутился. Зия-шахичи разгладил разостланную Тойбекой скатерть и разломил лепешку. Затем предложил по кусочку Хасанали и кутидору и заговорил откровеннее:

— Сын вашего друга Юсуфбека-хаджи Атабек вот уже много дней страдает какой-то непонятной болезнью. Хасанали, слуга Атабека, но на деле его духовный отец, начал доискиваться, что с ним, так как Атабек скрывает

свою болезнь. Упорно наблюдая за ним, он, как человек опытный в жизни, вскоре понял, что болезнь бека называется любовью. О кутидор, любовь — это бесценный дар! Редко достается он человеку, и если любовь не противоречит шариату, нечего ее стыдиться. Друг мой, может быть, вам и будет тяжело узнать некоторые обстоятельства дела, но нужно все объяснить: в один из дней ветер судьбы приподнял покрывало с лица невинной юной дочери одного почтенного человека. Лицо девушки увидел Атабек, и с этой минуты в сердце его загорелась любовь к этой красавице, настоящая любовь...

Зия-шахичи добавил еще несколько общих фраз и умолк. Теперь кутидор окончательно смутился. В таком же состоянии находились и сваты. Все трое понимали, насколько деликатно это дело, и, словно сговорившись, погрузились в молчание.

Наконец, кутидор заговорил, и хотя ему все уже было ясно, как день, он притворился непонимающим:

— Чья же это дочь?

Зия-шахичи знал, что кутидор так спросит, и прямо ответил:

— Ваша любимица.

Кутидор уже пожалел, что спросил, и погупился. Установилось неловкое молчание, а потом заговорил Зия-шахичи.

— Мы явились сюда, чтобы подарить вам достойного сына, во славу аллаха, а в дар Атабеку преподнести подругу, лучше когорой нет на свете.

Сердце Хасанали забилося тревожно: вот сейчас кутидор произнесет решающие слова. Согласится он или нет?

И кутидор был растерян от неожиданного сватовства. Что сказать людям, нетерпеливо ожидающим его ответа?

— Я почел бы за счастье, — заговорил он наконец, — удостоиться чести назвать Атабека своим сыном. Однако не все в моей воле, есть еще жена, которая выкормила, вырастила нашу дочь. Нельзя решить такое дело, не посоветовавшись с матерью. Если вы согласны подождать с ответом, то я прежде всего поговорю с нею насчет вашего предложения.

Кутидор говорил так искренне и сердечно, что в сердцах сватов загорелась надежда.

— Речь идет не о покупке коня, а о судьбе человека, — живо откликнулся Зия-шахичи. — Посоветуйтесь с уважа-

емой госпожой, вместе хорошо обдумайте это дело и дайте ответ.

Услышав это, кутидор вышел из гостиной и отправился в ичкари. Кумюш собиралась спать. Тойбека уже храпела в своей клетушке рядом с очагом. Только Офтоб-аим сидела на айване, поджидая мужа. Кутидор коротко сказал ей:

— Захвати свечу и иди скорее.

Комната, в которую они вошли, по своему убранству походила на музей. На полках рядами стояла посуда: пиалы из китайского фарфора, ценные блюда; стены были увешаны кинжалами и саблями в ножнах, отделанных серебром, щитами и шлемами. Тут же висела мужская и женская одежда, шубы, чекмени; в нишах высились горы шелковых и атласных одеял и пуховых подушек; от красных ковров рябило в глазах.

Офтоб-аим с нетерпением ждала, что скажет муж.

— Жена,— начал он, улыбаясь,— ты, конечно, не знаешь о том, что к нам пришли сваты...

Офтоб-аим встретила эту весть равнодушно: уже года два-три как к ним в дом каждый день приходят сватать Кумюш, вот и сегодня, значит, пришли.

— Да принесут они нам добро. Кто же это?

Кутидор усмехнулся:

— Один из них — Зия-шахичи, а другого ты не знаешь.

По голосу кутидора, по тени смущения в его глазах, Офтоб-аим поняла, что он находится под каким-то сильным впечатлением.

— От кого же сваты?

— Помнишь, дней пятнадцать назад мы принимали гостя, молодого купца из Ташкента?

— Помню! Его расхваливала Тойбека.

— Умница жена! — воскликнул кутидор. — Вот от него и пришли сваты.

Офтоб-аим поморщилась.

— Так ведь он приезжий.

Тут и лицо кутидора приняло задумчивое выражение, и он сказал, почесывая голову:

— Вот и меня это смущает. А вообще-то он как раз такой, какого нам хотелось. Во всех отношениях хороший молодой человек.

Офтоб-аим, как и полагается хорошей жене, уважала волю мужа, прислушивалась к его мнениям. Но сейчас

их помыслы разошлись — не об этом мечтала она для дочери. Она сочла недостаточно убедительным то обстоятельство, что Атабек приезжий, и попыталась найти в нем недостатки, которые отырали бы от него сердце кутидора.

— А чей он сын? Знаете ли вы его отца?

Но лучше бы она об этом и не спрашивала. Кутидор охотно, со всеми подробностями, рассказал о своем старом приятеле Юсуфбеке-хаджи, о том, какое положение он занимает, о своих отношениях с ним и закончил словами:

— В благородном происхождении молодого человека можно не сомневаться! По правде говоря, он по происхождению намного выше нас.

Офтоб-айм перевела разговор на другое:

— А он женат?

— Нет, не женат. Об этом как-то говорил его слуга.

— Сколько ему лет?

— Не больше двадцати пяти: не то двадцать два, не то двадцать три года...

— С чего это вдруг он захотел стать нашим зятем? Что, в Ташкенте не нашлось девушки?

— Никто ему до сих пор не нравился,— сказал кутидор смущенно и, понизив голос, начал рассказывать все, что знал об этом.

Офтоб-айм все больше убеждалась, что муж склонен принять это предложение. Молодой человек действительно им ровня, но он ведь приезжий, да еще издалека. Сколько времени они подыскивали подходящего зятя, и вдруг выдадут дочь за чужака. Легко ли это?

— Что же ты посоветуешь, жена?

Офтоб-айм боялась огорчить мужа и не решилась прямо отказать, но всем сердцем она была против этого брака.

— Могу ли я идти против вашей воли, перечить вам,— начала она издалека. — Ведь вы отец, и все в ваших руках. Я не могу и подумать, что вы захотите отдать свет очей ваших, любимую дочь, за плохого или неподходящего человека. Во всем я согласна с вами. Но человек этот из Ташкента — значит, он заберет дочь, увезет с собой, разлучит нас с единственным нашим ребенком... Не знаю, как вы, но я не выдержу разлуки с нею. Вот об этом, милый, надо подумать.

— Ты прага, жена,— задумчиво сказал кутидор. — Но, чувствую ли я, что так суждено, или еще по какой-то причине, сердце мое склоняется к этому человеку. Не будем откладывать наше решение, а дадим сватам такой ответ: мы согласны, но ставим условие, чтобы Кумюш не увозили из Маргелана. Если наши условия подойдут, то все прекрасно: вместо одной дочери у нас будет двое детей. Если же не согласятся, пусть пеняют на себя. Ну, как тебе нравится мое предложение?

— Приезжий он...

— Но он хороший молодой человек. А если сплетни и пересуды пойдут, что выдали дочь за чужака, тут уж ничего не поделаешь.

Офтоб-аим поняла, что муж твердо решил дать согласие. И она нехотя пробормотала:

— Как знаете.

Кутидор поспешил вернуться к гостям и объявить им свои условия. Зия-шахичи принял их от имени Атабека и поздравил кутидора с прекрасным зятем. Далее все шло, как и полагалось по обычаям: помолились о счастье молодой пары, о продолжении их рода, затем сватам были подарены парчовые халаты.

— Счастливо носить,— приговаривал при этом кутидор.

Хасанали осыпал кутидора словами благодарности.

И оба свата торжественно произнесли:

— Поздравляем вас с хорошим зятем.

А кутидор ответил искренне и сердечно:

— Да принесет он счастье в дом!

9

ПРИГОТОВЛЕНИЯ К СВАДЬБЕ

Хасанали был в замешательстве. Что скажет он завтра Атабеку? Откуда появился у Хасанали этот новый нарядный халат? Как объяснить ему все, что произошло? Всю ночь видение за видением проходило перед глазами старика. Вот Атабек, счастливый, вышел, наконец, из своего затворничества и ходит по улицам Маргелана, вот он на базаре, вот приходит в дом своего будущего тестя. Старик во сне даже слышался голос Атабека, который говорил, обращаясь к нему: «Отец, я никогда не забуду добра, которое вы мне сделали!»

Просыпаясь, Хасанали продолжал думать все о том же: «Бедняга, не спит он, должно быть, все мечтает о любимой, вздыхает. Уж, наверное, и надежду потерял, думает, что некому помочь ему, не с кем поделиться своей бедой. Не горюй, отец твой Хасанали обо всем позаботился. Это последняя ночь твоей печали, это канун светлых дней, мой бек!»

Хасанали снова засыпал и снова перед ним вставал образ Атабека, а рядом с ним — красивая девушка; счастливо улыбаясь, они говорили, обращаясь к нему: «Вы наш настраивающий отец».

Так всю ночь сон то возвращался, то бежал от глаз Хасанали.

«Мне уже шестьдесят четыре года,— думал он,— а ни сына, ни дочери нет у меня. Так и проживу на свете бездетным. Но разве Атабек не заменяет мне сына? И жена его не заменит ли мне дочь? А дети их будут бегать за мной и называть дедушкой. Умру я — и они добром помянут: «Был у нас когда-то дедушка Хасанали...» С меня и этого достаточно!»

А ночь все длилась... Хасанали нетерпеливо ждал рассвета, хотелось поскорее обрадовать Атабека. Так в полудреме он и дождался утра. Утро принесло радость. Напившись вместе с Атабеком чаю, Хасанали пошел в свою комнату, вернулся, держа под мышкой сверток, и сел напротив. В его глазах горело нетерпение, он ждал той минуты, когда Атабек выйдет из оцепенения и он скажет ему такое, что сердце молодого человека наполнится радостью.

— Поздравляю вас,— сказал он, разворачивая сверток и кладя подле сандала нарядный парчовый халат.

— Что это за халат?— удивленно спросил Атабек.

— Я ведь сказал: поздравляю вас!

— С чем? О чем вы?

— Тесть ваш будущий, кутидор, ваша прекрасная невеста... да будет она невесткой Хасанали.

С Атабеком произошло что-то странное: глаза чуть не выкатились из орбит, он неестественно изогнулся, наклоняясь к Хасанали, и спросил:

— Что вы хотите этим сказать?

— Незачем спрашивать, что я хочу сказать, а поверьте тому, что я уже сказал,— улыбнулся Хасанали. — Я решил женить вас на дочери кутидора и решение свое

выполнил этой ночью. Вместе с Зия-шахици мы сосватали вас с дочерью кутидора.

Атабек совсем растерялся и быстро переспросил:

— С какой дочерью?

— С дочерью кутидора. Она у него единственная. Все в порядке, бек! Зия-шахици обещал прийти после утреннего чая совещаться, когда устроить свадебный пир.

Атабек не протестовал, но и радости не было видно на его лице.

* * *

Проснувшись утром, Кумюш сразу заметила, что в доме происходит что-то небывалое — словно всем сразу приснилась свадьба.

Говорили о покупке новых подушек, собирались шить новые одеяла, обсуждали одежду будущего зятя. Не купить ли ему золотой пояс?

Что за чудеса?! О каком зяте идет речь? Кого они собираются выдавать замуж, разве у родителей есть еще дочь, кроме Кумюш? Одна она — значит ее, Кумюш, выдают! Ничего не понять.

— Кто выходит замуж?

— Кумюш.

— А одобрит ли Кумюш жениха? Прежде всего, надо ее спросить, не так ли?

— Незачем спрашивать, незачем и сообщать ей.

— Почему?

— Да потому, что таков обычай. Дочь должна выйти за того, кто понравился ее родителям.

В конце концов Кумюш догадалась, кого ей прочат в мужа: тайну раскрыла Тойбека.

— Вот, госпожа моя, ты не ценишь тетку свою Тойбеку, — улыбаясь, начала служанка, — а она, ей-богу, провидица. Только скажет она или даже подумает, ангелы на небе тут же произносят «аминь». Помнишь, я хвалила одного молодого гостя, ты еще рассердилась тогда... А тебя выдают за него. Теперь будешь верить мне, госпожа!

Слезы набежали на глаза Кумюш, стекли по ресницам.

— Не плачь, госпожа моя! — успокаивала ее Тойбека. — Знаю, знаю, почему ты плачешь... Мужчины, ра-

дуюсь, смеются, а девушки плачут. Раз плачешь — значит, радуешься. Я тоже слезы лила, когда меня замуж выдавали, а в душе дожидаться не могла дня свадьбы.

— Ах, оставьте, тетушка, не мучьте меня, не говорите ничего больше,— простонала Кумюш.

— Хорошо уж, молчу! Только о нем скажу. Ох, взглянула бы ты хоть разок на жениха! И красив, и умен. Видно, так суждено. Звезды ваши сошлись одна с другой. Не скажешь, кто из вас лучше — оба хороши.

Кумюш замахала руками и вскрикнула:

— Ой, умру я сейчас, замолчите!

На крик из соседней комнаты вбежали Офтоб-аим и бабушка.

— Что случилось, что случилось?— взволнованно спрашивали они.

Увидев мать и бабушку, Кумюш натянула на голову одеяло, закрывавшее сандал, и легла.

Тойбека совсем перепугалась.

— Я начала было говорить о женихе, а она вдруг рассердилась.

Офтоб-аим накинулась на Тойбеку:-

— Вот глупая, ты ее смутила! Очень нужно было вмешиваться. Иди отсюда, занимайся своим делом.

Решив, что девушка просто смутилась, мать и бабушка ушли к себе и снова занялись приготовлениями к свадьбе.

Кумюш полежала немного, завернувшись с головой в одеяло. Затем тихо встала и юркнула на мужскую половину двора. От слез у нее покраснели глаза, припухли веки. Но даже это не повредило ее красоте, она казалась еще прелестнее. Она забилась в угол террасы и задумалась, склонив голову и закрыв лицо руками. Так просидела она довольно долго, потом, вздохнув, отняла руки от лица и посмотрела кругом, словно искала кого-то взглядом, словно кого-то ждала...

Берег арыка, таинственный берег арыка!

Глазами, влажными от слез, Кумюш смотрела в одну точку, потом встала, и ноги сами понесли ее к арыку. Дойдя до берега, она перепрыгнула через арык и присела на корточки, зачерпнула рукой воды и брызнула себе в лицо, потом оглянулась в сторону улицы и снова начала смотреть на воду. Никто не знает, что чувствует Кумюш, о чем она мечтает,— один лишь арык. Только ему можно

обо всем поведать — никто ведь не угадает, о чем говорит с ним Кумюш.

Водой арыка смыла она еще несколько раз жемчужные капли слез. Взгляд ее посветлел, и, успокоившись, она не торопясь пошла обратно в ичкари.

10

ДЕВИЧНИК, СВАДЬБА

В доме кутидора веселый пир. На мужской половине двора, не переставая, звучит музыка, играют на дутарах, и на тамбурах, и на гиджаках, и на рубабах, наях, сазах... Лучшие певцы города ласкают слух гостей. Не менее шумно и весело в ичкари, где пируют женщины. Их здесь сегодня так много, как песка в пустыне — гласит поговорка. И двор, и комнаты переполнены. Одни, расположившись прямо во дворе, едят плов, халву и еще всякую всячину, другие убаюкивают плачущих детей, третьи поют свадебную песню, громко вскрикивая «яр-яр». Шум, гомон долетают чуть ли не до небес.

Посреди этого веселья лишь Офтоб-айм кажется грустной и задумчивой. Устала ли она от приема гостей или другая причина подействовала на нее, но она совсем растерялась: приходит в комнату—забывает, зачем пришла, говорит невпопад. На приветствия гостей, на их пожелания счастья отвечает печальным тихим голосом.

Среди присутствующих Офтоб-айм увидела женщину лет пятидесяти с открытым веселым лицом и знаком подозвала ее к себе. Женщина подошла. Офтоб-айм увлекла ее за собой в кладовую и плотно прикрыла дверь.

Лицо этой пожилой женщины выражало крайнее удивление.

— Что ты грустишь, Офтоб?— спросила она, глядя в ее печальные глаза.

Офтоб-айм глубоко вздохнула и оглянулась на дверь.

— Так мрачно на душе, сестрица, что хоть свечу в ней зажигаю,— сказала она шепотом, и слезы набежали на глаза.

— Почему же? Что случилось?

— Из-за дочки...

— Что с ней стряслось?

— Семь дней прошло с того дня, как она просватана и с тех пор она плачет день и ночь. Спросишь у нее о

причине слез, а она еще пуше заплачет. Сегодня совсем слезами изошла. Еле уговорила ее сходить в баню.

Женщина внимательно выслушала Офтоб-аим и удивленно спросила:

— Что, может быть, жених некрасив?

— Я его не видала, но рассказывают, что красоты необыкновенной, очень умен к тому же. И уж как понравился отцу Кумюш! Вот и взял его в зятя.

— А самой Кумюш вы говорили об этом?

— Говорили, говорили. Нарочно расхваливали его, а она и слушать не хочет, только плачет.

Женщина еще больше подивилась: что за странная история?! Потом принялась утешать Офтоб-аим, рассказала ей, какие бывают случаи. Иная до свадьбы плачет-разливается, а побывает за брачным пологом и крепко полюбит мужа.

— Не горюй, Офтоб! Если зять и впрямь красив и поговорить умеет, мы еще увидим, как твоя дочь вьюном обовьется вокруг него.

— Ох, сестрица, не верится мне...

В голосе Офтоб звучала безнадежность.

— Поверь, Офтоб,— настойчиво говорила женщина,— я перевидала много плачущих девушек, а за брачным пологом они становились резвее самих мужей. И твоя дочь, наверное, из таких. Успокойся, Офтоб.

— Дай-то бог!

— Так оно и будет,— рассмеялась женщина.— Но погоди, Офтоб, если я правильно предсказываю, что ты мне за это дашь?

— С ног до головы одену.

— Смотри же, не отказывайся потом от своих слов, Офтоб. Вот увидишь — вьюном обовьется вокруг мужа. А теперь иди, встречай гостей. Да улыбнись повеселее!

Они вышли из кладовой и влились в веселую толпу женщин.

* * *

Сегодня в доме дяди Кумюш девичник. Там собрался целый цветник девушек в нарядных платьях, блестящих украшениями. Они провожают в новую жизнь одну из самых прекрасных, самых милых подруг своих. О, если бы вам удалось проникнуть сегодня в этот дом и посмотре-

треть на красавиц, вы голову бы потеряли от восторга. Глаза разбежались бы у вас: эта милее всех, нет — та, нет — вон та...

Давно собрались девушки, прекрасные, как пери, певицы, танцовщицы, бубенщицы, дутаристки, не было среди них лишь одной Кумюш. Как замешкалась она в бане! Без нее девичник — не девичник, а если и пробует кто-нибудь заиграть, запеть, то без всякого воодушевления. «Вот придет Кумюш,— думают все,— и тогда начнется настоящее веселье».

Вдруг кто-то взволнованно крикнул:

— Идет!

Все девушки ринулись к окошку и выглянули во двор. Кумюш шла в сопровождении двух женщин. Ах, если бы в эту минуту ее увидел Атабек! Она была прекрасна, и все к ней шло необыкновенно: и белый шелковый платок на голове, и белое шелковое платье, и шубка, крытая серебряной парчой, с куньим воротником, обнимающим шейку, целующим подбородок. А как хороши завитки ее черных кудрей и горящие румянцем щеки! А какой нежный и сильный аромат духов исходит от нее!

Женщины привели Кумюш и сказали:

— Вот вам, девушки, и Кумюш. Развеселите ее лучше!

Две-три девушки подбежали к ней, сняли с нее паранджу и повели в комнату. Там не было ни одного мужчины, ни одной женщины — юные девушки заполнили весь дом.

Они окружили Кумюш и затараторили, перебивая друг друга:

— Как поживаете? Поздравляем с новыми нарядами!

В ответ Кумюш чуть слышно шептала:

— Да принесут они счастье!

Ее усадили на почетное место, и девушки расселись, образовав полукруг. Все притихли, поглядывая украдкой на виновницу торжества. Всем почему-то стало грустно. О чем думали они, о чем грустили? Разве разгадаешь девичьи тайны?

Лица их стали кроткими, задумчивыми и оттого еще более прекрасными. Но если бы теперь пришлось выбирать из них самую красивую, мы не растерялись бы и, не колеблясь, выбрали бы Кумюш. Она была розой среди тюльпанов, полной луной среди звезд.

В комнате все еще царил тишина. Но как на всякой пирушке непременно найдутся заводилы, так и здесь оказалась такая — Гульсун-биби, которой не по сердцу были грусть и тишина.

— Мы зачем сюда собрались?! — воскликнула она. — Сидеть что ли в задумчивости и вычерчивать узоры на полу? Разве здесь поминки?

Гульсун поддержала Ханым-биби:

— Не грустите, подруженьки! Всем нам это суждено. Вставай, Савра! Пойди во двор, разожги костер и согрей свой бубен. Анаргуль, возьми свой дутар! И вы, Кумюш, не грустите. Завтра вы уже не вспомните о всех своих горестях.

Так говорила Ханым-биби, и всех обуяло веселое настроение. Даже Кумюш заулыбалась, показывая свои жемчужные зубы.

Вот уже Анаргуль заиграла на своем дутаре известную мелодию «Подружки». А Ханым-биби вскочила и пошла плясать. К дутару присоединился бубен и раздались рукоплескания. Становилось все оживленнее.

Но настоящее веселье началось, когда закрыли ставни и в комнату внесли свечи. Пламя свечей, колеблемое ветром от движений танцующих, придавало девушкам какой-то фантастический вид, они были похожи на периз «Тысячи и одной ночи». Теперь дутар под аккомпанемент бубна заиграл мелодию «Уфар». По кругу в изящном плавном танце двинулась Гульсун. Дутар будил самые нежные струны в душе, бубен заставлял сердца куда-то тревожно стремиться. Мягкие движения Гульсун ласкали взгляд.

Девушки веселились. И только одна Кумюш была грустна. Она сидела тут, среди своих подруг, но мысли ее витали где-то далеко-далеко. Перед глазами возникали совсем иные видения. И, глядя на ее грустное лицо, можно было подумать, что она пришла на поминки.

Прошло часа два, первый жар веселья поостыл. Девушки перестали танцевать. Гульсун и Ханым сели рядом со всеми и начали тихо петь под дутар. Первой запела Гульсун; голос у нее, как колокольчик, так и звенит слезами, когда она начинает петь:

Едва к дутару прикоснутся руки,
О милом мне его напомним звуки.

Эта песня называется «Я плачу».

При повторении первого куплета к Гульсун присоединяется Ханым-биби, их голоса звучат в унисон, вливаются прямо в душу, заставляют быстрее бежать в жилах кровь. Даже задумчивая Кумюш вдруг очнулась от сна и взглянула на певиц.

Девушки пели:

Встал предо мной и ослепил неожиданно,
Чтобы потом сковать ярмом разлуки.

В глазах Кумюш при этих словах блеснули слезы. А девушки пели:

Я все бы отдала, чтобы услышать
Его речей чарующие звуки.

Кумюш волновалась все больше и больше:

Не знает он, суровый и жестокий,
Как дни и ночи я томлюсь от скуки.
Скажите мне, подруги дорогие,
Ужели вечно буду с ним в разлуке?

И, наконец, последний куплет:

Нет сил терпеть, нет сил страдать, нет силы...
Я разобью дутар, горя от муки.

Но этих слов уже никто не слышал, все устремились к Кумюш, которая горько плакала, обняв сидевшую рядом с ней подругу.

— Что с тобой, Кумюш?

— Отчего ты плачешь?

— Болит что-нибудь?

Кумюш оторвала голову от плеча подруги, посмотрела на всех мокрыми от слез глазами, вздохнула и приложила платок к глазам.

— Скажи нам, почему ты плачешь?— спросила Гульсун.

Кумюш улыбнулась через силу:

— Так просто...

— А, чтоб тебе!— с напускной досадой сказала Гульсун.— Если бы мне такой муж попался, я взлетела бы в небеса от радости.

Девушки рассмеялись. Но Кумюш оставалась печальной, и подруги, чтобы развеселить ее, затеяли интересную игру, своего рода песенное состязание жениха и невесты.

Гульсун играла роль жениха, Ханым-биби — роль невесты. Они перебрасывались шуточными песнями, до того задорными и смешными, что девушки покатывались от смеха. И только Кумюш по-прежнему была погружена в свои думы.

Со двора, где шел свадебный пир, девушкам принесли угощение и подарки. Когда плов был съеден, пришли женщины и стали просить девушек, чтобы они отдали им Кумюш.

Девушки, как и полагалось по обычаю, отвечали:

— Нет, мы не отдадим вам Кумюш.

И вдруг Кумюш показалось, что все это правда, что ее не отдадут. Выходя из дома в сопровождении женщин, она все еще с надеждой оглядывалась на подруг, словно ждала от них помощи.

Так проводив бедную Кумюш в новый мир, мир женщин, девушки разошлись.

II

НЕОЖИДАННОЕ СЧАСТЬЕ

Трудно было получить от невесты согласие на брак. Несколько раз пришлось мулле повторить свой вопрос: «Вы, Кумюш-биби, дочь Мирзакарима, поручили ли своему дяде Мухаммаду Рахиму, сыну Юлдаша, передать вашу любовь ташкентскому жителю, мусульманину Атабеку, сыну Юсуфбека-хаджи?»

Только после вопроса, повторенного седьмой раз, и уговоров со стороны свах удалось услышать от Кумюш «да».

К пяти часам вечера в доме кутидора ожидали жениха. Без конца выглядывали на улицу. Было приготовлено множество блюд: плов, лагман, шурпа, манты, фрукты и всевозможные сласти. Наконец появился Атабек в сопровождении нескольких десятков молодых людей, друзей Рахмата.

Атабек был одет великолепно: на голове серебристая шелковая чалма, на плечах — соболья шуба, крытая черным сукном, под ней суконный голубой камзол, сшитый в самом Шамае, и суконные штаны, на ногах — волжские сапожки; перепоясан Атабек шелковым платком, искусно вышитым Кумюш.

На щеках жениха горит румянец, губы тронуты легкой улыбкой, глаза так и сверкают, посматривая то в одну, то в другую сторону, словно ища кого-то.

«Хорош, хорош! — шептали собравшиеся со всего квартала гости.— Достойный жених. Она красива, но и он красавец!»

Многие уже давно откушали плов, но задержались, чтобы посмотреть на зятя кутидора.

К Офтоб-аим подошла ее старшая сестра и взволнованно сказала:

— Офтоб, приготовь-ка поскорее исырк!¹ Да уберезет аллах твоего зятя от дурного глаза.

У калитки, встречая гостей, стоял кутидор со сложенными на груди руками; украдкой оглядев зятя, он довольно улыбнулся. На террасе, ведшей в михманхану, сидели белобородый имам с благообразным и строгим лицом, Зия-шахичи, Хасанали, Мухаммад Рахим и еще кто-то.

Атабека подвели к мулле, начались переговоры между Зия-шахичи, представителем жениха, и Мухаммад Рахимом—представителем невесты. Речь шла об имуществе, которое жених должен выдать будущей жене в полную собственность. После длительного обсуждения было решено следующее: невеста получает три сотни золотых, дом в Маргелане, дойную корову, хозяйственную утварь.

После того как жених дал согласие на это, мулла перешел к совершению обряда. Он прочитал наставление о верности и преданности семье и, наконец, заговорил о самом деликатном:

— Атабек, сын Юсуфбека-хаджи, согласны ли вы взять по всем правилам шариата в жены Кумюш, дочь Мирзакарима?—спросил он по-персидски.

Атабек едва сдержал смех: согласен ли он? Да он готов был крикнуть: «Согласен, с великой радостью согласен!» Но, постеснявшись присутствующих, которые могли сказать: «Ишь, какой нетерпеливый!», он промолчал. Мулла повторил вопрос. По принятым правилам жениху полагалось ответить лишь на трижды повторенный вопрос, но Атабек не выдержал этой церемонии, ему вдруг показалось, что после того как вопрос будет задан в третий раз, присутствующие могут сказать: «Да он не

¹ *Исырк* — трава, которую жгли для окуривания от сглаза.

желает жениться на Кумюш»— и все дело расстроится. Не помня себя от волнения, Атабек воскликнул: «Беру, беру!..»

Мулла провозгласил хвалу аллаху, и на этом закончился брачный обряд. Все собравшиеся прочитали молитву о счастье жениха и невесты и, подняв руки, произнесли «амины!» К молитве присоединились женщины, с крыш наблюдавшие за происходящим.

Молодые люди подхватили Атабека под руки и повели в михманхану.

Пир начался.

Атабек горел от нетерпения, а пир все длился и длился. Прошло каких-нибудь два часа, а ему показалось, что годы. Наконец, настало время последней вечерней молитвы. Блюда и чаши, опорожненные в несметном количестве, были убраны, скатерти свернуты, и свахи явились за женихом.

Снова прочитали молитву с пожеланиями молодым жить в любви и согласии, и Атабека повели в ичкари.

В последнюю минуту на террасе к нему подошел Хасанали.

— Поздравляю с законным браком, бек!

— Очень вам благодарен!

Хасанали любовно оглядывал Атабека, по-отцовски гладил его по спине и благословил со слезами на глазах.

Атабек двинулся за свахами. С ним творилось что-то странное: сон ли это, явь ли? Правда ли все, что произошло?

Но пройдем вместе с Атабеком в ичкари. По обеим сторонам двери, ведущей в комнаты Кумюш, расположились женщины и дети. У некоторых женщин в руках свечи. Комната невесты богато убрана коврами и сюзане, к тому же ее украшают многие вещи, перенесенные сюда из покоев кутидора. На потолке висит огромная люстра, три десятка свечей освещают комнату каким-то призрачным светом.

Одетая во все белое, как и на девичнике, сидит Кумюш. По милому лицу ее пляшут тени от многочисленных предметов в комнате. Не слушая, что говорят ей свахи, Кумюш плачет. Вдруг со двора донесся возглас:

— Жених! Жених идет!

Лицо Кумюш приняло страдальческое выражение, она заплакала еще сильнее. Сваха метнулась к двери,

жених был совсем близко. За Атабеком, окуривая его, шла старшая сестра Офтоб-аним.

Женщины, сопровождавшие Атабека, поднимали повыше свечи, чтобы лучше рассмотреть его.

Красный от смущения, Атабек стоит на пороге, не зная, куда себя деть. Но вот открылась дверь, и сваха позвала:

— Пожалуйте, бек!

Сердце Атабека билось так громко, что ему казалось — слышит сваха.

Атабек вошел в комнату, а сваха прикрыла за ним дверь, но оставила щель, в которую видно было, что делается внутри. Кумюш стояла почти спиной к двери и теревила платок. Она даже не повернулась, чтобы взглянуть на вошедшего.

— Милая! — сказал Атабек, сжав ее тонкие руки.

Кумюш вздрогнула от его прикосновения и отстранилась.

— Не троньте меня, — сказала она.

— Почему? Почему вы не взглянете на меня? — прогворил Атабек глухим, срывающимся голосом.

Кумюш с трудом преодолела свое нежелание посмотреть на мужа и бросила настороженный враждебный взгляд в его сторону. Взглянула — и застыла... Потом подошла к нему ближе и взволнованно сказала:

— Так это вы?

— Да, я!

Кумюш глубоко и облегченно вздохнула. Они стояли и смотрели друг на друга.

— Глазам своим не верю, — наконец заговорила Кумюш.

— И я тоже, — сказал Атабек, не сводя с нее взора.

Маленькие нежные руки Кумюш легли на плечи Атабека, а он обнял ее своими большими сильными руками.

Потом Кумюш долго смотрела в его лицо.

— Какое неожиданное счастье! — тихо сказала она и засмеялась звонким серебряным смехом, к которому так подходило ее имя — Кумюш¹.

Этот смех услышали во дворе. Приоткрытая свахой дверь захлопнулась. Кумюш взяла Атабека за руку и

¹ Кумюш — по-узбекски значит серебро.

подвела его к дастархану, где заранее было расставлено угощение.

— О, если бы я знала, что это вы, я встретила бы вас иначе...

— А вы думали, что это не я?

— Мне даже в голову не приходило, что это можете быть вы!

Кумюш снова звонко рассмеялась.

Атабек взял ее руку и надел на палец кольцо. Кумюш потупилась, говоря:

— А я не приготовила вам подарка...

— Вы жалеете об этом?

— О!..

— Не надо! Можно попросить вас о чем-то?

— Да!

— Если вы позволите мне поцеловать это местечко,— сказал он, показывая родинку на верхней губе Кумюш,— это будет для меня самым лучшим подарком.

Кумюш покраснела.

* * *

Но вернемся немного назад. На другой день после приезда в Маргелан Атабек пошел на обувной базар. Близился час предзакатной молитвы, и молодой человек попросил в одной из лавок воды для омовения. Вдоль улицы был прорыт глубокий арык, но вода в нем была лишь на дне, и брать ее оказалось неудобно. Продавец, сидевший в лавке, объяснил:

— Пройдете вон через те ворота на углу во двор, там есть место, где арык неглубок, и совершите омовение.

Так попал Атабек во двор кутидора как раз в ту минуту, когда Кумюш подошла к арыку с другой стороны. Ему показалось, что перед ним ангел. И Кумюш засмотрелась на красивого молодого человека. Они стояли, как замороженные, глядя друг на друга. Потом Кумюш страшно смутилась, бросилась бежать и скрылась в темном коридоре, ведущем в ичкари. При этом запрыгали все сорок косичек, струившихся по ее спине. Убегая, она все же метнула еще один взгляд на Атабека и подарила его мимолетной улыбкой.

Кумюш скрылась, но Атабек стоял, как вкопанный. Он весь был во власти одного желания — снова увидеть красавицу. Присев на корточки у арыка, чтобы зачерпнуть

воды, он все время всматривался в темный коридор, куда скрылась девушка. И совершив омовение, все еще продолжал смотреть туда. Но она так и не появилась. Может быть, выглядывает откуда-нибудь и посмеивается над своим пленником, которого связала без веревки.

Долго ждал Атабек. Пропустил час молитвы, и наконец усилием воли заставил себя уйти со двора.

Так родилась любовь, крепнувшая с каждым днем... Впрочем, читателю это уже известно. И вот случилось так, что мечта Кумюш сбылась и что эта первая чистая любовь соединила два юных сердца.

12

КЛЕВЕТА

«Сегодня седьмой день, как Атабек женился на дочери кутидора», — вот первое, что услышал Хамид, вернувшись в Маргелан из Коканда. Озверев от гнева, он готов был идти на любое преступление. В ушах все звучали слова: «...женился на дочери кутидора...»

Его возвращение принесло новые страдания обеим женам — неистовствуя от злобы, он избил их до полусмерти. Избегая встречи с ним, они ютились где-нибудь в углу двора и дружно желали ему смерти. «Ах, хогь бы он сгинул в Коканде и собаки сожрали его тело! Ничуть бы не было жалко», — говорили они.

Хамид что-то обдумывал, лицо его приняло свирепое, хищное выражение, словно он был готов броситься на свою жертву. Ничего хорошего не предвещало это лицо.

Но вот злая усмешка пробежала по губам, он прищелкнул пальцами — видно, что-то придумал, — вскочил, сорвал с колышка грязную чалму и пошел во двор. Зайдя в ткацкую мастерскую, он отдал распоряжения мастерам и подмастерьям и через ворота вышел на улицу, на ходу поправляя чалму.

Узенькими улочками и переулками он прошел в западную часть города, в квартал беков. Два вооруженных стражника стояли перед огромными воротами, обращенными на юг, и мирно беседовали. Хамид подошел к ним и спросил:

— Курбаши¹ у себя?

¹ *Курбаши* — здесь соответствует понятию — начальник полицейского участка.

Недовольный, что нарушили их беседу, один из стражников хмуро промолчал, а второй ткнул в сторону двери ружьем, буркнув:

— У себя.

Во дворе, напоминавшем караван-сарай, разложив костер из пней, грелись человек пятнадцать вооруженных стражников. Наш знакомец подошел к старшему, охранявшему вход в дом, сказал, что у него есть дело к курбаши, и попросил разрешения войти. Стражник предложил следовать за ним и привел его в помещение, где сидел человек лет пятидесяти, одетый в чекмень уратюбинской работы, подхваченный серебряным поясом, с синей чалмой на голове; темное лицо его отливало желтизной, как бывает у тех, кто употребляет кукнар или терьяк¹; на его коленях лежала сабля в серебряных ножнах. Это и был курбаши, он углубился в чтение какой-то бумаги, похожей на указ. Небрежно ответив на приветствие вошедшего, он глухим голосом спросил:

— Что тебе надо?

— Таксыр, у меня есть жалоба!

Стражник ушел. Посетитель стоял у двери, сложив руки на груди.

— Какая жалоба?

— Таксыр... позвольте мне присесть.

— Ладно, садись.

Посетитель сделал несколько робких шагов по выцветшему ковру и скромно сел напротив курбаши. Тот сложил бумагу, сунул ее за пазуху и угрюмо оглядел пришедшего.

— Откуда ты?

— Таксыр... я здешний, маргеланский.

— Как тебя зовут?

— Таксыр... Меня зовут Хамид.

— Чем ты занимаешься?

— Хозяин ткацкой мастерской.

— Хорошо. Выкладывай свою жалобу.

— Карачапаны не хотят жить спокойно даже при справедливом правлении Мусульманкула-баходыра, благородного тестя шахиншаха, — торжественно начал Хамид. — Они поднимают народ против своих старших братьев — кипчаков и хотят сами вершить дела, обрекая

¹ Кукнар, терьяк — наркотики.

страну на разруху и смуту... Мы считали, что смутьяны есть только в Ташкенте — Азизбек с его советником Юсуфбеком-хаджи, но оказывается семена смуты посеяны и у нас в Маргелане.

У курбаши сверкнули глаза.

— Что ты говоришь? Кто это сеет смуту в Маргелане?

— Один из них — сын знаменитого ташкентского смутьяна Юсуфбека-хаджи Атабек, пребывающий сейчас в нашем городе, другой — его тесть Мирзакарим-кутидор.

— Неужто?

— Да, таксыр.

— А как ты узнал?

— Недавно был в гостях в одном доме, таксыр...

— Ну, ну, и что же там?

— Разные там были разговоры, таксыр! Атабек сидел во главе стола, он-то и начал говорить о жестокостях кипчаков, о насилиях, якобы совершенных ими. Сообщил, что в Ташкенте Азизбек с его отцом решили отстранить кипчаков от управления страной. Предлагал воевать против кипчаков и в Маргелане. Все, а особенно Мирзакарим-кутидор, поддержали его. Нужно скорее предупредить это страшное дело, иначе возникнут тяжелые последствия для власти и для всей страны, таксыр!

— А у кого вы собирались?

Хамид не подумал, что такой вопрос может быть задан, и очень смутился. Ведь если он скажет, в чьем доме это было, арестуют и шурина, и племянника Рахмата.

Рассказать об этом — все равно что ударить себя же топором по ногам: некуда будет податься.

— Что-то не могу вспомнить, — сказал Хамид запинаясь.

Курбаши рассвирепел.

— Не помнишь?

Хамид совсем растерялся и прерывисто пролепетал:

— Может, и помню, но сказать неудобно, место очень деликатное...

— Деликатное! — воскликнул злобно курбаши и расхохотался. — Если не скажешь, где это было, сам будешь брошен в яму вместе с другими негодьями!

— Пощадите, таксыр!

Но курбаши ревел уже неистово:

— Никакой пощады!

Тут Хамид пустил в ход крайнюю меру. Он порылся в кармане, извлек оттуда кошелек и вынул, не считая, штук десять золотых монет.

— Таксыр,— сказал он, протягивая их курбаши,— примите мой дар...

Еще когда Хамид рылся в кармане, на лице курбаши заиграли иные чувства; теперь же, спокойно пряча деньги, он заговорил другим, почти ласковым голосом.

— Так деликатное место, говоришь, Хамидбай?

— Да, таксыр.

— И эти негодяи держали совет?

— Таксыр, надо предупредить их действия, иначе последствия будут ужасны!

— Смутьяны, конечно, будут наказаны. Я сейчас же доложу правителю. Мы должны их схватить этой же ночью.

Хамид повеселел. Его наполнило чувство радости при мысли о предстоящей мести. Как легко курбаши попался на его уловку.

Тем временем курбаши достал с полки чернильницу, обмакнул в нее перо и спросил:

— Ну-ка, Хамидбай, говори, как зовут негодяев?

— Один из них ташкентец Атабек, сын Юсуфбека-хаджи.

— Так, так,— сказал курбаши, записывая.— Юсуфбека-хаджи сын! Вот негодяй! Они хотят и наш Маргелан потопить в крови! Кто второй?

— Маргеланец Мирзакарим, на днях он выдал дочь за Атабека.

— Прокаженный прокаженного найдет и в темноте. Кто еще?

— Раб Атабека Хасанали.

— Есть еще кто-нибудь?

Хамид призадумался, потом, поколебавшись, ответил:

— Был там еще андижанец Акрам-хаджи... Не знаю, в Маргелане ли он сейчас.

Курбаши записал и это, приговаривая:

— Дело оказывается не простое! Дальше!

— Все, таксыр! Главное — задержать Атабека с Мирзакаримом, раздавить голову змеи. Остальным не под силу будет что-нибудь предпринять.

Курбаши отложил перо и сунул бумагу в карман.

— Хорошо! Дело ясное. Завтра утром узнаешь о принятых мерах.

Хамид почтительно поклонился и ушел.

АРЕСТ

Дворцовая крепость была расположена в местности Яр-Мазар, у самой городской стены. По обе стороны резных ворот шли стены высотой в восемь аршин. Перед воротами раскинулся большой плодовый сад, где росли яблони, урюк, груши и разных видов тутовые деревья.

У крепости на карауле стояли два стражника, одетые в длинные халаты и вооруженные саблями. Их головы покрывали кулакчины¹.

Один из караульных прикрыл полуотворенные створки тяжелых ворот и, гремя цепью, с трудом запер их.

Мы не имеем возможности пробраться в крепость, а потому обойдем ее снаружи. Пройдя шагов двести влево от ворот, мы достигнем угла. Там высится караульная башня, но сейчас в ней нет часового. Дальше на юг простирается пустырь. Четыреста шагов пути — и мы очутимся у второго, юго-восточного, тоже не охраняемого угла крепости; отсюда можно уже увидеть и ее юго-западный угол.

Сделав тысячу шестьсот шагов, мы обойдем всю крепость и окажемся снова у знакомых нам ворот на западной стороне. Стемнело настолько, что можно было пройти незамеченным. У ворот по-прежнему недвижно стояли часовые. Со стороны города все слышней и слышней приближался конский топот.

— Кажется, скачут сюда, — сказал один из часовых.

Другой, всмотревшись в сумеречную даль, заметил:

— Как будто три всадника...

— Кто бы это мог быть в неурочное время?

— Да никто, кроме курбаши, не появляется в этот час. Наверное, он.

Так оно и оказалось: подъехал курбаши в сопровождении двух стражников. Передав поводья коня одному из них, он приказал часовым:

¹ Кулакчин — меховая шапка с ушами.

— Открывайте ворота!

Часовые передали приказ, и ворота раскрылись изнутри. Курбаши прошел в крепость.

Мы уже измерили длину ее стен и можем представить, насколько она обширна внутри. С севера на юг там протянулась стена, отделяющая внутреннюю часть крепости, где жила семья правителя города. На внешнем дворе с трех сторон не было никаких строений, только лестницы, ведущие на крепостные стены. К четвертой стороне примыкал дом, где находилась канцелярия правителя, и длинное здание с пятнадцатью окошками, дальше были расположены кухня, конюшня и другие хозяйственные пристройки.

В длинном здании у огня, разожженного в середине, сидело человек пятьдесят вооруженных стражников.

Курбаши окликнул привратника: -

— Бек у себя?

— Не знаю,— ответил привратник, закрывая ворота.

В это время человек, ведавший освещением, зажег подле ворот длинный факел и осветил весь двор.

Курбаши двинулся вправо от ворот. На той стороне высился красивый, искусно украшенный дом, лучшие зодчие города трудились над его отделкой.

У входа в здание стоял вооруженный стражник. Курбаши вошел в дом и попал в небольшую комнату, отделанную резьбой и лепными украшениями. Миновал ее и очутился в большом роскошном зале; стены его, расписанные золотыми и серебряными, зелеными и красными, белыми и розовыми, желтыми и черными цветами, сверкали при свете нескольких десятков свечей в золотых канделябрах. Этот блеск и пестрота красок придавали залу фантастический вид.

Вытканые на красном ковре тюльпаны казались живыми и свежими, словно их только что сорвали в саду.

На почетном месте, против главного входа, у маленькой, ярко раскрашенной дверцы, сидел на атласных одеялах юноша лет пятнадцати и ел плов.

— А, Ахмадхан, вы здесь? — сказал курбаши улыбаясь.

Юноша не тронулся с места.

— Я всегда здесь. Присаживайтесь к плову.

— Спасибо. Кушбегги, наверное, у себя?

— Да. А вы не стесняйтесь, ешьте плов, я уже наелся.

— Я счастлив буду отведать из вашей благословенной руки.

Ахмадхан захватил побольше плова в горсть и поднес ко рту курбаши. Лицо гостя выразило блаженство, казалось, он готов был проглотить не только плов, но и руку Ахмадхана.

Через некоторое время низенькая пестрая дверь раскрылась, и в зал вошел человек лет сорока пяти среднего роста, полнолицый, с жидкой бородкой, густыми нависшими бровями и тяжелым взглядом. Его плотную фигуру облекал парчовый халат, на поясе висела сабля.

По тому, как вскочили и курбаши и Ахмадхан, с какой почтительностью поклонились они ему, можно было догадаться, кто это такой. Кушбеги Утаббай присел на атласное одеяло и строго спросил:

— Ну что, Халикбек, у вас спокойно? Садитесь, рассказывайте!

— Слава богу под сенью вашей милости!..— сказал, почтительно кланяясь, курбаши и опустился неподалеку на колени.

Ахмадхан взял пустое блюдо и скатерть и вышел через ту же пеструю дверцу.

— Поймали вчерашних воров?

— Под сенью вашей милости... Одного поймали. Если счастье нам улыбнется, надеюсь, что поймаем и остальных.

— Какие еще новости?

Курбаши сделался серьезным.

— Под сенью вашей милости, я, кажется, открыл шайку смутьянов, опасных для правительства.

Утаббай переложил на колени мешавшую ему саблю и равнодушно спросил:

— Каких смутьянов?

— Какие же еще смутьяны могут быть на свете, таксыр, кроме карачапанов?

Тут с лица кушбеги слетела маска равнодушия, он приподнялся и шире открыл глаза.

— Ну?

— Вам известно, что Азизбек вместе со своим советником Юсуфбеком-хаджи поднял в Ташкенте бунт. Но они не остановились на этом, задумали поднять смуту и в Маргелане тоже, прислав для этого дела сюда своего верного человека.

— А вы узнали, кто это?

— Узнал, таксыр.— В голосе курбаши прозвучали горделивые нотки.— Это сын Юсуфбека-хаджи. А с ним заодно действуют еще несколько наших маргеланцев смутьянов.

— Сын Юсуфбека-хаджи?— переспросил кушбеги.

— Да, таксыр, имя его Атабек.

У кушбеги горели глаза. Он задумался, наморщив лоб и тербя свою бороду. Слова курбаши произвели на него сильное впечатление. «Вполне возможно,— думал он,— что один из ташкентских зачинщиков смуты — Юсуфбек-хаджи — послал в Маргелан сына с целью поднять здесь мятеж».

— А где он сейчас?— спросил кушбеги.

— В доме кутидора Мирзакарима.

— Что его связывает с кутидором?

— Вот в этом-то и вся штука, таксыр. Кутидор — самый близкий в Маргелане человек Атабеку. Несколько дней назад кутидор выдал свою дочь за него, сделал своим зятем. Говорят, что Атабек обо всем советуется с тестем.

— А кто к ним примыкает?

Курбаши вынул из кармана бумагу и сказал, протягивая ее кушбеги:

— Пока мне известны лишь эти имена.

Прочитав донесение, Утаббай приказал немедленно доставить поименованных в нем людей. Курбаши ушел, а кушбеги, еще раз внимательно прочитав список, задумался.

* * *

Прошло несколько часов. Кушбеги только что вышел из внутренних покоев, как снова появился курбаши. Раболепно кланяясь, он объявил:

— Люди доставлены, таксыр! Но двоих я не нашел...

— А Атабек?— нетерпеливо перебил кушбеги.

— Пойман, таксыр,— с победоносным видом воскликнул курбаши.— И кутидор тоже.

— Приведите их сюда!

Кушбеги говорил уже спокойнее.

Курбаши вышел, подал из коридора знак во двор, вернулся обратно и попросил разрешения сесть.

Два стражника ввели Атабека и кутидора. Они с порога поклонились кушбеги, тот отослал стражников и милостиво подозвал к себе обоих. Лицо Атабека выражало лишь недоумение; кутидор был испуган и очень бледен. Подойдя поближе, они опустили на колени.

Кушбеги, внимательно разглядывая Атабека, спросил:

— Вы Атабек?

— Да, таксыр.

— Вы сын ташкентца Юсуфбека-хаджи?

— Да, таксыр.

— Сейчас вы живете в Маргелане?

— Да, таксыр.

— И давно вы здесь?

— Около сорока дней.

— По каким делам вы прибыли сюда?

— По торговым, таксыр.

— Вы одни?

— Был со мной еще человек.

Кушбеги заглянул в список, который держал перед собой, и продолжал спрашивать:

— А кто такой Хасанали?

При этом вопросе Атабек немного заволновался, однако отвечал по-прежнему спокойно.

— Это мой слуга. Он мне сопутствовал из Ташкента.

— А где сейчас Хасанали?

— В Маргелане.

— Он живет вместе с вами?

— Нет, в караван-сараяе. Там есть у нас немного товара, так он присматривает за ним.

— Кем вам приходится этот человек?— Кушбеги указал на кутидора.

— Тестем.

— И давно вы с ним породнились?

— Сегодня восьмой день.

— Вы были женаты раньше?

— Нет!

— Почему же вы, ташкентец, женились в Маргелане?

Атабек смутился. А кушбеги решил, что это подтверждает подозрения насчет мятежных замыслов Атабека.

— Отвечайте!

— Судьба, таксыр.

Кушбеги помолчал, подумал и продолжал допрос:

— С кем вы еще знакомы в Маргелане?
— Только с тремя-четырьмя людьми, не более.
— Знаете ли вы Акрама-хаджи?
— Да, знаю. Я встречался с ним несколько раз в гостях.

— А где он сейчас, ваш приятель Акрам-хаджи?

— Не знаю, таксыр,— сказал Атабек и оглянулся на тестя, как бы обращаясь к нему за ответом.

— Акрам-хаджи, наверное, в Андижане, таксыр!— сказал кутидор.

— Хорошо! Отвечайте, Атабек, в чьих домах происходили беседы, при которых вместе с вами присутствовал Акрам-хаджи.

Атабек начал догадываться, что за этими вопросами кроется что-то серьезное.

— Первый раз мы встретились в доме человека по имени Зия-шахичи, вторично — у кутидора,— Атабек посмотрел на тестя.

— Кто был в доме у Зия-шахичи?

— Я, хозяин дома, уважаемый кутидор... — Атабек задумался и добавил: — Сын Зия-шахичи, Рахмат, Акрам-хаджи, Хасанали и еще один человек по имени Хамид.

Услышав имя Хамида, курбаши кивнул головой, а кушбеги, мельком взглянув на него, спрашивал дальше:

— Кто присутствовал на второй встрече?

— Были все те же. Только без Хамида.

— Когда вы, говорите, приехали в Маргелан?

— Дней сорок назад.

— Какая же причина заставила вас на такой долгий срок задержаться в Маргелане?

— Вам, конечно, известно, что Ташкент осажден. Возвращаться туда было бы сейчас безумием.

— Что же вы, карачапан, испугались кипчаков?— насмешливо спросил кушбеги.

— Я не совсем понимаю вас,— спокойно улыбаясь, сказал Атабек.

Он разговаривал с кушбеги как с обыкновенным человеком, а кутидора и слова, и особенно его улыбка бросали в жар и холод. «Вести себя так, как ведет Атабек, равносильно самоубийству!»— думал он. Правда, Утаббай был наиболее благоразумным и справедливым из правителей того времени, но и он не мог не поддаться влия-

нию тогдашних нравов. Атабек своей спокойной речью вывел его из терпения.

— Уж не забыли ли вы, что ваш отец Юсуфбек-хаджи враг кипчаков? Где документ, выданный вам отцом как его представителю?

— Во имя бога объясните, почему вы называете моего отца врагом кипчаков? О каком документе идет речь? Я ничего не могу понять, хоть убейте!

— Не приговаряйтесь, бек! Мы хорошо знаем, кто такой ваш отец, зачем послал он вас в Маргелан и что вы здесь творите вместе с кутидором. Все известно! Вы хотите поднять своих маргеланских соплеменников против кипчаков!..

— О господи! — воскликнули вместе Атабек и кутидор.

Они были потрясены. Атабек побледнел от негодования. Кутидор дрожал, как в лихорадке.

Усилиям воли Атабек взял себя в руки.

— О, какая клевета, таксыр! Неужели вы поверили, что отец мой — враг кипчаков, а я приехал в Маргелан поднять какое-то восстание?

— Не думаем, а знаем, что это так! Не потому ли кутидор выдал дочь свою за вас, сделал вас своим зятем?

Полное оцепенение охватило кутидора, Атабек тоже молчал, стараясь преодолеть волнение.

Кушбеги и курбаши, зорко наблюдая за арестованными, по-разному объясняли себе их состояние.

Наконец Атабек обрел дар речи.

— Значит, нас привели сюда как мятежников? Надеюсь, что беспристрастное следствие раскроет истину. Я не боюсь казни и вовсе не собираюсь лстить вам, но должен сказать, что считаю вас из всех правителей наиболее разумным и справедливым. А потому хочу объяснить, каковы убеждения моего отца и мои. Мы не держим сторону ни кипчаков, ни наших сородичей. Мы считаем, что нельзя отдавать предпочтение ни тем, ни другим; в делах управления обе стороны действуют не хуже и не лучше. Связывать будущее Туркестана только с одной из этих сторон — все равно что отдавать овец под охрану волков. Вы спросите — почему? Да потому, что и с той и с другой стороны людьми, стремящимися к власти, руководит лишь одно — корысть. Одни старают-

ся увеличить свои богатства за счет разорения народного, другие мечтают о роскошной жизни, о красивых женщинах. Среди них днем с огнем не найти таких, перед которыми бы стояла великая цель — дать мир и благоденствие народу. Так вот мы с отцом, таксыр, сторонники этой благородной цели. Пока, к сожалению, она живет только в наших мечтах. Отец мой стал советником Азизбека не потому, что он враг кипчаков и сторонник карачапанов, а потому, что он надеется провести свои убеждения в жизнь. Увы, надежды отца на Азизбека не оправдались. Азизбек отвернулся от хана ради своих темных замыслов, из-за этого пролита кровь многих невинных. Хотите верьте мне, хотите нет — воля ваша. Но я возмущен явной клеветой на меня, таксыр. Очень больно мне это слышать!

Выслушав Атабека, кушбеги серьезно призадумался. Но сомнения не покидали его: ведь Атабек все же сын Юсуфбека-хаджи, ближайшего советника Азизбека. Уж не подготовил ли он на случай ареста всю эту речь? Единственное, что он решил, это тщательно расследовать дело, не торопиться со скороспелыми заключениями.

— Во всяком случае, ваши действия кажутся нам подозрительными, — сказал кушбег, — и до выяснения истины оба вы будете находиться в темнице.

Атабек промолчал. Кутидор растерянно посмотрел на него. «Неужели нет выхода?» — говорил его взгляд.

По знаку кушбеги, пришли стражники и увели арестованных.

Отпуская курбаши, Утаббай строго сказал:

— Завтра же арестуйте и доставьте сюда всех участников сборищ, на которых бывали эти двое.

Курбаши удалился.

В ТАШКЕНТ ЗА ПОМОЩЬЮ

Восемь дней Кумюш была безмерно счастлива — и вдруг такое бедствие пало на ее голову. Ей казалось, что она уже никогда не увидит своего любимого.

Как радовался Хасанали, женив бека на девушке, которую тот полюбил! Однако не успел он насладиться делом рук своих, как свалилось такое несчастье. А Оф-

тоб-айм? Она не знала, куда деваться от восторга, видя счастье своей единственной дочери. Зять— выше всяких похвал, молодые так любят друг друга, что ни на минуту не могут расстаться. А тут этот неожиданный необъяснимый арест! Офтоб-айм пришла в отчаянье. Целый день она вместе с дочерью лила горькие слезы. Кумюш совсем растерялась, глядела на Хасанали полными слез глазами, как бы спрашивая: «Что же нам теперь делать?»

В семье кутидора не было кроме него мужчин; защитником мог быть только дядя Кумюш, Ахмадбек, но он чаще всего пребывал в Коканде либо в Ходженте, и рассчитывать на него было трудно. Таким образом, единственным верным человеком оставался Хасанали. На него и легла вся тяжесть забот о доме и все бремя огромного горя.

Если бы он находился в родном городе, где много родных и знакомых, которые откликнулись бы и помогли, было бы не так тяжело, но Ташкент далеко, а в Маргелане он одинок.

Из знакомых — только Зия-шахичи и его сын Рахмат. «Во всяком случае, у меня нет здесь других людей, на которых можно опереться»,— решил он. Но воспользоваться их помощью не пришлось: и отец и сын были арестованы.

Как вскоре выяснилось, разыскивали и самого Хасанали. Его арестовали бы в тот же день, что и Атабека с кутидором, но просто не нашли, так как он был не дома, а в караван-сараях.

Узнав, что их ждет еще и эта беда, Кумюш и ее мать пришли в полное отчаяние. До того как стражники явились за стариком, они еще надеялись, что через день-два освободят и Атабека, и кутидора, теперь же все надежды пропали.

У Хасанали мелькнула мысль добровольно отдаться в руки властей, пусть его держат в заключении вместе с Атабеком; если придется умереть, то он умрет вместе с ним, а если все разъяснится, их всех освободят.

Кумюш и Офтоб-айм воспротивились этому.

— На свободе вы можете принести больше пользы заключенным,— говорили они.

Хасанали с этим согласился. Но жизнь его стала ужасной: каждую минуту он ждал, что за ним придут.

Скрываясь от стражников, он по несколько раз в день менял свое местопребывание. Он перестал есть, спать и все думал: «За что арестовали Атабека и кутидора? В чем они могли провиниться?» Хасанали знал все дела своего господина. «Видно, что-нибудь в делах кутидора неладно»,— думал он. Но его все больше охватывал страх, он вспомнил старинную народную поговорку: «Человек гибнет не по своей вине, а потому, что правителю крови захотелось».

Так прошло пять томительных дней. Ничто не прояснилось, причины ареста Атабека и кутидора оставались неизвестными. Хасанали ничего не смог предпринять для их освобождения и, видно, дальше ничего не сможет сделать. Значит, прежде всего надо думать о том, чтобы самому остаться на свободе.

И вот Хасанали решил вернуться в Ташкент. Оттуда все время доходили тревожные слухи, говорили, что Ташкент еще в осаде, и старик хорошо понимал, сколько опасностей поджидает его. Но выхода не было, нужно сделать все для спасения Атабека. Он объявил Кумюш и ее матери о своем решении; они обе находились в таком отчаянии, что плохо соображали, о чем он говорит, и только горько плакали.

— Здесь мы ничего не добьемся,— заверял Хасанали.— Нужно ехать в Ташкент.

— Но почему в Ташкенте мы скорее найдем помощь, чем в Маргелане?— надломленным голосом спросила Кумюш.

— Все надо испробовать, дочь моя! Возможно, ваш свекор найдет выход, даст хороший совет...

— Как же мы без вас останемся,— разрыдавшись, сказала Кумюш.— А вдруг тираны...— от слез она не могла говорить.

Хасанали и сам чуть не плакал, но сдерживал себя, стараясь успокоить Кумюш.

— Не надо думать о дурном, дочь моя! Утаббай справедливее многих правителей. Уповая на бога, надеюсь, что еще до моего возвращения из Ташкента и отец и муж ваш будут на свободе.

В эту же ночь Хасанали собрался в дорогу, оседлав солового иноходца кутидора. А рано утром он был первым человеком, выехавшим из Кокандских ворот Маргелана.

ТАШКЕНТ В ОСАДЕ

Пятьдесят первый день Ташкент в осаде. Зима кончалась, потеплело, солнце сияло на посветлевшем небе. Таял снег, и земля превратилась в грязь. От зубцов крепостной стены шел пар.

На рассвете кокандцы атаковали Самаркандские ворота Ташкента и понесли большие потери. Поле битвы являло страшную картину. Оставшиеся в живых кокандские воины-сипахи разбрелись кто куда, чтобы хоть немного передохнуть и перевязать раны. У крепостной стены, между воротами Камолон и Самаркандскими, на протяжении пятисот шагов, валялись полуобнаженные, обезглавленные, залитые черной кровью тела. А на крепостных стенах, усталые после боя, но веселые от сознания победы, грелись на солнышке защитники Ташкента.

Возбужденные, радостные, они похвалялись друг перед другом своими подвигами.

— Я здорово-таки попал в него, будь он проклят, — рассказывал один из воинов о том, как убил одного из военачальников кипчаков. — Высоко он подпрыгнул над своим конем и потом сразу покатился на землю.

— Смотрите! Вон в того кипчака попала стрела, — перебил говорившего другой воин, показывая на чье-то тело внизу. — Я видел, что он жив, но подняться уже не может, только стонет. Ну, я помог ему: одним взмахом отрубил голову. Я снял с него золотой пояс, парчовую шубу...

Так похвалялись они своим героизмом и богатой добычей — золотыми поясами, кольцами, украшенными драгоценными камнями, собольими и куньими шубами, саблями в серебряных ножнах и многим еще.

Вдруг на крепостной стене кто-то запел песню во славу Азизбека:

Радостным благополучным твой век да будет!
Сильным, счастливым твой друг, Азизбек, да будет!
А заболел Нурмаг — пусть лекарь для него не найдется,
Печься в огне этот злой чедовек да будет!

Но пройдем дальше на запад. Мы достигнем Самаркандских ворот. Восемь аршин высоты, шесть ширины —

вот их размеры. Надо спешить, иначе можем попасть в лапы врагу, и мы нетерпеливо стучим в ворота.

— Откройте, бек. Откройте поскорее!

Но никто не откликается. Словно привратникам и дела нет до опасности, которой мы подвергаемся. Мы настойчиво продолжаем стучать, наконец минут через пятнадцать им это надоедает и один из привратников лениво поднимается на крепостную стену. Он внимательно разглядывает нас. Удостоверившись, что мы свои, ташкентские, он с превеликим трудом отмыкает огромный, величиной с голову верблюда, замок и снимает цепь.

Вот мы и внутри. Закрывая ворота, привратник ворчит до тех пор, пока это ему самому не надоедает. Как же выглядит этот суровый страж? На нем шуба из овчины, на голове туркменская папаха, целый кусок бязи перепоясывает его стан, а на поясе болтается ключ от крепостных ворот, длиной чуть не в аршин.

Шагах в пятнадцати направо, на открытой площадке, похожей на беседку, расположилась охрана ворот. Стражники греются у костра и покуривают чилим¹.

Продолжим наш путь вдоль внутренней крепостной стены. Мы увидим живописно расположенные группы воинов, которые стояли раньше на крепостной стене. Теперь они, отдыхая, сидят на самой верхней ступеньке крепостной стены и греются на солнце.

Как пестры их одежды! Ведь это все простые граждане Ташкента, вставшие на защиту родного города: кто вооружен саблей, кто ружьем.

А вот перед нами стоит какой-то бек в парчовом халате, с саблей, висящей на серебряном поясе, в шелковой чалме серебристого цвета и что-то втолковывает стоящему рядом юноше, показывая на кучу вещей, лежащих перед ним.

А еще дальше мы наталкиваемся на нечто страшное — «холм ужасов», сложенный из нескольких сот человеческих голов. Тут же как ни в чем не бывало беседуют беки, а мы буквально лишаемся сознания от страха и отвращения.

О, эти перепачканные кровью волосы, длинные бороды, посеревшие лица, полуоткрытые и подернутые

¹ Чилим — кальян.

смертной дымкой глаза! Так и кажется, что они шлют проклятия этому миру. Особенно страшна одна голова. Наверное, обладателю ее не было и двадцати лет, на губе еще усы не пробились. Полуоткрытые глаза под забрызганными кровью густыми бровями, казалось, искали кого-то, прикушенный язык высовывался из полуоткрытого рта. Страшная гримаса на лице убитого как бы выражала сожаление о том, что ему пришлось родиться в столь ужасное время.

В одной из этих страшных голов бек узнал своего знакомого кипчака и указал на нее стоящему рядом юноше.

В это время показались три всадника, скачущих со стороны ворот Камолон.

— Худайчи¹, Сулейман-худайчи! — закричали сидевшие на крепостной стене.

А всадник, подъехав к начальнику крепости, объявил, что сейчас придет его высочество Азизбек. Всадники ~~ускакали так же стремительно~~, как появились. О, значит сам правитель пожалует, чтобы поздравить с большой победой, одержанной сегодня над кипчаками!

Начальник крепости засуетился, забегал, словно в его портянку забралась блоха.

— Эй, храбрые молодцы, там, на крепостной стене! Постройтесь как полагается, подготовьтесь к встрече нашего бека! Гей, Хусейнбек, беги предупреди привратников! Ганибек, сотский, выровняйте свои ряды! Есаулбаши, следите за порядком!

Все пришло в движение: строились ряды, беки перекликались между собой, а начальник крепости мотался на коне из конца в конец и отдавал распоряжения:

— Готовьтесь, воины! Стройтесь! Сейчас сюда пожалует Азизбек.

Вооруженные ружьями, саблями, секирами, копьями воины шумно выравнивали ряды. В середине строя взвилось зеленое знамя.

Все было готово для церемонии торжественной встречи правителя города.

¹ Худайчи — соответствует понятию адъютант правителя, возвещающий о его появлении.

АЗИЗБЕК!

Через несколько минут с той же стороны, откуда прибыл худаичи, показался большой отряд всадников. Это ехал Азизбек с военачальниками. Их сопровождала сотня воинов.

Азизбек сидел на светло-сером жеребце в золоченой сбруе, упиравшись ногами в серебряные стремяна. На нем был парчовый халат, украшенный по вороту и рукавам золотым позументом, белая шелковая чалма, на золотом поясе висела алжирская сабля.

Под лучами солнца все это сияло и переливалось цветами радуги. Желтоватое, цвета пшеницы, лицо Азизбека обрамляла реденькая бородка, топорщились реденькие брови. На вид ему можно было дать лет пятьдесят.

За ним следовал на вороном коне человек в голубом суконном халате, тоже украшенном позументами; голову его покрывала барашковая папаха, на серебряном поясе с правой стороны болталась сабля, с левой был заткнут пистолет. На его смуглом лице с жидкой растительностью поражало полное отсутствие бровей, словно их начисто слизали джины. Глубоко ввалились налитые кровью глаза. Это был главнокомандующий войсками Азизбека, преданный ему, как раб, Раимбек-дадха. Рядом с ним на низкорослом соловом коне ехал некто в бухарском полосатом халате с отвернутыми полками, без пояса и в большой чалме. Круглолицый, с ясными карими глазами, с длинной седоватой бородой, он походил своим обликом на человека духовного звания; к тому же он был безоружен и ехал, опираясь ручкой плети о луку седла.

За этими тремя всадниками по четыре в ряд гарцовали воины. Все они были одинаково одеты в короткие до колен камзолы из голубого сукна и красные суконные шаровары; на ногах у них красовались зеленые сапоги из конской кожи, а на головах — папахи, такие же, как у Раимбека, только с красным суконным верхом. Все они в белых кожаных поясах, слева у каждого висела сабля, а справа — заткнут за пояс пистолет. В общем, колонна имела стройный вид, несмотря на то, что многие из воинов достигли уже преклонного возраста.

Все раболепно приветствовали Азизбека, кланяясь чуть не до земли. Азизбек отвечал кивком головы, прикладывая при этом к груди золотую рукоятку своей плети.

Начальник крепости, стоявший у холма из отрубленных голов, сошел с коня и, придерживая повод, почтительно ждал, пока бек подъедет к этому месту.

Расстояние между скачущим беком и холмом из голов все уменьшалось и уменьшалось, бек так пристально вглядывался в мертвые лица, что даже забывал отвечать на приветствия.

Военачальники и воины, сопровождавшие Азизбека, тоже смотрели на страшный холм. Подъехав к нему, Азизбек остановился и с видимым удовольствием глядел на представившуюся его взорам картину. Потом повернулся к беку, все еще стоявшему с почтительно сложенными на груди руками, и сказал, улыбаясь:

— Хвалю вас за рвение! Сегодня вы дали кипчакам богатырский ответ. Истребляли их как собак! Спасибо моим подданным за их старание. Пусть живут вечно!

Азизбек замолк, и тут же глашатай громко закричал, чтобы услышали стоявшие наверху:

— Почтеннейший бек изволили принести вам благодарность за рвение и пожелать долгой жизни!

Ответные крики прозвучали так громко, что небо содрогнулось.

— Благодарим, таксыр, благодарим! Долгой жизни нашему правителю! Да не оскудеет его царственная сень над нами!

Азизбек приложил плеть к груди и поклонился. Потом он отдал приказ:

— Выдать начальнику крепости парчовый халат, сотенным — по атласному халату, всем остальным храбрецам — по три теньги¹.

Снова раздались благодарственные выкрики.

— Да приумножится его достояние!

Из колонны, ведя на поводу коней, выступили два казначея и подошли к худаичи. Один из коней был навьючен халатами, другой — хурджунами, туго набитыми

¹ Теньга — серебряная монета.

деньгами. Худайчи снял с вьюка один парчовый халат и поднес его начальнику крепости. Надевая халат, тот долго и выпренне благодарил Азизбека.

После этого худайчи, нагрузив двух воинов халатами и мешками с монетами, поднялся вместе с начальником крепости на крепостную стену. Там началась раздача наград; по указанию начальника одним выдавалось по три теньги, другим — шелковые халаты.

Тем временем Азизбек объезжал холм из отрубленных голов, показывая сопровождавшим его Раимбек-дадха и человеку в полосатом халате головы знакомых кокандских военачальников. Он рассказывал при этом, кто из них какую занимал должность, какие жестокости чинил над карачапанами.

Раимбек-дадха слушал с величайшим вниманием, а человек в полосатом халате брезгливо отворачивался от страшного зрелища и лишь изредка восклицал: «Таксыр, таксыр!»

За полчаса все подарки были розданы, худайчи пошел к Азизбеку с пустыми мешками и отдал почтительный поклон, а Азизбек обратился к начальнику крепости:

— Никого не обошли?

— О нет! Под вашей благословенной сенью...

— Когда кипчаки начали сегодня атаковать?

— Чуть забрезжил рассвет, со стороны Ак-Тепе загремели пушки. Минут через пятнадцать после этого показались конные войска кипчаков, они бросились на Самаркандские ворота. Тут уж и я поднял стрелков и приказал открыть стрельбу из бойниц у Самаркандских ворот. Не разгибая спин, вели они стрельбу минут пятнадцать. Кипчаки не выдержали ружейного огня, отступили от Самаркандских ворот и бросились к воротам Камолон. Тогда и я, с вашего благословения, пустил в дело стрелков, находившихся там. Час целый длилась стрельба. Враг не смог устоять под нашими пулями и бежал. А между воротами Камолон и Самаркандскими осталось лежать сотни четыре трупов. Все убитые — кипчаки. Из наших убито всего пять человек да раненых — девять!

Азизбек, возбужденный выслушанным, снова воздал хвалу победителям и спросил:

— Кипчак Нармат показывался?

— Нет, таксыр! Возле крепости ни разу не появлялся. Если бы явился...

— Надо быть готовым к этому!

— Конечно, под вашим благословенным началом... Это для нас главное!

Азизбек крикнул, обращаясь к воинам:

— Я доволен вами!

А затем, под громкие выкрики благодарности и восторга, двинулся вместе со свитой к Самаркандским воротам.

На радостях бек решил проехать вдоль крепостных стен. За Самаркандскими воротами стена упиралась в глубокий обрывистый арык Чакар, над его водами невозможно было возвести стену, и яр оставался открытым, но сразу же за ним стоял высокий холм, омываемый с западной стороны водами Боз-Су и арыка Кукчи. Зажатый между двух потоков, этот холм и без укреплений являлся превосходным естественным препятствием. На холме были установлены три пушки, и при них постоянно находились пушкари и охрана. Люди жили в помещении, обращенном на три стороны света, и на все три стороны были направлены жерла пушек.

Азизбек со свитой спустился в яр, перебрался через него вброд и стал подниматься в гору.

Произведя наверху смотр пушкарям и прочим воинам, он распорядился и их одарить деньгами. После этого вся колонна вернулась на восточную сторону холма, так как все остальные стороны его были обрывами в несколько тополей вышиной. Для того чтобы проехать к воротам Кукчи, надо было бы предварительно спуститься недалеко от кладбища Сузик-Ата к арыку Кукчи, переправиться вброд и тогда лишь повернуть к крепостным воротам.

В укреплениях Кукчи было сосредоточено меньше воинов, чем в других местах, но все же и там их было немало. Худайчи ехал немного впереди Азизбека, возвещая о его прибытии.

Молодые и старые воины приветствовали своего правителя и испытывали чувство немалой гордости, слыша его ответные слова:

— Благодарю, подданные.

Так объехал Азизбек ворота Кукчи, Чигатай, Сагбан, Карасарай, Тахтапуль, Лабзак и, наконец, достиг Каш-

гарских ворот. Здесь уже была усиленная охрана и много воинов: неподалеку находился дворец.

Приветственные крики неслись со всех сторон. Азизбек почти доехал до Кашгарских ворот, когда раздался настойчивый стук снаружи. Конь бека испугался, рванулся и стал. Остановилась и свита.

Азизбек прикрикнул на привратника, испуганно склонившегося перед ним:

— Чего стоишь? Подымись и узнай, что там за пес!

Привратник взбежал на крепостную стену.

— Таксыр! Здесь какой-то старик!

— Открой ворота ипусти его,— приказал Азизбек.

И вот, ведя на поводу солового коня, в открывшиеся пред ним ворота вошел Хасанали.

Испуганный неожиданной встречей, он едва пробормотал слова приветствия.

17

ЮСУФБЕК-ХАДЖИ

При виде Хасанали уже известный нам человек в полосатом халате, сопровождавший Азизбека, воскликнул:

— О! Да это же наш Хасанали. Здравствуй, Хасанали! Подойди поближе. Как поживает Атабек? Это наш человек, таксыр,— обратился Юсуфбек-хаджи (это был он) к правителю.— Он приехал из Маргелана.

Азизбек закусил губу и промолчал; он уже собирался отдать старика в руки палача за то, что тот испугал его коня.

Теперь он молча продолжал свой путь; за ним следовал Юсуфбек-хаджи, Хасанали шел позади воинов охраны.

У дворцовых ворот уже стоял управитель дворца, он помог Азизбеку сойти с коня. Когда бек входил в ворота, к нему, сходя с коня, обратился Юсуфбек-хаджи.

— Разрешите мне отлучиться, бек?

Правитель посмотрел на него:

— Разрешаю! Завтра жду вас во дворце к чаю.

— Хорошо, таксыр!

С помощью одного из воинов Юсуфбек снова сел на коня и подъехал к Хасанали, стоявшему в стороне.

Ведя в поводу лошадей, воины охраны входили в дворцовые ворота.

Обеспокоенный неожиданным возвращением Хасан-

али, да к тому же одного, без Атабека, Юсуфбек был уверен, что стряслось какое-то несчастье.

— Почему ты один приехал? Здоров ли Атабек? — спросил он еще издали, подъезжая к старику.

То ли Хасанали не расслышал, то ли сделал вид, что не слышит, но он ничего не ответил.

— Почему молчишь?

— Атабек здоров...

— Почему же ты здесь? Где Атабек?

Хасанали тяжело было говорить о случившемся. Отерев слезы, набежавшие на глаза, он, наконец, про-
бормотал:

— Атабек брошен в темницу маргеланским правите-
лем.

— Почему? За что? — вскрикнул хаджи, подскочив и чуть не свалившись с коня. — Какая причина?

— Причина неизвестна!

— Боже праведный!

Хаджи был вне себя от волнения.

Хасанали обстоятельно рассказал обо всем, что произошло в Маргелане, начиная с их приезда туда и кончая арестом Атабека. Юсуфбек был так обеспокоен этим делом, что даже сообщение о женитьбе сына вы-
слушал равнодушно.

— Увидев, что ничего не добьюсь в Маргелане, я решил отправиться в Ташкент, — закончил Хасанали свой рассказ.

Юсуфбек, хаджи впал в глубокое раздумье. В Таш-
кенте все, и стар и мал, знали и почитали его, и когда он проезжал по улицам города, встречные отдавали ему поклон. Так было и сейчас, но Юсуфбек ехал мимо, ни-
чего не видя, никого не замечая... Наконец после долго-
го раздумья он оглянулся на Хасанали, ехавшего сзади, и придержал коня.

— Кто еще, ты говоришь, арестован вместе с Атабе-
ком? — спросил он.

— Еще трое: кутидор, Зия-шахичи и его сын Рахмат.

— Так! Ты был вместе с ним на той пирушке?

— Был.

— О чем они говорили? Не сказал ли Атабек что-
нибудь дурное о кипчаках?

— Ничего такого не говорил. И другие об этом не
говорили.

- А случалось ли, что подобного рода встречи происходили в твое отсутствие?
- Нет, я бывал каждый раз.
- Так! Где они собирались?
- В первый раз в доме Зия-шахичи, во второй...
- погоди! Кто был у Зия-шахичи?
- Кутидор, Атабек, андижанец Акрам-хаджи, я, шурин Зия-шахичи Хамид, сам Зия-ака и его сын... Всего семь человек.
- Молча ехал Юсуфбек-хаджи, разглаживая плетью гриву коня. Потом спросил:
- А еще где собирались?
- Дня через два после пирушки у Зия-шахичи были приглашены в гости к кутидору. Собрались те же самые, кроме Хамида.
- А еще где бывали встречи?
- Больше нигде. Примерно через двадцать дней после встречи у кутидора состоялась свадьба. Ну, да какие разговоры на свадьбе?
- А почему в гостях у кутидора не было этого, как его... Хамида?
- Не знаю... Должно быть, его не пригласили.
- Арестованы Атабек, кутидор, Зия-шахичи, Рахмат — верно я говорю?
- Так точно, хаджи!
- А тебя тоже разыскивали стражники курбаши?
- Разыскивали.
- Акрам-хаджи отбыл в Андижан, поэтому его не нашли, так?
- Да!
- А Хамида?
- Его, кажется, и не искали. После ареста Атабека я его где-то видел.
- Ты говоришь, что наша невестка очень красива?
- Ей-богу, хороша. Она стоит любви Атабека, только бы вырваться ему на свободу!
- Знают в Маргелане о ее красоте?
- Да все только и говорят об этом.
- Хамид женат? Не знаешь ли?
- Женат. Он как-то заходил к нам в караван-сарай и говорил, что у него две жены.
- А зачем Хамид приходил к вам? — спросил Юсуфбек. — И почему ты об этом сразу не сказал?

— Вылетело как-то из памяти,— извинился Хасан-а.ти.— Хамид зашел вместе с Рахматом приглашать к Зия-шахи. Мы их угостили как полагается. Ни о чем таком они не говорили, просто посидели и ушли.

— Так! А как ты думаешь, что за человек Хамид?

— Любит злословить, да и душа у него грязноватая. Ехали молча. Немного погодя Хасанали спросил:

— Как вы полагаете, запутанное дело у Атабека?

Хаджи промолчал. Он боялся что-нибудь сказать. Он понимал, что это дело очень сложное и опасное. Ведь Атабек — его сын, а ему покровительствует враг кипчаков Азизбек. В Ташкенте мятеж. Как ни посмотри на это дело, на Атабека могли пасть подозрения в Маргелане, даже если он ничего и не совершил.

Юсуфбек обдумывал происшедшее со всех сторон, и его охватывало чувство безнадежности. Разум был бес-силен подсказать, как выйти из трудного положения.

— О великий боже! Не дай свершиться несчастью. Не губи мою старость! — воскликнул он, и слезы ручьем потекли из глаз, омывая лицо и бороду.

— Хасанали, мать Атабека ничего не должна знать! — предупредил Юсуфбек-хаджи, подъезжая к дому.

— Конечно!

Они спешили и вошли во двор, ведя коней в по-воду.

18

ОГЛАШЕНИЕ

В этот день в Маргелане было объявлено, что в пол-день будет совершена казнь через повешение над двумя мятежниками: Атабеком и Мирзакаримом-кутидором. Из уст в уста передавалась эта весть. Разные толки хо-дили в народе об Атабеке.

К курбаши вошел Хамид в сопровождении миршаба¹. Курбаши пригласил Хамида присесть, а миршабу при-казал выйти.

Вид у курбаши был смущенный, язык ему не пови-новался, но в конце концов, набравшись смелости, он заговорил:

— Наши деды еще говорили, что на свете всегда так бывает — до двух копеек пятака не хватает. Вот

¹ *Миршаб* — полицейский.

оно и выходит: мечешься, мечешься во все стороны, а в хозяйстве опять какая-нибудь прореха.

Хамид сразу догадался, на что он намекает.

— Правильно, таксыр! — поддержал он курбаши. — Всегда до двух не хватает пятака. Порой так тошно становится от этих прорех, что хоть умри. Хорошо еще, когда есть хорошие друзья. Не будь их, лучше помереть! Я вот всегда прислушиваюсь к нуждам друзей и стараюсь помочь им. Готов самого себя для друга прозакладывать.

Курбаши, опираясь на концы сабли, лежавшей у него на коленях, сделал движение.

— Хвала вам, мулла Хамид! Хвала! За таких друзей не жалко себя в жертву принести, — сказал он, откашливаясь. — Тут такое дело: я готовлю той по случаю обрезания сына — пора, годы пришли! Так вот, почти все у меня есть, но кое-чего недостает. Я вот сидел и думал об этом как раз перед вашим приходом.

— Таксыр, — сказал Хамид, выдавив на своем лице улыбку, — может быть, вы рассердитесь, но я скажу, люди благородного происхождения... гнушаются простых людей. Вот и вы, отдавшись своей службе, честь свою блюдете по старинке... У вас столько забот, а вы и словом не обмолвитесь!

Сообразительность Хамида обрадовала курбаши, и он милостиво улыбнулся.

— Нет, нет, мулла Хамид! — сказал он. — Тут другое дело: когда состоишь на государственной службе, нужно сто раз подумать, прежде чем...

— Но моя дружба к вам, бек, такова, что... — начал Хамид и, достав кошелек, стал вынимать из него золотые.

Глаза курбаши засверкали, взгляд так и впился в золото. Он уже видел роскошный пир, устроенный на эти деньги. Как приумножит он уважение к себе со стороны маргеланских беков! Двадцать золотых отсчитал Хамид? Не сон ли это? Курбаши замигал глазами, и Хамид протянул ему золотые.

— Примите, бек. Здесь хоть и немного, но пусть это свяжет нашу дружбу еще крепче. Если недостаточно, подумаем...

К великому удовольствию Хамида, курбаши дрожащими руками спрятал золото.

— Так, мулла Хамид, а теперь поговорим о наших делах. Очень плохо, что во всю эту историю оказались замешаны ваш шурин и племянник.

Лицо Хамида выразило беспокойство, он ждал, что последует за этими словами.

— Этих невинных людей взяли под стражу,— продолжал курбаши,— опять-таки из-за того негодяя. Иначе кушбеги не отдал бы приказа на их арест. Правда, ваши вчерашние показания привели к тому, что Атабек и его тесть осуждены на смерть, а ваши родственники до некоторой степени оправданы. Возможно, на предстоящем заседании суда я смогу добиться их освобождения. Во всяком случае, надеюсь, что наказание не будет жестоким. Заметили ли вы, что глашатай объявил сегодня о казни только Атабека и Мирзакари-ма? Это я приказал!

— Благодарю вас за добросердечие! — сказал Хамид.— Однако я опасуюсь все же за судьбу своих родственников... Нельзя ли найти еще какую-нибудь зацепку?

Курбаши, получив немалый дар, решил помочь просителю и после долгого раздумья сказал:

— Напомните-ка, что вы вчера говорили кушбеги, какие обвинения выставили против Атабека, я еще раз прикину.

— Я сказал следующее: «Атабек говорил, что ташкентцы по горло сыты жестокостью кипчаков, их неумелым правлением, что Азизбек и отец Атабека решили избавиться от этой напасти, подняв сначала восстание в Ташкенте; его же они послали в Маргелан, чтобы и здешних сородичей поднять против кипчаков. «До каких пор нас будут угнетать кипчаки,— говорил он,— долго ли мы будем склонять головы перед кучкой степняков?» Кутидор и Акрам-хажди одобрительно слушали Атабека и обещали ему свою помощь в этом деле. Тут я выступил против них: «Ваши мысли ошибочны,— сказал я,— мы уже три года живем под сенью достопочтенного Утаббая-кушбеги, и ничего дурного он нам не делает. Выступить против власти таких людей — значит быть неблагодарным». Атабек резко возражал мне. Шурин и племянник, хоть и были со мной согласны, но по законам гостеприимства не могли выступить против него открыто. Я сначала скрывал этот разговор, так как не хотел,

чтобы пролилась кровь Атабека и его друзей. Но когда в Ташкенте началось восстание, поднятое Азизбеком и Юсуфбеком-хаджи, я понял, что мое молчание будет предательством по отношению к властям, и все рассказал курбаши. За верную мою службу я прошу лишь одного: пусть об этой тайне никто не знает, кроме нас, а главное, чтобы не догадались сами преступники». Вот что я говорил кушбеги.

— Хорошо! — сказал курбаши. — Вы очень кстати все это сказали, и я верю, что Зия-ака и Рахмат будут освобождены.

— На чем вы основываетесь, утверждая это?

— А очень просто: раз кушбеги на основании ваших слов распорядился повесить Атабека и кутидора, то почему бы ему на этом же основании не освободить ваших родственников?

— Не помните ли вы, что мой шурин и племянник ответили на первых допросах?

— Их ответы не противоречат вашим показаниям. Они просто от всего отрекались, говорили, что таких разговоров не было. А это вполне объяснимо нежеланием опорочить гостя и вполне вяжется с вашими словами.

Хамид призадумался; курбаши заметил это и сказал:

— Да вы не беспокойтесь, Хамид! Ничто им не угрожает!

Хамид хотел было что-то еще сказать, даже рот раскрыл, но не решился, осекся и промолчал. Заметив это, курбаши подбодрил его:

— Говорите, говорите, здесь все свои.

Хамид осмелел.

— А что если мои родственники на новом допросе ошибутся в своих показаниях?

— А зачем им ошибаться? Ведь они будут говорить лишь о том, что знают. Когда перед их глазами встанет призрак смерти, стремление быть гостеприимными отступит перед истиной, и они расскажут всю правду, все, как было. Вот дело и обернется так, как вам хочется.

Хамид помрачнел. Мысленно он проклинал курбаши за недогадливость.

— Мои обвинительные и оправдательные слова вы пока забудьте, а посмотрите в корень дела...

Скрестились взоры клеветника и взяточника. Они поняли друг друга. Воцарилось молчание. До этой минуты курбаши действительно не задумывался над тайными побуждениями Хамида. Деньги, полученные от него, он считал взяткой за будущее освобождение родственников. Сейчас он понял, что это золото за кровь Атабека и кутидора. В нем даже проснулась и заговорила совесть. Хамида обуял страх — судьба его была в руках курбаши. Отправит он его в преисподнюю или спасет? Глаза Хамида без слов обещали еще и еще золота, и курбаши, прочитавший это, заглушил в себе голос совести, кричавшей: «Это цена крови двух невинных!»

— Какие же меры теперь примем? — тихо спросил он. Хамид понял, что спасен.

— Я думаю, надо предупредить моих родственников, сказать им, о чем я говорил с кушбеги в их оправдание, в чем обвинял Атабека.

— Хорошо бы предупредить.

— Спасибо, таксыр! Так нельзя ли, не теряя времени, пройти к ним до начала суда и растолковать все?

— Можно. А еще лучше было бы, если бы и вы пошли.

Хамид покачал головой.

— Никто не должен знать, что я замешан в это дело, не только Атабек с кутидором, но и мои родственники.

— Хорошо. Ну, а если произойдет какое-нибудь недоразумение? Вдруг, когда станут выносить приговор, кушбеги захочет вызвать вас! В таком случае все узнают, что вы имеете отношение к делу.

Да! Все обернулось бы весьма плохо для Хамида. Ему уже не удалось бы выйти из этой истории чистым, как ангел! С него была бы сорвана маска, и ему пришлось бы стать лицом к лицу со своими противниками.

— И вы не можете поручиться за то, что меня не вызовут?

— Трудно ручаться! — в раздумье сказал курбаши. — Впрочем, это лишь мое предположение. Кушбеги обычно не проверяет того, в чем сам убежден.

Выражение задумчивости сошло с лица Хамида, и он решительно сказал:

— Ладно! Я готов к очной ставке, если придется. Они распрощались и разошлись.

ПРИГОВОР

Палач ожидал приговора. В руках он держал секиру, наготове был и острый, словно жаждущий крови кинжал.

По правую руку кушбеги сидел курбаши и другие знатные люди города.

Напротив него сидели обвиняемые: Атабек, кутидор, Зия-шахичи и Рахмат. За ними стояла стража.

Атабек и Мирзакарим-кутидор обвинялись в серьезных преступлениях, и руки их были скованы. Зия-шахичи и Рахмату оставили руки свободными.

Смертельная бледность покрывала лицо кутидора; выражение растерянности и недоумения не сходило с лица Атабека; Зия-шахичи и Рахмат держались несколько бодрее.

Приговор уже был написан, и кушбеги начал читать его. Все молчали, глядя в землю.

«Я, правитель Маргелана Утаббай-кушбеги, именем хакана хаканов Его Величества великого Худояр-хана, объявляю настоящий приговор...»

Услышав имя Худояр-хана, именитые люди почтительно встали, затем снова опустились на места.

Кушбеги продолжал читать:

«По свидетельству одного заслуживающего доверия человека, сын ташкентца Юсуфбека-хаджи Атабек, по поручению выступивших в эти дни против нашего хана Азиза-парваначи¹ и своего отца, приехал в Маргелан для того, чтобы и здесь поднять подданных против Его Ханского Величества. Поскольку действия вышеназванного Атабека были направлены против Его Величества, он, Атабек, сын Юсуфбека-хаджи, подлежит казни через повешение. Второй обвиняемый, помощник Атабека в этом деле, маргеланский житель Мирзакарим-кутидор, заслуживает той же кары. Зия-шахичи и его сын Рахмат, знавшие о преступном заговоре, но не сообщившие свое временно властям, приговариваются к заключению в тюрьме на год».

¹ Парваначи — высокая должность в ханские времена.

— Несправедливый приговор! — сказал Атабек улыбаясь.

Кутидор был похож на покойника.

Зия-шахичи с сыном отправили в тюрьму, Атабека и кутидора передали в руки палача. На этом заседание суда было закончено.

Кушбеги начал длинно рассказывать какую-то историю. Послушав минут десять, курбаши не выдержал и, поднимаясь, спросил:

— Не разрешите ли мне уйти, чтобы присутствовать при исполнении приговора?

Он не успел закончить, как появился Пирмат, один из дворцовых стражников; почтительно поклонившись, он сказал:

— Пришла женщина, говорит — у нее жалоба. Впустить?

Кушбеги знаком дал понять курбаши, что тот может идти, и, обратившись к стражнику, сказал:

— Пусть войдет!

Курбаши встревожился: что это еще за неизвестная женщина? Да и пришла совсем не вовремя. Ему очень хотелось знать, с какой жалобой явилась она, но кушбеги отпустил его, и он вынужден был покинуть канцелярию. Курбаши подходил уже к двери, ведущей в коридор, когда женщина, закутанная в довольно поношенную паранджу, встала напротив кушбеги и низко ему поклонилась. Слышно было ее частое, взволнованное дыхание. Курбаши забеспокоился еще сильнее; боясь попасться на глаза кушбеги, он вышел и спрятался за дверью.

Женщина, торопливо сняв у двери кавуши, что-то искала под паранджой. Кушбеги сказал недоумевая:

— Подойдите, сестра, поближе и изложите вашу жалобу.

Женщина подошла к кушбеги и, передав ему что-то, вернулась обратно к двери. Переданное ею оказалось сложенной в несколько раз бумагой, которую кушбеги начал неторопливо разворачивать.

— Ради бога, скорее, — воскликнула женщина. — Иначе кровь невинных падет на вас.

Услышав это, именитые люди переглянулись между собой. Кушбеги быстро развернул бумагу и начал читать. Это было длинное послание, написанное толстым

карандашом. Кушбеги читал медленно, и женщина проявляла нетерпение.

Вдруг кушбеги, не закончив письма, оторвался от него и громко крикнул:

— Пирмат! Пирмат!

Вбежал стражник.

— Что прикажете, таксыр?

В голосе кушбеги слышалось необычное для него волнение.

— Скачи верхом за отправленными на виселицу. Верни их, даже если их уже готовятся повесить. Передай мой приказ курбаши, он выполнит его.

Пирмат поклонился и, выглянув в коридор, сказал:

— Курбаши здесь!

— Зови!

Курбаши вошел, поклонился:

— Чем могу служить, таксыр?

— Удачно, что вы еще здесь. Немедленно поезжайте с Пирматом, остановите казнь, привезите осужденных!

Курбаши понял, что страхи его не напрасны. Глядя на стоявшую рядом женщину, он спросил:

— По какой причине, таксыр?

— Сейчас не время об этом, скачи, говорю я, скачи!

Курбаши поклонился и вышел вслед за Пирматом.

— Проклятье твоему отцу! — выругался кушбеги, глядя ему вслед.

Женщина немного успокоилась, а кушбеги снова углубился в бумагу, которую все еще держал в руках. Именитые граждане смотрели то на бумагу, совершившую чудо, то на женщину, принесшую ее. Кушбеги вторично прочитал бумагу и обратился к женщине:

— Присядьте, сестрица!

Женщина села, из-под паранджи показался край атласного платья и приоткрылись тонкие белые руки. Кушбеги посмотрел на нее исподлобья, потом тщательно обследовал со всех сторон бумагу. Она была помята, буквы частично стерлись.

— Вы кем приходитеесь Атабеку и кутидору, сестра?

— Я дочь кутидора, жена Атабека.

Присутствующие переглянулись между собой.

— Почему вы раньше не пришли с этим письмом?

Вопрос кушбеги испугал Кумюш (а это была она), она услышала за ним такие слова: «Ты опоздала, все свершилось!»

— Неужели все погибло?— воскликнула она.

— Нет, нет, дочь моя,— сказал кушбег,— я просто хочу знать, почему вы не принесли его вчера или еще ранее?

Кумюш облегченно вздохнула:

— Я нашла письмо лишь сегодня.

— Значит, не видели его прежде?

— Не видела.

— А где вы его нашли?

— В кармане его старого камзола.

Кушбег передал письмо сидевшему к нему ближе всех знатному вельможе Азиму-пансаду¹, говоря:

— Прочтите, пансад. А вы грамотная? — обратился он к Кумюш.

— Грамотная.

— Знали ли вы о действиях мужа, направленных против власти?

— Каких действиях?

— А тех, за которые мы считаем нужным повесить и вашего отца и мужа.

— Неправда! Они невиновны!

— Кто сказал вам, что это письмо может спасти от смерти вашего мужа?

— Я догадалась...

— В таком случае вы знали и о его противозаконных поступках?

— Нет, таксыр! — Кумюш начала догадываться, куда клонит кушбег.— Мы с матерью страдали, никак не могли понять, за что они арестованы. Но сегодня мы услышали от людей, что их обвиняют как мятежников, что будто мой муж прибыл из Ташкента, чтобы поднять мятеж. К счастью, нашлось это письмо, и я побежала к вам...

Кумюш не успела договорить, как появился запыхавшийся от бешеной скачки. Пирмат и, поклонившись, сказал:

— Чуть не с виселицы сняли. Идут.

¹ *Пансад* — должностное лицо при ханском дворе.

Кумюш вскочила, пристально посмотрела на Пирматта и глубоко вздохнула. Огромная тяжесть спала с ее сердца.

А в это время прочитавший письмо Азим-пансад взволнованно передал его своему соседу и обратился к кушбеги:

— Это письмо совершенно меняет наше представление о Юсуфбеке-хаджи. Вся Фергана твердила, что он сторонник Азизбека, но кто проник в его душу? И кто, кроме бога, знает, что у кого на душе?

Именитые граждане, до сих пор не обмолвившиеся и словом, теперь, поняв, какой оборот принимает дело, заговорили все сразу. Недаром сказано: «Когда враг бежит, появляется много храбрецов».

— Бог не допустил извратить истину! Свершить несправедливость! Не дал пролиться невинной крови! — воскликнули одни.

— Уму казалось непостижимым, чтобы такой смиренный человек, как кутидор, мог решиться на подобное дело! — подхватили другие.

Тьма отчаяния, захлестнувшая сердце Кумюш, понемногу рассеивалась, и перед ней снова зажглись исчезнувшие было звезды надежды.

За дверью, ведущей в коридор, послышались чьи-то быстрые шаги. Вошел курбаши.

— Они здесь, таксыр. Вести?

Кушбеги молча взял письмо и спрятал его под одеяло, на котором сидел. Потом обратился к Кумюш:

— Если вы не хотите смерти вашим отцу и мужу, то не произносите ни звука без моего разрешения. Поняли?

Кумюш кивнула головой, а кушбеги приказал курбаши, стоявшему в коридоре:

— Пусть войдут!

Кумюш видела Атабека и отца еще по дороге сюда, когда их вели на виселицу, но, объятая страхом, она, не чуя ног, бежала во дворец. Теперь, услышав «пусть войдут», она страшно взволновалась, сердце ее забилось, ей хотелось броситься к мужу, припасть к его груди и плакать, плакать... Но перед ней сидели наводившие страх чужие люди, в их присутствии она чувствовала себя скованной. Между тем Атабек и кутидор, по-прежнему с оковами на руках, уже вошли в зал под надзором стражи.

— Охране выйти! А вы, курбаши, снимите с них оковы! — приказал кушбеги.

Курбаши понимал, что ему грозят большие неприятности. Дрожащими руками поворачивая ключ, он начал снимать цепи с кутидора. Он уже не сомневался, что эти люди чуть не стали жертвой своекорыстного Хамида, неизвестно по какой причине заинтересованного в их гибели, и он, курбаши, принимал в этом участие. Теперь тайна будет раскрыта и ему не избежать казни.

С трудом освободив от оков руки кутидора, курбаши перешел к Атабеку. По дрожанию его рук Атабек догадался, что курбаши причастен к злему умыслу против них.

Чтобы испытать курбаши, он пристально и сурово посмотрел на него. Тот не выдержал грозного взгляда и опустил глаза. Атабек удостоверился в правильности своей догадки.

По приказу кушбеги обвиняемые опустились на колени. Курбаши с растерянным видом, точно нищий, потерявший свою суму, присел по левую руку правителя, недалеко от Кумюш. Атабек и кутидор заметили ее, но, слишком занятые своими заботами, даже не удивились тому, что в канцелярии правителя находится женщина. Растерянные, не смея радоваться, они гадали — по какой причине их вернули из-под самой виселицы, почему с них сняли оковы? С нетерпением ждали они, что скажет правитель. А тот, как нарочно, сидел глубоко задумавшись и молчал. С таким же нетерпением ждали его слов и все присутствующие. Только один курбаши всей душой желал, чтобы это молчание длилось вечно.

Но вот Утаббай заговорил.

— Атабек,— начал он,— в тот день, когда вы были арестованы, вы говорили мне об убеждениях вашего отца и ваших собственных, объясняли, что вы за люди. Мы, однако, не можем без особых доказательств поверить вашим словам. Мы приостановили казнь для того, чтобы проверить, имеются ли у вас какие-либо доказательства, или все это были лишь пустые слова. Можете ли вы их подтвердить чем-нибудь?

— То, что я вам в тот день рассказывал,— сказал Атабек,— моя и моего отца тайна. И трудно найти подтверждающих ее свидетелей. Даже если бы отец мой

прибыл сюда и заявил то же самое, вы сказали бы, что он хочет спасти сына, и, веря клеветникам, все равно привели бы в исполнение ваш приговор.

Молнией ударили эти слова по сердцу кушбеги, он едва сдержал себя.

— Иначе говоря, у вас нет документов, подтверждающих ваши слова?

— Нет! У меня нет иных свидетелей, кроме моей со-
вести!

— Вы получали недавно что-нибудь из Ташкента?

— Что, например?

— Например, письмо.

Атабек вздрогнул и взволнованно закричал:

— Получал! Получал! Вот и доказательство!

Почтенные граждане, присутствовавшие при этом разговоре, были до слез растроганы волнением молодого человека.

— Если вы пошлете со мной человека,— продолжал Атабек,— я принесу доказательство.

— Успокойтесь, Атабек,— сказал кушбеги.

Немного погодя, когда молодой человек пришел в себя, кушбеги спросил:

— Что вы получили?

— Письмо.

— От кого?

— От отца.

— Когда это было?

— В начале ташкентского мятежа.

— А потом?

— Больше не получал.

— О чем писал вам отец?

— Писал, что в Ташкенте темный народ поддался коварным уговорам Азизбека, а под конец...— Атабек прерывисто вздохнул,— он словно предвидел, что мне грозит опасность, и делал разные наставления.

Азим-пансад взглянул на кушбеги, как бы говоря: «Не довольно ли?»

Курбаши немного успокоился, видя, что следствие продолжается. Но тут кушбеги вынул из-под одеяла письмо и показал его Атабеку.

— Вы узнаете это письмо?

— Узнаю,— воскликнул Атабек, не веря своим глазам,— это и есть письмо моего отца, о котором я вам

рассказал. Но кто же принес его вам, таксыр? Вот удивительно.

Кушбеги, чуть улыбаясь, указал на Кумюш, говоря:
— Вот ваш ангел-спаситель!

Кутидор и Атабек быстро взглянули в ее сторону. Тут Кумюш не выдержала:

— Отец, это я, ваша дочь!

До глубины сердца Атабека проникли эти слова, затронув самые нежные струны. Кутидор окончательно растерялся. Не обращая на него внимания, Атабек спросил:

— Это вы, Кумюш?

— Я, я.

Все, что пережили тяжелого эти два человека, прозвучало в кратких словах, которыми они обменялись. Трудно описать состояние, в какое каждый из них пришел, услышав родной голос.

— Это ты, доченька?— воскликнул кутидор.

— Я, отец!

Кушбеги, сидевший задумавшись, прервал их и обратился к Атабеку:

— Почему мы до сих пор не можем разыскать вашего слугу Хасанали?

— С тех пор как я был в заключении, таксыр, я ничего о нем не слышал,— сказал Атабек, взглянув на Кумюш.

— Двенадцать дней назад почтенный Хасанали уехал в Ташкент,— сказала она,— и вот пока о нем нет вестей.

— А почему он уехал в Ташкент?

Вопрос кушбеги был неожидан, но Кумюш сумела толково на него ответить, объяснив причину отъезда Хасанали.

Разговор снова зашел о письме, и Атабек спросил у кушбеги:

— Может случиться, что благодаря письму, которое сейчас у вас в руках, мы будем оправданы?— Кушбеги кивнул головой.— Так вот, видя, сколь вы справедливы, мы просим лишь одного: пусть предстанут здесь клеветники и попытаются доказать то, в чем они нас обвиняют. Мы хотим этого, если даже нам потом будет грозить васселица. Но если они не смогут доказать свою правоту, пусть сами будут брошены в яму, которую готовили для

нас. Это все, о чем мы просим у вашей милости! — закончил Атабек, глядя на курбаши.

На лице курбаши появилось выражение страха и страдания.

— Просьба ваша справедлива, — сказал Утаббай. — Но мы сейчас не можем выполнить ваше законное требование. Однако сегодня же клеветники будут задержаны, а в один из ближайших дней мы соберем всех вас и вынесем решение. А вы, дочь моя, — обратился кушбег к Кумюш, — за находчивость и смелость заслуживаете вечной благодарности от отца и мужа. Они должны посвятить вам всю свою жизнь. Я же благодаря вам освобождаю их немедленно. Правда, за Атабека должен кто-нибудь поручиться, что он не скроется до окончательного решения дела.

За Атабека поручился всем своим имуществом кутидор, и они вместе с Кумюш, благословляя кушбеги, вышли из его канцелярии.

И тогда правитель приказал курбаши:

— Освободите Зия-шахичи и его сына Рахмата, а затем арестуйте клеветника.

Курбаши ушел выполнять приказ. Заседание было закрыто. Все расходились, выражая удивление по случаю происшедшего.

20

ЖАЖДА ВЛАСТИ

Семьдесят дней длилась осада Ташкента. Полторы тысячи воинов было потеряно кипчаками у стен Ташкента, и Нармухаммад-кушбег вынужден был отступить и теперь ни с чем возвращался в Коканд.

Жители Ташкента показали во время осады свою самоотверженность. Потеряв связь с внешним миром, отрезанные от кишлаков, сильно истощенные, они держались мужественно и непреклонно. Враг занимал поля с еще не убранными посевами: ему досталось зерно. Великое бедствие постигло и купцов, так как торговля приостановилась. Еще хуже пришлось ремесленникам и беднякам: ни хлеба, ни воды, ни денег. И все же, дойдя до последней крайности, они напрягли все силы и одержали блестящую победу. Все лишения и муки, перенесенные за семьдесят дней, казалось, были

оправданы этой победой. Народ начал сразу же думать о хлебе, о севе. Но, по правде сказать, не пришлось ему этим заняться.

Азизбек теперь стал полновластным хозяином Ташкента. Он был вне себя от счастья! Кипчаки побеждены, его больше не преследует страшная мысль: «А что если они возьмут Ташкент?..» Теперь он могущественный хан, правитель Ташкента и всей округи. Что там шелк и атлас, на которых он восседал до сих пор?! Он достоин трона, короны! Надо сменить и махрама¹, нужно найти такого, чтобы слава о нем прогремела по всей земле!

Ничто с этой стороны не беспокоило Азизбека. Ему и в голову не приходило, что кипчаки могут снова напасть на Ташкент — ведь им был нанесен такой сокрушительный удар, что они и за сто лет не оправятся.

Казалось, все обстоит благополучно, и все же в затасанном уголке сердца жила тревога. Она омрачала все. Даже сладкая мечта о троне меркла перед ней. За семьдесят дней войны с кипчаками была съедена вся казна, собиравшаяся годами с великими трудностями, путем хитростей и уловок; ее пришлось отдать подданным, столь самоотверженно бившимся с кипчаками, для поддержки их существования.

Белый свет темнел в глазах Азизбека, когда он думал об этом. И вот Азизбек принял решение. Он не собирался советоваться по этому поводу с Юсуфбеком-хаджи, но тот нужен был для выполнения задуманного, и Азизбек послал за ним. Полчаса нетерпеливого ожидания — и Юсуфбек-хаджи появился.

Против своего обыкновения Азизбек был очень любезен с ним, предложил сесть на почетное место. Правда, у Юсуфбека-хаджи не было времени подумать о причинах такой любезности, у него хватало своих забот... Что стало с любимым сыном? Не умер ли он в сыром подземелье от холода и голода? Не ушел ли из этого мира, окруженный жестокими людьми, вдали от отца и матери? Представляя себе все опасности, грозившие сыну, он забыл даже, что находится перед лицом Азизбека. А тот в это самое время мечтал о короне, осыпанной драгоценными камнями, о золотом троне, о нежных красавицах, похожих на пери, о знаменитых махрамах.

¹ *Махрам* — фаворит.

Наконец Азизбек заговорил:

— Хаджи, вы, видимо, не догадываетесь о причинах, заставивших меня пригласить вас во дворец?

Юсуфбек очнулся от своих мыслей.

— Думаю, таксыр, что это вызвано желанием совместно обдумать, как благоустроить край, как улучшить жизнь народа, укрепить государственную власть.

Слова эти обрушились на Азизбека, как удар грома, в глазах у него потемнело, и во тьме снова погасли все его мечты. Он смешался и проворчал:

— Да, верно!— Он замолчал, обдумывая что-то, а потом продолжал:— За семьдесят дней осады казна истощилась, не хватает даже на еду для воинов. Вот по этому поводу я и хотел поговорить с вами.

— Слушаю, таксыр!

— Я даже принял уже решение.

— Да принесет оно счастье!

— А состоит оно вот в чем: надо обложить налогом в тридцать две теньги каждого подданного! И не медля, с завтрашнего дня начать сбор налога!

Юсуфбек-хаджи и без того был раздражен и расстроен беспорядками в стране, крайне обеспокоен судьбой сына; он готов был резко возразить Азизбеку. Но, вовремя вспомнив, с кем имеет дело, воздержался.

— У меня нет оснований возражать против вашего решения, таксыр,— сказал он.— Но не надо забывать и о том, что народ перенес семидесятидневную осаду, пережил и переживает муки голода. Что до моего мнения, то сейчас не то что по тридцать две теньги, а по тридцать два гроша трудно взять. Дайте народу немного осмотреться, прийти в себя, а потом уже...

Азизбек не дал ему закончить и, раздраженный возражениями, дико заорал:

— Что ты там болтаешь?!

Дело принимало скверный оборот: если не найдись немедленно, Азизбек может вызвать палача.

— Что ж, таксыр, если таков приказ, я начну собирать налог, не завтра даже, а сегодня. Для меня довольно и вашего приказа. А народ? Как он может не дать!

Гнев словно волшебной рукой сняло с Азизбека. Он уже готов был приказать стражнику, чтобы тот кликнул палача, а вместо этого произнес совсем другие слова:

— Скажи управителю дворца, чтобы он надел на хаджи парчовый халат!

* * *

Юсуфбек вышел из дворца в новом парчовом халате. Всем, кто по пути поздравлял его с подарком, он отвечал что-то невнятное и при этом насмешливо улыбался. Проходя через мост, выведивший из дворца, он снова усмехнулся и в каком-то умопомрачении заговорил сам с собой:

— Собирать по тридцать две тениги с каждого, вот как... И чтобы все собрать за одну неделю, видишь ли... Он еще мне предоставляет право бить плетью тех, кто будет противиться, а в иных случаях и вешать, вот как! Выходит, что Юсуфбек должен стать кровопийцей, тираном, как он сам, видишь ли... Я не для того совершил паломничество в Мекку, чтобы стать кровопийцей, забыть о боге. Я сам отец, у меня есть вера, бог. Совесть моя возмутится, если я стану бить плетью чужих сыновей. Семьдесят дней наш народ, поддавшись лисьей хитрости Азизбека, забыв обо всех его жестокостях, жизни своей не жалел, защищая город! И вот в благодарность за службу его обкладывают налогом в тридцать две тениги с каждого, вынуждают отдать последний кусок хлеба!..

21

БУНТ

Так достиг Юсуфбек Шейхантаура. На нем все еще был новый парчовый халат. Собравшиеся на перекрестке встали, чтобы приветствовать хаджи, и тогда он обратился к ним с горячей речью:

— Мусульмане! Вы умирали за Азизбека, поверив ему! А сегодня он в ответ на вашу доблесть обложил вас налогом в тридцать две тениги с каждого. Сейчас перед вами выбор: уплатить этот налог, хотя бы пришлось для этого продать своих детей, или, крепко взявшись за дело, сбросить Азизбека. Ваш дом горит, мусульмане!

— По тридцать две тениги!

Юсуфбек-хаджи никогда не причинял народу зла, народ верил ему и готов был идти за ним. Весть о но-

вом налоге быстро распространилась среди населения, она взбудоражила всех.

Первыми восстали жители квартала Занджирлик. Они принялись сооружать баррикады. А Юсуфбек-хаджи продолжал свой путь и до самой Эски-Джувы обращался к народу с призывом. В Эски-Джува он собрал всю общину, рассказал о том, что произошло у Азизбека, показал на свой халат, иронически усмехаясь и говоря:

— Как видите, мне-то незачем просить вас: «Не платите налога!» Это ваша покорность приносит мне такие прекрасные халаты!

Гнев народный воспламенялся все сильнее. Горели все от мала до велика. Словно кто-то поджег сухие заросли.

— Дикий кабан! Он забыл, что мы для него сделали!

— Мы ему покажем тридцать две тени!

— Хотя бы месяц прошел после осады!

Всюду слышались возмущенные возгласы. Немедленно избрали трех представителей и разослали их для связи в остальные части города: в Сибзар, в Кукчи, в Беш-Агач. Все клялись: «Или погибнем сами, или уничтожим Азизбека».

Прошло не более часа. Все лавки были закрыты, на улицах сооружены баррикады. Люди вооружались, готовясь к бою.

Слухи о бунте скоро проникли и во дворец. Но Азизбек отнесся к ним несерьезно, он считал, что все это пустяки; для выяснения дела он послал Раимбека-дадха с полусотней воинов. Добравшись до общины Занджирлик, разведчики увидели, какой размах получило восстание: улицы перегорожены, за баррикадами толпы людей, вооруженных шашварам¹, ружьями, саблями, копьями.

Раимбек-дадха пытался уговаривать по-хорошему:

— Заграждения разберите, а сами расходитесь.

Но его никто не слушал. Когда же он начал кричать и грозить, раздались выстрелы, и упали два стражника.

Незадолго до предзакатной молитвы, часов около четырех, войска правителя выступили против восставших. Началась перестрелка. Примерно через полчаса

¹ *Шашвар* — большая палка с круглым набалдашником.

воины оттеснили народ и дошли до баррикад у Балянд-мечети.

Оставив немного воинов для охраны дворца, Азизбек сам поспешил с войсками на помощь Раимбеку-дадха. Нужно было спасать положение.

Народное ополчение вынуждено было отступить к Ходре. И там началась кровопролитная битва. Ряды восставших пополнялись, на баррикады Ходры все время прибывал народ из других кварталов — Беш-Агача, Сибзара, Кукчи. Храбрецы были на баррикадах, а те, кто погрусливее или постарше, собирались на перекрестках у горящих костров и выражали свое сочувствие восставшим. Угроза платить тридцать две тениги налога подогревала протест.

Всю ночь в Ташкенте шли бои. Во многих кварталах восставшие убивали представителей власти, сжигали их дома, грабили имущество. И все же около полуночи народное ополчение было оттеснено к кварталу Медников. Юсуфбек-хаджи забеспокоился. А что если народ не устоит и дальше? И тут он решил послать гонца вдогонку за Нармухаммадом, отступившим от Ташкента, просить его о помощи.

В квартале Медников обе стороны притихли до рассвета. Утром снова началось кровопролитное сражение. За эту ночь к восставшим прибыло подкрепление, ч войска не продвинулись ни на шаг. Народ набирал силы, и победа его близилась. Увидев это, Раимбек-дадха обнажил саблю ч кинулся впереди своих воинов на восставших. Но это кончилось для него печально: оружейный мастер Уста Муминджан выстрелом в грудь убил его наповал.

Раимбек-дадха был опорой Азизбека, и его войска пали духом. Они перестали подчиняться приказам Азизбека и начали разбегаться во все стороны. Тут уж и сам Азизбек вынужден был скрыться в дворцовой крепости с несколькими десятками преданных ему людей.

Народ ликовал. Во главе с Юсуфбеком восставшие окружили дворец и стояли, не двигаясь с места. Такой оборот дела был неожидан для Азизбека; еще недавно у него была полная возможность бежать, а теперь он, укрывшись во дворце, по собственной вине угодил в ловушку. Как быть? Ведь нет у него крыльев, чтобы выпорхнуть оттуда... И тогда правитель задумал пойти на

крайнюю подлость: на второй день осады он вышел на крышу дворца и обратился к народу с приветствием, а потом кротким голосом стал просить прощения:

— Я раскаиваюсь в совершенном... Я забыл все, что вы для меня сделали... Но теперь разум вернулся ко мне, и вы этому помогли. Благодарю вас, мои подданные...

Но народ уже не слушал уверений Азизбека, слишком поздно повел он эти разговоры: как говорится, кирпич выпал из формы, назад не положишь.

— Одумался, вор! Раньше надо было думать, вот и не знал бы горя! Не ты ли каждый день отдавал приказы вешать невинных людей? Не ты ли оставлял наших детей сиротами и заставлял матерей плакать кровавыми слезами! Это ты, угрожая смертью, обкладывал все кварталы налогами! Ты не только мечом умерщвлял людей, ты отравлял их ядом скорпиона! Прочь, дикий кабан, прочь! Поздно раскаиваться! Покорись своей участи!

Так кричал народ. Со всех сторон неслись ругательства и проклятия, и Азизбек все просил:

— Простите, подданные! Одумайтесь, дорогие! Вы сами себя подсекаете! Опять попадете в лапы кипчаков. Хоть ради себя простите меня!

Но слова эти еще больше разъярили людей, громкие выкрики снова огласили воздух:

— Дважды не обманешь нас! Уж лучше кипчаки, чем такой пес!

Вот до чего дошло дело! Азизбек, потеряв всякую надежду на примирение, совершенно подавленный, сошел с крыши.

Тем временем гонец, посланный Юсуфбеком, нагнал Нармухаммада-кушбеги недалеко от кишлака Киравчи. Кушбеги повернул вместе с войсками обратно в Ташкент. На радостях он шел быстро и, сделав в пути лишь одну ночевку, прибыл в Ташкент на третий день после осады дворца. Рев карнаев возвестил о его прибытии.

Народ, получив военное подкрепление, ворвался во дворец и взял Азизбека в плен. Для Нармухаммада было чрезвычайно важно доставить ташкентского правителя в Коканд: Азизбек причинил ему столько неприятностей! И сколько крови было пролито из-за него!

Заняв урду¹, Нармухаммад без конца осыпал Юсуфбека словами благодарности: ведь это только с его помощью удалось сокрушить такого сильного врага. Уж он не забудет его верную службу, расскажет обо всем хану и Мусульманкулу, и хаджи получит высокое назначение.

Для Юсуфбека-хаджи все эти обещания не имели никакого значения, главное — узнать о том, что сын его жив, добиться его освобождения из маргеланской темницы. Это стоило всех должностей и наград вместе взятых. Юсуфбек-хаджи равнодушно слушал кушбеги и, наконец, сказал:

— Благодарю, кушбеги, за внимание. Я немало пожил на свете, и высокие должности уже не слишком меня интересуют. Если же мои заслуги достойны внимания, то у меня есть к хану несколько просьб.

— Если хан не захочет их удовлетворить, то, ручаюсь, я добьюсь этого!

— Первая моя бескорыстная просьба — от имени народа: просим не назначать правителями Ташкента дурных, недостойных людей!

— Таково и намерение его величества. Из-за людей, подобных Азизбеку, страдает не только простой народ, но и мы все.

Долго обдумывали Юсуфбек-хаджи с Нармухаммадом, кого же назначить беком в Ташкенте. Наконец Юсуфбек-хаджи заговорил и о наболевшем личном деле. Волнуясь при одной мысли, что опоздал и с сыном уже произошло нечто непоправимо страшное, он почти лишился языка. А что если просьба его окажется прашой, которой он замахнулся уже после того, как птица улетела?

— Так вот, если мои заслуги достойны милости его величества хана, я просил бы как о лучшей награде об освобождении из тюрьмы моего сына. Человеку столь преклонных лет, как я, собирающемуся смыть с себя мирскую суету, может ли быть большая награда, чем избавить от мук родного сына, — сказал, прослезившись, хаджи.

Кушбеги был тронут; он постарался его утешить.

¹ Урда — резиденция правителя.

— Не волнуйтесь, хаджи! Не такой человек правитель Маргелана, чтобы зря кровь проливать. Как только вернусь в Коканд, первым делом займусь освобождением вашего сына. Не печальтесь напрасно, хаджи!

— Благодарю, кушбеги. Я многим буду обязан вам, если вы возьмете на себя эту заботу. Но я боюсь, как бы не ушло время, пока вы придете в Коканд.

Об этом же подумал и кушбеги. Посоветовавшись, они решили, что нужно немедленно написать письмо и отправить его в Коканд с гонцом. Самым подходящим человеком для этого дела был Хасанали, который уже давно ждал этого поручения. Он не заставил повторять его дважды и с быстротой молнии поскакал в Коканд.

Нармухаммад-кушбеги, оставив в Ташкенте часть войск, сам через день отправился туда же.

По требованию народа Азизбек был связан и подвешен под брюхо коня. Когда войско двинулось в Коканд, у Кокандских ворот собрались толпы народа; они ликовали, глядя на позор и поражение Азизбека.

„БЕЗЗАЩИТНЫЙ СТРАННИК“

Дровяной базар в Коканде находится на том самом месте, где была раньше ханская урда.

В тринадцатой главе этой книги мы уже описывали маргеланскую урду; поскольку наружный вид кокандской урды в точности повторяет маргеланскую, то не стоит марать бумагу его описанием. И стражники у ворот урды, и площадь двора — все было такое же; разница состояла лишь в том, что неподвижные фигуры стражников стояли на четырех ее углах. Но внутреннее устройство урды было совсем иным, чем в Маргелане, и нам придется познакомиться с ним.

Справа и слева находились строения, предназначенные для воинов. На площади двора воины, одетые, как и ташкентские, разбившись на группы, упражнялись в сабельном бое под руководством пансадов. Поперек урды, с севера на восток, возведена была стена; через ворота в этой стене проходили во внутреннюю часть урды и во дворец хана. Хоть и потемневшие от старости,

ворота эти поражали тонкостью резьбы, переливами красок; особенно хороши были букеты в стиле «угирмагуль»¹ разбросанные по обеим створкам, и фрески на арке, не потерявшие от времени своей прелести. В лучах заходящего солнца ослепительно сияли золотые полумесяцы, вневчавшие каждый букет.

Ворота охранялись двумя часовыми; они стояли на небольших возвышениях у караульных помещений по обеим сторонам ворот. Но, миновав часовых, войдем вовнутрь; направо окажется диванхана (канцелярия), а налево приемная хана. У входа в канцелярию тоже стоят часовые. Коридор в канцелярии такой же, как в Маргелане, но роспись стен, все лепные украшения намного превосходили бы маргеланские, если бы не потемнели от времени; пройдя по коридору, мы очутимся в роскошно убранном, покрытом росписью зале. Вдоль его стен рядами сидят старшины шигавулов, старшины есаулов, дастарханчи, эфтобачи, парваначи, командующие конными и пешими войсками и многие визири. В глубине зала мы видим гонкую расписную стену с широким проемом посредине. По обе стороны проема — высокие, в человеческий рост, ниши, и в каждой из них стоит палач с секирой. Минуем палачей и пройдем дальше; в следующей комнате мы увидим низкий, в пол-аршина высотой, белый мраморный трон, а на нем юношу лет восемнадцати, с продолговатым лицом; он одет в красную бархатную шубку и поверх нее в шелковый халат; на голове у него серебристого цвета шелковая чалма, на коленях лежит сабля с золотой рукояткой. Это Худояр-хан.

По его левую руку сидит на золоченом стуле плосколицый, средних лет человек. У него узкие глаза, кожа цвета пшеницы, плоский нос, едва возвышающийся между щек, и небольшая бородка; он одет в уратюбинский чекмень, подпоясанный кожаным ремнем, к которому слева привешена простая сабля. На голове у него белая барашковая папаха.

Это Мусульманкул. Он читает доставленные только что жалобы и письма. Вот прочитал одну бумагу, и она, видимо, показалась ему не стоящей внимания, так как он разорвал ее надвое, бросил и обратился к следующе-

¹ Угирмагуль — Виньетка, обычно растительного орнамента, с главными линиями по краям и клетчатым узором внутри.

му посланию. Это было письмо от правителя города Оша.

«Опоре Царства Тестю Хана Мусульманкулу баходьру, а вместе с ним и Благословенному Хану. Дары ваших милостей распределены между особо нуждающимися из тех киргизов, которые воспитываются в ошских медресе, соответственно степени их преуспевания в науках. Бедные учащиеся медресе возносят ныне свои молитвы о даровании Тестю Хана победы над всеми врагами и о завоевании Тимуровой славы. Да будет вам известно, что жители города и его окрестностей пребывают под вашей сенью в мире и спокойствии. Заканчивая послание, слуга ваш желает долгих лет царствования Его Величеству юному Шаху под надежной вашей, Отца Государыни, защитой...»

Рассказывая попутно Худояру о событиях в Оше, Мусульманкул открыл третье письмо. Оно, видимо, исходило от частного лица, так как было без печати и подписи.

«Мусульманкулу кипчаку, справедливому, внимающему мольбам униженных и воплям притесненных... С глазами, застланными тьмой и наполненными слезами, пишу я эти строки. Сердце трепещет от ужаса перед предателями государства. Вместо того чтобы возвеличить до небес преданного государству, верного человека, который доказал виновность клятвопреступника, нанесшего страшный удар стране, вознамерившись по поручению своего отца возмутить мирных, покорных правителям жителей одного города, они собираются взять его под стражу и заковать в цепи. Безбоязненно возвеличивают они врагов такого человека, как достоцитимый Мусульманкул, а друзей обрекают на горе и муки...»

На этом месте Мусульманкул остановился, ничего не понимая, и пробежал глазами конец письма.

«Возможно, вы не сразу поймете, о чем я пишу в столь страшном волнении, но я надеюсь, что вы снизойдете к рабу вашему и милостиво простите его. По наущению неблагодарного Азизбека один из главарей мятежников Ташкента, Юсуфбек-хаджи, послал сюда своего сына, чтобы возмутить маргеланцев против Вашей

Милости. Преданный вам раб, присутствуя на одном из сборищ сторонников этого человека, оказался в большой опасности. Этот человек говорил о том, что нужно истребить кипчаков и передать власть карачапанам. Ваш преданный раб, желающий кипчакам одного лишь добра, не мог утаить того, что услышал, и через посредника дал знать об этом правителю Маргелана Утаббайю. Утаббай заключил в темницу и сына упомянутого Юсуфбека-хаджи Атабека, и его сторонника и тестя по имени Мирзакарим. Потом кушбеги вызвал меня, и я от слова до слова рассказал обо всем, что говорил Атабек. По моему беспристрастному свидетельству кушбеги приговорил Атабека и его тестя Мирзакарима к смертной казни через повешение. Но за мешочек золота, принесенный ему из дома Мирзакарима, Утаббай вступил на путь измены, отменил казнь мятежников, уже стоявших под виселицей, а меня, ничтожного раба, преданного государству, решил бросить в темницу и повесить вместо этих мятежников, ибо боялся, что я обращусь к вам с жалобой. Однако с помощью преданного слуги государства курбаши Маргелана мне, хоть и с трудом, но удалось спастись от когтей Утаббая...»

Мусульманкул оторвался от письма. Его узкие глаза сверкали. Он вскричал:

— Чилим!

«Следовательно, Утаббай, которого вы считаете своим человеком, позабыл сделанное ему добро и за взятку перешел на сторону ваших врагов. А один из ваших доброжелателей вынужден был оставить город, бежать в Коканд и искать высокой защиты. Я, честный раб ваш, забочусь не о награде за мою верную службу, а лишь о том, чтобы предатели вроде Утаббая и Атабека, становясь день ото дня сильнее, не наделали бы бед. Это письмо — лишь выражение моей преданности: я выполняю свой долг. Быть может, благодаря мне будут повержены враги государства. Не стремясь получить награду за службу и считая все перенесенное ради досточтимого хана лишь долгом совести, я не подписываю своего имени под этим письмом. Желая нашему молодому Хану мирного и славного царствования, а предателям государства — смерти.

Беззащитный странник».

Мусульманкул был чрезвычайно разгневан. Его и без того взбесило сообщение о разгроме войск Нармухаммада-кушбеги, который вынужден был отступить, так и не взяв Ташкента. Письмо «беззащитного странника» разъярило его совсем. Оно явилось солью, посыпанной на кровоточащую рану. Он так затянулся из чилима, принесенного худаичи, что чуть не сломал чубук, словно срывая на нем злость. Выпуская изо рта клубы дыма, он начал рассказывать Худояру содержание письма, а потом воскликнул:

— Худаичи!

— Что прикажете, таксыр?

— Зови мирзу!

Складывая письмо, Мусульманкул обратился к Худояру:

— Подумать только, сын мой, что собираются сделать Азизбек с Юсуфбеком?! А Утаббай, Утаббай, которого мы считали преданным человеком! И он склоняется на сторону врагов наших! Хорошо же!.. Пусть попробует! Мы знаем, как поступить с неблагодарными.

Трудно было понять, как принял Худояр известие о том, что его царствованию грозит опасность. Услышав это, он остался невозмутимым, и лишь для того чтобы как-то ответить разгоряченному Мусульманкулу, он сухо и невыразительно проговорил:

— Подумать только, Утаббай. Оказывается, он неблагодарный! Хотя бы из уважения к вам, если не ко мне...

— Люди, которым делаешь добро, никогда добром не ответят,— поддержал Мусульманкул.— Вот хотя бы Азизбек. Я растил его в детстве, снял в Ташкенте с должности правителя Салимсакбека и поставил его, и вот как он отплатил — стал нашим врагом! Но если с него мало Ташкента и он Маргелан тоже хочет прибрать к своим рукам, то это мы еще посмотрим!..

Вошел мирза-баши, поклонился почтительно хану, а затем Мусульманкулу. Тот все еще был крайне раздражен.

— Чилим!— приказал он стоявшему у входа слуге и затем обратился к мирза-баши:— Немедленно напиши правителю Маргелана Утаббаю, чтобы он явился сюда вместе с сыном Юсуфбека-хаджи Атабеком. Письмо отошли с гонцом.

Мирза-баши поклонился и вышел пятясь из тронного зала.

МУСУЛЬМАНКУЛ

Во дворце собрались сановники и знатные вельможи. Худояр-хан восседал на троне. Рядом с ним Мусульманкул, который хоть и не был ханом, но обладал всей полнотой политической власти.

Вошел придворный и открыл церемонию приветствий. Почтительно склонившись перед ханом, он произнес полагающуюся к случаю молитву; за ним последовали остальные вельможи, и каждый из них произносил то же самое. Последним явился худайчи. После приветствия и молитвы он обратился к Мусульманкулу:

— Правитель Маргелана Утаббай-кушбеги просит разрешения предстать перед его величеством.

Мусульманкул только и ждал этого известия, он облегченно вздохнул, спрашивая:

— Он один или с ним кто-нибудь еще?

Худайчи отвесил поклон:

— Его сопровождает вооруженная охрана в десять человек.

— А еще?

— Есть среди сопровождающих и один безоружный.

— Приведите сюда одного Утаббая,— приказал Мусульманкул и, уже когда худайчи, поклонившись, собрался уходить, он снова остановил его:— Скажи, охрана Утаббая уже вошла в крепость?

— Да, таксыр!

— Хорошо. Охрана урды должна быть готова к стычке с ними, когда кушбеги войдет сюда.

Худайчи с поклоном удалился. Мусульманкул торжественно провозгласил:

— Вот, хан, два негодяя попали в ловушку!

— Наше счастье!

Вошел Утаббай. Согнувшись в поклоне, он еще издали приветствовал хана, потом подошел поцеловать ему руку.

Мусульманкул как ни в чем не бывало встал с места и обнял кушбеги. Потом предложил ему сесть по левую руку хана.

Встреченный столь приветливо, Утаббай немного успокоился. Он снова поклонился хану и сел. Мусульманкул украдкой следил за ним.

— Спокоен ли народ в ваших краях?— спросил он.— Здоровы ли вы сами?

— Слава аллаху, под благословенным владычеством молодого хана, под сенью его неустанных забот край наш живет спокойно; подданные шлют благословения и возносят благодарственные молитвы.

Худояр сделал едва приметное движение, выражая благодарность. Кушбеги поднялся и почтительно поклонился.

Мусульманкул задумчиво поглаживал усы. Это длилось несколько минут, Худояр и Утаббай выжидающе смотрели на него.

— Известно ли вам, что в Ташкенте дела обстоят очень плохо, как сообщил нам посланный туда для умирения Нармухаммад-кушбеги?— спросил Утаббая Мусульманкул.

Утаббай ответил, что осведомлен о происходящем. Мусульманкул продолжал:

— Семьдесят дней держал Нармухаммад-кушбеги Ташкент в осаде; не сумев захватить его, он возвращается теперь обратно; упорное сопротивление Азизбека и Юсуфбека-хаджи привело к тому, что наши люди ушли ни с чем. Теперь мы поведем дело иначе!.. Вчера нам стало известно, что сын Юсуфбека по имени Атабек находится у вас в Маргелане. Возможно, он нам понадобится в дальнейшем, в связи с мерами, которые мы примем по отношению к Ташкенту, поэтому мы и вызвали его сюда вместе с вами...

Утаббай прервал Мусульманкула и улыбаясь сказал Худояру:

— С Атабеком у нас было много хлопот. Это целая история, поэтому послушаем раньше вас.

— Атабек здесь?— спросил Мусульманкул.

Последовал утвердительный ответ, и он, успокоенный, продолжал:

— У нас нет сейчас иного выхода, как уничтожить Азизбека. Любым способом! Я считаю, что привести наш план в исполнение может этот самый Атабек. Ему легче, чем другим, попасть в Ташкент и прийти к Азизбеку. Ведь он сын одного из его приближенных. А там он

может подсыпать ему яду или умертвить каким-нибудь иным способом. Как говорится, когда болезнь на исходе, врач прибежит и незванный. Узнав, что Атабек находится в Маргелане, мы с ханом очень обрадовались... Поэтому и вызвали вас сюда. А теперь послушаем, что вы скажете.

Утаббай не подозревал ничего дурного, но Худояр, хорошо знавший намерения Мусульманкула, был очень удивлен его речью. К чему он ведет? Да, его слова не могли не вызвать недоумения.

— По-моему, вы совершенно правы,— сказал Утаббай.— Однако есть у меня одно сомнение: а возьмет ли на себя Атабек такую задачу? В связи с расследованием одного дела, произведенным лично мною, я совсем не уверен, что Атабек—сторонник Азизбека. Двадцать пять дней тому назад мой курбаши сообщил мне, что в Маргелане сторонники Азизбека собираются поднять мятеж. Я отдал приказ заключить виновных в тюрьму. Мои подозрения против Атабека были основаны на том, что он сын Юсуфбека-хаджи. Я поверил показаниям человека, который сделал донос, и приговорил Атабека и его тестя Мирзакарима, маргеланского жителя, к смертной казни. Вскоре после того, как приговоренные были отправлены на виселицу, явилась женщина и передала мне письмо. Оно оказалось от Юсуфбека-хаджи к сыну, писалось оно в ту пору, когда Азизбек уже собирался восстать против Коканда. Я был растерян: письмо свидетельствовало о том, что Юсуфбек — противник Азизбека. Я должен был отменить казнь. Но, не ограничившись свидетельством этого письма, я, не освобождая обвиняемых, произвел новое следствие. Показания Атабека настолько совпадали с содержанием письма, что им нельзя было не верить.

И все же, выпустив из тюрьмы Мирзакарима, я освободил Атабека лишь на поруки, до окончания следствия. Предполагая, что донос был сделан по злому умыслу, я решил устроить очную ставку Атабека с тем, кто донес на него, но тот по какой-то причине сбежал и до сего дня не найден. Этот побег уже сам по себе говорил о злом умысле доносчика, и все же я продолжал держать Атабека под поручительством. А тут как раз пришел вызов от его величества. Я взял Атабека под надежную охрану и отправился вместе с ним к шахиншаху,

прибежищу нашего счастья и благоденствия. Вот что произошло в Маргелане с Атабеком. Я сомневаюсь, поскольку Атабек находится еще под следствием, удобно ли поручить ему такую сложную задачу...

Все коварные замыслы лисы-Мусульманкула против кушбеги рушились после этого прямого и искреннего расказа. Но теперь вся злость обрушилась на одного Атабека. Он решил отомстить сыну человека, который был правой рукой Азизбека, за кровь погибших под стенами ташкентской крепости.

— Письмо Юсуфбека-хаджи, наверное, при вас?

— Вот, таксыр,— сказал Утаббай, достав письмо и протянув его Мусульманкулу.

Пробежав письмо, тот насмешливо посмотрел на Утаббая.

— Видно, в Маргелане нашелся простак, который не понимает интриг Юсуфбека-хаджи! Этот лис написал письмо на всякий случай, посылая сына в Маргелан для поднятия мятежа. В Маргелане не поняли, но мы-то понимаем.

Мусульманкул гордо посмотрел на хана.

Утаббай проглотил издевку и промолчал. Он хорошо понимал, что скажи он лишнее слово — его поставят в один ряд с Атабеком.

— Худайчи!— пзвал Мусульманкул.

— К вашим услугам, таксыр!

— Приведите сюда молодого человека, который был с кушбеги.

В эту минуту Мусульманкул был грозен. Худояр-хан молча сидел на троне, как статуя. Утаббай притих, не зная, что его ждет.

Худайчи привел Атабека. Молодой человек поклонился хану и стоял, почтительно нагнув голову.

Атабек был наслышен о Мусульманкуле, о его зверски жестоком характере, но он никогда не видел его и потому не обратил внимания на того, кто сидит рядом с ханом. Мусульманкул заметил это и разъярился еще больше. Ехидно улыбаясь, он сказал, обращаясь к Атабеку:

— Послушайте-ка, молодой бек!..

Атабек повернул к нему лицо, а он, продолжая улыбаться, спросил:

— Кто вы такой?

— Я Атабек.

— Мало ли на свете Атабеков. Чей вы?

— Атабек, сын Юсуфбека-хаджи.

— Ага! Так и говорите! Значит, вы сын ташкентца Юсуфбека-хаджи, многоуважаемого приказчика Азизбека?

Теперь Атабек понял, кто этот невзрачный человек, что сидит перед ним, понял, что он над ним смеется. Он догадывался, что его ожидает, так уж лучше промолчать, чем отвечать на ехидные вопросы. Молчание было своего рода ответом, и оскорбленный Мусульманкул это понял. Вне себя от душившего его гнева, он заорал:

— Почему не отвечаешь?!

— Что бы вы о нем ни думали, я сын этого человека. Хотя вам и кушбеги Утаббаю мы — я и мой отец — кажемся подозрительными, перед своей совестью мы чисты. А затем поступайте, как задумали, отдавайте приказ!

Ярость Мусульманкула сменилась интересом и любопытством, лицо его приняло совсем иное выражение. Глядя на Атабека с улыбкой, он сказал:

— Смелое у тебя сердце, юноша! К сожалению, вина твоя доказана. Палач!

Палачи, стоявшие наготове у двери, тронулись с места:

— Кинжалы наши жаждут крови.

Худайчи вышел вперед палачей и объявил:

— Из Ташкента прибыл гонец. Он просит разрешения предстать перед вами!

Худояр взглянул на Мусульманкула, тот хотел уже отдать палачам приказ схватить Атабека, но вынужден был прикусить язык.

— Пусть войдет, — сказал он и добавил, обращаясь к палачам: — Немного позже! — И сделал им знак выйти.

Нужно подождать с исполнением приговора: гонец — из Ташкента, привез, возможно, подтверждение преступных действий Атабека, и Мусульманкул хоть раз в жизни прольет кровь по справедливости.

Атабек в полной растерянности прислонился к стене. Для него теперь все это — и трон, и корона, и хан, и беки — не имело никакой цены...

Он впал в странное состояние, ему казалось, что он ничего не чувствует и не сознает. Впрочем, он и чув-

ствовал, и сознавал, что его связали, подобно овце, которую ведут на заклание, и он равнодушно и бесстрашно ждал смерти. Вся эта жизнь, борьба за власть — весь этот мрак крошечный не трогал его больше.

Не было его на свете — и был покой; родился он — принес бурю; исчезнет он — и все успокоится снова. Вот потому-то ему теперь было все равно. Лишь об одном создании не мог забыть он... но вот, кажется, и оно начало меркнуть в его памяти. О, если бы хоть можно было проститься с Кумюш перед смертью! Если бы в тот миг, когда к горлу приставят кинжал, он мог взглянуть на нее и потом навеки закрыть глаза... Лишь об этом мечтал он сейчас.

Худайчи ввел гонца. Преклонив колени, гонец передал письмо Худояр-хану. Отступив назад, он вдруг увидел стоящего у стены Атабека и, забыв о том, что находится в присутствии хана, кинулся к нему. Поведение ташкентского гонца поразило всех. А Хасанали, обласкав Атабека, отпустил его, все еще вздрагивая от рыданий.

— Держись прилично! — заорал Мусульманкул.

Хасанали стоял перед ним в почтительной позе, и Мусульманкул спросил:

— От кого ты?

— От Нармухаммада-кушбеги.

— Откуда?

— Из Ташкента, таксыр!

Пораженный Мусульманкул взял письмо, протянутое ему Худояром, и, вскрыв, начал читать вслух.

«Молодому Хану и достопочтенному Тестю Шахиншаха Мусульманкулу баходыру. Счастье и светлая судьба нашего молодого Хана воодушевили и нас, озарили надеждой наши скорбные сердца. Вам было послано известие о том, что ничтожный раб ваш вместе с войском вынужден был четыре дня назад отойти от Ташкента в полной безнадежности. В таком смятении мы уже дошли до кишлака Киравчи, там нас догнал гонец из Ташкента, сообщивший, что в Ташкенте началось восстание против Азизбека и что Юсуфбек-хаджи призывает нас на помощь. Гонец передал также письмо от его имени, и я в тот же час отдал приказ возвращаться обратно. На второй день после получения этого известия мы прибыли в Ташкент. Когда мы появились, урда, где

спрятался Азизбек, была осаждена народом, возглавляемым Юсуфбеком-хаджи. Все, и особенно Юсуфбек, очень хорошо встретили нас.

Мы вступили в урду и взяли Азизбека в плен. Поначалу я полагал, что Юсуфбек-хаджи добивается стать беком Ташкента. Однако он передал в мои руки всю урду, оружие и приказы, и я понял, что предположения мои неверны — Юсуфбек-хаджи оказался человеком совершенно бескорыстным, он защищает лишь народные интересы. Все наши подозрения на его счет были ошибочны. Он поднял людей против Азизбека тоже потому, что Азизбек обложил обедневший народ налогом в тридцать две теньги на следующий день после того, как мы оставили Ташкент. Жители Ташкента теперь каются, что поддались коварству Азизбека и вступили против нас, они счастливы, что избавились от этого тирана. Я дал слово Юсуфбеку-хаджи, что за его преданную службу испрошу у Его Величества Хана высокую должность для него. Но он, поблагодарив, сказал, что для него довольно будет и того, если правителем Ташкента назначат справедливого человека. А от Ханского Величества он ждет лишь одной милости: он узнал, что его единственный сын, находясь по торговым делам в Маргелане, арестован, неизвестно почему, Утаббаем-кушбеги; так вот, если считают, что он, Юсуфбек-хаджи, достоин за верную службу какой-нибудь награды, то самой лучшей для него наградой будет освобождение вышеупомянутого сына. По мнению вашего нижайшего раба, Юсуфбек-хаджи немало потрудился для блага нашего государства, и потому, если даже его сын заслужил смерти, следует оказать ему шахскую милость.

Правителем Ташкента я временно назначил Кушдадха и оставил ему часть войска. Сам же я вскоре прибуду в ваше распоряжение вместе с захваченным мной в плен Азизбеком.

Нармухаммад-кушбеги».

Прочитав письмо, Мусульманкул ухмыльнулся и, без малейшего смущения взглянув на Атабека, приказал худайчи:

— Принеси два золотых парчовых халата!

Удивлению Утаббая не было границ: за короткое время Атабек каким-то чудом второй раз избежал смерти.

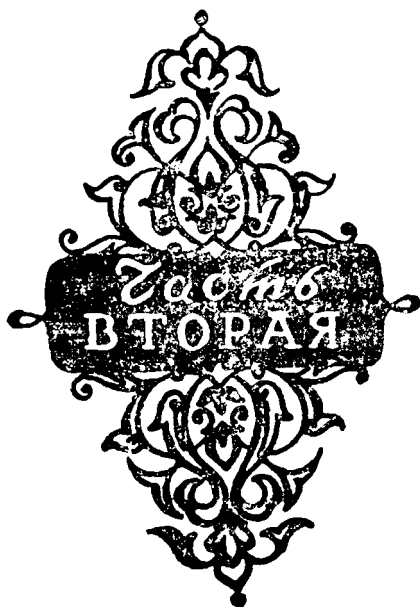
Худояр-хан улыбнулся Атабеку, как бы поздравляя с тем, что он вырвался из хищных когтей его тестя.

А Мусульманкул, прихрамывая, подошел к Атабеку, надел на него золотой парчовый халат и совершенно беззастенчиво сказал:

— Благодаря преданной службе вашего отца вы не только спаслись от смерти, но еще и заполучили парчовый халат!

Атабек уехал на несколько дней в Маргелан, а Хасанали, торопясь успокоить Юсуфбека-хаджи, тут же отправился в Ташкент.

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

Азизбека увезли из Ташкента. На его место был назначен вернувшийся из Коканда Нармухаммад-кушбеги.

Влияние Юсуфбека-хаджи, способствовавшего свержению и поимке Азизбека, еще больше возросло среди кипчаков. Он не согласился на повышение в должности и по-прежнему оставался Юсуфбеком-хаджи. Но положение советника, которое он занимал при Азизбеке, еще более упрочилось при Нармухаммаде-кушбеги. Хотя по закону Нармухаммад-кушбеги и не обязан был слушаться его, но он подчинялся его влиянию и следовал всем его советам. И вот прекратились казни невинных, сокращены были тяжкие для народа налоги, единовременные денежные сборы и чрезмерные ненужные расходы урды, уничтожены многие бессмысленные приказы и запреты, отменены некоторые религиозные церемонии, в делах был наведен порядок.

Население Ташкента, три года страдавшее от жестокости Азизбека, вздохнуло с облегчением: оживилась торговля, стали развиваться ремесла, увеличались посевы.

Народ ожил.

!

ТАК ХОТЕЛИ ОТЕЦ И МАТЬ

Узбек-аним, жене Юсуфбека-хаджи, было пятьдесят пять лет. Женщина недалекая, но властная, она славилась тем, что всегда умела погавить на своем. Властолюбивый

характер ее испытывали на себе не только ее муж, но и ташкентские женщины. Они кланялись даже ее тени, когда она проходила мимо; в любом доме Узбек-аим всегда предоставлялось почетное место, будь то свадьба или поминки или просто собирались гости. Без ее ведома не смели ни дочь выдать замуж, ни сына женить, ни совершить обряд обрезания. Слова: «Узбек-аим велела так сделать» были равносильны приказу, и в тех домах, где справлялось какое-нибудь торжество, все делалось, как она хотела. Если уж говорить по правде, то надо признать, что власть Узбек-аим распространялась таким образом не только на женщин, но и на мужчин тоже.

Впрочем, Узбек-аим по поговорке «у меня кавуши¹ не на улице найдены, чтобы их даром трепать», ходила не на всякие свадьбы и поминки, а с большим разбором. Поэтому те, кому посчастливилось видеть у себя Узбек-аим, считали себя удостоенными особой милости и с гордостью говорили потом: «У меня на свадьбе сама Узбек-аим всем распоряжалась». Авторитет Узбек-аим был велик не только в своем кругу, среди знакомых, ей оказывали уважение и во дворце правителя, знатные госпожи тоже величали ее «матушкой». Нередко арба, присланная из урды, останавливалась у калитки дома Юсуфбека-хаджи, и есаулы ждали, когда выйдет разряженная Узбек-аим.

Частенько Узбек-аим, сидя где-нибудь за чаем, поражала женщин, заявляя: «Вчера из урды присылали за мной арбу, но я была занята и не в духе, не захотела ехать и отправила арбу обратно... Что ж, я сама себе хозяйка, как и госпожи из урды». А то, как будто случайно, вставляла в разговор: «Позавчера я была в урде. Госпожи пристали ко мне: оставайтесь да оставайтесь у нас ночевать. Нечего делать — пришлось остаться и ночевать во дворце». И женщины, слыша эти слова, проникались сознанием, с какой особой им выпала честь беседовать, и еще больше почтения выказывали Узбек-аим.

У себя дома, одетая всегда в атласное платье, в халате из узорчатого адраса, в белом шелковом платке, с янтарными четками в руках, она зимой сидела у сандала, откинувшись на подушки, а летом располагалась на открытой террасе на почетном месте и звала то Айбадак,

¹ *Кавуши* — кожаная обувь, которую надевают, выходя из дома.

жену Хасанали, то служанку Ханифу и напоминала им, чтобы у них тесто не перестояло или плов не пригорел.

Если женитьба Атабека в Маргелане не вызвала у его отца особого неудовольствия, то этого никак нельзя было сказать про Узбек-аим. Можно себе представить, как отнеслась она к этому событию, лишившему ее стольких надежд на всевозможные удовольствия по поводу свадьбы единственного сына. Ведь начиная со дня его обрезания она перебирала всех девушек Ташкента, ища достойную невесту своему сыну. У одних дочь хороша, зато дом куда не годится; у других дом с усадьбой хорош, зато девица некрасива, у третьих и дочь красива, и усадьба хороша, да род у них простой, незнатный... До самого последнего дня она была занята оценкой девиц, домов, усадеб и родовитости своих будущих сватов. И что же? Единственный сын женится где-то в Маргелане, на какой-то неизвестной девице, дочери каких-то людей, бог знает какого рода-племени, а родная мать, вырастившая этого сына, с таким нетерпением ожидавшая его свадьбы, Узбек-аим, должна теперь, оставшись с носом, сидеть тихо и молчать.

В тот день, когда она узнала от Хасанали о женитьбе сына, она вышла из себя, закричала, завопила: «Не нужен мне такой сын! Лучше б в небо синее сложила я свое белое молоко! Пусть теперь и на глаза мне не показывается, своевольник, пусть и в Ташкент не является!»

Через две недели приехал из Маргелана Атабек. Вместо того чтобы обнять сына, которого она не видела несколько месяцев, мать отвернулась от него, даже не спросила, как он себя чувствует, не справилась о здоровье и не ответила на его приветствие. Надулась, нахохлилась, как курица на нашесте.

Атабек понимал, что мать обиделась на него, он и не ждал иного приема. Но когда Узбек-аим не смягчилась и после того как он дважды просил у нее прощения, Атабек сделал вид, что он не понимает, в чем дело, и перестал обращать на нее внимание.

Разумеется, теперь уж Атабек не мог долго жить в Ташкенте, не навещаясь в Маргелан. Не прошло и двух недель, как он, найдя удобный предлог, вновь собрался в дорогу и отправился в Маргелан, даже не сказавшись матери. Этот поступок сына Узбек-аим восприняла как «попираение ее мертвого тела», дым от ее разгоревшегося

гнева взвился до небес, и ярость свою она обрушила на мужа. «Где разум ваш? Или от старости вы его проглотили?— взывала она к нему.— Сына отдали каким-то маргеланцам! Да как вы сможете теперь людям в глаза глядеть?!»

У Юсуфбека-хаджи было в обычае никогда не вступать в пререкания с женой, вообще не затевать долгих разговоров с домашними, когда они с чем-нибудь к нему обращались. Если Атабеку, или его матери, или Хасанали, или кому другому нужно было посоветоваться, они приходили к хаджи и запросто излагали свое дело. Хаджи думал, а пришедший в это время глядел ему в рот, ожидая решения. Потом хаджи, если был согласен, коротко говорил «Ладно», если не вполне уяснил себе дело, спрашивал: «Ну?»; если же был несогласен, произносил: «Не годится». А уж если ему говорили о какой-либо нелепости, он просто молча усмеялся. И все домашние его так привыкли к этому, что в большинстве случаев вполне удовлетворялись такими ответами. Только в исключительных случаях, если Юсуфбеку-хаджи нужно было что-то обсудить с сыном более подробно, он вызывал его для беседы в михманхану.

И теперь ответом на все вопли и укоры Узбек-аим была молчаливая усмешка хаджи.

Узбек-аим вынуждена была покориться и тридцать дней только и делала, что проклинала неизвестных разлучников-маргеланцев.

Вернувшись из Маргелана и думая, что мать уже забыла свою обиду, Атабек явился приветствовать Узбек-аим. Однако обида ее не только не была забыта, напротив — выросла вдвое. Но на этот раз мать удостоила возвратившегося сына взглядом и промолвила: «Сын мой, зачем теперь тебе приветствовать меня? Иди кланяйся своей новой маргеланской матери, у нее проси благословения». И, не ответив на его салям, отвернулась от него.

Атабек только усмехнулся в ответ на материнские намеки, и так они оба продолжали жить, затаив обиду друг против друга.

Побыв еще немного дома, Атабек снова под каким-то предлогом уехал в Маргелан. Вся кровь взбунтовалась в жилах у Узбек-аим, от злости она гремела посудой, вопила на весь дом: «Да кто вы — отец вашему сыну или кто? Вы и не думаете унять его! Разве вы не видите, что эта

маргеланка околдовала вашего сына, так приворожила его, что он — простофиля — скоро станет ее рабом и ляжет у порога своей маргеланки! Если вы его не удержите, скоро совсем лишитесь своего сына!»

Юсуфбек-хаджи и на этот раз не обратил внимания на слова жены, только сказал: «Оставь его, жена, был бы лишь здоров, а там одумается, опомнится когда-нибудь».

Атабек провел на этот раз в Маргелане около полутора месяцев. Вернулся, а в доме опять непрерывное недовольство, обиды. Быстро собрался он в Андижан, а это ведь недалеко от Маргелана — тоже в Фергане. Снова вопли Узбек-аим поднялись к небу. Она желала даже смерти маргеланской колдунье, проклинала ее: как она разлучила мать с сыном, так пусть судьба разлучит ее с возлюбленным!

Так прошел год, и за это время сын семь или восемь раз уезжал из дому. Наконец, может быть под влиянием постоянных наговоров жены, и отношение Юсуфбека-хаджи к сыну стало меняться. Однажды, когда жена укоряла его: «Вы не умеете воспитывать вашего сына, не умеете унять его!» — хаджи спросил:

— Ну, что же ты хочешь, чтобы я сделал?

— До тех пор не избавиться нам от его частых отлучек из дому, от этих маргеланских поездок, пока не привяжем его к Ташкенту, пока не женим его здесь, — говорила Узбек-аим. — А если женится он в Ташкенте, успокоится, будет тише воды, ниже травы. Может, и позабудет свою маргеланскую беду! — не упустила случая Узбек-аим высказать заветную свою думу.

— Ну, хорошо, вот пусть вернется твой сын, — сказал хаджи.

При этих словах Узбек-аим еще больше разгорячилась, затараторила быстро-быстро:

— Это вы сделали его таким своевольным, вы позволяли ему делать, что хочет, вот и довели его до беды... Так нельзя воспитывать сына. Хочет он или не хочет, вы должны хоть раз поставить на своем. Вы всегда говорили: «Сын сам знает, что ему нужно», — и сколько хороших сватов мы упустили, и вот докатились до маргеланского горя! Но теперь вот вам мой сказ: пока он не вернулся, устрой сговор в каком-нибудь благородном доме, а как придет, справим свадьбу!

— Да погоди ты...

Но нерешительность хаджи только придала духу Узбек-аим — она словно крылья и хвост распустила и уж не могла сидеть спокойно. На следующий же день она велела Хасанали подать арбу и отправилась на поиски достойной своего сына невесты. От Хасанали она часто слышала о красоте маргеланской невестки, поэтому нельзя было удовольствоваться первой встречной, пришлось много дверей в городе пересчитать. Лишь на седьмом выезде ей понравилась дочь некоего Алима-пансада. Теперь надо было получить разрешение хаджи.

Хаджи сначала только усмеялся на приставания жены, потом сказал:

— Погоди, пусть вернется сын.

Но Узбек-аим приставала все настойчивее. Тогда он сказал:

— Делай что хочешь, но имей в виду, если сын не согласится, я принуждать его не стану.

Узбек-аим принялась умолять мужа:

— Перестаньте же упрямиться! Обещайте хоть одно словечко замолвить перед сыном. Ведь эта девушка из благородной семьи.

— Ладно, я поговорю с ним. Только ты пока погоди, не сватай.

— Я не буду сватать. Но сыну мы скажем, что уже сосватали, хоршо?

— Ладно!— сказал хаджи, чтобы отвязаться.

После этого разговора Узбек-аим ожила. Назавтра она велела запрячь лошадь в арбу и поехала в дом Алима-пансада. На этот раз ее принимали здесь уже как настоящую сватью. Семья Алима-пансада-баши совсем захлопоталась — как же, ведь они надеялись породниться с самим Юсуфбеком-хаджи!— и были весьма приветливы и уважительны. Как говорится, уста, отведавшие угощения, уже смазаны для доброй речи, поэтому Узбек-аим тоже вела себя совсем по-родственному, она даже заверила будущих сватов:

— Мы с бек-ата уже обо всем договорились, только ждем приезда Атабека.

Вернувшись домой, она проговорила об этом мужу, и хаджи пришлось только губы кусать:

— Никак ты ума не наберешься, жена,— сказал он сердито.

Через месяц Атабек вернулся домой и тотчас догадался, что ему приготовила мать. Он понял это потому, что вместо обычных укоров и обидных слов мать встретила его ласково, спросила приветливо:

— В добром ли здоровье вернулся, сынок?

Он стал избегать отца и мать, чтобы не услышать от них противного его совести и сердцу предложения о новой женитьбе. Но нельзя же было всегда уклоняться. Однажды вечером, когда он беседовал с отцом в михманхане, туда пришла Узбек-аим и, не садясь, многозначительно подмигнула мужу, показав ему на сына. Атабек, хоть и не заметил материнского знака, понял, что ему не избежать нежелательного разговора, и не нашел предлога уйти. Хаджи задумался, Узбек-аим топталась на месте, поглядывая на мужа. После некоторого молчания хаджи ласково обратился к сыну:

— Не знаю, слышал ли ты, сын мой, мы тут порешили одно дело, тебя касающееся...

Атабек, конечно, знал, что за дело они порешили или собирались порешить. Но все же он сделал вид, что ни о чем не догадывается.

— Конечно, разумные люди не задумывают недостойного дела, если это касается их сына,— сказал он.

После такого ответа хаджи невольно опустил глаза и не знал, как продолжать разговор. Потом он насмешливо взглянул на жену, но все молчал. Этого молчания Узбек-аим не могла снести. Сердце у нее разгорелось, и, подождав немного, она сказала:

— Мы сосватали за тебя дочь Алима-пансада... Теперь надо условиться насчет свадьбы.

Не отвечая ни слова матери, Атабек с укором посмотрел на отца.

Хаджи пробормотал смущенно:

— Да, уж так...

— Но ведь я женат уже... хоть это и огорчает вас... А теперь...

— Если ты и женат, что ж нам огорчаться? — улыбнулся хаджи.

— Но если вас не огорчает моя первая женитьба, за чем же?..

Хаджи уселся поудобнее:

— По необходимости, сын мой, по необходимости...

— Какая же может быть необходимость?

— Судя по словам Хасанали, твой тесть не хочет отпустить свою дочь в Ташкент. А матери твоей, которая тебя вырастила, хочется, чтобы сын с невесткой жили в родном доме.

Атабек посмотрел на мать.

— До сих пор жили вы без невестки, разве нельзя и дальше обходиться без нее? — сказал он.

Сердце Узбек-аим запылало гневом против сына, которого так приворожила к себе какая-то маргеланка. Все обиды, накопившиеся за год, теперь разом излила она на него.

— Я-то тебя кормила-растила, надеялась на тебя, думала, что ты еще возвысишь наш род!.. А ты так унизил его!.. Могли ли мы думать, что ты свяжешься с какой-то маргеланкой? Бессовестный! Если дать тебе волю, ты и в самом деле будешь считать эту маргеланку своей настоящей женой, бесстыдник!

Атабек тоже стал горячиться:

— А кто же она мне, если не жена?

— Чужеземка... вот с такими глазищами и бровями!

— Что значит чужеземка?

Юсуфбек-хаджи, вместо того чтобы унять сына, по-смеиваясь, глядел на жену: «А ну-ка, отвечай же».

Узбек-аим очень хотелось унижить «чужеземку», и она говорила запинаясь:

— Чужеземка... это китаянка... или еще какая-нибудь беда... Уж раз ты не понимаешь, прямо скажу: цыганка!..

Тут Юсуфбек-хаджи не мог удержаться от смеха, засмеялся и Атабек. Вдоволь нахохотавшись над словами жены, хаджи вытер выступившие на глазах слезы и сказал сыну уже серьезно:

— Сын мой, не обижайся на мать. Что бы она ни говорила, все равно она будет одно твердить — что она против твоей маргеланской женитьбы. Если же ты у меня спросишь, то я ни с какой стороны не хочу унижить ни маргеланскую невестку, ни нашего маргеланского свата, может быть, я даже считаю его самым достойным своим сватом, всячески одобряю тебя и радуюсь твоему спокойствию и твоему счастью. Поверь мне! Однако, хотя ты по-своему, может быть, прав, противясь нашим теперешним желанием, но ты не вправе лишать нас надежды и радости в жизни. Сын мой, у нас кроме тебя нет никого, все наши желания и надежды в тебе одном. Ты был до сих

пор разумным, добрым сыном, не хуже других, мы тысячу раз благодарим бога за это. Но мать, которая растила тебя, вырастила и свои надежды на тебя. Вот почему сегодня мать преклоняет перед тобой колени, и мы вместе просим тебя. Один раз ты женился по своему желанию и выбору, и пусть твоя подруга приносит тебе счастье! У отца с матерью, если они разумные люди, не может быть иной надежды. И все-таки мать, которая живет только тобой, хочет, чтобы ее дитя осуществило и ее давние мечты... Выполнишь ли ты это ее законное желание — воля твоя.

Насколько эти слова хаджи прищлись по сердцу Узбек-аим, настолько же они поставили в тупик Атабека. Хаджи, и без того слишком разговорившийся, вопреки своему обыкновению, закончил свою речь так:

— Разумный толково высказывает свои мысли, неразумный лает, как собака, говорят. Мать твоя хотела сказать то, что я сказал. Остальное она наболтала зря, желая защитить себя... ты ведь не хуже меня знаешь характер твоей матери...

Узбек-аим закивала головой в знак согласия. Но Атабек все молчал. То, что сказал Юсуфбек-хаджи, было не просто его мнением, это было в обычае и в духе времени. И Атабек слушал эти слова, как сын своего времени и своей среды, в какой вырос. Он не обладал силой выступить против обычаев, освященных временем, против своего отца. Бессильный против них, он молчал. Конечно, ему хотелось утешить родителей, которые растили его, надеясь потом женить и увидеть внуков от него, он не хотел бы, чтобы из-за него пришлось им позориться: ведь они уже дали слово Алим-пансаду. Но в то же время он не мог не думать о Кумюш: ему казалось, что ее глаза, так пленившие его, смотрят на него с презрением, будто говорят ему, что он — изменник, не умеет защитить свою любовь. Собственно говоря, только эти глаза Кумюш и заставляли его противиться воле отца и матери, все остальное не смущало его. Но хотя он думал, что исполнение желания родителей не может помешать ему любить Кумюш, сердце его все же было беспокойно, и совесть мучила его. Но то, что волновало его, не казалось важным его родителям. Им надоело, наконец, ожидать от него ответа.

— Не заставляй нас ждать, сын мой,—сказал хаджи.

Растерянно смотрел Атабек на отца и сказал с мольбой в голосе:

— Если это доставит вам радость, я готов исполнить ваше желание. Но не поступим ли мы жестоко и подло с этой бедняжкой...

Хаджи не сразу понял, что хотел сказать сын:

— С твоей женой, что ли?

— Нет, с той девушкой, которую вы сосватали. Как сын ваш, я удовлетворю ваше желание, женюсь, но ей, вашей будущей невестке, я не смогу быть настоящим мужем, я буду с ней бесчувственным истуканом.

Юсуфбек-хаджи посмотрел на жену. Но Узбек-аим, уверенную в предестях своей будущей невестки, это не смутило.

— Ладно, об этом пока не будем думать, сын мой! — сказала она.

Атабек замолчал. Юсуфбек-хаджи понимал сына и мог представить себе, какие осложнения должны были возникнуть в семье впоследствии, но почему-то он не захотел заглянуть в это темное будущее.

— Ты верно говоришь, мой сын. Но поспешность твоей матери с самого начала поставила меня в тупик. И сейчас я вынужден молчать и подчиняться обстоятельствам. Это не я, а твоя мать дала слово людям. Сколько бы мы ни раздумывали теперь, я не считаю возможным, чтобы наша семья показала пример несогласия, раздора и неверности данному слову.

Атабек согласился на все, превратившись, как сам выразился, в бесчувственную статую. Одного только потребовал он: прежде съездить в Маргелан, предупредить обо всем жену и тестя с тещей, и тогда уже готовиться к свадьбе. Мать, довольная, что все так легко закончилось, приняла это условие и сама стала торопить сына с поездкой в Маргелан.

2

«ВЫ МЕНЯ НЕ ЗАБУДЕТЕ?»

Тяжело было Атабеку на этот раз ехать в Маргелан, беспокойство одолевало его! Он знал, что вместо радости безграничной, вместо великого счастья он принесет теперь Кумюш страшное огорчение, тяжкую печаль. Вместо красивых подарков, которые он обычно привозил

ей из Ташкента, теперь он преподнесет ей яд жестокой обиды. Он подарит ей... соперницу, и неизвестно еще, что будет с ней, как она перенесет такое горе. А что если ее родители не согласятся, скажут: «Нет, это не годится для нашей дочери. В таком случае, ты и сам нам больше не нужен»? Вот чего Атабек особенно боялся, что усиливало его сомнения и колебания. Но волей-неволей, понуждаемый матерью, он отправился в путь, чтобы известить Кумюш о своей женитьбе.

Атабек не понукал нетерпеливо коня, как делал раньше. Предоставив его своей воле, ехал вялый и расслабленный, не замечая ничего вокруг. Как кусок хлеба, упавший в воду, он весь размяк, отдавшись своим невеселым думам.

Дни стояли весенние: горы, холмы, долины были покрыты цветами — красными, белыми, желтыми, голубыми, розовыми. Птицы, всю зиму дрожавшие от холода — синицы, воробьи, жаворонки, щеглы, — теперь носились стаями, щебетали, чирикали, звенели, точно пересмеиваясь, опускались на цветочный ковер, разостланный по земле, что-то клевали, подпрыгивая, и снова вспархивали ввысь. А издали доносилось страстное кукованье кукушки:

— Ку-ку... ку-ку...

Этот пестрый травяной ковер, покрывавший холмистую степь, аромат цветов, вся эта цветущая весенняя земля не могли не радовать человека, плывшего по ее просторам. И Атабек, хотя был полон тревоги в ожидании грядущих неприятностей, не мог не любоваться цветами и травами, не мог не вдыхать струящегося над степью аромата, не прислушиваться к пению птиц. Что бы там ни было, а он не мог не поддаться очарованию весны. Постепенно и мрачные мысли его стали рассеиваться.

«Вон ласточка, она несется стрелой и щебечет на лету, — думал он. — У ласточки нет никакой печали, она, наверное, спешит к своему возлюбленному и в песне радуется предстоящему свиданию. Счастливая, она никому не причинит зла, воля родителей не мешает ей, законы птичьей жизни легки и просты: любящие соединяются и живут парами и летают над землей, как хотят. Быть бы и мне ласточкой, летел бы я теперь к своей Кумюш. Торопился бы на свидание и пел свою веселую

песню. А у меня теперь крылья словно подрезаны отцом-матерью...»

А конь бежит своей дорогой, минует холмы и горы, переходит вброд реки, приближается к знакомому городу, где уже побывал раз восемь. Только прежде этот путь для Атабека был радостен, и он спешил, а теперь ему страшно, и его тянет вернуться.

Издалека доносится песня человека, погоняющего упряжку волов на пашне: «Время меняет цвет небес, и судьба разлучает влюбленных...»

Эта песня заставила Атабека задрожать. Кажется, это о его судьбе поет дехкаин в поле. Нет, не судьба разлучает влюбленных, а жестокая воля отца-матери,— думает Атабек и плачет. Слезы катятся по щекам, падают на луку седла, на гриву коня...

* * *

Обычно он делал по дороге в Маргелан четыре остановки, теперь шесть раз ночевал в пути. Он приехал в город перед заходом солнца, когда повсюду разносился призыв к вечерней молитве. Он сошел с коня и, ведя его в поводу, вошел в ворота и вступил в узкий проход перед двором кутидора. Сердце его тревожно билось, он вспомнил, что, вопреки своему обыкновению, опоздал дней на десять, подумал: «А она сидит и ждет», и сердце его так сжалось, что, войдя во двор, он вынужден был остановиться и замер, прислонясь к шее коня.

А она и в самом деле ждала, сидя на краю айвана. Она так задумалась, что даже не заметила, как вошел Атабек. Увидев его, наконец, она посмотрела на него широко раскрытыми черными глазами газели, повернулась, ни слова не говоря, и скрылась в ичкари.

«Ну конечно, она рассердилась на меня, что я задержался и заставил ее скучать,— думал Атабек. — Но что же с ней будет, когда она узнает о том, что я женюсь второй раз?»

Атабек совершенно смутился. Привязав коня в конюшне, он снял с седла шелковые хурджуны с подарками и прошел во внутренний двор.

Офтоб-аим, увидев любимого зятя, оставила свою работу, бросилась навстречу Атабеку, обняла его, все время ласково приговаривая, стала рассказывать, как они бес-

покоились из-за его задержки, какие сны видели. Тойбека тоже подбежала, но постеснялась поздороваться, только приняла от «красивого парня», как она говорила когда-то, его хурджуны.

Офтоб-аим захлопотала, забегала взад и вперед, постелила одно на другое несколько одеял, пригласила зятя сесть, радостно приветствуя его. Но Атабек тотчас подумал, что отношение ее к нему резко переменится, как только он завтра или послезавтра объявит о «желании отца-матери», поэтому он машинально опустил на одеяла и неуверенно поднял руки для приветственной молитвы — фатихи, которую произносила Офтоб-аим, — ведь все эти хорошие и добрые пожелания скоро могут смениться проклятиями.

После молитвы Офтоб-аим принесла зятю катык¹ и настояла, чтобы он съел его: «Скушайте, это снимет с вас усталость после дороги». Потом велела Тойбеке приготовить чай, а сама принялась расспрашивать зятя:

— Здоровы ли ваши отец и матушка?

— Слава богу, здоровы, они вам кланяются.

— А почтенный Хасанали здоров ли, почему не приехал с вами?

— Слава богу, здоров. Занят был, кое-какие дела, потому и не приехал, — отвечал коротко Атабек, а про себя подумал: «Ты лжешь, Хасанали занят приготовлениями к свадьбе...»

Прошло уже некоторое время, как Атабек приехал, а Кумюш все не выходила из свей комнаты и сидела там разобиженная. Офтоб-аим, видя смущение и задумчивость зятя, объяснила это тем, что Кумюш не выходит к нему, и позвала дочь:

— Кумюш, муженек твой приехал! Что ж это ты не идешь поздороваться с ним?

Четыре раза Офтоб-аим звала дочь, но Кумюш, притворяясь, что не слышит, занималась всякими пустяками и не выходила. Между тем, присматриваясь к задумавшемуся Атабеку, Офтоб-аим все больше тревожилась. Наконец она не вытерпела, прошла к дочери и шепотом стала ей выговаривать:

— Разум ты, что ли, свой проглотила, дочка? Муж

¹ *Катык* — кислое молоко.

твой ради тебя из далекого Ташкента приехал, а ты даже выйти к нему не хочешь, не поинтересуешься, что с ним! Вставай живо, иди поздоровайся! Смотри, он уедет!

Последние слова Офтоб-аим заставили Кумюш задуматься. «В самом деле, а вдруг он обидится, возьмет да уедет обратно?» И она, сделав вид, будто что-то ей понадобилось на айване, вышла раньше матери, мельком, исподлобья бросила взгляд на Атабека, улыбнулась ему, потом взяла совсем ненужную ей пиалу из ниши и ушла.

Узбек-аим не зря называла ее колдуньей, чародейкой: быстрый взгляд и улыбка Кумюш в одно мгновение совершили в Атабеке разительную перемену. Он и сам никак не ожидал, что под действием мимолетного взгляда и ласковой улыбки вдруг словно гора спадет у него с плеч и он почувствует себя легко и свободно, как птица. Что значили все родительские желания, и все обычаи, и все пересуды людей перед одной этой пленительной улыбкой, перед одним взглядом этих глаз?!

И, не раздумывая и не сомневаясь больше, он сказал себе: «Я ничего не буду говорить им о замыслах моего отца и матери и не вернусь в Ташкент». Несмотря на всю внезапность такого решения, оно было твердым, узел всех его затруднений был развязан волшебством одной улыбки. Он навсегда останется в Маргелане. Приняв такое решение, он вздохнул легко и уже по-другому, похозяйски посмотрел теперь на дом, где жила его повелительница с волшебной улыбкой. А она, словно гордясь своей властью над ним, опять улыбнулась ему.

* * *

Прошло пятнадцать дней. Кумюш все переспрашивала его, словно не веря своему счастью, но он отвечал: — Да, это правда. Я больше не уеду в Ташкент.

Кумюш хоть и удивлялась этому, но от души радовалась.

* * *

На двадцатый день после того как Атабек приехал в Маргелан, кутидор, против обыкновения, рано вернулся с базара и спросил Атабека. Атабек только что вышел куда-то. Узнав, что его нет дома, кутидор позвал жену в михманхану.

— Что случилось?

На этот вопрос Офтоб-айм кутидор, как будто взволнованный чем-то, отвечал:

— Ничего. Все спокойно.

Муж и жена уселись в михманхане. Офтоб-айм готова была разорваться от любопытства, не понимая, в чем дело.

— Ты что-нибудь слышала от Атабека? — спросил кутидор.

— А что? Он много чего говорит, а я слушаю...

— Относительно Ташкента он ничего не говорил?

— А что случилось в Ташкенте?

— В Ташкенте ничего не случилось, — усмехнулся кутидор. — Не в этом дело... А дочь тебе ничего не говорила?

— Нет... Да, чуть не забыла, вчера она мне сказала, что, кажется, ее муж больше не поедет в Ташкент.

— Значит в Ташкент он больше не собирается?

— Не знаю, правда ли, нет ли, но так мне сказала дочь. Уж не поссорился ли он с отцом-матерью?

— Нет, — сказал кутидор и, достав из кармана какую-то бумагу, продолжал: — Я сегодня получил из Ташкента интересное письмо.

— От кого же?

— От нашего свата, — сказал кутидор, — я хочу прочитать тебе его.

— А что же он пишет? — спросила Офтоб-айм.

— Вот послушаешь — узнаешь.

«...Свату нашему, Мирзакариму-кутидору и уважаемой ханум — нашей сватье! Да будет вам известно, что мы здесь живы и здоровы и неустанно молим бога о здоровье и благополучии вас, почтенных и уважаемых наших сватов! Вы знаете уже, по какому делу ваш зять, а наш сын послан недавно к вам. Слава аллаху, надеюсь, он пребывает в добром здоровье. Однако вам должно быть известно, что у нас кроме Атабека нет других детей, он единственный след, памятка, что останется после нас на земле, единственная наша надежда. Почтенный брат наш, мы благодарны вам, что вы сделали его и своим сыном, но то, что вы не пускаете вашу дочь в Ташкент, омрачает нашу радость и нашу благодарность. Конечно, я вас не виню, потому что у вас тоже единственное дитя, но вы бы

должны понимать нас. Атабек теперь большую часть жизни проводит в Маргелане, потому что вы не хотите отпустить в Ташкент вашу дочь, и это обрекает нас на одиночество. Дорогой брат, не вздумайте обижаться на меня за эти слова, покорный слуга ваш пишет их вам в силу необходимости. Говорят, свет — дом мечты. Как уже говорилось выше, и как вы сами изволите, конечно, знать, для вашей сватьи единственная надежда — наш сын. Найдут ли уважаемые правильным или нет, однако мы задумали крепче привязать Атабека к дому здесь, в Ташкенте, потому хотим сосватать его и уже кое-что предприняли по этому делу. Но сын наш сначала воспротивился такому нашему желанию, а потом согласился, только чтобы не оставить без внимания просьбы своей матери. Он отправился к вам, намереваясь получить от вас согласие на свой второй брак. Не знаю, найдете ли вы это добрым делом, нет ли, но теперь все зависит от вашей милости. Мы потому решили написать вам это письмо, что подумали, может быть у Атабека совсем нет склонности жениться второй раз, и он мог даже не сообщить вам об этом и тем самым поставить нас в неловкое положение. Уважаемый брат мой, вы — человек, много проживший на свете, подумайте об этом законном требовании матери. Мы верим, что вы, как и ваш покорный слуга, попытаетесь вразумить вашего зятя, а нашего сына. Не следует, пожалуй, заранее оповещать нашу невестку о второй женитьбе Атабека. Но мы надеемся, что вы все порадуете нас — приедете вместе с Атабеком на свадьбу.

Юсуфбек-хаджи и сватья. Писано в 4 день месяца савр 1265 года хиджры»¹.

Кутидор закончил чтение письма и посмотрел на жену. На Офтоб-айм письмо хаджи произвело такое впечатление, словно она нырнула в ледяную воду — она так и застыла на месте. На мужчин подобные вещи не действуют так сильно, как на женщин. Офтоб-айм показало, что ее дорогую дочку уже разлюбил муж, что в ней нашли какой-то изъян, что Кумюш уже стала тряпкой, которую за ненадобностью хотят засунуть в темный угол. Офтоб-айм не поверила письму, ей казалось, что она ослышалась.

¹ Савр 1265 года хиджры — апрель 1848 года.

— Прочитайте еще раз...

Кутидор усмехнулся.

— Сколько раз ни читай, пользы не будет, ты ведь поняла смысл письма,— сказал он.

Офтоб-аим возмутилась:

— Моей дочери дать соперницу?!

Кутидор пытался успокоить жену, но она билась, как птица, попавшая в клетку.

— Не убивайся так, постарайся понять.

— Что понять?

— Тут что-то не так... За этим что-то кроется.

— Что кроется?

— Знаешь, если бы в этом деле видно было участие и желание нашего зятя, я бы тоже не стерпел этого и не мог бы спокойно принять беду, которая свалилась на голову нашей дочери. Но я не вижу, чтобы твой зять этого хотел. Поэтому я спокоен. Ты, кажется, говорила, будто он сказал твоей дочери, что больше не поедет в Ташкент? Так?

— Правда ли, ложь ли, но я так слышала,— нехотя ответила Офтоб-аим.

— Ну раз ты сама слышала, значит это, по-видимому, правда,— сказал кутидор. — Из всего этого ясно, что Атабек совсем не хочет второй раз жениться, а все дело затеяли его родители. Значит, эту женитьбу нельзя понимать как желание изменить твоей дочери, навязать ей соперницу.

Кутидор говорил так, будто он уже соглашался на вторую женитьбу Атабека.

— Да если бы Атабек сам захотел второй раз жениться, разве он приехал бы в Маргелан просить нашего разрешения?

— Поймите-ка,— сказала удивленная Офтоб-аим,— что это вы такое говорите?

— Я говорю, что Атабек сам против этой второй женитьбы.

— Но раз он против, то и слава богу, тогда о чем говорить?

— Дело-то не в этом,— возразил кутидор.

— А в чем же? — Офтоб-аим начинала уже горячиться. — Вы, кажется, своими руками готовы преподнести нашей дочери соперницу!

Кутидор усмехнулся с досадой.

— Ничего ты не понимаешь, жена.

— Я все понимаю!

— А если понимаешь, то как, по-твоему, мы должны отвечать на это письмо?

— Так и напишите, что это для нас не подходит.

— Этого мало, если мы скажем, что нам не подходит, надо найти какие-то основания.

— Небось найдете основания!

Кутидор посмотрел на жену, которая уже совсем вышла из себя, и почесал в затылке.

— В письме говорится, что вторая женитьба Атабека вызвана тем, что мы не хотели отпустить нашу дочь в Ташкент,— сказал кутидор.— Если ты говоришь, что твой зять не должен второй раз жениться, значит надо отпустить Кумюш, чтобы она жила у сватов, не так ли?

— Почему это я свою единственную дочь должна отправлять в Ташкент? — сказала. Офтоб-айм, сердито сверкая глазами.— Когда мы выдавали дочь замуж, Атабек нам дал обещание, что он не увезет ее никуда из Маргелана.

— Ты права, я тоже совсем не хочу отсылать Кумюш в Ташкент,— сказал кутидор.— Но дело в том, что Атабек нам не давал обещания, да мы его и не требовали, отказаться от своего отца и от своей матери.

— Обещал он или не обещал отказаться от отца-матери,— сказала, задыхаясь, Офтоб-айм,— но раз он полюбил Кумюш и женился на ней, то второй женитьбе не бывать! Пусть и не заикается об этом!

— Да откуда ты взяла, что он заикается об этом?

— Ну, а уж если он сам не говорит об этом, то и вам нечего выступать посредником в этом деле, топором подрубать свои собственные ноги.

— Говорят, ударь сначала ножом себя самого, и если не будет тебе больно, бей другого,— сказал кутидор серьезно.— Ты лучше меня знаешь, что без нашего согласия Атабек не женится вторично. Но если бы мы сами с тобой были на месте наших сватов и наш единственный сын женился в каком-нибудь дальнем городе на незнакомой девушке, подумай сама, разве ты бы вынесла это? Разве ты бы сама не захотела женить сына вторично в своем городе? Разве ты не стала бы проклинать людей, которые мешали бы нам и удерживали нашего сына у себя?

Эти слова заставили Офтоб-аим задуматься, однако она все еще не желала сдаваться.

— Как же вы теперь намерены поступить?

— Мне ничего другого не остается,— сказал кутидор со всей решительностью,— я должен уговорить Атабека, если он не согласен, и вместе с ним поехать в Ташкент.

— А наша бедная дочь?..

— Честь нашей дочери не будет затронута. Любовь и уважение мужа останутся при ней.

— Чтоб им провалиться с этой свадьбой! И зачем только такие дела творятся на свете!

— А не хочешь — тогда отправляй дочь в Ташкент.

Вместо ответа Офтоб-аим заплакала в голос...

* * *

И вот они сидят втроем в михманхане: тесть, теща, зять. Необычное приглашение на эту беседу вызвало в душе Атабека всяческие опасения. Почему в михманхане? Почему нет с ними Кумюш? Почему с таким укором смотрит на него Офтоб-аим? Неожиданно кутидор спрашивает его:

— Атабек, ответьте нам, не смущаясь и не стесняясь, была ли у вас какая-нибудь особая цель, когда вы в этот раз ехали сюда из Ташкента?

Этот вопрос заставил смутиться Атабека, он не знал, что отвечать.

— Какая цель?.. Просто... я хотел повидать вас всех...

— Говорите правду, бек! — Кутидор постарался даже улыбнуться, хотел подбодрить Атабека.

— Я сказал.

— Вы не сказали всей правды...

Растерянный и смущенный, Атабек произнес:

— Если я вам скажу всю правду, для чего я приехал в этот раз из Ташкента,— и мне будет тяжело, и вы огорчитесь. Да и незачем говорить об этом, я уже все решил сам, и мое решение твердо.

Офтоб-аим посмотрела на мужа. Кутидор спросил ласково:

— Вам неприятно говорить об этом?

— Не только мне, а и всем нам было бы тяжело...

— А если бы мы согласились?

На лице Офтоб-аим явно выразилось недовольство

такой смелостью мужа. Атабек же вздрогнул, точно проснулся, и спросил с недоумением:

— На что вы хотите дать свое согласие?

— На то самое, на что вы должны были просить нас согласиться.

Атабек даже вспотел от смущения!

— Разве вы знаете?..

— Знаем,— сказал кутидор усмехаясь.

— Что же или кто заставляет вас согласиться на такое дело?

— Никто не заставляет,— сказал кутидор,— но мы чтим желание отца и матери, вырастивших сына, который у них единственная надежда. И вы тоже, наверное, не можете не считаться с их волей?

— Я даже не знаю, что и сказать... неужели нет никакой другой возможности исполнить желание моих родителей?.. Правда, будучи в Ташкенте, я почти согласился, но здесь теперь я вижу, что это совершенно невозможно...

Офтоб-аим чуть не вскрикнула: «Правильно!», но кутидор, нахмурясь, остановил ее взглядом.

— Короткая у вас память, бек!— сказал он.— Но дело теперь уже не в вас. Если бы ваш отец не обратился прямо к нам, мы могли бы оставаться в стороне. Теперь же, если мы поддержим вас, то в глазах ваших родителей виноватыми будем уже мы, а не вы.

— Не придавайте этому значения.

— Как же не придавать?

— Напишите, что я один во всем виноват.

Кутидор засмеялся.

— Когда вы были в Ташкенте, вы же приняли предложение ваших родителей?

— Да.

— И даже в Маргелан поехали, чтобы сообщить нам и получить наше согласие?

— Да...

— Ну вот... а приехав в Маргелан, отреклись от своего слова, так?

— Отрекся...

— И потом поедете в Ташкент, отрекшись от своего слова, да?

Атабек молчал.

— Вот видите. И получится так, что виноватыми в

этом деле окажемся только мы. Нет уж. Надо было раньше думать, а теперь вам ничего не остается, как выполнить волю родителей.

Атабек не мог ничего возразить, он понял, что вел себя, как мальчишка. Вконец растерянный, он спросил:

— Когда отец написал вам?

— Вчера я получил письмо. Ну, так значит вы согласны?

— Я не могу ответить вам сейчас, я должен подумать.

— Сколько бы вы ни думали, ответ все равно может быть только один — согласиться.

Кутидор сказал это решительно и строго. Его решительность вернула Атабека к действительности. Желание отца и матери, лежавшее на душе тяжестью и омрачавшее радость жизни, теперь показалось ему простым и понятным. Однако не все еще было ясно, оставалось самое трудное.

— Допустим, я соглашусь,— сказал Атабек кутидору. — Но ведь это еще не все: главное зависит от вашей дочери.

Офтоб-айм, которая сидела пригорюнившись, с благодарностью взглянула на Атабека.

— О нашей дочери можете не беспокоиться, бек,— сказал кутидор. — Самое лучшее—ничего пока ей не говорить. Потом узнает—смирится, свыкнется. С этой стороны препятствий не будет.

— Нет,— сказал Атабек,— я не могу ничего скрывать от вашей дочери.

— Почему?

— Потому что если она не пойдет на это, то и я не соглашусь ни за что.

Тут кутидор задумался. Что же касается Офтоб-айм, то ей хотелось заплакать и расцеловать милого зятя, так высоко ценившего ее дочь, и она до глубины души прониклась к нему уважением.

— Хорошо! — сказал кутидор.—Вы сами хотите говорить с ней об этом?

— Нет! Это мне не под силу! Ведь мои слова были бы для нее оскорблением,— сказал Атабек.

Глаза его наполнились слезами. Боясь, что это заметят, он быстро встал и вышел из комнаты. Кутидор с Офтоб-айм переглянулись. После ухода зятя, муж с женой еще с полчаса сидели в михманхане и спорили.

После вечернего намаза, чтобы как-нибудь отвлечься от не покидавших его беспокойных дум, Атабек, сидя у светильника в своей комнате, перелистывал книгу Фузули. Но стихи не овладевали его вниманием, и он только переворачивал страницы. Эти тонкие изящные стихи знаменитого поэта сейчас казались ему лишь бесцветным набором слов. Вдруг он закрыл книгу, встал и прислушался к тому, что происходило на айване. Кумюш разговаривала с матерью, и вдруг обе они замолчали. Это показалось ему подозрительным. Тут же они ушли с айвана. Он даже в лице переменился, но сел на прежнее место и снова занялся чтением, одолеваемый беспокойством, напрасно стараясь рассеяться.

Прошло полчаса, час. Он не поднимал головы от книги. Он думал, что все равно не избежать этого тяжелого разговора. Но пусть он будет попозже... Надо внимательнее читать Фузули. Он углубился в чтение и не замечал даже, как в комнату вошла Кумюш. Безмолвно, как птица, затаившая свой нежный голос, она бесшумно прошла по ковру и тихонько опустилась рядом с Атабеком. Пламя свечи заколебалось от легкого движения ее платья, словно приветствовало ее поклоном. Атабек, склонившийся над книгой, вздрогнул, поднял голову, взглянул: перед ним сидела пери, и у нее, как сказал поэт, ресницы слиплись от слез и покраснели круглые, как яблоко, щеки... Он понял, что ей все известно, и опустил глаза, как изобличенный заговорщик. Он ждал горьких упреков, слов, полных обиды, готов был после первой жалобы покаяться в грехе, который собирался совершить по воле родителей. Но все вышло не так, как он ожидал. Внезапно, словно желая вывести его из трудного положения, Кумюш сказала:

— Фузули — прекрасный поэт. Я тоже, когда оставалась одна, не могла оторваться от этой книги. Вы значит любите эти стихи?..

Атабек пришел в полное замешательство, не знал, с чего начать, что сказать этой благородной красавице, которая готова была утешать его, сама переживая тяжелое горе.

— Кто вас обидел? Отчего вы плакали? Что значат эти слезы?

- Разве я плакала?
- Ваши глаза говорят об этом. И ресницы...
- Это так кажется...
- Я заставил вас плакать?!
- Почему вы закрыли книгу? Прочтите что-нибудь, я хочу послушать...
- Кажется, покой отца с матерью я покупаю дорогой ценой ваших слез?..
- Я согласна, я смирилась! — вдруг быстро сказала Кумюш, словно чего-то испугавшись.
- Как... согласны? — Атабек был поражен.
- Потому что я верю вам, — сказала Кумюш.
- И потому?..
- Я согласилась...

Их сердца в этот миг бились как одно, души их слились.

— Так почему же вы плакали?

Кумюш смутилась, она сказала, силясь улыбнуться:

— Так... — и вдруг спросила, выдав сразу все свои опасения, тревоги и желания: — Вы меня не забудете?

Он не знал, что ответить, не мог найти слов, которые выразили бы глубину его чувства. Словно говоря сам с собой, он произнес наконец:

— То — желание моего отца и матери...

— Я знаю, — прервала Кумюш, утешая любимого.

— А какое у меня желание... знаете?

Кумюш придвинулась к Атабеку и, опершись рукой об его колени, прильнула к нему с нежной лаской.

В тот же день кутидор объявил, что он с зятем отправляется в Ташкент. Всю ночь перед отъездом Атабек и Кумюш провели без сна, сидя у свечи и разговаривая.

3

ПОЯС ЮРОДИВОГО

Люди в чайхане не торопясь, на голодный желудок, пили кок-чай и скучали, когда вдруг вошел юродивый, обвешанный тыквами. Тут все заговорили разом:

— Пожалуйте, дивана, пожалуйста!

— А пиала чая найдется для меня, бездельники?

— Найдется, святой! Спляши, как бача, — все тебе отдам!

Тот, кого называли «дивана» или «ковок-дивана»¹, был худой, средних лет человек с жиденькой бородкой, одетый, наперекор жаркому солнцу, в стеганный драный халат, из которого отовсюду лезла вата, опоясанный несколько раз новым бязевым поясом, на котором висело множество разных тыкв и тыквочек, начиная с годных для чилима и кончая большими, в которых носят воду, и совсем маленькими — игрушечными. Под тяжестью их всех он еле двигался.

Дивана этот был известный человек. Его хорошо знали жители Ташкента, даже беки и богачи, это был юродивый, «святой», перед которым люди преклонялись, молва о волшебствах которого передавалась из уст в уста. Все в городе его привечали, даже те, кто не верил в его чудеса, забавлялись его чудачествами и всякими выходками. Не прочь были позабавиться и посетители чайханы, куда он пришел.

Видимо, его где-то сытно покормили, и теперь он хотел пить.

— Кто бача? Я не бача вам! Мать меня не для того родила!.. Чаю давай, чаю!

— А для чего же родила вас мать?

— Пасти ханских баранов, носить на поясе тыквы... Давай чаю, негодник!

Но шутники в чайхане не дали диване спокойно выпить пиалу чая. Кто-то незаметно сорвал у него с пояса тыкву и пустился наутек. Дивана погнался за похитителем и не догнал его. Дело принимало дурной оборот. Вернувшись на свое место, дивана допил чай и, обращаясь то к одному, то к другому, стал просить вернуть ему тыквочку. Когда же это не помогло, он начал громко плакать. Шутникам только того и надо было.

Тот, кто стащил тыкву и забрался с ней на крышу, повесил тыкву на перекладину над супой², потом сошел вниз и спросил дивану:

— Ну что, поймали вора?

— Ах, нет, братец! Убежал, скрылся куда-то, чтоб ему раздуться, как моя тыква!

Кто-то стал уверять, что видел, как вор уехал верхом на тыкве на Эски-Джува. Другой сказал: «Ах, хороша

¹ Ковок-дивана — юродивый с тыквами.

² Супа — глиняное возвышение.

была тыква!» Третий расчувствовался: «Жаль-жаль!» Дивана опять залился слезами, а шутники все подбавляли масла в огонь:

— Подобной тыквы на всей земле не сыщешь!

Дивана объяснял происхождение тыквочки:

— Отец мой — тыква для вина, мать — тыква для закуски. А сам я — поясная тыквочка.

Все смеялись. Вдруг кто-то из шутников показал на тыкву, преспокойно висевшую на перекладине, и сделал большие глаза:

— Эй-эй, а это чья тыквочка?

Дивана, увидев свою любимую тыкву, обрадовался:

— Вай, негодники, дурни, вай, бездельники! Отдайте мне мою тыквочку, глупые!

— Ладно, ладно, святой! А что вы дадите за это?

— Получишь то, что попросишь, дурень... Захочешь — будь беком Аим-кишлака... Сядешь на коня с золотым седлом...

— С Аим-кишлаком мне не управиться... Лучше вы расскажите нам про ваши тыквы: кто они такие?

Дивана согласился. Тыкву сняли с перекладины над супой, и она благополучно вернулась в руки юродивого. Любимица вновь была водворена на свое место рядом со своими подругами на бязевом поясе.

— Ну, рассказывайте, дивана!

Ковок-дивана, показывая на одну кривую изогнутую тыкву, сказал:

— Вот хромой Мусульманкул!

Затем ткнул в крошечную тыквочку, висевшую рядом с первой:

— А вот — Худай-бача, Худояр!

Погладил большую тыкву для воды:

— Вот это — Нар с большой головой¹. А вот — табакерки, тоненькие шейки, — сказал он, показывая на маленькие аккуратные тыквочки, висевшие рядом.

Шутники хохотали. Дивана встал было и хотел уйти, чтоб избавиться, наконец, от озорников. Но один из присутствовавших удержал его:

— Постойте, есть к вам вопрос!

Юродивый выругался, но все же остановился и ждал.

¹ Подразумевается Нармухаммад-кушбеги.

— А где вы украли этот новый пояс, которым перетянут ваш стан?

— Не тронь, подохнуть бы тебе маленьким!

— Эй, Каримкул,— сказал, обернувшись к соседу, шутник,— да это уж не твой ли пояс, который у тебя украли третьего дня?

— Да-да... Он самый. Эй, держи вора!

Дивана, обеими руками ухватился за свой пояс, словно боялся, что его отнимут.

— Нет, это не твой пояс, дурень!

— Нет, мой. Снимай сейчас же, а то позову миршаба!

— Что он говорит?!. Что говорит этот негодник!

— Говори правду, где ты взял этот пояс?

Дивана, вцепившись в пояс, сказал:

— Я не украд его, я получил его на свадьбе в доме хаджи...

— А кто этот твой хаджи?

— Разве ты не знаешь хаджи, дурень?

— Мало ли в Ташкенте хаджей!..

— Ты совсем разум потерял, бездельник!.. Это же Юсуфбек-хаджи!.. У него в доме была свадьба, пир был большой, сын женился... Отстань от меня, сдохнуть бы тебе маленьким!

Дивана вырвался, наконец, из рук озорников и пошел прочь. Но один из посетителей чайханы, человек с повязкой на глазу, направился вслед за ним.

— Эй, дивана!— окликнул он его.

Дивана узнал идущего за ним человека, но продолжал шагать, из предосторожности держась за свои тыквы.

— Что тебе надо, ты — больной глазами?

— Не бойтесь,— сказал, ускоряя шаги, человек с повязкой.

— Какое у тебя дело ко мне?

— Постойте!

Дивана нехотя остановился. Чтобы не испугать его, человек, не подходя близко, стал рыться в карманах.

— Я хочу вам сделать подарок.

Услышав это, дивана пошел дальше. Человек поспешил за ним, протягивая деньги.

— Вот, возьмите мое приношение!

Дивана продолжал идти, не обращая внимания. Человек в повязке сказал угрожающе:

— Стой, говорю!

Дивана остановился поодаль.

— Не подходи, не подходи ко мне, ты, больной глазами!

Человек остановился.

— Кто женил сына?— спросил он.

— Кто сына женил?

— Ты говорил в чайхане...

— Говорил в чайхане... а тебе что?

— Где ты взял пояс?

— Твоя бабушка дала!

— Правду говори!

— А ты что — на свадьбу приехал?

— На свадьбу приехал...

— К Юсуфу, значит?

— К Юсуфу-хаджи...

— Захотел пояс получить?

— Захотел пояс...

— Опоздал, свадьба уж была.

— А какого сына Юсуфбек женил?

— А сколько у него сыновей?

— Сколько у него сыновей?

— Один у него сын... Ты что, из Кара-Тегина приехал? Сестра твоя здорова?

— Здорова... Когда же была свадьба?

— А ты сам женат? Давно из Кара-Тегина?

— Пятый день. Когда была свадьба?..

— Ты на ишаке приехал или пешком пришел?

— На ишаке.

— Табак есть у тебя?

— Есть.

— Дай немножко!

— Дам, если скажешь, когда была свадьба.

— Ты опоздал на свадьбу, дурень!.. А мне досталось целое блюдо плова.

— Хочешь, я куплю тебе плова на базаре?..

— У тебя что, оспа на глазах?

Человек с повязкой вышел из себя.

— Когда была свадьба, я спрашиваю?

— Говорю же тебе, что ты поздно приехал, уже была свадьба. Вот уж неделя прошла... Десять дней

прошло... Месяц прошел... Скоро, говорят, будет пир у родителей невесты — по случаю первого посещения молодых... Постарайся попасть на этот пир, каратегинец!

— Значит, хаджи на ташкентской женил сына?

— Хи-хи-хи, дурень! На каратегинской, что ли, ему женить сына?..

Человек с повязкой на глазах отстал и вернулся в чайхану.

4

ИНДУС-ЧАРОДЕИ

Новый тесть Атабека заболел. Так как он и не выздоравливал и не умирал, чтобы тем самым освободить живых, то Атабек оказался без веревки привязанным к Ташкенту, потому что по обычаю полагалось, после свадьбы, по первому приглашению явиться молодым в дом родителей невесты, которые устраивали пир по этому поводу. Кутидор, гостивший на свадьбе, уже уехал один. Атабек был угнетен этим и говорил матери с укором:

— Подумайте, матушка! Бедняга, чтобы ублаготворить вас, согласился на мой второй брак, дал дочери соперницу, сам вместе с вами отпраздновал свадьбу, бросил все дела, больше десяти дней пробыл в Ташкенте... Надо же ценить добро, которое делают вам люди...

Но Узбек-аим твердила свое:

— Что же делать, сынок, ведь надо и обычай соблюсти, иначе стыдно будет перед людьми.

— Говорите «стыдно», а сами и не понимаете, что такое стыд!

Узбек-аим приписывала все упрямству сына и сердилась:

— Да что ты так спешишь, сын? Еще успеешь увидеть свою чужеземку.

— Матушка!— сказал Атабек.— Не знаю, как и отвечать вам на ваши злые намеки. Если б мое нетерпение объяснялось только тем, на что вы намекаете... Но я тороплюсь не только к жене, я боюсь, чтоб ее отец и мать не подумали обо мне плохо. Когда я решил пойти против вашего желания и даже не хотел возвращаться в Ташкент, они, бедные, чуть не силой отправили меня сюда. Как же вы не хотите понять, что мне стыдно будет перед ними!..

— Ну, тогда беги туда со всех ног, нарушай обычай, не жди приглашения от тещи!.. — сказала Узбек-аим. — Видно, твоя маргеланка крепко держит тебя под каблуком!

Атабеку пришлось замолчать, потому что мать была мастерица растревлять его рану. Ведь хоть и исполнилось ее желание — сын женился в Ташкенте, но надежды ее не сбылись, он не забыл свою первую жену. Именно теперь она окончательно убедилась, как велики были чары маргеланки. Матери удалось поставить на своем, справить пышную свадьбу, но ей не оторвать сына от маргеланки. Маргеланка оказалась сильнее. Все колдовство, которое мать с помощью местного колдуна-еврея пустила в ход перед свадьбой, чтобы посорить сына с первой женой и приворожить ко второй, оказалось бессильно, приходилось это признать. Ни трава для окуривания, ни амулеты дамы не оказали на Атабека никакого действия.

Узбек-аим не сомневалась, что колдун маргеланки сильнее ташкентского, но одного не могла уразуметь: казалось бы, чары мусульманского колдуна должны быть уничтожены мусульманином, чары еврея — иудейским муллой. Тут же ничто не действовало. Узбек-аим прямо разрывалась от дум и предположений. Вдруг ее осенило, и она сразу уверилась в своей догадке: «Дамла маргеланки — не мусульманин и не еврей, он — индус. И не простой, а индус-чародей! А его приворот не снимет ни мусульманин, ни еврей, отворотить его может только индус-чародей и больше никто».

Что же делать? В Ташкенте нет ни одного индусского дамы... Кто же может помочь? Не отпраляться же ей самой в Маргелан? Свалилась беда на голову, теперь надо думать, как ее сбыть. Узбек-аим и придумала: «Если Атабек поедет в Маргелан, я тут же вместе с ним пошлю Хасанали. Хасанали найдет там индуса, и пусть он снимет чары с Атабека. Сколько бы ни взял за это индус, ладно, продам что-нибудь из дорогих нарядов, соберу денег».

Атабек все молчал, сидя перед матерью. Узбек-аим, вдруг решившись, сказала ему:

— Сын мой!.. Ну вот, ты женился... Теперь тебе незачем сидеть около меня. А твоя жена-бедняжка, наверное, уж томится там одна...

Атабек взглянул на мать и ничего не сказал.

— Иди к ней, дитя мое, иди. А то в самом деле нехорошо получается.

Тут она увидела Айбадак, остановившуюся перед окном.

— Чай с молоком готов, подавать, что ли?—спросила Айбадак.

— Две чашки снеси в комнату невестки, а мне и Хасанали подай сюда.

Айбадак пошла было выполнять приказание, но Атабек остановил ее:

— Мою чашку тоже сюда давайте.

Айбадак посмотрела на Узбек-аим, Узбек-аим — сердито на сына. Но Атабек, не обращая внимания на мать, кивнул Айбадак: «Да, да, так и сделайте».

— Тогда и невесткину чашку принеси сюда и позови ее к нам. А Хасанали пусть пьет чай у себя,— сказала Узбек-аим. Когда Айбадак вышла, мать спросила сына:

— Что это ты выдумал?

— Ничего не выдумал.

— Разве уж так трудно тебе выпить чай вместе с молодой женой? Нехорошо обижать дочь честного мусульманина.

— Тут никакой обиды нет. Вы ведь велели ее позвать, пусть пьет с нами вместе — и все тут.

Узбек-аим хотела еще что-то сказать, но вошла Айбадак с дастарханом.

— Позвала невестку?

— Позвала.

Дастархан был развернут, чай с молоком принесен. Узбек-аим ломала лепешку и клала кусочки в пиалу, а сама поглядывала на дверь, поджидая невестку. Когда невестка появилась в дверях, она взглянула на сына: «Да встретить ее как полагается!»

Круглолицая, беленькая, миловидная семнадцатилетняя Зайнаб поклонилась свекрови, соблюдая приличия, неторопливо подошла к дастархану. Присела несмело и молча только после того, как свекровь разрешила: «Садись». Глаза Узбек-аим обратились на сына. Атабек молча ел хлеб, макая его в чай, и не глядел на мать. Не встретив его взгляда, Узбек-аим обратилась к нему со словами:

— До сих пор ваше первое посещение тестя, как велит обычай, еще не состоялось. Может быть, тебе не

ждать положенного празднества и повидаться с тестем запросто?

Зайнаб устремила глаза на мужа. Атабек ответил матери холодно:

— Можно и повидаться,—и с улыбкой посмотрел на Зайнаб.

Зайнаб тоже улыбнулась. Эти взаимные улыбки немножко успокоили Узбек-аим. Но разговор на этом оборвался, и снова наступило молчание.

Мать, все время следившая за сыном, старавшаяся разгадать его настроение, чувствовала себя неловко. Зайнаб то и дело робко взглядывала на мужа, но Атабек был целиком занят едой. У Узбек-аим пропал всякий аппетит.

— Ты заказал невестушке золотое кольцо?

— Заказал. Завтра-послезавтра будет готово,— коротко ответил Атабек.

Но мать все же пыталась завязать беседу.

— А золотые подвески к косам у вас есть?—спросила она невестку.

Зайнаб застенчиво посмотрела на мужа и ответила:

— Нет.

— Если нет, так я куплю,—сказал Атабек.

Узбек-аим оживилась, заговорила о том о сем, но разговор не клеился. После чая с молоком принесли кумган с кок-чаем. Зайнаб налила первую пиалу, встала и, держа ее двумя руками, преподнесла свекрови. Налив вторую пиалу для мужа, она тоже хотела встать, но Атабек удержал ее:

— Не вставайте, можно подавать и сидя.

Это не понравилось Узбек-аим, она возразила:

— Зачем ты так говоришь, сын мой? Подавать чай стоя — и достойно, и красиво, и приятно для молодой женщины.

— Я ведь не говорю, чтобы она и вам подавала сидя. Но мне эти церемонии не нужны,—сказал Атабек. Быстро допил чай, помолился, проведя руками по лицу, и добавил:— Вам, конечно, должны подавать стоя!—и ушел.

Зайнаб поняла эти слова просто, не догадываясь, что скрывалось за ними. Но Узбек-аим даже побледнела от огорчения, и опять ей подумалось о чарах индуса.

Примерно через час после того Узбек-аим, оставшись

одна, позвала к себе Хасанали. Хасанали ничего особенного не усмотрел в этом, потому что и не подозревал о тайных помыслах хозяйки, он подумал, что его зовут посоветоваться о предстоящем празднестве первого посещения родителей новой жены. Узбек-аим прикрыла дверь за ним, присела к нему поближе и вполголоса передала ему свои заветные желания.

— Похоже, что тут не обойтись заговором ташкентского муллы... Думала я, думала и решила, что у маргеланки, наверное, дамла — индус. Ничего не поделаешь, вот я и позвала тебя. Выслушай меня и раскинь умом хорошенько. Ты ведь сам видишь, что Атабек, вместо того чтоб забыть о маргеланке, только и думает о ней — как бы скорей к ней отправиться. Все это — чары какого-нибудь индуса, это он опутал Атабека тайной петлей и тянет его в Маргелан.

Хасанали, хоть и знал, что хозяйка его бегаёт по всяким муллам и гадалкам, все же не понял, какой это индус «опутал Атабека и тянет в Маргелан». Но, зная хорошо нрав своей госпожи, он не показал и виду, что не понимает, и продолжал слушать: «посмотрим, что дальше будет». Однако Узбек-аим дальше ничего не сказала, а стала допытывать его:

— Ну, что ты посоветуешь в этом случае?

— Что я могу вам посоветовать?.. Как вы захотите, так и будет, — отвечал Хасанали.

Ответ Хасанали, уклончивый, потому что он не понимал в чем дело, очень понравился Узбек-аим.

— Хвала тебе, Хасан! Вот ты и должен помочь мне добиться, чего я хочу.

— Пусть будет так...

— Если завтра-послезавтра Атабек повидается с тестем, он, конечно, заторопится в Маргелан. Ты тоже должен поехать с ним, найти того индуса, дать ему денег, чтобы он снял свой наговор...

— С кого?

— С Атабека, конечно.

— Какой наговор?

— Да ты что, не понял, что ли?

— Понять-то я понял... только хотелось, чтоб вы объясняли получше.

— Маргеланка-то ведь через индусского муллу приворожила к себе Атабека... Ты же, верно, сам замечал.

— Хотя я и не замечал ничего, зато теперь вижу ваше намерение,— засмеялся Хасанали.— Вы хотите, чтобы Атабек охладел к маргеланской невестке?

— Правильно говоришь,— сказала Узбек-аим.— Надо раз и навсегда вырвать его из ее когтей!

Хасанали удивился: он никак не думал, что его хозьяка так ненавидит свою маргеланскую невестку.

— Это почему же так?

— Не хочу отдавать ей моего сына! Теперь у него в Ташкенте жена есть. Мы не нуждаемся в невестке-чужеземке.

— Пусть так, но что же вы хотите делать?

— Это яснее солнца, что мне надо делать!— сказала Узбек-аим и, вполне уверенная в своей правоте, поведала Хасану, что она намерена предпринять. — Я уже тебе говорила: надо добиться от маргеланского индусского муллы, чтоб он снял ее чары, тогда Атабек сам разведется с чужеземкой...

— А откуда вы узнали про наговор индуса?

Узбек-аим при этом вопросе почувствовала некоторое сомнение в правильности своих подозрений и молвила не очень уверенно:

— Уж я знаю...

— Откуда же вам знать? Кто-нибудь да сказал же вам об этом?

— Своим умом дошла.

Хасанали не мог удержаться от смеха.

— Нет, тут разум ваш немного ошибся...

— Почему?

— Никакой индус не привораживал Атабека, и между ним и Кумюш никакого колдовства нет.

— А почему же тогда Атабек, хоть и женился тут, а все торопится в Маргелан к ней?

— А вы еще не распознали причины?

— Я думаю, это чары, колдовство.

— А кто же колдовал?

— И невестка, и ее родители.

— Ошибаетесь, матушка!

— Почему это я ошибаюсь?

— А зачем им его привораживать, как вы полагаете?

— Хотели одурочить моего простофилю-сына и воспользоваться его богатством!

— Воспользоваться его богатством?— засмеялся Ха-

санали.— Да перед богатством ваших маргеланских сватов вы, можно сказать, бедняки! Я хорошо знаю, что они не позволили Атабеку ни полушки израсходовать на обустройство хозяйства. Я и сам это знаю, и от сына вашего слышал не раз: «Мне так неловко,— говорил он,— что они не разрешают мне расходиться на хозяйство». Да и то сказать, если бы ваши сваты были дурными людьми, они не допустили бы, чтоб Атабек женился в Ташкенте. Разве хаджи не сказал вам, что ваш сын, приехав в Маргелан, отрекся от обещания, данного вам?

Узбек-айм нечего было возразить, но всё же не хотелось уступать Хасанали. Делая вид, что она не услышала от него ничего нового, она сказала значительно:

— Теперь-то я уж хорошо поняла, в чем тут секрет...

Хасанали опять засмеялся:

— Что бы вы ни говорили, вы ошибаетесь, секрет здесь совсем не в том, в чем вы думаете...

— А в чем же?

— Сын ваш спешит в Маргелан, потому что... На этот раз, конечно, и потому, что ему неудобно перед тестем и тещей, но главное...

— Что главное?

— Старшая ваша невестка — первая его любовь.

— Первая! — сказала Узбек-айм с насмешливой улыбкой.— Скажи уж прямо, что Зайнаб уступает ей красотой?..

— Откуда мне знать?.. Возможно, по мнению вашего сына так и есть.

— Ты видел обеих, так скажи, не скрывая, кто же из них красивее?

Хасанали не знал, что и ответить на такой вопрос.

— Любовь — это такая штука, тут не в одной красоте дело...

— Я не спрашиваю тебя про любовь... Я спрашиваю, кто красивее?

Хасанали затруднился ответить, хотел перевести разговор на другое и спросил:

— Так на чем же вы порешили?

— Сначала отвечай на мой вопрос, провалиться бы тебе сквозь землю!

— Вопрос ваш затруднительный, не знаю, что и говорить. Правду сказать?

— Отвечай правду!

— Если правду говорить,— сказал он запинаясь,— каждый цветок красив по-своему...

— Правду говори, слышишь!

— Первая ваша невестка даже мертвая будет лучше этой...

— Замолчи!— воскликнула Узбек-аим.— Ты сам был всему причиной, ты накликнул на нас эту маргеланскую беду, и теперь, конечно, ты на ее стороне! А я еще спрашиваю совета у него! Поистине борода длинна, да ум короток!

Хасанали все время уклонялся от прямого ответа, потому что хорошо знал нрав своей хозяйки: она не могла слышать правды, если эта правда шла вразрез с ее желанием.

— Сами же заставили меня говорить правду, а теперь обижаетесь!— пытался он возражать, но Узбек-аим рассердилась еще больше.

— Довольно, довольно!— закричала она.— Пусть бог накажет того, кто отведал хлеба-соли у человека, а потом наплевал на него!

Посмеиваясь над ее проклятиями, Хасанали вышел из комнаты.

Хотя этот разговор как будто не имел никаких последствий, но в душе Узбек-аим он вызвал настоящее смятение.

* * *

Прошла почти неделя после этого разговора, был уже пятнадцатый день, как молодожены ожидали приглашения в дом родителей новобрачной, Атабек у себя в комнате рылся на полках в нише, разыскивая какую-то книгу, когда к нему явился Хасанали.

— Говорят, в четверг, наконец, состоится посещение, так оповестили сваты.

Атабек, достав с полки книгу и перелистывая ее, сказал:

— Чтoб ему сгинуть совсем, этому посещению!— А про себя подумал: «Нынче понедельник, значит еще четыре дня ждать!»

— Вот письмо — кажется, это вам,— сказал Хасанали и протянул беку письмо.— Какой-то человек передал только что,— прибавил он и стал расстилать молитвенный коврик, потому что приближалось время предзакатной молитвы.

Атабек посмотрел на адрес: «Передать проживающему в Ташкенте в такой-то махалле¹ Атабеку, сыну Юсуфбека-хаджи...» Догадавшись, от кого письмо, он отложил книгу и поспешно распечатал его.

Письмо было длинное, написано бледными чернилами на большом листе бумаги. Глаза Атабека быстро скользили по строчкам. И по мере того как он читал, выражение лица его изменялось, он побледнел, он весь дрожал. Что принесло ему письмо — радость, горе, кто мог знать, кроме него? Наконец он оторвался от письма и горестно воскликнул:

— Она пугает меня!

Эти слова заставили Хасанали поскорей закончить молитву, и, повернувшись на своем коврике, он спросил:

— Что случилось?

— Ничего не случилось, — отвечал Атабек, растерянно взглянув на него.

— Вы же сказали «она пугает меня»! От кого письмо?

— От кого? — переспросил Атабек и, придя в себя, объяснил: — Письмо от Кумюш. Она хочет напугать меня, письмо полно каких-то намеков и угроз... — И он стал складывать листок.

Хасанали, поднявшись с коврика, подошел к Атабеку.

— Это, наверное, из-за того, что вы задерживаетесь здесь? — сказал он.

Атабек кивнул головой.

— Особенно сейчас тяжело бедняжке, что вы задерживаетесь, поневоле дойдешь до всяких намеков, — сказал Хасанали. — Говорят, для женщины вторая жена, соперница — это смерть... Но ничего не поделаешь, придется вам соблюдать свое достоинство, вот справите, как полагается, посещение тестя и отправитесь к своей Кумюш.

Атабек ничего не ответил, потому что в душе он не был согласен с последними словами Хасана. Тогда Хасанали, чтобы успокоить его, сказал улыбаясь:

— А если вы расстроились, напишите ей тоже письмо с намеками. Человек, который привез письмо, сказал, что завтра наведается за ответом.

Атабек немного оживился. В голове его опять мель-

¹ Махалля — квартал.

кнула мысль, что письмо написано нарочно, что его нельзя принимать всерьез.

— Это верно, что посланный придет за письмом?

— Да, он обещал завтра зайти, чтоб взять письмо, если вы его напишете.

— Хорошо,— сказал Атабек, усмехаясь,— если он зайдет завтра утром, я приготовлю ответ.

Хасанали вышел из михманханы, а Атабек, успокоившись уже, стал перечитывать письмо.

«...Неверному, изменнику... Это письмо я пишу слезами, потому что сейчас и слезы мои, и все мое существо черны как чернила. Я не верю больше ни обещаньям, ни увереньям в любви, которые исходят из человеческих уст, потому что я испытала измену человека, которому я поверила всем сердцем. Я не смею поднять глаз от стыда, потому что земля и небо, горы и скалы — все, что есть на земле, смотрит на меня и смеется надо мной. Я призываю смерть, чтобы избавиться от таких страданий. Но, кажется, и смерть презирает меня, словно она тоже изменила мне.

Мой бек! Может быть, вы обидитесь на меня, но я должна сказать: в вас нет ни совести, ни жалости, ни верности вашим обещаниям — ничего доброго, человеческого. Вы — коварный лис, волк с окровавленной пастью, безжалостный палач, бессовестный человек!

Я назвала вас коварным: помните, как вы обманули моего доверчивого отца, мою мать? Надеюсь, это еще сохранилось в вашей памяти? А ваши слова, которые были сказаны мне вечером у свечи, ваши обещанья, пролитые вами слезы, вы их помните? Такой обман! Такое коварство! У кого еще они могут быть, кроме вас?

Я назвала вас волком с окровавленной пастью: у вас нет жалости! Вы своими ядовитыми зубами раздираете грудь несчастных, вы заставляете увядать раньше времени сорванный вами цветок, только что расцветший тюльпан... вы убиваете цветы, не дав им расцвести!..

Я назвала вас бессовестным: зная, что ваша жестокость ко мне лишает вас права на мою любовь, вы еще без всякого стыда, не краснея, диктуете теперь свою волю?! Дивлюсь вам! Оказывается, вы постеснялись вы-сказать ваши намерения моему отцу, когда он был у

вас в Ташкенте... Но разве вы можете кому-нибудь доказать, что у вас есть совесть?

Мать мне часто напоминала двустипшие:

Когда найдет другую возлюбленную — от прежней откажется друг. Прежнюю любовь мертвой сочтя, саван сошьет ей друг.

Раньше я не понимала смысла этих стихов. Теперь я их хорошо понимаю. Теперь, когда я вами оставлена, брошена, я прошу вас: не поступайте так и со второй, когда отыщется еще и третья возлюбленная. Не удивляйтесь моей просьбе, ведь так говорится: сначала ударь себя ножом, и если тебе не будет больно, тогда бей другого.

Да принесет вам счастье ваша новая возлюбленная, а мне уж нечего желать, раз я стала жертвой вашего вероломства. Это пишет вам не Кумюш, не ваша прежняя «серебряная», а втопанная в грязь, брошенная жена.

17 дня месяца джавзы, 1265 года хиджры¹ из Маргелана».

5

ВЕРОЛОМСТВО

Кумюш очень встревожилась, когда кутидор вернулся из Ташкента в Маргелан один. Но, узнав обстоятельства, задержавшие его, она старалась успокоить себя. Она и верила и не верила ему и все же не могла совсем подавить рождавшиеся в ней сомнения и опасения. «Он не забыл меня, его обещания искренни, слова правдивы... он любит меня», — думала она и по старой привычке даже выходила на дорогу встречать мужа.

Прошло семь дней с тех пор как отец ее один вернулся из Ташкента. Ей приснился сон, который показался ей предвестием приезда Атабека. Встав рано, она расплела свои косы, нетерпеливо расчесала длинные тонкие черные волосы, рассыпавшиеся по плечам и груди, и стала их мыть, нагнувшись над тазом. Она вымыла их сначала кислым молоком, потом мылом и попросила мать заплести их в две косы. Офтоб-аим спросила:

¹ Джавза 1265 год хиджры — май 1848 года.

— А почему не в сорок косичек?

— Ваша дочь уже не девушка, а замужняя женщина, теперь меня и сватать никто не может, у меня теперь муж есть,— отвечала Кумюш улыбаясь.

Но две косы шли ей еще больше, чем сорок косичек, придавали ей какую-то величавость, она казалась взрослей. Когда косы были заплетены, она вошла в свою комнату и остановилась у ниши, где висели ее наряды. В этой сводчатой нише хранились самые дорогие ее платья, не менее пятнадцати. Сначала она хотела было надеть платье из желтого атласа, но, взяв его в руки, раздумала. Красное... зеленое... бледно-розовое, как цветок яблони?.. Она задумалась... Здесь не было платья, которое не шло бы ей, но какое надеть сейчас? Самой ей больше нравилось желтое атласное, но ей хотелось одеться так, чтобы понравиться Атабеку, а он любил, когда она надевала черное платье. И вот она надела черное атласное платье, накинула на голову голубой шелковый платок, достала из шкатулки маленькие золотые серьги с жемчугами, вдела их в уши. В этом строгом наряде она подошла к зеркалу, стоявшему в другой нише, поправила выбившиеся пряди волос, посмотрела на себя пристально. Улыбнулась, довольная, меж рубиновых губ блеснули белым жемчугом зубы. Она потрогала родинку около носа, словно желая проверить, что она настоящая, природная и, отходя от зеркала, сказала себе: «Может быть, она, эта вторая жена, и красива, но у нее наверное нет такой родинки...»

Под вечер, когда в очагах разжигают огонь, она бродила по двору, хватаясь то за одно, то за другое. Веря своему сну, она все ждала приезда Атабека и потому заставила Тойбеку прибрать все в мужской половине дома, полить двор, принялась сама подметать его и все прислушивалась к шагам снаружи и у входа.

Покончив с уборкой, она присела на край айвана и стала приводить себя в порядок. Вдруг услышала шаги от ворот, и сердце ее забилося часто-часто. Шаги приближались, и она чувствовала, что почему-то начинает дрожать. Неожиданно во двор вошла женщина в парандже. Кумюш вздохнула разочарованно.

Откинув сетку с лица, женщина направилась к Кумюш. Это была совсем низенькая, лет сорока пяти, женщина, с плоским, почти незаметным на лице носом,

с провалившимися глазами, похожими на ямки на месте когда-то вбитых кольев, с большим, чуть не до ушей, ртом, с желтой кожей, как у пролежавшей сорок лет в постели больной. В первый раз в жизни Кумюш видела такую страшную женщину.

— Что ей тут нужно, этой несчастной?— подумала она.

Шагов за десять от нее женщина как-то холодно и странно, как в страшном сне, засмеялась, издав носом неприятный звук.

— Хи-хи-хи, жертвой мне стать за вас, красавица-царевна! Скажите мне, не это ли дом Мирзакаримбая?

Получив утвердительный ответ от Кумюш, женщина подошла поздороваться. Кумюш подставила ей плечо с невольным отвращением. У маленькой уродки, словно вросшей в землю, казавшейся такой страшной рядом с тонкой, стройной как тополь Кумюш, едва достали руки дотянуться до плеч девушки.

— В добром ли здоровье, моя царевна?

Не снимая паранджи, женщина уселась на край айвана, устало вздохнула и пожаловалась:

— Оказывается, далеко вы живете, дорога-то дальняя, я совсем уморилась. Так это правда дом Мирзакаримбая?

— Да.

— А кем вы приходитеесь баю?

— Я его дочь...

— Ких... значит, я могу вам отдать это,— сказала женщина и вынула из кармана письмо.— Сын мой ездит из Маргелана в Ташкент по торговым делам. В последний раз, когда он собирался уезжать из Ташкента, кто-то дал ему вот это письмо и просил поскорее доставить в дом Мирзакаримбая. Хи-хи-хи, дорогая моя царевна!.. Кхм, не примите за хвастовство, сын мой, как и я, мы готовы умереть, только бы услужить людям. Нынче в полдень приехал он из Ташкента и даже не успел с матерью как следует поздороваться, сунул мне в руку это письмо и говорит: «Милая матушка! Хоть это и неучтиво с моей стороны, но я уморился с дороги, а вы, прошу вас, разыщите поскорее дом Мирзакаримбая и передайте это письмо, податель его очень просил поспешить». Я тоже человек отзывчивый, милая моя царевна,

и хоть я недавно встала после болезни, и у меня силы нет шагу ступить, не захотела я отказаться от доброго дела и вот, спрашивая да переспрашивая, кое-как дотащи-лась сюда. Вот как!.. Ких... Ких...

Кумюш взяла из рук женщины письмо, поблагодари-ла, посмотрела на адрес: «В дом Мирзакарима-ку-тидора, проживающего в городе Маргелане».

— Вы не ошиблись, матушка, это нам письмо.

— Как можно ошибиться, милая моя царевна? Ваши хоромы любой прохожий знает,— сказала женщина, вставая с места.— А теперь я пойду. Дитяtko мое, сын мой проголодался в дороге и небось сидит ждет чего-нибудь горяченького...

— Пройдемте в ичкари, выпейте чаю.

— Спасибо, царевна моя. Как-нибудь в другой раз попьем чаю с вами. Говорят, раз встретились — друг друга узнали, второй раз увиделись — подружились...

Кумюш не стала настаивать, проводила женщину до выхода. Тут женщина обернулась, задержалась.

— Мы только затем и на свете живем, чтобы слу-жить людям... Если у вашего батюшки будет какое письмо в Ташкент или в Коканд, мой сын с радостью отвезет. А мне, если случится быть в этих местах, можно к вам наведаться?

У Кумюш язык не повернулся сказать «нет», и она ответила:

— Заходите... если вам не трудно так далеко хо-дить...

Женщина ушла. Кумюш же, вернувшись на террасу, торопливо вскрыла письмо. Оно было написано на ма-леньком листке бумаги, совсем короткое.

«Кумюш, дочери Мирзакаримбая, супруге ташкентца Атабека, сына Юсуфбека-хаджи.

В то время, когда отец ваш гостил у нас в Ташкенте, мне показалось неудобным открыть ему мои намерения, вернее сказать, я постеснялся это сделать тогда. Как вам известно, я женился в Ташкенте, и теперь мне не под силу содержать двух жен — одну в Ташкенте, дру-гую в Маргелане. Поэтому мне приходится отказаться от какой-нибудь из них, и я принял решение, которое дол-жно облегчить мою жизнь и соответствует моему жела-нию. Я решил остаться с моей ташкентской женой, а вам дать развод. С момента получения этого письма

считайте себя в разводе со мной, чужой для меня. Развод мой с вами, конечно, будет признан по соответствующим правилам шариата законным, и вам по истечении известного срока дано будет разрешение выйти замуж за другого.

Атабек, сын Юсуфбека-хаджи, в 13 день месяца джавза 1265 года хиджры, Ташкент».

Собрав последние силы, она дочитала письмо до конца, слабым голосом вскрикнула «Бессовестный!» и без чувств упала на землю. Письмо, выпавшее из ее рук, взлетело, подхваченное ветром, и упало рядом с ней. Из темного прохода от ворот высунулось страшное лицо женщины, она засмеялась и скрылась...

Вернувшийся с базара кутидор в испуге подбежал к лежавшей без сознания дочери, поднял с сырой земли ее безжизненное тело.

— Доченька моя... Кумюш... открой глаза!

Кумюш не отвечала. Охваченный страхом, кутидор понес Кумюш в ичкари. Офтоб-аим и Тойбека подняли крик. Уложили Кумюш на террасе, но не знали, как привести ее в чувство, все растерялись, словно позабыли, что надо делать в таких случаях. В первый раз в жизни Тойбека оказалась находчивей других: догадалась, принесла холодной воды, брызнула в лицо Кумюш, и та, вздрогнув, пришла в себя. Родители, сами еле державшиеся на ногах, ожили. Некоторое время Кумюш лежала неподвижно, потом тихонько пошевелинулась и открыла глаза.

— Что с тобой случилось, дочка, что-нибудь привиделось тебе?

Кумюш закрыла глаза и тяжело вздохнула. Когда отец тоже стал ее расспрашивать, она сказала:

— Кто принес меня со двора?

— Я, доченька.

— Вы ничего не видели там около меня?

Кутидор не понял ее вопроса.

— Нет, доченька, ты лежала там одна.

— Ах, там...— Кумюш не договорила.

— Говори, говори, доченька!

— Там должно быть письмо... это из-за него мне стало плохо,— через силу выговорила Кумюш.

Был уже вечер, время близилось к последней вечерней молитве, совсем стемнело. Кутидор взял свечу, вы

бежал во двор, нашел на земле письмо и тут же прочел его. Письмо, чуть не убившее его дочь, и в самом деле было страшное. У самого кутидора потемнело в глазах. Взволнованный и оскорбленный в высшей степени, он произнес только: «Коварный...», несколько минут стоял, оглушенный и растерянный, потом добавил: «...подлый обманщик!» Он сел на край айвана и обхватил голову руками. Как ему войти теперь к дочери, как посмотреть ей в глаза? Ведь он считал себя виновником всего. Это внезапное оскорбление, это невероятное бесстыдство зятя было страшным ударом для кутидора. Он не знал, что теперь делать, как утешить свою обиженную, оскорбленную дочь, как пережить эти черные дни. Так его нашла на дворе Офтоб-аим, обеспокоенная его долгим отсутствием.

Они пошли к дочери и тихонько сели у ее ног... Долго они смотрели на нее молча, потом Офтоб-аим не выдержала, из глаз ее потоком хлынули слезы. Кутидор, словно только и ждал этого, тоже заплакал. Кумюш, лежавшая с закрытыми глазами, услышала их плач, и горячие слезы ее закапали на подушку. В этот миг свеча, горевшая в стенной нише, почему-то мигнула раза два и потухла... И сплошная черная тьма придавила весь дом.

Прошло три дня.

Кумюш так осунулась и пожелтела, как будто долго была больна. Словно только что распустившийся цветок жасмина, вдруг опрыснутый ядом, она поникла. Кто-то злой принес ей этот яд от имени того, кому она так верила; кто-то надругался над нею, любимицей сада красоты, отнял у нее всякую надежду, превратил в безжизненную статую. В глазах ее не потухала печаль, тоска сжимала грудь.

Офтоб-аим тоже была угнетена и оскорблена до крайности, но для нее сильнее нанесенной ей обиды было желание утешить чем-нибудь дочь, отвлечь ее, заставить забыть позор и горе, причиненные письмом Атабека, уберечь свет очей своих — дочь, чтоб не напала на нее какая-нибудь болезнь. Она твердила ей, повторяя через каждые два слова: «Не думай о нем, доченька, выкинь его из памяти!.. От того, что будешь горевать, лучше не

будет». Кумюш, как в беспамятстве, смотрела на мать с глубоким унынием. Такое состояние Кумюш терзало сердце бедной матери, наполняло его всевозможными страхами.

— Кумюш,— сказала Офтоб-аим после полуденного чая.— Не сходить ли нам к твоему дяде?

— А что нам делать там, у дяди?

— Как что делать? Погуляем, развлечемся, стряхнем наши печали.

Кумюш даже улыбнулась в ответ на слова матери и сказала:

— Хорошо.

— Тогда встань, умойся, приоденься. Да покарает бог смертью твоего бессовестного мужа!

Кумюш ласково посмотрела на мать, встала со своего места, присела перед тазом, который Тойбека приготовила ей для умыванья.

Они уже совсем было собрались в дорогу, когда во двор вошла та самая женщина, которая принесла Кумюш письмо от мужа. Хотя эта женщина принесла беду, все же Кумюш обрадовалась ей, сказала матери, кто это.

— Хи-хи-хи, пропасть мне за хозяйку этого дома!.. Шла мимо к дочери, подумала, дай загляну, надо держать слово...

С этим словами женщина подошла к ним. Мать с дочерью вынуждены были отложить уже взятые в руки паранджи. Женщина поздоровалась с Кумюш и сказала сочувственно:

— Милая моя царевна, что это с вами стало? Ай, как вы похудели, осунулись!

Офтоб-аим предложила курносой сесть и сказал:

— Вот уже два дня ей нездоровится.

— Да хранит ее бог, да хранит ее бог!— сказала женщина.— Кажется, я не вовремя пришла, задерживаю вас — вы куда-то собрались. Да сохранил бог мою царевну от дурного глаза!— И она помолилась, проводя руками по лицу.

— Ничего, зайдите, будьте гостьей,— сказала Офтоб-аим.

— Дай вам бог счастья, милые мои!— сказала женщина и добавила, взглянув на Кумюш:— Я зашла по пути, помня наш разговор третьего дня. Сын мой завтра

отправляется в Ташкент, так что если у вашего отца есть письма для отправки туда...

Кумюш взглянула на мать. Офтоб-аим сказала:

— Нет, у нас нет никаких писем в Ташкент.

Женщина вопросительно посмотрела на Кумюш. Та промолвила:

— У отца нет писем, зато у меня будет письмо. Если можете, подождите немного, я сейчас напишу.

Курносой только того и нужно было, она и пришла-то за этим письмом. Слова Кумюш вызвали в ней злую радость.

— Пишите, милая моя царица, я подожду. Пусть опоздаю немного туда, куда шла, зато доброе дело сделаю. Ких...— сказала она усмехаясь. Кумюш поблагодарила ее и пошла в комнату, чтобы написать письмо.

Это и было то письмо, которое получил Атабек. Оба они стали жертвой вероломства.

О причинах же этого вероломства мы теперь и расскажем читателю.

6

ЗАГОВОР

Был второй день летнего месяца саратона¹. В северной части Маргелана, на повороте узенькой улочки, идущей с восточной стороны квартала и сворачивающей к югу, какой-то молодой человек, придерживая за повод коня, отряхивал пыль, покрывавшую его одежду. Уже по тому, сколько пыли было на его бровях и ресницах, на едва пробивавшихся усах и бороде, нетрудно было догадаться, что он проделал дальний путь.

Молодому человеку можно было дать лет двадцать с небольшим; желтолицый, с выпученными, круглыми, как у совы, воспаленными красными глазами, с плоским носом, который казался прилепленным к лицу и настолько вдавленным, насколько лоб у этого человека выдавался вперед — словом, это было существо, которое явно появилось на свет раньше положенного срока.

На углу переулка, где он остановился, виднелись

¹ Самый жаркий летний месяц, приходящийся приблизительно на июнь-июль.

совсем рядом две небольшие калитки, обе были закрыты.

Приезжий снял с головы шапку, открыл одну из калиток и вошел в нее, ведя в поводу коня. Калитка была очень узкая, конь еле протиснулся в нее. Дальше начинался довольно длинный открытый коридор, который вел во двор. С востока и с юга по краям двора виднелись полуразвалившиеся строения, а сам двор был до такой степени завален мусором и всякими отбросами, как будто много лет не видал ни метлы, ни веника. Посреди двора росло невысокое тутовое дерево, а под ним — куча золы и мусора. На другой стороне двора стоял ветхий домишко с двумя низкими окошками, прикрытыми ставнями, служившими также и дверями. Перед домом — небольшой навес. В углу айвана был устроен очаг; очевидно, другого помещения для стряпни на этом дворе не было. Все на айване было покрыто густой копотью. У очага в беспорядке валялись немытые чашки, миски, ложки. Возле казана бродили куры. Одна ставня была приоткрыта, и в окно видна была комната с голым земляным полом, с почерневшим потолком; в углу на почетном месте была разостлана старая многострадальная кошма, когда-то бывшая белой, а теперь покрытая комками грязи, как жевательной серой, и вся в дырах. На старом сундуке в стенной нише лежала стопка одеял, из которых клочьями лезла вата. Если прибавить к этому три-четыре выщербленные с облезшей краской пиалы, черный кумган на одной полке, круглое медное, никогда в жизни не чищенное блюдо — на другой, да грязную скатерть, висевшую на каком-то колышке, то вот вам полная опись убранства дома. И кроме мыши, которая где-то в углу грызла кусок черствой лепешки, в доме не слышно было ни одной живой души.

Судя по резьбе и лепным украшениям и по краскам, кое-где сохранившимся на полуразрушенных строениях вокруг двора, крыши которых провалились, стены обрушились, можно было предположить, что когда-то здесь жили в достатке, теперь же это была крайняя нищета.

Молодой человек привязал коня к тутовому дереву и уже направился к дому, когда из полуразвалившегося строенияца в углу вышла, отряхиваясь, и засеменила ему навстречу низенькая женщина, смахивающая на ведьму,

та самая, которую читатель уже видел на дворе кутидора.

Поздоровавшись и справившись друг у друга о здоровье и благополучии, оба вошли в домик. Приезжий снял халат, швырнул его в угол, повесил на колышек шапку. Потом и он и женщина опустили на кошму.

— Ну как?— спросила женщина.— Удалось тебе дело?

— Неплохо.

— Он сам только что приходил сюда. Беспокоился, справишься ли ты с поручением. Совсем недавно ушел.

— Домой пошел?

— Не знаю. Он еще хотел навеститься к нам. Умирает от нетерпения... Вчера три раза приходил...

— Что ж он так беспокоится?

— Говорит: если ты сделал что-нибудь не так, как он наказывал, все наши старания и четырех полушек не будут стоять.

Молодой человек усмехнулся и спросил:

— А как мои дела?

Лицо женщины выразило уныние.

— Не знаю уж, кто виноват, друзья или враги, но пока еще не клеится. Нет дня, чтобы я не ходила со сватовством. Уж эти мне соседи! Мараим-ткач уже совсем было раскис, готов был согласиться; да соседи отговорили, чтоб им сдохнуть!.. А Хамидбай говорит: как только сговор состоится, назавтра же справим свадьбу.

У приезжего дико сверкнули глаза.

— Кто же эти соседи, что отговорили?

— Худые соседи, чтоб им сгнуться!.. Все отговаривали, почем мне знать, кто именно?..

— Ты покажи мне тех соседей, мать. Уж я прочу их!..

Оба увлечены были разговором. А вошедший в это время Хамид, увидев своего коня, привязанного к дереву посреди двора, догадался, что посланный его воротился. У него не хватило терпения обойти дом и войти с айвана, он шагнул в комнату прямо через открытое окошко и обнял приезжего. Не садясь, он стал нетерпеливо расспрашивать:

— Ну, Садык-молодец, как дела? Что нового в Ташкенте?

— Какие новости в Ташкенте? В Ташкенте-то все спокойно. Я воспользовался случаем, весь город осморгел, все разведаль.

— Дом его скоро нашель?

— Нашель. Вы правильно говорили: в Ташкенте всякий знает его дом.

— Значит, передал письмо?

— Передал.

— Молодец! Лев! А кому в руки передал письмо?

— Старику какому-то.

— Старик длиннолицый, со впалыми висками?

— Он самый.

— А ответ от Атабека получил?— Хамид нетерпеливо уставился на Садыка. Тот ответил гордо с видом победителя:

— Получил письмо.

Хамид совсем расплылся в улыбке и принялся похлопывать Садыка по плечу. Садык достал из-за пазухи письмо и стал рассказывать, как ему удалось достать его.

— Передал я ваше письмо старику и предупредил, что мол завтра еду в Маргелан, так что, если есть какие-нибудь письма, могу доставить. Старик подумал и говорит: «Сейчас пока письма нет, но если вас не затруднит, наведайтесь завтра утром». И спрашивает: «Вы где остановились?» Я сделал вид, что мне затруднительно еще раз приходить, но сказал: «Ладно, хоть я остановился далеко отсюда, постараюсь зайти завтра». Довольный, что все так гладко сошло, переночевал я в ближайшей чайхане, а на другой день в условленное время являюсь. Старик — да будет он всегда так доверчив! — уже поджидал меня с письмом. Взял я письмо и скорей в Маргелан, хлестнул камчой коня и был таков.

Принимая письмо, Хамид опять похлопал Садыка по плечу.

— Спасибо, спасибо! — и прибавил: — Мы тоже вам пригодимся чем-нибудь.

Он вскрыл письмо, лицо его стало серьезным, но радость невольнo сверкнула на нем, когда он стал читать:

«...Звезде моих надежд, цветку моих желаний, опоре моей жизни, моей Кумюш! Письмо ваше, полное ядовитых намеков и горьких укоров, я получил. Мне предста-

вилось, что вы писали его словно в жару, в пылающем море страданий. Но если моя принцесса, столкнувшись с горем, которое я ей причинил не по своей воле, а такой степени утратила способность понимать меня и верить мне и так запуталась в своих предположениях и догадках, то я оказался в сто раз в худшем положении. Признаюсь, я не только не понял вашего, полного яда, письма, но и не считал нужным разбираться в нем, потому что разумные люди никогда не придадут значения словам, сказанным в пылу гнева. Однако одно место в вашем письме требует объяснения. Вы пишете: «Зная, что ваша жестокость ко мне лишает вас права на мою любовь, вы еще без всякого стыда, не краснея, диктуете теперь свою волю?! Вы постеснялись... высказать это моему отцу, когда он был у вас в Ташкенте, но разве вы можете кому-нибудь доказать, что у вас есть совесть...» Что хотите вы этим сказать? Не больны ли вы? Действительно, я сначала не решался сказать вашему отцу, что не смогу вернуться в Маргелан вместе с ним, что мне надо задержаться, пока состоится первое посещение нового тестя. Но когда ваш отец стал просить отпустить его, я ему все объяснил и передал вам через него свои извинения. Какое же тут бесстыдство? Я боюсь, что вы больны и это письмо писали в сильном жару...»

Дочитав до этого места, Хамид громко расхохотался:
— Вот глупец!

Курносая ведьма и Садык тоже стали смеяться, но он, не обращая на них внимания, продолжал читать:

«Я уверен, что вы писали ваше письмо больная, в жару. Поэтому я не хочу вас упрекать. Вас можно извинить. Написать такое злое письмо, назвать меня лисом коварным, волком с окровавленной пастью, бессовестным человеком вас вынудили, очевидно, рассказы вашего отца о том, что меня здесь удерживает беда: болезнь тестя, из-за которой не могло до сих пор состояться первое посещение его дома, как полагается по обычаю. Но сегодня, может быть, именно в награду после вашего сердитого письма, я, наконец, получил приглашение, назначен день посещения. Когда вы прочитаете это мое письмо и простите мне все мои вины, я, наверное, буду уже на пути в Маргелан. Стихи, которые читает вам часто ваша

мать, противны моей чести, потому что желание моих родителей никогда не может мне заменить вашей любви. Вы говорите, что вы уже не Кумюш, не «серебряная» для меня, а я хочу вас назвать золотая моя Кумюш!

Полный всегда любви к вам, ваш муж Атабек.

26-го дня месяца джавза, 1265 года хиджры¹, Ташкент».

Радость, с которой Хамид читал первую половину письма, исчезла и сменилась глубоким раздумьем. Он перечитал еще раз те строки письма, где было написано: *«Когда вы прочитаете мое письмо и простите мне мои вины, я, наверное, буду уже на пути в Маргелан»*, — и спросил Садыка:

— Сколько дней прошло, как ты выехал из Ташкента?

— Шесть дней.

Ответ Садыка только прибавил Хамиду заботы, он задумался, низко склонив голову и теребя свою всклокоченную бороду. Старуха, занятая в это время перебиранием тряпья в нише и потому не заметившая перемены в Хамиде, теперь подседа к нему и с отвратительной усмешкой спросила:

— Ну как, Хамидбай, дело идет на лад? Можно уже отправляться сватать красавицу-царевну?

Хамид покачал головой и ответил с важностью:

— Дело наше еще не настолько подвинулось, мы пока только одолели первое препятствие к сватовству...

Он был недоволен. Коварное послание, которое он сам сочинил и продиктовал писцу якобы от имени Атабека, произвело, как мы знаем, большое впечатление на Кумюш. Заполучив через курносую старуху ответное письмо Кумюш Атабеку, Хамид решил уже, что добился успеха, и послал в Ташкент Садыка, намереваясь запустить руку в сердце Атабека, узнать его намерения и тогда уже действовать дальше. Садык передал письмо Кумюш Атабеку и привез теперь ответ от него.

Но этот ответ свидетельствовал о том, что чувства Атабека к Кумюш неизменны и что он совсем не хочет отказаться от нее и уступить ее кому-то другому. Хамид,

¹ Джавза 1265 года — июль 1848 года.

которому казалось, что сделан уже первый шаг к успеху, теперь был сильно озабочен, как быть дальше. Не сегодня-завтра придет Атабек, встретится с Кумюш, докажет, что коварное послание было совсем не им написано, и сведет на нет все задуманное Хамидом. Это было ясно, как день, и Хамид досадовал теперь и ломал голову, что предпринять. Впрочем, он не стал долго раздумывать и, видимо решившись на что-то, сказал курносой старухе:

— Тетушка Джаннат, дайте-ка чилим! — Пока Джаннат готовила чилим, он говорил Садыку: — Не выгорело наше дело, братец Садык, ничего не получилось пока...

Садык поиграл своими красными совиными глазами и отвечал:

— Не беспокойтесь, ака! Пока не получилось, потом получится. Будем живы — доведем дело до конца.

Слова Садыка пришлись Хамиду по вкусу, он снял тюбетейку, швырнул ее на кошму и весело сказал:

— Будете живы вы с тетушкой Джаннат — мы, конечно, доведем дело до конца!

Он взял из рук старухи чилим, раскурил его, сильно затянулся и, весь в облаке дыма, протянул чилим Садыку.

— Придется вам, тетушка, — сказал он старухе, — еще раз отнести письмо в дом кутидора.

— Ких... С радостью, мой милый! Это то письмо, что Садык привез?

Хамид рассмеялся.

— Нет, тетушка, если вы отнесете это письмо, всему нашему делу грош цена. Придется мне еще раз самому сочинить письмо такое, как нам нужно.

— Хи-хи-хи, мой милый! Ну что ж, я ведь ничего не смыслю в этих делах.

— Конечно, вы ничего не знаете о наших делах... Только поймите хорошенько, что, если вы в чем-нибудь сорветесь, все наши планы полетят к черту, а тогда уж...

Тут неожиданно Хамид вспомнил о своей собственной ошибке: когда он сочинял первое письмо Кумюш, он не подумал о почерке и все время боялся, что кутидор или она заметят и разоблачат подделку. Но сейчас у него в руках было подлинное письмо, написанное самим Атабеком. И Хамид подумал, что теперь писец должен писать новое письмо с великой осторожностью, подражая

почерку Атабека. Он долго еще размышлял о чем-то, потом сказал Садыку:

— Садыкбай, вам придется сослужить мне еще одну большую службу!

— Я не из тех, кто отказывается служить достойному человеку!

Хамид посмотрел на Садыка и на тетушку Джаннат, словно не доверяя: «так ли?» И, получив подтверждение, полез в карман.

— Тетушка Джаннат, Садык, видно, приехал усталый, проголодался, да я и сам с утра не ел. Пока мы тут с Садыком будем беседовать, сходите на перекресток, где базарчик, купите мяса и сварите нам шурпу.

Джаннат накинула паранджу и отправилась за мясом. Хамид опять спросил Садыка:

— Так ты говоришь, что не прочь послужить мне?..

Хамид, видно, колебался и не верил Садыку, хотя тот повторил:

— Я не из тех, кто избегает серьезного дела. Не испытывайте меня, говорите прямо, что нужно?

Хамид сказал:

— А если предстоящее дело окажется совсем иным и намного труднее прежних?

Садык, видимо, догадался и прямо спросил:

— Надо убить человека, что ли?

Хамид с минуту смотрел на него, потом, оглянувшись по сторонам, спросил как бы шутя:

— А если бы даже человека убить?

— До сих пор я уже двух уложил, что ж, если очередь дойдет и до третьего?— сказал Садык и усмехнулся гордо.

Хамид вздохнул с облегчением, словно сбросил с себя тяжелый груз.

— А я не из тех, кто забывает услугу человека,— сказал он.— Мое правило: с добрыми я добрый, со злыми — злой. Если ты возьмешься сослужить мне эту службу, клянусь, половина всего, что я имею, будет твоей!

Садык протянул ему руку:

— Не откажетесь потом от своего слова?

Хамид взял его руку и сказал:

— Бог един, и слово мое едино!

Эни условились: с утра Садык должен поджидать Атабека у ворот кутидора и, как только он появится, покончить с ним, когда он войдет в коридор. Садык, правда, думал, что лучше прикончить его за воротами, но Хамид почему-то считал более подходящим местом проход во двор кутидора. На вопрос Садыка, в какое время Атабек может приехать, Хамид сказал:

— Городские ворота открываются утром и закрываются в сумерки, но я полагаю, если он утром выедет из Коканда, то будет здесь в час предзакатной молитвы.— И еще раз повторил свое условие:— Помни, Садык, если попадешься, вся вина на тебе, меня не впутывай!

— Будьте спокойны, на такую подлость я не способен: даже под ножом палача, клянусь богом!

— Теперь второе условие: пусть эта тайна останется между нами. Ты, наверное, понял, что я не зря послал тетушку Джаннат за мясом? Она не должна знать этого.

— На этот счет не беспокойтесь! Да, помните, вы обещали мне подарить афганский кинжал?

— Пока шурпа сварится, я принесу,— сказал Хамид и ушел.

7

ИЗГНАНИЕ

Третий день Садык не отлучался от ворот кутидора, околавываясь неподалеку. Было уже около семи часов вечера, и он решил, что Атабек, верно, не приедет и нынче. Он уже собрался уходить, но увидел Хамида, который проехал мимо, чтобы узнать, как дела. Наклонившись с седла, он вопросительно посмотрел на Садыка, и тот отрицательно покачал головой. Наконец и кутидор вернулся с базара и прошел в дом. Так как уже близился час вечерней молитвы, прохожих становилось меньше. Садык решил подождать еще минут десять и прохаживался около ворот кутидора.

В это время из соседней улицы от обувного ряда показалась толпа молодежи. Садык узнал их — это были все его приятели, и ему стало неловко; он хотел было скрыться в воротах кутидора, но они уже заметили его, и один из них сказал:

— Что делает здесь наш Садык?

Другой окликнул его:

— Садыкбай, а Садыкбай!

Садыку пришлось остановиться.

— Что ты тут торчишь, как ишак мельника, оставшийся без дела?— сказал один из юношей.

Все рассмеялись при этих словах. Садык тоже посмеялся с ними и подошел поближе.

— Дело есть, вот я и поджидаю здесь одного человека.

— Садык! — сказал тот же приятель. — Скажи, у тебя нос или кусок теста, прилепленный к тандыру тетушки Рисолят?

Опять все захохотали на всю улицу.

— Пойдем с нами на свадьбу!

— На какую свадьбу?

— Разве ты не знаешь, что Шамшадбек женится? Идем, друг мой Садык! Лицо у тебя или кизяк, побитый градом?

— Я попозже приду.

— Эх ты, недоносок! — крикнул приятель и, перепрыгнув через арык, встал рядом с Садыком. — Подумай, из Андижана приехал Каймокхан, пир будет всю, что называется, пир Джемшида! Идем!

И он потащил Садыка за собой. Остальные тоже принялись подталкивать его сзади. Поневоле пришлось ему пойти с ними. Да он и сам был почти уверен, что тот, кого он ожидал, уже не приедет в этот день, и, пройдя шагов пятнадцать, зашагал с приятелями, не нуждаясь больше в подталкиваниях. Но когда они дошли до угла и переходили через улицу, которая вела на запад, Садык увидел появившегося вдали всадника и невольно остановился посреди дороги. Настойчивый приятель опять толкнул его, сказав:

— Иди-иди, собачий сын, сдурел ты, что ли?

Остальные тоже прицепились к нему, как скворцы, и, не давая ему опомниться, утащили за собой.

Едва они отошли шагов на тридцать, из переулка выехал, усердно погоняя гнедого иноходца, всадник и свернул к дому кутидора. Следуя за товарищами, Садык обернулся и узнал гнедого коня, которого видел на конюшне, когда относил письмо Хасанали. Он попытался вырваться из рук вцепившегося в него приятеля, но это ему не удалось, он только свирепо выпучил глаза и выругался.

— Подлец ты, сукин сын!..

Над городом повсюду неслись призывы к вечерней молитве.

Всадник остановил коня у дома кутидора и высвободил ногу из стремени. В этот момент из ворот вышел кутидор, спешивший в мечеть на молитву. Увидев зятя, который, бросив коня посреди улицы, спешил к нему, кутидор весь задрожал и даже забыл, куда он шел. Оставив зятя с протянутыми для объятия руками, кутидор отступил к воротам. Атабек остановился, как вкопанный, не зная, подходить ли ему к кутидору и что сказать.

— Что это значит, отец?

Дрожащим от волнения голосом кутидор сказал:

— В моем доме нет места обманщику, бессовестному изменнику!.. Уходите прочь, не задерживайтесь у моих ворот! — Он вошел в ворота, закрыл их и, гремя цепью, стал запирать.

Когда Атабек, опомнившись, сдвинулся с места, где стоял, как пригвожденный, вечерняя молитва уже кончилась и люди расходились по домам. Машинально подошел он к коню, влез в седло, сказал «Чу!», но конь не двинулся. Он стал хлестать его плетью, и только когда уздечка оторвалась, он понял, что коня кто-то привязал к талу. «Чу!» — повторил он, и конь пошел куда глаза глядят.

Трудно сказать, что чувствовал Атабек, вряд ли сознавал он, куда гнал коня, да, вероятно, ему все равно было сейчас, куда ехать, лишь бы двигаться. На перекрестке конь остановился; словно спрашивая: «А теперь куда?» Хозяин снова сказал ему: «Чу!» Конь свернул на север, долго шагал по какой-то длинной улице, добрался до пустынного квартала, о котором читатель узнал в шестой главе, и тут опять остановился.

— Чу!

Теперь конь направился на восток и на углу известной нам улицы с двумя калитками свернул в переулок.

Приближался час хуфтана — последней, пятой, молитвы; было уже совсем темно. Наконец конь остановился и, несмотря на все понукания, не двигался с места. Атабек открыл глаза и осмотрелся. Увидев, что переулок кончился и конь остановился у тупика, Атабек старался понять, где он и что с ним. Он едва помнил, как погнал

коня от ворот своего тестя, но дальше уж ничего не видел и не мог припомнить. Он догадался, что очутился где-то на окраине Маргелана, в глухом месте. Перед ним были большие ворота. Некоторое время он раздумывал, поворачивать ли ему коня и что делать. В это время за воротами послышались голоса: кто-то прощался друг с другом. Шаги приближались к воротам, и, чтобы дать пройти выходящему, он отвернул коня в сторону. Место, где остановился Атабек, было окружено какими-то постройками, здесь было совсем темно. Поэтому Атабек не мог разглядеть вышедшего из ворот, только заметил белую чалму.

Человек в чалме, то ли испугавшись при виде всадника у ворот, то ли удивившись, спросил:

— Кто здесь?

— Я,— ответил Атабек и запнулся, потому что этот ответ ничего не мог объяснить, и быстро добавил:— Приехал в Маргелан вечером и заблудился, не добрался до места...

— Тогда идите со мной, будете моим гостем!

Хотя голос приглашавшего звучал дружески, Атабек хотел отказаться:

— Спасибо, ака, не нужно...— и понял, что слова эти неуместны.

— Вы же сказали, что заблудились, что вы приезжий, куда же вы денетесь?

— Если я не стесню вас...

— Ничего, идите! — сказал человек в чалме и пошел вперед.— Я ведь тоже вроде вас — одинокий странник.

Атабек поехал за ним вслед, они молча двигались один за другим до конца улицы. Пройдя некоторое расстояние, незнакомец сказал:

— Коню вашему тоже найдется место.

Атабек не отвечал.

Так дошли они до угла. Тут спутник велел Атабеку остановиться и принялся искать по карманам ключ, чтобы открыть калитку, ту вторую калитку, что была рядом с известной читателю калиткой тетюшки Джаннат. Открыв калитку, незнакомец сказал:

— Сойдите с коня, гость,— и, взяв из рук Атабека поводья, добавил:— Берите свои хурджуны и идите прямо.

Атабек вошел в калитку, прошел по крытому проходу на просторный двор и положил хурджуны на землю. Человек привязал коня под навесом, подошел и взял хурджуны.

— Пожалуйте на айван! — пригласил он Атабека.

Усадив его на айване, хозяин достал с полки глиняное блюдо, взял трут, высек огонь и зажег свечу. На вид ему было лет сорок пять. Невысокий, худощавый, с бледным бескровным лицом, с карими глазами, с жиденькой бородкой, он, казалось, долгие годы вел замкнутую и воздержанную жизнь в медресе. Хотя в убранстве айвана не заметно было особого богатства, но чистота и порядок повсюду свидетельствовали, что хозяин был аккуратным человеком. Дверь на левой стороне айвана вела, очевидно, в комнату.

Внимательно всматриваясь в Атабека, хозяин дома сказал:

— Вы, конечно, проголодались?.. — Не получив ответа от гостя, он сам решил: — Ну, разумеется, вы голодны с дороги. Я и сам еще не принимал пищи. Мясо, лук, морковь — все у меня уже приготовлено, надо только разжечь огонь. Я сварю немножко плова, только горсть риса возьму.

И, не слушая отговорок Атабека, он принялся готовить плов.

Атабек же попытался обдумать свое положение.

То, что произошло с ним нынче вечером, никак не укладывалось у него в голове, разум отказывался объяснить, что случилось... Страшные слова тестя: «В моем доме нет места бессовестному обманщику... Уходите прочь, не задерживайтесь у моих ворот» — еще звучали в его ушах и подтверждались обидой и волнением, которые и сейчас переполняли его душу. И звон цепи, который были заперты ворота, подтверждал оскорбительный смысл происшедшего. Атабек вспомнил загадочное, полное ядовитых намеков письмо Кумюш. Хотя оно было ему непонятно, он вновь испытал его горечь. Однако он все же не мог найти связь между всем этим и прийти к какому-то ясному выводу, он был как в жару, и все представлялось ему бредовым видением. Он только ясно слышал слова: «Уходите прочь, не стойте у моих ворот!» — и старался подавить в себе желание взглянуть хоть раз в «черные глаза газели». Для Атабека, вырос-

шего в холе и ласке, далекого от грубых и темных сторон жизни, эта обида была тяжелым ударом. И сейчас ему казалось, что узелок, в который Кумюш завязала ему сердце, разорван и валяется где-то под ногами, как платок, в котором был завязан когда-то драгоценный жемчуг, тепер ь украденный у его обладателя

Хозяин дома, заложив в котел морковь, вернулся к Атабеку, и тот, оторвавшись от своих мрачных дум, постарался принять веселый вид. Сев около Атабека, хозяин спросил:

— Вы откуда, гость?

— Из Ташкента, мулла-ака!

— Как вас зовут?

Атабек потер лоб, потом ответил:

— Шакирбек.

— Вы первый раз в Маргелане?

— В первый раз...

— Видно, по торговым делам приехали?— спросил хозяин, приняв Атабека по виду и по одежде за купца.

— Нет... Я, видите ли, ехал в Коканд, но здесь, в Маргелане, живет один знакомый моего отца, который нам должен немного. Я и заехал в Маргелан, чтобы повидаться с ним.— Смущенный своей ложью, Атабек н-вольно замаялся.— Я не очень хорошо знал, где этот человек живет, а других знакомых в Маргелане у меня нет... Вот я и заплутался в темноте...

Хозяин дома улыбнулся:

— От своей судьбы не уйдешь, Шакирбек, значит вам суждено быть моим гостем в эту ночь. А как зовут человека, с которым вы должны встретиться?

— Камильбай...

Хозяин подумал и сказал:

— Поблизости у нас такого человека нет... Может быть, он живет в другой части города,— и пошел посмотреть плов.

Атабеку стыдно было своей прямой лжи, он даже покраснел. Но, в сущности, он ведь вынужден был скрывать правду, потому что его имя, его арест вместе с кутидором, осуждение на смерть и спасение были известны всему Маргелану, и, назвавшись своим именем, ему пришлось бы открыть и многое другое.

Когда хозяин дома направился к казану с варившимся пловом, Атабек тоже встал и спустился во двор.

Обойдя айван с восточной стороны, он миновал узкий проход и попал в небольшой плодовый сад. Темнота ночи, наполнявшая сад, лежавшая под непроницаемой листвой деревьев, удивительно соответствовала душевному состоянию Атабека. В его душе, подавленной мрачными событиями дня, было так же темно, как и в этом саду, так густо залитом краской ночи, что трудно было даже различить, какие деревья росли здесь. Словно сливаясь с этой темнотой, все больше погружаясь в нее, он шел все дальше в глубину сада. Наконец он присел под деревом, ветви которого клонились низко под тяжестью каких-то плодов, и некоторое время сидел здесь не шевелясь. Потом он глубоко вздохнул, поднялся, обошел сад с другой стороны и вернулся, пройдя мимо каких-то полуразрушенных строений.

Когда Атабек поднялся на террасу, хозяин дома уже поджидал его за дастарханом.

— Вашему коню я засыпал немного джугары.

— Спасибо, мулла-ака,— сказал Атабек.

Хозяин дома хотел о чем-то заговорить, но, видимо, стеснялся и только внимательно приглядывался к Атабеку.

— По роду занятий я ткач, Шакирбек,— сказал он вдруг.

Догадываясь, что он еще не договорил чего-то, Атабек выжидающе посмотрел на него.

— Потому ли, что я постоянно работаю в сырости, или же вообще по слабости здоровья, я часто недомогаю,— сказал хозяин.— Часто грудь болит у меня. Недавно я показывался лекарю, так он мне сказал, что у меня мало крови, и посоветовал пить кумыс, а перед едой употреблять виноградное вино. Следуя его совету, я вот уже несколько дней пью кумыс и вино, и это заметно помогает мне. Говорю вам об этом в надежде, что вы не станете возражать, если я перед пловом выпью одну-две пиалы вина.— И он улыбнулся смущенно.

— Воля ваша, как я могу возражать?

Хозяин дома, все так же улыбаясь, прошел в свою комнату, вынес кувшин с вином, достал пиалу и снова сел рядом с Атабеком. Наполняя пиалу вином, он искоса взглянул на гостя и опять улыбнулся.

— А вы когда-нибудь пробовали?

— Нет.

И правда, Атабек до сих пор относился к вину брезгливо и никогда не пил. Хозяин дома выпил пиалу, чуть поморщился, переспросил:

— Вы вправду никогда не пили?

Атабек покачал головой.

— Если нет достаточно уважительных причин, конечно, лучше не пить,— сказал хозяин, наполняя вновь пиалу. — Но эта штука иногда необходима для здоровья, а кроме того, помогает забывать всякие заботы и печали. На мою голову обрушились такие горести и муки, каких не забыть до смерти, Шакирбек. Особенно в последние годы, отчаявшись найти в чем-либо утешение, я в конце концов дошел до такого состояния, что утешаюсь лишь этим,— сказал он, поставив перед собой пиалу с вином.

Некоторое время оба молчали. Выпив и вторую пиалу, хозяин внимательно посмотрел на Атабека.

— Вы тоже кажетесь мне немного печальным, дорогой гость, почему бы и вам не выпить пиалу?

— Спасибо, мулла-ака,— сказал Атабек, сам уже чувствуя необходимость залить вином свое горе. Ведь у него было достаточно уважительных причин, чтобы выпить.

Хозяин верно понял это или же захотел еще раз испытать гостя, во всяком случае, он наполнил пиалу и протянул ее Атабеку.

— Не отказывайтесь, гость! Кажется, мы оба с вами заслуживаем снисхождения.

Атабек все не брал пиалы, но хозяин настаивал, протягивая ему вино.

— Я przygotowляю этот напиток в полном соответствии с правилами шариата. На днях даже духовник нашей общины сказал, что это дозволено.

Атабек вынужден был взять пиалу. Напиток был прозрачен и чист, как хорошо настоенный кок-чай. Атабек не стал его разглядывать, выпил разом. На голодный желудок вино подействовало сразу, все словно загорелось у него внутри. Увидев, что Атабек выпил вино, хозяин пошел выкладывать на блюдо плов.

СЧАСТЬЕ И НЕСЧАСТЬЕ В ЛЮБВИ

Принеся плов, хозяин, прежде чем пригласить гостя отведавать, снова достал кувшин с полки, налил еще пиалу и протянул Атабеку.

— Выпейте еще одну, а потом приступим к плову! — сказал он.

На этот раз гостя не пришлось уговаривать. Уже после первой пиалы у Атабека закружилась голова, и он почувствовал какую-то легкость во всем теле, а вторая пиала как бы звала выпить еще, обещая еще большее облегчение. Атабек выпил и вторую пиалу, и они принялись за плов. До этого Атабеку казалось, что он крошки не проглотит, а теперь он ел с таким аппетитом, какого, кажется, у него не было никогда в жизни. Он охотно отвечал на вопросы хозяина, стал разговорчив, мрачность и молчаливость его исчезли.

Когда плов был съеден, гость хмельными покрасневшими глазами посмотрел на убравшего посуду хозяина; взгляд этот выразил живую признательность. Хозяин подложил под бок Атабеку две подушки, а одну взял себе.

— Прилягте, бек, — сказал он, укладываясь на подушке.

Атабек последовал его примеру. Между ними, играя с ветерком, мерцала свеча, и оба, будто сговорившись, засмотрелись на нее и задумались о чем-то. Потом хозяин дома отвел взгляд от свечи, мельком взглянул на Атабека и спросил:

— Вы женаты, бек?

Оттого ли, что Атабек был пьян или не расслышал вопроса, он ответил не сразу:

— Я женат.

Собеседник помедлил немного и опять спросил:

— Вы любите вашу жену?

Атабек растерялся, вопрос был тяжелым для него, он глубоко вздохнул и сказал:

— Нет... не люблю.

— Очень хорошо! — сказал хозяин дома.

Не поняв ответа, Атабек удивленно взглянул на него.

— Вас, кажется, удивили мои слова?

— Нет,— ответил Атабек, хотя ясно было, что он удивлен.

— Может быть, любовь и хороша, но для счастливых людей. Для такого неудачника, как я, любовь — несчастье. Если вы в самом деле не любите вашу жену, то признайтесь: когда вы дома, вы как будто женаты, но едва вы вышли на улицу, у вас словно и нет никакой жены, вам все равно что с ней... Не так ли?

— Так,— сказал Атабек, сразу протрезвевший от этого разговора.

Хозяин дома продолжал:

— Я говорю так по своему собственному опыту, возможно, я и ошибаюсь,— он глубоко вздохнул.— Вы взяли себе жену по своему выбору?

— Нет, по желанию моей матери!

— Вот хорошо! — сказал хозяин дома.— По-моему, самая большая беда, когда ты сам ее нашел, полюбил и женился.

Тут хозяин, неожиданно для своего собеседника, погружился в глубокое молчание. Атабек подумал, что у этого сидевшего перед ним человека, гораздо старше его, пережившего, очевидно, немало и теперь размышлявшего вслух о своей жизни, есть что-то общее с ним в судьбе,— может быть, и его тоже тесть прогнал от своего порога? И он спросил, хоть и не прямо, о чем думал:

— Вас покинула любимая жена?

Хозяин покачал головой.

— Покинуть-то покинула, но только не по своей воле.

Атабек окончательно решил, что этот человек пострадал от родителей жены.

— Чтоб они пропали, злые люди!

Хозяин дома не понял и вопросительно посмотрел на Атабека.

— Может быть, я покажусь вам назойливым, но мне хочется рассказать вам то, что мне пришлось пережить,— сказал он.

Атабеку очень захотелось послушать этот рассказ — так близки казались ему переживания его хозяина.

— Если бы вы не заговорили об этом, я сам готов был просить вас рассказать мне все.

— В том, что случилось со мной, нет ничего занимательного, как вы, верно, ждете, но все же я расскажу.— И, улегшись на подушку, хозяин начал свой рассказ.

— Сам я из Коканда. С детства сирота, рано лишился отца и матери, рос сначала у дяди—брата матери. С семнадцати лет я должен был сам добывать себе пропитание. Лет двадцать назад, по совету одного моего товарища, я приехал в Маргелан и поступил учеником в ткацкую мастерскую к отцу нынешнего моего хозяина. Через четыре года я стал подмастерьем самого хозяина. Я жил скромно, не так, как другие молодые люди, не тратил зря денег, и за короткое время мне удалось даже скопить несколько золотых. Так как я работал очень прилежно, сотканный мной товар ценился дороже, и у людей я стал уже известен как уста Алим-маленький. Вы знаете, что к ткачам в поисках новых тканей приходят больше всего женщины и девушки. Мои новые ткани ярких расцветок нравились всем, и особенно прославились среди женщин, которые постоянно толпились перед нашей ткацкой мастерской.

Однажды пришла милая девушка лет тринадцати-четырнадцати, еще не достигшая того возраста, когда положено женщине закрываться от мужчин, и попросила показать ей шелк нового образца. Тот шелк, что она спрашивала, был уже весь распродан, и я ответил ей, что такого больше нет. Девушка посмотрела на меня своими ясными сияющими глазами и спросила:

— А вы не могли бы вы ткать еще для меня?

Глядя ей в лицо, я сказал:

— Нельзя, сестрица, ткать и красить шелк только на одно платье.

Девушка продолжала меня уговаривать, хотела, чтобы я обещал соткать ей шелку на платье. Разговаривая, я все смотрел на нее. Один из подмастерьев, бывший со мной, поддержал девушку:

— Обещайте, уста, не огорчайте сестрицу.

Тут я опять взглянул на нее, и смотрел довольно долго, потому что почувствовал какое-то влечение к ней. Хотя было трудно исполнить ее просьбу, я, словно под действием какой-то неведомой силы, обещал ей сделать, что она хотела. Когда она ушла, я подумал, зачем дал такое обещание, и решил, что когда она придет в условленный день, скажу, что не мог вы ткать ей шелку. Но ясные черные глаза и румяные как яблочко щеки девушки все время мерещились мне и слышался голос: «Неужели вы не можете сделать это для меня?»

Несколько дней я колебался, наконец, совершенно непонятно почему, принялся выполнять заказ. Мне вдруг показалось легким делом красить большой кусок шелка ради одного платья. Приготовив шелк за два дня до срока, я стал ждать заказчицу, но она не приходила. И в условленный день она тоже не пришла. Должен вам сказать, что лицо человека, которого вы видели только раз в жизни, обычно не удерживается долго в памяти, но с этой девушкой у меня было совсем другое: я мысленно видел ее всю — ее брови, глаза, кукольную фигурку, я так хорошо запомнил ее, как будто знал по крайней мере год. Голос ее запомнился мне меньше, но все же я как будто сейчас слышу: «А вы не смогли бы выткать это для меня?»

Прошло три-четыре дня после назначенного срока, она все не появлялась. Я огорчился, что не спросил, где она живет. Я готов был сам отнести ей шелк. За эти дни ожидания я даже как-то изменился, стал груб с учениками и подмастерьями, как будто хотел сорвать на них зло.

Наконец на пятый день девушка пришла. При виде ее я так растерялся, что долго не мог слова произнести. Девушка тоже, не спрашивая ничего про шелк, стояла и смотрела на меня.

Я спросил наконец:

— Почему вы не пришли в назначенный день?

Она смутилась и виновато опустила глаза в землю:

— А разве вы уже продали шелк?

Я подал девушке заранее приготовленный, лежавший подле меня кусок шелка. Она посмотрела его с лица, с изнанки, неуверенно вымолвила: «Какой хороший шелк!» — и высыпала передо мной на прилавок все деньги, какие у нее были в руках.

— А сколько стоит ваш шелк?

Я пересчитал ее деньги: кроме одной монеты в шестьдесят грошей, все это были покрытые зеленью медяки — полушки, алтыны, очевидно, долго лежавшие в какой-то копилке. Я сказал, что этих денег не хватит заплатить за шелк.

— А сколько же еще надо? — спросила она.

— Еще три теньги, — сказал я.

Лицо девушки омрачилось. Я любовался ею и начинал догадываться, почему она не пришла раньше за шелком. У меня душа не лежала отказать этому ангелу, я сказал:

— Когда вы сможете принести остальное?

Она не ответила, и в ее молчании мне почудилась скрытая жалоба.

— Ладно, когда достанете остальные деньги, тогда и принесете,— сказал я и, не ожидая ответа, подал ей шелк.

Еще не веря моим словам, она спросила:

— А вы мне поверите?

Я не стал ее уверять, а спросил:

— Где вы живете?

— В махалле Ч...

— Кто ваш отец?

— Я дочь Шарифа-оружейника.

— Ваш отец уже стар?

— Он умер, у меня только мать.

— А старшего брата нет у вас?

— Нет. Только один маленький братишка.

— Как вас зовут?

— Саодат.

Я отдал ей шелк и проводил из мастерской. Саодат ушла, все еще не вполне веря своему счастью. Подмастерья и ученики подсмеивались надо мной: «Молодец, уста!» Но ради Саодат я уже был готов снести любые насмешки.

Прервав свой рассказ, уста Алим спросил у Атабека:

— Рассказ мой затянулся, не соскучились ли вы?

Атабек, слушавший с живым вниманием, словно зачарованный, сказал:

— Продолжайте, продолжайте!..

Уста Алим рассказал дальше:

— Три тениги для меня ничего не значили. Но так как они связывали меня с Саодат, они были мне дороже тысячи. Подождав три дня, я, будто желая справиться о долге, отправился в дом Саодат. Ее я не застал, она ушла к своей тетке, но я познакомился с ее матерью, и мы довольно долго разговаривали с ней через дувал. Она жаловалась, что после смерти мужа в доме не осталось мужчин, что ей приходится самой зарабатывать на жизнь, она сучит пряжу, этим они и кормятся; пожалела,

что дочь заказала шелк, неговорившись с ней, и просила подождать еще неделю. Я испугался, что через неделю кончится наше знакомство, и решил подойти с другой стороны. Я сказал:

— Если вы живете только тем, что прядете нитки, вам трудно будет уплатить не то что три тенге, но даже три полушки. Но вот что пришло мне в голову... Вы живете без мужчины в доме, а я тоже сирота, живу один, без отца, без матери. Часто я испытываю затруднение от того, что некому постирать мне белье, заштопать что надо. Как вы посмотрели бы на то, чтобы в счет тех трех тенге вы иногда помогали мне со стиркой, штопкой?.. Если вы, конечно, не против...

Старуха с радостью приняла мое предложение и обещала на следующий же день прислать Саодат за моим бельем. Таким образом, связь между нами укрепилась. На другой день пришла Саодат и унесла мое грязное белье. Через три дня она принесла его выстиранным и посидела у меня в мастерской, наблюдая, как я работаю. Мы условились, что она будет приходить каждую неделю по четвергам. Я чувствовал, что день ото дня привязываюсь к ней все больше. Четверга я ждал теперь, как праздника. Через три-четыре недели я даже решился дать ей немного денег, чтобы она передала матери.

На четвертый месяц нашего знакомства настал рамазан¹. Так как во время рамазана перед праздником полагается раздавать милостыню неимущим и сиротам, я приготовил для Саодат лучшего атласа на платье, а для матери ее и для братишки — бязи на новую одежду и сам пошел к ним в дом.

Саодат встретила меня во дворе и, поздоровавшись, повела в ичкари, куда не ходят посторонние мужчины. Я говорю ей:

— Саодат, ты разум потеряла, что ли? Что скажет твоя мать?

А она говорит:

— Мать сама мне велела вас сюда привести, сказала: если придет твой уста-ака, не будем прятаться от него.

Следуя за Саодат, я прошел на женскую половину. Мать Саодат сидела перед террасой и прядла. Она удивилась, увидев, что Саодат ведет за руку постороннего

¹ Рамазан - пост.

мужчину. Саодат оставила меня посреди двора, подбежала к матери.

— Это же мой уста-ака! — сказала она.

Мать Саодат, поправив платок на голове, поднялась со своего места и приветствовала меня. Мы поздоровались. Саодат расстелила одеяла. Я достал принесенные подарки и положил их на одеяле перед ними. После обычной благодарственной молитвы мы некоторое время еще чувствовали себя неловко. Потом старуха сказала:

— Саодат привязалась к вам, как к родному брату. Вы недавно дали ей денег, чтобы купить душистого мыла. Она купила и принесла мыло, а потом никак уснуть не могла, целую ночь до света все вас благословляла — пусть бог продлит вам жизнь на многие лета, уста-ака.

Я потупился, слушая эти слова старухи, и украдкой взглянул на Саодат. Саодат смутилась, покраснела и отвернулась. Старуха еще сказала:

— За то, что вы так заботитесь о нас, я тоже не забываю перед каждой молитвой послать вам благословение. Видя ваши благодеяния, я думаю: бог не оставил нас, сжалился над нами и послал нам вас. Пусть же и вас бог наградит!—Старуха вздохнула и продолжала:— Мне уж, видно, на роду так написано — быть несчастливой: сын мой, Каюмджан, старший брат Саодат, когда ему пошел седьмой год — отец только собирался устроить той по случаю обрезания,—вдруг заболел корью и ушел из этого мира, а потом и муж мой скончался, оставив нас посреди пути. Я знаю, если б сын мой был жив, мы бы теперь так не бедствовали.

Она вытерла слезы и сказала:

— Мне, рабе божьей, только и осталось, что вздыхать да плакать.

Я постарался утешить ее.

— У вас остались сын и дочь, хоть они и малолетки... Вы еще доживете до светлых дней, матушка,—сказал я и придвинул к ней свои подарки.— Эти безделицы я вам принес к празднику — и Саодат и братишке, не погневайтесь на меня за это.

— Как мне отплатить вам за вашу доброту!—сказала старуха и принялась всячески благодарить меня.

Саодат, сначала смущенная причитаниями матери, теперь придвинулась к нам, развернула завернутый в бумагу атлас, спросила:

— Это мне? — Не дожидаясь ответа, взяла полосатую бязь, сказала: — Это Сайфи. — Затем вытащила из середины кусок гладкой бязи. — А это маме.

Она так просто говорила и рассматривала принесенные мной подарки, как будто заранее знала, что я их принесу. Полюбовавшись атласом, она, видно, одобрила его и хотела что-то сказать, но не сказала. Я догадался, что она хотела сказать. Мы заговорили со старухой, Саодат подошла и прервала наш разговор:

— Уста-ака, вы поститесь?

— Да, я соблюдаю пост.

— А то бы я приготовила чай для вас, — сказала она.

Мать ее засмеялась.

— Вы меня угостите чаем, когда я приду к вам на праздник, — сказал я.

— Если вы к нам придете на праздник, я даже плов приготовлю для вас, — сказала она и посмотрела на мать.

— Твой уста-ака, что ни сделай, все заслужил, дсченька, — сказала старуха и почему-то прослезилась. Я тоже был тронут.

— А сегодня разговейтесь у нас!

К этим словам Саодат присоединилась и мать ее. Я отговорился делами, но, конечно, мне очень хотелось посидеть с Саодат и разговестись вместе с ними. Мне не хотелось уходить из этого дома, я не мог налюбоваться Саодат, ее ребячьими проделками. Она уже совсем освоилась со мной и смешила нас с матерью, примеряя к своей уже не детски высокой груди атлас и приговаривая:

— Ах, все за тебя отдать готова!

Я блаженствовал, словно она не атлас, а меня обнимала.

Когда я, попрощавшись со старухой, собрался уходить, Саодат, провожая меня, спросила:

— А э четверг мне приходиться?

Я вернулся и сказал ее матери:

— Ваша Саодат уже подросла, может быть, лучше будет, если вы теперь будете посылать ко мне Сайфи,

когда он придет из школы. А я, когда буду свободен, сам приду к вам.

Старуха, словно ожидала от меня таких слов, похвалила меня за ум и за то, что я забочусь о чести их семьи.

— Вот, — сказала она дочери, — слышала, что говорит уста-ака, теперь зря, как попало, не выходи на улицу.

Уходя, я взглянул на Саодат. Она, казалось, была обижена на меня. Однако я не зря отсоветовал ей приходить ко мне: кое-кто из подмастерьев и учеников уже начинал заглядываться на нее.

Теперь братишка Саодат стал носить мне белье и тоже скоро привык ко мне. Связь моя с этой семьей все укреплялась, и я радовался этому. С некоторых пор я был в таком волнении, словно уже не нынче-завтра должен был жениться на Саодат.

Очень скоро я оказался в положении главы семьи: я заботился о них и не жалел для них ничего; по пятницам, захватив с собой всякие припасы, я шел в дом Саодат, она готовила плов, мы ели все вместе, потом я возвращался к себе.

Саодат день ото дня становилась взрослей и хороше-ла, и я все больше любил ее. Так прошло почти два года, и Саодат исполнилось шестнадцать лет. Теперь она уже понимала смысл моих влюбленных взглядов и перестала называть меня «ака».

Хотя я уже два года постоянно думал о том, чтобы посвататься к Саодат, но почему-то женитьба на ней представлялась мне несбыточным счастьем. Я надеялся на мать Саодат, ждал, что она или сама заговорит со мной об этом, или пришлет кого-то. Сам я стеснялся посылать к ней сваху, вернее, не решался из какой-то непонятной мне самому боязни.

Однажды, когда я по обыкновению пришел к ним в дом, старуха после ужина отослала Саодат в кухню, посмотрела на меня и сказала с улыбки:

— К Саодат сватается жених из хорошего дома. Мы уж вчера чуть не согласились, да я решила сначала посоветоваться с вами и отослала сватов.

Надо же было ей сказать такое!

Я едва не задохнулся, словно на меня опрокинули ведро холодной воды, язык у меня отнялся. Долго я был

неподвижен, как комок глины, наконец заставил язык свой пролепетать:

— Что ж, если из хорошего дома... надо подумать...

Она начала рассказывать, кто такой этот жених, чем он занимается, но тут терпение мое лопнуло, и я сказал горько:

— А жаль, что вы вчера отослали сватов!

Старуха не поняла моей иронии и продолжала:

— И жених, и семья его мне по нраву, дело только за вами. Вы хоть и не отец Саодат, но вот уж сколько времени заботитесь о ней больше, чем отец родной. Не поспешите и теперь, помогите выдать замуж Саодат, пристроить ее!— сказала мне мать моей Саодат. Она, как говорится, топтала меня уже мертвого. Я больше не мог слушать старуху, которая своей откровенностью жалила меня, как скорпион. Сказав, что подую до завтрашнего дня, я ушел.

Выйдя из их дома, я заметался, как курица, которой обожгли ноги. Я не мог ничего придумать разумного. Наконец, собравшись с духом, я посоветовался с одним приятелем, который знал о моей любви. Тот, не раздумывая долго, обещал завтра же пойти к старухе сватом от меня. А я всю ночь не мог уснуть, злился, вертелся, как на иголках и проклинал себя за нерешительность...

Уста Алим остановился, снял нагар со свечи, снова спросил у внимательно слушавшего Атабека, не скучно ли ему, и продолжал:

— Я послал к старухе свата, но успокоиться никак не мог: руки мои отказывались работать, я не мог усидеть на месте, вскакивал, снова садился, тысяча мыслей приходила мне в голову, я был как помешанный. Посланец мой долго не возвращался, и я сам два раза доходил до калитки Саодат. Наконец, когда я стоял там, спрятавшись в тени ореха, появился мой сват. У меня сердце оборвалось от страха. Я пошел прочь, не решаясь встретиться с ним, узнать от него правду.

— Эй, жених, стой, не спеши!— закричал мой приятель.

Так как он был большим шутником, я решил, что дело мое пропало, что приятель насмехается надо мной, и не остановился. Он зашагал быстрее и догнал меня.

— Ну, снимай халат!— сказал он и принялся шутя стаскивать с меня халат.— Ведь за добрую весть полагается отдаривать.

— Не шути, у меня сердце разрывается!— сказал я. Но он и не думал шутить. Я расцеловал его, даже не стыдясь слез, которые навернулись мне на глаза. Сват мой рассказал мне свой разговор со старухой. Оказывается, вот уже год чуть не каждый день к ней являлись разные люди—сватать Саодат, но старуха всем отказывала, говоря, что дочь ее уже просватана, и все время ожидала, когда я сам с ней заговорю или пришлю свата. Наконец, чтобы выяснить мои намерения, она решила мне сказать об очередном сватовстве. Коротче говоря, ответ старухи был таков: если бы у нее было сто дочерей, а не одна только, она всех бы отдала уста Алиму.

Я был вне себя от радости: наконец-то сердце мое успокоится. Несколько дней я от сильного смущения не мог показаться матери Саодат, она сама прислала за мной сына. Я отправился к ним. Не могу вам передать словами, что я тогда переживал. Когда я, ни жив ни мертв, вошел в калитку, Саодат развешивала во дворе белье. Увидев меня, она покраснела и спряталась за развешанное белье, но я успел заметить радость в ее больших ясных глазах.

Мы со старухой принялись обдумывать, как справиться свадьбу. Старуха была против излишних церемоний, но я, чтобы порадовать Саодат, стоял за то, чтобы задать большой пир. Условившись со старухой о дне свадьбы, я собрался уходить, Саодат не показывалась. А мне хотелось еще раз увидеть ее и сказать ей несколько слов. Она мыла котел у очага. Я подошел к ней. Заметила она меня или нет, или только сделала вид, что не замечает, но она продолжала заниматься своим делом, не глядя на меня. Волосы ее были заплетены в косы, и косы шевелились, как живые, при каждом ее движении. Я постоял сзади, любуясь ею.

— Саодат!— позвал я.

Она оглянулась. От огня в очаге, или же от смущения, щеки ее разгорелись, как два румяных яблочка. Как была —с мочалкой в руке — она поднялась и остановилась передо мной.

— Ты уже знаешь?— спросил я.

Она потупилась. Чтобы не увеличивать ее смущения, я направился к калитке и только спросил на ходу:
— Ты согласна?

Вместо ответа она сказала:

— Что же вы уходите, поели бы с нами плова!..

Это надо было понимать как согласие. Нет, это было больше чем согласие, это была уже сладкая для меня забота обо мне,— такая забота, словно мы прожили вместе сорок лет. Выходя из калитки, я был пьян от одних этих ее ласковых слов...

При этих словах уста Алима Атабек нахмурился, словно он сам испытал когда-то что-то подобное и теперь навсегда утратил.

Уста Алим продолжал:

— В десять дней мы закончили необходимые приготовления и справили свадьбу. Саодат, наконец, стала моей, для меня настали дни счастья. Так как вы немножко уже знаете, как я любил Саодат, то можете себе представить, как я блаженствовал.

Жена моя — недаром ее звали Саодат¹ — действительно сделала меня счастливым. Во мне словно прибавилось силы, все мне удавалось, в тот же год я покрыл расходы по свадьбе и, так как жилье Саодат было тесно для всех нас, я купил вот этот дом у моих теперешних соседей.— Он кивнул на дом тетушки Джаннат.— Я с женой, теща и шурин переселились сюда и стали жить здесь. Как любовь моя к Саодат росла с каждым днем, так росли и мои успехи в делах, и на второй год после женитьбы я уже прикупил у соседей и этот сад, который вы видели. На третий год Саодат забеременела. Мы с радостью ожидали, когда станем отцом и матерью. Наконец настал срок Саодат родить...— Уста Алим глубоко вздохнул:— А для меня приблизился день и час моего несчастья...— он умолк.

— Продолжайте же!— сказал Атабек.

Уста Алим перевел дух.

— Три дня промучилась моя Саодат и на четвертый умерла!— сказал он.

Атабек широко открыл глаза, приподнялся с подушки и переспросил:

— Умерла?

¹ Саодат — по-арабски «счастье».

Уста Алим вытер слезы:

— Умерла. Я лишился единственной моей радости, посланной мне с тех пор, как я живу на свете. Жизнь нанесла мне страшный удар. Месяцами я лил слезы, непрерывные, как осенний дождь. Я никак не мог утешиться. Видя, что я так безутешен, теща моя насильно женила меня через год после смерти Саодат. Но вторая жена не могла заменить мне Саодат. Счастье мое — недаром звали ее Саодат — было похоронено вместе с нею. Теща моя, слабеющая с каждым годом, тоже покинула этот мир через двадцать месяцев после смерти дочери, оставив у меня на руках своего одиннадцатилетнего сына. Моя вторая жена, сделавшись полною хозяйкой в доме, когда теща умерла, принялась разорять хозяйство, открыто и тайно тащила все из дома для своего брата, который играл в азартные игры. Дела мои шли день ото дня все хуже. Удача и довольство бежали из моего дома, как только стала хозяйничать в нем дурная жена. Я понял, что пропаду с ней, и прогнал свою вторую жену, дал ей развод. Вот уже третий год я живу один и не хочу больше жениться. Сладкие воспоминания о тех счастливых днях, которые я прожил с Саодат, заставляют меня горько плакать, и все же я нахожу в них наслаждение. Когда мне советуют жениться еще раз, я отвечаю: «Для меня все кончено на этом свете, я, как бабочка, рано или поздно сожгу себя на свече, что горит на могиле моей любимой».

Теперь я хочу только женить шурина, а потом с ясным лицом могу броситься в объятия моей Саодат, — сказал уста Алим и без сил опустился на подушку.

Рассказ его произвел такое сильное впечатление на Атабека, что он не мог удержаться от слез.

Они долго молчали. Атабек почти забыл о своем горе, глядя на человека, который лежал перед ним, припав к земле, как живое воплощение настоящей большой любви и печали. И не только в прошлом его, но и в настоящем виделся Атабеку глубокий смысл: будущее было пусто для этого человека. И собственное будущее показалось Атабеку таким же пустым. Только одного не хватало, чтобы он почувствовал себя двойником Алима — одного единственного слова «умерла»...

Но нет, если бы и пришлось ему узнать, что Кумюш умерла, у него все было бы не так, как у Алима. Ведь

Атабек был оскорблен женой и брошен ею. Саодат не бросила своего мужа, не обидела его ничем, и хотя ее молодая жизнь погибла, может быть, и по вине ее мужа, отец ее не прогонял Алима из дома, не старался развести с ним Саодат, здесь не было никакой корысти, ничего темного, ничего дьявольского.

Неожиданно пришла ему в голову новая мысль: внезапное согласие кутидора на его вторую женитьбу в Ташкенте, неременное желание быть у него на свадьбе теперь вдруг представились ему обдуманной ловушкой. И как только он пришел к этому выводу, он понял, что у него нет никаких оснований причислять себя к людям, подобным уста Алиму. Укладываясь на постель, приготовленную ему Алимом, он сказал себе: «Атабек, тебя оскорбили и прогнали, как ты можешь считать себя просто несчастным, как уста Алим?»

Но, засыпая, он чувствовал, что сердце у него пусто, как гнездо птицы, улетевшей прочь вместе со своими выросшими птенцами.

Встав утром к первой молитве, Атабек увидел Сайфи, крепко спавшего после пира у Шамшадбека. Исключительная красота этого пятнадцатилетнего мальчика невольно заставляла думать, какой красавицей была его сестра Саодат.

Атабек выпил пиалу чая и протерся с уста Алимом.

9

ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ НЕ МОЖЕШЬ ЗАБЫТЬ

Внезапное возвращение Атабека из Маргелана, слишком скорое на этот раз, обрадовало Узбек-аим, она решила, что чары ее местного колдуна оказались сильнее чар индуса. Но Атабек проводил все время на мужской половине и совсем не навещал вторую жену. Это озадачило Узбек-аим, и она решила опять побывать у гадальщика, чтобы узнать, что за этим кроется.

Что касается Юсуфбека-хаджи, то ему некогда было заниматься такими мелочами, он много времени проводил у Нармухаммада-кушбеги, а досуг свой тратил на посещения званых пиров у пансадов и беков. Однако и он заметил, что Атабек перестал жаловаться на неразумную политику и глупость управителей и вообще

стал молчалив. Единственным близким Атабеку человеком был в эти дни Хасанали. Так как Атабек почти безвыходно сидел в михманхане, Хасанали часто приходилось проводить с ним время и беседовать. Хасанали видел мрачное настроение Атабека, знал, что он не спит по ночам, чувствовал в нем какую-то перемену, но не осмеливался ни о чем спросить. Да и бесполезно было спрашивать: Хасанали догадывался, что всему виной вторая женитьба бека, которая, как соломинка в глазу, мешала его любви к Кумюш.

Узбек-аим сердилась, что Атабек не заходит к ее желанной невестке. Наконец, не выдержав, она явилась в михманхану, как раз когда Атабек готовил себе постель, разбросала все и стала кричать:

— Зачем тебе спать в михманхане? Иди ложись в ичкари с женой!

Но Атабек не был уже прежним послушным сыном: не обращая внимания на крик матери, он снова принял за раскладывать постель. Узбек-аим вспылила:

— Слышишь меня, глухой?!

— Я не глухой, но к этим вашим словам я глух. Не старайтесь понапрасну, не беспокойте себя!

— Да как же это можно? Совести у тебя нет!

Атабек спросил насмешливо:

— А что я вам говорил с самого начала?

— Чтс ты говорил?

— Разве я не говорил, что ваша новая невестка не увидит от меня ничего хорошего? Вы с отцом пошли на это, вы не можете этого отрицать.

— Что ж, ты так и будешь мучить свою жену? Скажешь, что получил на это разрешение отца с матерью.

— Если вы не хотите, чтоб я мучил вашу невестку и если у вас самих есть совесть, о которой вы только что говорили, то... есть один очень простой путь...— сказал Атабек и замолчал, ожидая, что мать спросит его, что это за путь. Но так как Узбек-аим, не говоря ни слова, закусила губы и покачала головой, он сказал:— Тогда я сам вам скажу: раз вы не желаете, чтобы ваша невестка мучилась, разведите ее со мной, не заставляйте страдать бедняжку!— Помолчав, он продолжал:— У меня есть совесть, и я каждый день думаю об ее страданиях и о том унижении, которое бедняжка должна переносить ради вашего удовольствия. Откажи-

тес от вашей прихоти—и вы сразу две души освободите от мучений, матушка!

Узбек-аим никак не ожидала от сына такой решительности, впервые она получила от него такой отпор. Потому ли, что она сразу не нашлась что возразить, или побоялась ссоры, но некоторое время она молча, с усмешкой смотрела на него, потом сказала:

— Ты потерял разум, сын мой!— и вышла из михманханы.

После этого разговора Атабек уже не ограничивался тем, что сидел в михманхане. Он стал проводить ночи вне дома и очень удивил Хасанали, вернувшись однажды сильно пьяным.

Хасанали не знал, что делать: самому ли поговорить с Атабеком или рассказать об этом хозяевам.

Однажды вечером Атабек, следуя новой своей привычке, ушел из дома. Хасанали, словно желая удостовериться в чем-то, постелил себе в михманхане и запер ворота на цепь. Старик решил, если Атабек и нынче вернется домой пьяный, попытаться наставить его на путь истинный. Он долго не засыпал, все ждал. Атабек не вернулся ни в одиннадцать часов, ни в двенадцать, и, наконец, сон стал одолевать старика. Он прилег на постель, полежал, закрыв глаза, и не заметил, как уснул. Неизвестно, сколько прошло времени, вдруг он был разбужен громким стуком в ворота и побежал открывать. В темноте, ища цепь, которой были заперты ворота, он спросил:

— Кто тут?

Пьяный голос отвечал:

— Эт-то я-я!..

От этого голоса мурашки пошли по спине у Хасанали, он подумал горестно: «И сегодня то же самое...» Едва он снял цепь и открыл половинку ворот, Атабек, прислонившийся к ним, свалился к ногам Хасанали. Старик понял, что Атабек пьян вдребезги, его чуть не стошнило от винного запаха, сразу распространившегося по коридору. Поддерживая пьяного, Хасанали повел его в михманхану, с опаской поглядывая на калитку, ведущую в ичкари, и сердце его замирало от страха при мысли, что Юсуфбек-хаджи вдруг выйдет во двор. Раздевая Атабека в михманхане, Хасанали сказал с укором:

— Сын мой, какая вам надобность в этом дьявольском зелье?!

Атабек пьяно засмеялся:

— Если уж мне нет надобности, то кому же тогда?

— Что бы там ни было, я не одобряю таких дел!— сказал Хасанали и с трепетом ждал ответа.

Атабек, улегшись на постель, глубоко вздохнул. Хасанали подождал еще, но вместо ответа скоро услышал храп...

Раздумывая и не находя объяснения неожиданно возникшей дурной привычке Атабека, Хасанали все же подозревал, что вся беда в том, что молодого человека насильно связали второй женитьбой. Вот уже два месяца, как Атабек и не упоминает о Маргелане... «Уж не поссорились ли они там?»— подумал старик.

Утром он не пошел пить чай, приготовленный Айбадак, и ждал, когда проснется Атабек. Около полудня тот, наконец, проснулся, и Хасанали сам приготовил ему чай. Смущенно поеживаясь, Атабек подошел к приготовленному Хасанали дастархану. Он вспомнил, в каком виде вернулся ночью, и старался не смотреть на Хасанали, не говорил ни слова и не поднимал головы. Это смущение бека тронуло отзывчивое сердце Хасанали, и, позабыв все заготовленные укоры и наставления, он во что бы то ни стало решил вызволить своего питомца из тяжелого положения.

— Молодости свойственно озорство, своеволие,— так говорят старые люди! — сказал Хасанали и улыбнулся. — Я очень опасался, не увидел бы кто из домашних... Но, кажется, никто не заметил...

Атабек с благодарностью взглянул на Хасанали и вздохнул, словно раскаиваясь в своем поведении. Хасанали попытался заставить его разговориться, но тот отвечал нехотя. Все же старику удалось будто невзначай вставить словечко:

— Что-то вы на этот раз долго не едете в Маргелан.

Мы уже говорили, кажется, что Атабек еще никому — ни Юсуфбеку-хаджи, ни Узбек-аим, ни Хасанали — не поведал о том, что заставило его так быстро вернуться из Маргелана, ни словом не обмолвился, что связь его с Маргеланом оборвана. Да его никто и не спрашивал ни о чем. Он молчал и старался заглушить

свою тоску вином. Впервые за два месяца он услышал от Хасанали этот вопрос и, казалось, мог бы теперь открыть свою тайну. Однако ответ его был совсем неожиданным и несообразным с его настроением и удивил бы того, кто знал истинное положение дел.

— Собираюсь нынче отправиться,— сказал Атабек.

Все опасения Хасанали насчет возможной размолвки рассеялись, как дым. После чая Атабек еще раз подтвердил свое намерение, испросил разрешение отца и после полудня стал собираться в дорогу. Так как никто не знал его тайны и не мог спросить его: «Что же ты будешь делать в Маргелане?», то он и сам не стал задавать себе такого вопроса. Как и раньше бывало, он спешил в путь.

Не прошло и двадцати дней, как он вернулся обратно. Удалось ли ему чего-то достичь этой поездкой или нет, читатель узнает в одной из следующих глав.

Пробыв в Ташкенте с неделю, он взял с собой Хасанали и отправился в Ак-Мечеть. Он задумал вновь возобновить одно торговое дело, приостановленное два года назад.

10

ЧЕРНЫЕ ДНИ

Шесть месяцев прошло с тех пор, как в доме кутидора было получено несообразное с правилами шариата письмо о разводе.

Молва о красоте Кумюш соблазняла многих—и холостых и женатых,— и, руководствуясь поговоркой «попытка не пытка, а спрос не беда», сваты один за другим журавлиной цепочкой потянулись в дом кутидора.

Первым в этой толпе сватов, вожаком в стае, первой ласточкой был, конечно, сват от Хамида, который раньше самой Кумюш и даже раньше самого Атабека знал о предстоящем разводе. Сват Хамида не ограничился одним посещением, он четыре раза подряд приходил с предложением Хамида стать зятем и сыном кутидора. В конце концов ответ, полученный сватом Хамида, был таков: «Мы не видим никаких препятствий к тому, чтобы Хамидбай стал нашим зятем, но дочь наша выразила твердое решение больше замуж не выходить. Поэтому пусть Хамидбай извинит нас». Та-

кой же ответ был дан и другим сватам. Кутидор и Офтоб-аим отвечали так всем не по своей воле, а потому, что так хотела Кумюш.

Впрочем, они не долго покорялись такому решению Кумюш: «Не хочу я больше выходить замуж. Не нужен мне теперь муж». Они считали это решение безрассудным и думали про себя, что выдадут ее замуж, если найдется подходящий жених. Поэтому, отказывая сватам, они ссылались на волю Кумюш, а сами тем временем приглядывали жениха получше.

Вдруг неожиданно явились сваты от Камильбека, сына одного из самых богатых в городе людей Салимашарбатдора.

Это был жених из богатой и родовой семьи, о каком могли только мечтать отец и мать Кумюш, поэтому сватов приняли очень любезно, угостили жирным пловом и обещали подумать и дать ответ при следующем посещении. Но кутидор с женой не стали даже и думать: жених был такой, что раздумывать не приходилось, решили сразу, что дадут согласие, когда сваты придут опять. Конечно, они знали, что Кумюш будет протестовать, но в то же время они не представляли себе, что их дочь может не послушаться своих родителей.

* * *

Стояли последние дни осени, приближалась зима. Желтые листья уже осыпались с деревьев, лицо земли было покрыто ими. Даже черешневые деревья, которые дольше всех сохраняли свою листву, оберегаемые от ветра домами и дувалами, не выдержали жестокого холода нынешней ночи и теперь, шурша, сбрасывали листья. Небо было ясное, солнце поднялось уже высоко, но оно давало мало тепла: утренний мороз словно отнял силу и у солнечных лучей.

Кумюш вышла на айван. Она заметно похудела, потеряла свою прежнюю полноту, но это не убавило ее красоты, наоборот — придало ей особую прелесть. Изогнутые как луки брови стали еще выразительнее, большие глаза, теперь запавшие и окруженные синевою, стали еще глубже, еще лучистей. Воротник собольей шубки, которую она надела от холода, обнимал ее

нежную шею, словно желая вызвать зависть у всякого человека.

Но что-то изменилось в ее облике: глаза ее уже не сияли радостью, как прежде, не искрились весельем, теперь взгляд ее был суров и строг. Впрочем, эта строгость придавала ей даже благородную величавость.

Выйдя на айван, она присела на край его и строгими глазами стала следить, как, один за другим, отрывались и падали последние листья с деревьев, ее суровый взгляд провожал их до самой земли. Казалось, в каждом упавшем листочке она читала свою судьбу, не могла не сравнивать свою жизнь с этим сухим листком, оторванным от ветки и готовым превратиться в прах. Не могла не думать о своей жизни, обреченной на гибель, как эти осенние листья. Она вздохнула так глубоко, что грудь ее готова была разорваться, глаза наполнились слезами. Длинным рукавом своей шубки она тихонько вытирала слезы. В эту минуту из ичкари вышла Офтоб-аим. Украдкой, краем глаза взглянув на дочь, она уже собиралась открыть дверь в михманхану. Вслед за ней показалась Айша-буви, она подошла к Кумюш и, остановившись около нее, спросила:

— Что ты тут делаешь во дворе?

— Так... ничего...— сказала Кумюш, нахмурившись, и отвернулась.

— Войди в михманхану, нам нужно поговорить с тобой.

— О чем говорить?

— Сначала войдем в дом, дитя мое!— сказала старуха и, обняв ее за плечи, заставила подняться.

Оставив на женской половине свах, пришедших за окончательным ответом, мать и бабка пришли сюда, чтобы уговорить Кумюш согласиться. Но Кумюш намеренно покинула ичкари, чтобы свахи поняли, что она никогда не даст своего согласия. Поэтому, войдя в михманхану, она, желая уклониться от разговора, стала рыться в нише, делая вид, будто ищет что-то.

— Того, что ты ищешь, в нише нет,— сказала Офтоб-аим.— Иди, сядь рядом с нами.

— Оттого, что я посижу с вами, пользы вам не прибавится ни на грош. Можете передать свахам: мой ответ неизменен.

Айша-буви переглянулась с дочерью.

— Дитя мое, выслушай нас прежде!— сказала она.

— Доченька моя, ну почему же ты так противишься?— сказала Офтоб-аим, уже сердясь, что дочь все не хотела сесть с ними.

— Сколько раз я повторяла и вам и отцу, что не желаю больше выходить замуж!

— Что ж, ты хочешь прожить на свете одинокой?

— Одна ли я буду жить или нет — это знает только бог!

— Я знаю, ты все еще не можешь сердцем оторваться от своего бывшего мужа, от этого бесстыдника. Ты на что-то надеешься, но это ребячество! Пойми хорошенько, что твой отец теперь не пустит на порог этого обманщика, да он и сам бросил тебя навсегда. Если не веришь мне, прочти это,— сказала Офтоб-аим и протянула Кумюш какую-то бумагу.— Это мы получили в ответ на твое письмо и скрывали от тебя, думали, что с тебя хватит и разводного письма. Но раз ты еще не потеряла надежды, я решила показать тебе это.

Кумюш взяла у матери письмо.

«Бывшей моей жене, Кумюш-биби. Я надеялся, что первым моим письмом положил конец вашим заигрываниям со мной. Однако вы не поняли или не пожелали понять этого, во всяком случае, вы не отказались от попытки заигрывать со мной. Ну что ж, говорят, в желании греха нет. Ради нашей прежней близости, я прощаю вам попреки и нападки, переходящие всякие границы приличия. Желая вам найти нового мужа, не такого изменника и обманщика, как я! Атабек, сын Юсуфбека-хаджи, 26 джавза 1265 года, Ташкент».

Письмо вновь разбередило сердечную рану Кумюш. Заливаясь слезами, она спрятала письмо в складках платья и сказала матери и бабушке, ожидавшим ее ответа:

— Я совсем не надеюсь помириться с этим извергом, но не пойду больше замуж!

— Почему?— спросила мать.

¹ 26 джавза 1265 года — май, 1848 года.

— Почему?— переспросила Кумюш и отвечала с плачем:— Если от мужа, которого я любила, которому так верила, мне пришлось испытать такое унижение и обиду, значит все они таковы! Лучше уж мне одной прожить на свете, так спокойнее. Никогда больше не говорите со мной о замужестве! Не приводите в ужас вашу дочь, у которой и без того сердце дрожит, как осенний лист.

Материнское сердце Офтоб-аим не выдержало, и она даже не стала придумывать, как ответить ожидавшим в ичкари свахам.

— Не плачь! — сказала она коротко и ушла с Айшабуви, оставив Кумюш в михманхане.

* * *

Семья Салима-шарбатдора пришлась кутидору очень по нраву. Поэтому, не сказав ни жене, ни дочери, он договорился со сватами, пришедшими к нему в лавку, и, вернувшись домой, сообщил жене:

— Сегодня я совершил фатиху со сватами, сговорился с ними. Теперь ты должна уговорить дочь, раз сговор состоялся, теперь уж не повернешь назад.

Офтоб-аим, выслушав мужа, совсем растерялась, она не в силах была уговаривать дочь, которая начинала дрожать и плакать при одном упоминании о замужестве. Мать чувствовала себя между двух огней — в какую сторону ни повернись, все плохо. Для бедной матери настали черные дни. Она не могла выполнить поручение мужа, не могла рта раскрыть, чтобы поговорить с дочерью. Каждый день, возвращаясь с базара, муж спрашивал ее: «Ну, уговорила?» По ночам она выслушивала от него укоры, а днем страдала, глядя на Кумюш и не смея заговорить с ней.

Скоро и кутидор понял, что сделал ошибку: ему надоело каждый день выдумывать отговорки посланцам Салима-шарбатдора, которые все время приходили справляться о дне свадьбы; он не мог показаться им на глаза. Однажды он вернулся с базара рассерженный до крайности и стал бранить Офтоб-аим так, как не бранил ни разу в жизни.

— Из-за твоей дочери я уже головы не могу поднять от стыда! Хоть беги из города! Дошло до того, что или ты ее уговоришь, или мне придется покинуть город!

Назавтра бедняжка-мать вынуждена была говорить с дочерью. Присев рядом с ней, она, вместо того чтобы заговорить о деле, принялась горько-горько плакать. Кумюш, догадываясь, почему мать плачет, не стала ее расспрашивать, сама стала умыться слезами. Мать с дочерью плакали и рыдали долго — пока не выплакали все слезы.

— Лучше бы мне не родиться на свет, чем переживать такие дни! Лучше уж мне умереть!— сказала под конец Офтоб-аим.

— Нет, матушка,— сказала Кумюш.— Вы могли бы счастливо жить на свете, это я — причина того, что вам белый свет не мил и вы плачете кровавыми слезами. Если бы я, злосчастливая, не родилась на свет, на вашу долю не выпало бы столько страданий, столько мук! Поэтому вы должны молить бога, чтоб он поскорее взял от вас эту несчастливцу и дал вам покой. Матушка, я не могу больше видеть вас в таком состоянии, жертвой моего упорства! Кто она такая, ваша покинутая дочь, игрушка, переходящая из рук в руки, кто она, чтобы заставляя плакать любящую мать? Она не стоит одной вашей слезы! Идите и передайте отцу: я на все согласна! Пусть и он не терпит укоров от людей из-за своей несчастной дочери! Не глядите на меня, не мучайте себя, оставьте все сомнения, идите и скажите отцу, что я согласна!— так сказала Кумюш и, пригладив растрепавшиеся волосы, промолвила еще:— А если уж вы меня очень жалеете, то передайте отцу только одно мое условие: свадьба пусть будет отложена до будущей осени. Если отец примет мое условие — хорошо, а если не согласится — не надо плакать, матушка. Для того чтобы вы были спокойны и радостны, ваша злосчастливая дочь готова вынести любое испытание...

Тут Офтоб-аим опять не выдержала, обняла дочь, прижала ее к своей груди, и обе вновь заплакали неудержимыми слезами...

По требованию жены кутидор принял условие дочери. Согласились и сваты подождать до будущей осени. Итак, через год, осенью, Мирзакарим-кутидор должен был породниться с почтенным Салимом-шарбатдором, а Кумюш-биби, бывшая супруга Атабека, выйти замуж за Камильбека.

II МЕЛОДИЯ "НАВО"

Хотя народная молва называла те годы «мусульманским благоденствием», нельзя сказать, чтобы и тогда не было никаких происшествий, которые не омрачали бы это благословенное время. За воровство отрубали руку или отправляли на виселицу; прелюбодеев и блудниц сбрасывали с башни, пьяниц били плетьюми. Не соблюдающих намазы и тех, кто не знал установлений шариата, также наказывали плетьюми. Блюстители нравственности с подручными мулазимами чинили розыск и вели допросы с нагайками в руках.

Несмотря на такую тонкую систему управления, воры не бросали своих занятий, они проламывали задние стены в домах, и накопленное добро исчезало. Достаточно находилось и женщин-распутниц, которых по закону полагалось, завязав в мешок, сбрасывать с высоких башен. Немало было и таких людей, кто не любил отбивать поклоны на молитвах, зато мог без запинки, бойко повторять затверженные наизусть правила шариата. Во многих домах бродило в корчагах вино и буза, и нельзя сказать, чтобы не находились люди, которые открыто занимались продажей этих напитков. В Ташкенте, в районе Чукур-кишлак, было немало притонов, в которых всегда было полным-полно всякого люда.

Пробыв месяцев пять в Ак-Мечети, Атабек по возвращении домой стал завсегдатаем одного из питейных домов Чукур-кишлака. Правда, днем его не видно было в бузахане, зато почти не было ночи, которой он не проводил бы там. Владелец бузаханы отлично знал, чей он сын, и потому все его желания исполнялись мгновенно, его не сажали в общей комнате, а вели в отдельную и угощали там не той мутной бузой, какую подавали всем, а самой лучшей.

Вот и сейчас он сидит в этой бузахане. Он только что опорожнил третий кувшин бузы и потребовал четвертый. Вошел хозяин.

— Вам еще бузы подать, бек?— спросил он.

— Подать бузы!— сказал Атабек.— И позовите вашего музыканта.

Было уже полночь; пьяницы, весь день буянившие здесь, крича и переругиваясь, понемногу разошлись. В

Бузахане стало тихо. Усталый музыкант, освободившийся, наконец, все же, в надежде на щедрую награду, пришел к Атабеку, несмотря на позднее время. Выпив пиалу бузы, предложенную Атабеком, он спросил, настраивая дутар:

— Что сыграть вам, бек, какую мелодию?

Пьяным голосом, но совершенно серьезно, Атабек сказал:

— Сыграйте мне, если сумеете, «изгнание» или «разлуку».

Музыкант удивился:

— В первый раз слышу про такие мелодии, бек!

— Вы думаете, что на свете нет таких? Ну, если вы не слышали, так я-то их слышал сам... Ну что же, раз не знаете, сыграйте, что хотите...

Все еще настраивая дутар, музыкант спросил опять:

— Эти мелодии, о которых вы говорите, верно, недавно сложены?

— Недавно...

— А где вы их слышали?

Атабек посмотрел на музыканта, казалось, сразу отрезвевшим взглядом:

— Я слышал это в Фергане, в Маргелане...— сказал он.

Музыкант, сначала наигрывавший простенькую мелодию, чтобы проверить, настроен ли дутар, вдруг заиграл «наво». При первых же звуках Атабек вздрогнул всем телом, быстро опорожнил стоявшую перед ним пиалу и весь отдался печальной мелодии.

Казалось, дутар рассказывал о какой-то своей тоске. Нет, не о своей печали пел он, а о той, что жила в душе Атабека... Воспоминания, одно за другим, мелькали перед Атабеком, особенно те последние горестные дни. Они вновь оживали теперь перед глазами Атабека, стояли перед ним не исчезая. Дутар, вызвавший их вновь, словно сам не выдержал и зарыдал, заставляя трепетать сердца всех обиженных жизнью... Атабек, не в силах больше сдерживаться, заплакал и, прижимая платок к глазам, все не мог остановить эти слезы. Воля его была подавлена рыданьем дутара, печальной его песнью. Но эта музыка нужна была душе Атабека, она выражала за него всю тоску и боль, накопившиеся в

его сердце. И он плакал, плакал, изливая в слезах свое горе.

Грустная мелодия «наво», заставившая Атабека плакать, жаловавшаяся на то, что колесо судьбы поворачивается не туда, куда влечет человека, говорившая о том, что человеку суждены в мире одни страдания, вдруг сменилась словно ворвавшимся в нее веселым мотивом. Этот неожиданный переход к радости принес Атабеку облегчение, высушил его слезы. В цветнике его надежд, словно омытом мелодией «наво», вдруг зацвели новые цветы...

После этой ночи он целый месяц не появлялся в бузахане. Но, съездив еще раз в Маргелан, вновь принялся за прежнее.

Поездки в Маргелан были напрасны, не приносили ничего нового. Каждый раз Атабек заезжал к уста Алиму, но тайну свою от него скрывал, говорил, что едет в Андижан или возвращается оттуда, а в Маргелане — проездом. Да он и не задерживался теперь в Маргелане больше одного-двух дней и уезжал, иногда только побывав на кладбище Ходжа-Маоз.

Десять дней пути туда и обратно, дорожные неудобства, усталость — оправдывалось ли все это тем, что делал он в Маргелане, читатель пусть судит по тому, что будет рассказано дальше.

Вернувшись домой после очередной бесполезной поездки в Маргелан, Атабек старается не думать о Кумюш, пытается заниматься делами, но уже через неделю вновь начинает задумываться и, не в силах ничего придумать, опять отправляется искать утешения в Чукур-кишлаке, пьет беспрерывно несколько дней и все-таки не может забыться. И вот в душе его возникает предчувствие чего-то, ему кажется, что если он сейчас же поедет в Маргелан, то что-то разъяснится, изменится там, а если не поедет, потеряет что-то безвозвратно и будет потом жалеть... И вот он снова отправляется в Маргелан, и в дороге ему кажется, что кто-то ждет его там с нетерпением, и он спешит так, словно ему дорог каждый час. Но как только он въезжает в городские ворота, настроение его сразу меняется, сердце хочет выскочить из груди, а приближаясь к обувному ряду, он так сильно волнуется, что и представить себе не может, что было бы с ним, если б он

вдруг очутился на знакомой улице, и, едва завидев ее, он поворачивает коня налево, и ему чудится, что кто-то кричит ему вслед: «Уходите, не задерживайтесь у моих ворот... бессовестный!» Он говорит себе: Да, значит я бессовестный!» — и все его ожидания рассыпаются прахом, поездка напрасна, и он выбрасывает из головы не только то, что представлялось ему в мечтах, но и дело, которое он собирался осуществить: вызвать тестя и жену к казию и обвинить их в нарушении установлений шариата. «Ведь тогда мне придется смотреть в лицо этому хитрецу?! Да пропади он пропадом — и он сам, и все!» — говорит он себе и едет к уста Алиму.

Атабек очень высоко ставил уста Алима, ему становилось легче, когда он сидел с ним за беседой, хотелось без конца слушать историю его любви, которую тот десять лет берег в своем сердце и с которой собирался сойти в могилу. Повторяя вновь и вновь, со всеми подробностями свой рассказ о Саодат, уста Алим обычно заканчивал его словами: «Видно, она не суждена мне была судьбой, оттого и погибла». Холод проникал в сердце Атабека от этих слов, и он тоже думал про себя: «Верно, и мне не суждена она судьбой и тоже погибла для меня, хотя и жива».

Он жил у уста Алима день или два, потом проезжал по городу, глядя на все прощальным взглядом, и покидал Маргелан через первые попавшиеся ворота. На обратном пути он уже не спешил, ночевал в Коканде, в кишлаках Курама, Тиляв и других и, наконец, возвращался в Ташкент. И все повторялось сначала.

Так обстояло дело с поездками Атабека в Маргелан. Никто не знал его тайны, некому было ни спросить с него отчета, ни посмеяться над ним. Только к своему сердцу он прислушивался и ему отдавал отчет. Так проходили дни, беспорядочно и в постоянном беспокойстве.

12

СТРАШНАЯ НОЧЬ

Если мы не ошибаемся в счете, это случилось в седьмой его приезд в Маргелан, осенью 1267 года¹,

¹ 1267 год хиджры — 1850 год.

полтора года спустя после начала описанных нами событий.

После утреннего чая уста Алим со своим шурином ложили шелк возле ткацкой мастерской, недавно построенной ими рядом с кухней. Атабек, сидя на корточках у столба айвана, погружен был в свои размышления и на вопросы мастера о Ташкенте отвечал односложно: «да», «так», «конечно».

Потом он молча поднялся и пошел к выходу. Уста Алим, оторвавшись от работы, спросил:

— Куда вы, Шакирбек?

— Хочу побродить по городу!— отвечал, обернувшись, Атабек.

— Гуляйте,— сказал мастер,— только не задерживайтесь дольше полудня, я приготовлю плов и буду вас ждать.

— Ладно!— сказал Атабек и через калитку вышел на улицу.

В ту же минуту из калитки рядом вышел Садык и чуть не столкнулся с Атабеком. Равнодушно оглядев его, Садык зашпешил и исчез в узком переулке. А Атабек пошел по улице прямо.

Небо было облачно, но облака, белые и легкие, пропускали солнечные лучи, и солнце, сожурившись, как невеста сквозь фату, смотрело на землю. Слабый ветер подгонял облака, в лицо веяло осенним холодком, и это было приятно. Зато доносившийся откуда-то запах пережариваемого льняного масла был противен до тошноты.

Дойдя до перекрестка, Атабек остановился в нерешительности, потому что одна дорога вела к обувному ряду, другая уводила от него. На этот раз он решился и зашагал к обувному ряду. Хотя он то краснел, то бледнел, идя этой улицей, но продолжал шагать решительно и твердо: впервые после всего, что случилось, он проявил смелость, вступив в те места, где, как говорят наши матери, «появилась змея». На повороте улицы шаги его несколько замедлились, но все же он шел вперед. Вот уже видны заколдованные ворота... Около них — злополучный тал, свидетель его унижения. Собрав всю силу воли, Атабек смотрел на дом кутидора. В памяти его промелькнули прошлые дни, и он тяжело, почти с рыданьем, вздохнул. Под этими черешнями,

которые виднеются там за воротами, его кто-то встречал в былое время. А теперь? Кого она встречает теперь? Этот вопрос возмутил его до глубины души. Он все еще был уверен, что Кумюш любит его, и считал ее жертвой отцовского тиранства. Лицо Кумюш вдруг представилось ему желтым, как сухие листья черешен, и его сердце разрывалось от боли не за себя — за Кумюш! Он почувствовал прилив смелости, подумал: «А может быть, мне зайти сейчас, поговорить с ней самой?» Но старый тал у ворот, казалось, смотрел на него и смеялся, повторяя: «Бессовестным нет места в этом доме!.. Уходите, не стойте у ворот!»

Он уже подходил к воротам, но вдруг испугался и свернул в сторону. Испугался, потому что увидел, как из ворот вышли двое людей, и подумал, не тесть ли это. Но это оказались посторонние люди, не торопясь, они пошли впереди него. Воспоминание об оскорблении, ему нанесенном, уже потушило в нем желание войти в дом кутидора. Но все же ему захотелось хоть что-нибудь услышать о ней. «Ведь они были там, в ее доме, может быть, они скажут что-нибудь?» — подумал он и ускорил шаг, чтобы догнать их. Вот он уже в трех шагах от них. Но, как назло, они идут, не говоря ни слова. Лишь пройдя шагов сто, он услышал, как один сказал другому:

— Хорошо, что мы решили справить сегодня все сразу — и брачный обряд, и свадьбу.

— А зачем же справлять отдельно? Ведь она уже не девушка. Это девушкам справляют отдельно и брачный обряд и свадебный пир. А она ведь уже была замужем. Даже удивительно, что он хотел было праздновать и брачный обряд и свадьбу отдельно...

— Но ведь кутидор — человек уважаемый в городе... — сказал первый.

Услышав такую весть, Атабек застыл на месте, как пригвожденный. Его будто кипятком ошпарили, и кожа слезла с него с головы до ног — такое у него было ощущение. Постояв почти в беспамятстве несколько минут, он машинально двинулся дальше.

— Без развода отнять у человека жену и опять выдать ее замуж? Сегодня! — сказал он вслух и захохотал, как безумный.

Он шел по улицам Маргелана и разговаривал сам с собой, как помешанный...

* * *

Хотя была уже середина месяца, но из-за туч не было видно луны.

Наступила ночь, настоящая темная осенняя ночь. Казалось, эта темнота шла от столетней рощи, разросшейся у мазара Ходжа-Маоз. Ветер усилился, теперь он дул со всех сторон, словно сгоняя все куда-то.

В глухом уголке рощи, возле мазара какой-то дивана, весь в спутанных космах волос, заросший и страшный, топтался около дымящегося пня, ковырял его палкой, сясь разжечь костер.

Ветер все крепчал, деревья мотались из стороны в сторону, с шумом отряхивая с себя последние листья; вороны и галки, потревоженные во время сна, с карканьем кружились над рощей, словно протестуя против бури. Ветер набирал силу, ревел и завывал, ветки, не выдержав, ломались с треском, старые деревья жалобно скрипели, на мазаре становилось все страшнее. Наконец, совсем рассвирепев, ветер заревел так, словно хотел согнуть, сокрушить все, что стояло на его пути. Он свалил чинар, заставив задрожать землю, подхватил и бросил в заросли костер юродивого, наполнив искрами рощу. Потом, словно он только ради этого и ярился, внезапно спал, завывания и рев голодного льва утихли. Метавшиеся в ужасе над рощей галки и вороны с криком, как будто извещая о конце бури, стали спускаться в гнезда.

Черные тучи на небе стали редеть, расплываться, и луна показала свое лицо из-под их черной сетки.

На сухие сучья двух старых чинар, похожих на скелеты, слетелись совы, где-то прятавшиеся от бури. Словно играя в прятки, луна то показывалась, то скрывалась снова. Но, бросая мельком взгляд на землю, она не рассеивала темноту в роще, а лишь обнажала на мгновение вечное молчание камней, лежавших на могильных холмах.

Под старыми чинарами, пристанищем сов и сычей, против мазара, стоял айван — приют для паломников. Там было совсем темно. На ветвях чинаров, рядами, как

страшные четки, сидели совы. Совы не радовались лунному свету и при каждом появлении луны из-за туч прятали головы под крыло и сжимались в комок. Когда же луна скрывалась, они оживали и даже начинали перекликаться: «Чиг-чиг-чиг-ки-ки-ки!» И порой среди их резких голосов слышался странный звук, похожий на стон...

Ночь прошла. С минарета мечети раздался печальный призыв на утреннюю молитву. Вся природа просыпалась, откликалась звонким эхом. С последним звуком азана Атабек сошел с айвана и присел к арыку, чтобы совершить омовение.

13

ВРАГ ОТКРЫТ

Все надежды его были разбиты, но пламень в сердце не угасал. Как человек, укушенный змеей, он озирался вокруг безумными глазами. Он говорил себе: «Значит, отец ее добился своего, выдал дочь за другого, и вчера ночью она...» — но то, что должно было быть вчера ночью, он отвергал, как отраву, не мог и думать о том и беспокойно озирался вокруг, словно ища, чем отвлечься, обмануть себя.

Но город, казалось, спрашивал его: «Чего же теперь тебе нужно от меня?..» Да, теперь конец его поездкам в Маргелан. Покинув Ходжа-Маоз, он шел к уста Алиму, чтобы сесть на своего коня и навсегда распрощаться с Маргеланом. Но ему все еще чудилось, что кто-то близкий тянется к нему, молит о помощи, хочет вырваться из чужих объятий.

Атабек уже почти добрался до калитки уста Алима. Он шел, низко опустив голову, не замечая прохожих, шатаясь как пьяный оттого, что сердце его жгло, как раскаленный уголь. Не заметил он и человека, вышедшего из соседней калитки, хотя и смотрел на него не узнавая, хоть и мелькнуло в чертах его лица что-то давно забытое. Когда же Атабек вошел в дом уста Алима, Хамид—это он вышел от Садыка — так и застыл на дороге, глядя ему вслед.

Уста Алим, очень тревожившийся за Шакирбека, пропадавшего неведомо где со вчерашнего утра, обрадовался, увидев его.

— Слава богу, наконец-то, Шакирбек! Где же это вы пропадали? Я так беспокоился... Ай-яй, как вы осунулись за один день!

И правда, Атабек изменился до неузнаваемости: глаза у него запали, он был похож на приговоренного к смерти. Он заставил себя улыбнуться.

— Я был на Ходжа-Маоз.

— Зачем?

— Я провел там ночь.

Присаживаясь на край айвана, Атабек добавил, чтобы рассеять недоумение мастера:

— Я давно хотел провести там ночь.

— Ну, значит, у вас было о чем помолиться святому! — улыбнулся уста Алим.

Тут послышались шаги у ворот, и оба они, обернувшись, увидели вошедшего худого и бледного человека в неумело накрученной чалме. Уста Алим поднялся ему навстречу.

— Эй, уста Фарфи! Пожалуйста, пожалуйста к нам! Как вы живы-здоровы?

Уста Фарфи приветствовал уста Алима, как положено, поздоровался с ним за руку. Атабек не успел еще поздороваться с ним, как тот сам протянул ему руку:

— В добром ли здоровье, гость?

Все уселись на айване, помолились, погладив ладонями лицо, и тогда уста Алим с некоторой насмешкой в голосе сказал:

— Вот я и дождался, наконец, вашего прихода, уста Фарфи.

Пришедший, кивнув на недавно построенную мастерскую, сказал:

— Большие дела затеваете, уста? Оказывается, и мастерскую построили!

— Уж дней пятнадцать, как построил. Все ждал, что вы придете освятить ее вашей молитвой, а вы до сих пор не показывались...

— Вы же знаете почему, — сказал уста Фарфи. — Раз подрядился с кем-то, трудно оставить дело. Только разве в пятницу зайдешь к кому-нибудь, а в другие дни некогда. Вы же, говорю, сами бывали в таком положении.

— Нет-нет! — сказал уста Алим смеясь. — Я никогда

вашему не высиживал, как курица, яйца в мастерской. Изали бы прямо, что жаль было терять сдельную плату, тогда бы я поверил вам!

— Слова ваши справедливы,— улыбнулся и уста рфи.— Что поделаешь? Детишки, как цыплята, что ни — плодятся и растут, скандал с ними, если не накор-
шь.

Уста Алим вошел в комнату, чтобы приготовить дас-хан. Уста Фарфи обратился к Атабеку:

— Вы откуда, гость?

— Из Ташкента.

— Очень хорошо. Садитесь повыше, как полагается гетному гостю,— сказал уста Фарфи.

Атабек поблагодарил, но не двинулся с места. Уста рфи еще раз оглядел его внимательно, потом уселся л поудобнее, скрестив ноги. Уста Алим развернул тархан, принес чай. Он тоже предложил Атабеку гетное место, но тот остался, где был, даже не снял зуши. Стали пить чай, говоря о том о сем. Из разго-ра двух мастеров Атабек понял, что оба они работали ньше у одного хозяина, но потом уста Алим поссорился озяином, ушел от него и теперь, устроив свою мастер-лю, работал от себя. Уста Фарфи спрашивал, из-за о вышла ссора уста Алима с хозяином, но тот отго-живался:

— Плохой человек он, дикий кабан!

Допив чай, Атабек отставил пиалу и сказал:

— Теперь отпустите меня, уста, мне пора ехать.

Уста Алим посмотрел на него с удивлением.

— Что это вы вдруг надумали уехать? Вы же собира-сь пробыть тут несколько дней.

— Я покончил свои дела с Маргеланом. И соску-тясь...

— Ну вот кончим завтракать, тогда и отпустим вас,— изал уста Алим и налил ему еще пиалу чая.

Меж тем уста Фарфи продолжал допрашивать:

— Скажите же правду, уста, из-за чего вы поссо-ри-сь с хозяином?

— А он вам не сказал?

— Нет, не говорил. Я спросил его, а он повернул
своей на друга

— И сколько я ни спрашиваю о причине ссоры вами, он все сворачивает разговор на другое.

Уста Алим одним глотком опорожнил свою пиалу рассказал, из-за чего он поссорился с хозяином.

— Я давно примечал, что Хамид нехорошо заглядывается на моего шурина. Однажды я послал Сайфи на работу раньше, а сам почему-то задержался и запозда. Вхожу в ворота и слышу: в мастерской кто-то плачет умоляет кого-то. Очень удивленный, открываю дверь вижу, что этот безбожник Хамид пристает к Сайфу хочет овладеть им. Когда дверь отворилась, он испугался, отпустил мальчика и смотрит на меня. Я слова не мог выговорить от гнева. Этот дикий кабан пошел было прочно я сказал: «Так вот чем ты отплатил мне за то, что я двадцать лет работал на тебя и твоего отца?!» С ним ничего не ответил и ушел. В то утро ни вы, ни Карим Артыкбаем почему-то не пришли на работу. Вот этот кабан воспользовался случаем и пристал к Сайфу. После этого я ушел из его мастерской и стал строить свою. Вот что произошло между нами.

Уста Фарфи был возмущен поведением хозяина:

— О, проклятье его отцу! Так вот что он наделал оказывается! Зверь он... И это еще не самая подлая его проделка! — сказал он и, понизив голос, добавил: — Он — злодей, он проделывает такие дела, что уму не постижимо, а мы ничего и не знаем.

Атабек, прислушивавшийся к рассказу уста Алим спросил:

— Это какой же Хамид? Не черный ли такой с лицом, побитым оспой? Пойдите! Я, кажется, только что видел, как он вышел из калитки вашего соседа.

Уста Алим удивленно взглянул на Атабека:

— Это он, он! А откуда вы знаете его?

— Мне однажды пришлось с ним говорить.

— Тогда вы, наверное, насладились его вонючей речью? — сказал уста Алим.

Атабек только усмехнулся. В это время вошел Сайф с каким-то узлом. Поздоровавшись с уста Фарфи, он сказал Атабеку:

— Вчера мы вас ждали-ждали и плод наш оставил

Сайфи был очень взволнован и, видно, порывался рассказать что-то.

— Сегодня ночью около бани убили человека! — сказал он.

— Какого человека?

— Кого именно, я не знаю.

Уста Фарфи сказал:

— Я знаю. Когда я шел к вам, курбаши со своими людьми подымали на арбу тело убитого. Убитый — сын Салима-шарбатдора, бедняга Камильбек.

— Мир праху его! — молвил уста Алим. — А убийца пойман?

— Где там!.. Самого убитого еле нашли ночью, — сказал уста Фарфи.

Атабек выслушал эту новость довольно равнодушно и уже собирался встать и совершить прощальную молитву, но уста Алим спросил:

— А кого подозревают?

— Не знаю, кого подозревают, но удивительно, что смерть этого бедняги случилась именно в эту ночь, — сказал уста Фарфи. — Вчера вечером должна была справляться свадьба Камильбека с дочерью Мирзакарима-кутидора. Бедняга часа за два до бракосочетания взял с собой одного приятеля, пошел в баню и пропал. И человек, который с ним был, тоже исчез неизвестно куда. В доме невесты все было готово к торжеству, собрались гости, пришли родители Камильбека, пришел казий, который должен был совершить обряд. Вдруг прибегает тот человек, что сопровождал Камильбека, у него спрашивают, где жених, а он сам справляется о нем и говорит, что тот исчез из бани.

Ну конечно праздник расстроился, и все бросились искать жениха. Наконец уже около полуночи нашли его, окровавленного, под навесом около бани, рядом с отхожим местом. Очевидно, когда бедняга выходил оправиться, его ударили ножом прямо в сердце, так что он даже крикнуть не успел. Тело убитого засунули под навес в стойло. Удивительный случай! Никто не может понять, кто его убил и за что, — сказал уста Фарфи.

Атабек впал в странное оцепенение. Он не знал, радоваться ли этому известию, хотя смерть соперника возвращала ему утерянную было надежду, но почему-то сильное беспокойство охватило его.

Взволнованный происшествием, уста Алим повторял:
— Ах, бедняга, бедняга! Но ведь, наверное, был у него какой-то враг?

— Конечно был,— сказал уста Фарфи и посмотрел на Атабека. Под этим взглядом Атабек сидел ни жив ни мертв. Уста Фарфи продолжал:

— Разные люди есть на свете... есть такие, что плюют на жизнь человека, не думают о том, что их ждет на том свете.— И он опять поглядел на Атабека.

Атабек готов был провалиться сквозь землю от этих взглядов. Уста Алим заметил, что Фарфи глядит на Атабека, и, думая, что мастер знает что-то, но не решается сказать при Атабеке, не доверяет ему, сказал:

— Говорите, уста Фарфи, не стесняйтесь, это свой человек.

— А что я должен говорить?

— Что вы знаете о врагах Камильбека?

— Разве я сказал, что знаю что-нибудь? — усмехнулся уста Фарфи. — Ишь, как он хитро выпытывает...

Атабек почувствовал некоторое облегчение.

— Уста Алим подумал, что вы поглядываете на меня, потому что стесняетесь при мне рассказать, что знаете.

— Признайтесь, вы что-то знаете, но боитесь говорить при Шакирбеке,— сказал и уста Алим.

— Бросьте выдумывать напраслину,— отнекивался Фарфи.

— Это не напраслина, — сказал уста Алим.— Так знайте: Шакирбек не из тех людей, что вы подозреваете, поэтому говорите без стеснения.

— Да бог с вами! — смеялся уста Фарфи.— И какое вообще нам с вами до всего этого дело, уста?

— Если вы не хотите говорить, не надо было и намекать! А раз уж соскочило слово с языка, так извольте все говорить, хоть нам и нет дела до этого! — настаивал уста Алим.

Атабек сгорал от нетерпения. Он даже позабыл, что собирался немедленно отправиться в дорогу,— ведь ему, больше чем кому-либо, было интересно и важно узнать, кто убил его соперника.

Уста Фарфи понял, что ему не отделаться, и выразительно посмотрел на Сайфи.

— Братец, ты еще молод, тебе нельзя довериться, ты можешь проговориться. Поэтому, хоть ты и обидишься

на меня, все-таки лучше пойдя, побудь немного в мастерской,— сказал он.

Уста Алим велел шурина нарезать для плова морковь. Когда юноша ушел, Фарфи сказал тихонько:

— Если мои подозрения правильны, убийца Камильбека не кто иной, как Хамид.

Эти слова удивили Атабека и уста Алима.

— Хамид, говорите вы?— переспросил уста Алим.

— Хамид! — повторил уста Фарфи. — Вы ведь знаете, что Умарбек был близким другом Хамида?

— Еще бы, они всегда были вместе...

— Так вот,— сказал уста Фарфи,— с этим самым Умарбеком у них недавно, видимо, произошла размолвка, и на днях я слышал от Умарбека об одном страшном преступлении, которое совершил Хамид. Хотя я и не был свидетелем убийства Камильбека, но именно потому, что я знаю одну тайну Хамида, я уверен, что это он убил Камиля... Помните три года назад здесь был арестован один молодой человек из Ташкента, по имени Атабек, который женился на дочери Мирзакарима-кутидора, его арестовали вместе с тестем? Их присудили к смерти, а потом они были спасены прямо из-под виселицы... Вы, наверное, помните: мы еще тогда собрались в лавке Сарыбая и пили чай?..

— Помню, помню! — сказал уста Алим и спросил Атабека:— Может быть, вы знаете его? Это сын известного в Ташкенте Юсуфбека-хаджи.

— Знаю! — сказал Атабек, дивясь тому, что говорят о нем самом, что рассказ, начатый так издавека, коснулся теперь его самого.

Уста Фарфи продолжал вполголоса:

— Девушка, на которой женился этот человек, очень красива, и наш Хамид тоже был в нее влюблен. Когда Атабек женился на ней, Хамид, взбешенный, захотел убрать с дороги и Атабека и Мирзакарима, донес на них какую-то небылицу, оклеветал их и добился, что их осудили на смерть.— Тут Атабек даже охнул.— Однако бог не допустил свершиться неправому делу, и они были спасены от виселицы благодаря какому-то письму. Когда их оправдали, Хамида хотели арестовать, но он с помощью курбаши бежал в Коканд. Там он не успокоился, подал жалобу Мусульманкулу, обвиняя Утаббая-кушбеги во взяточничестве. Вы, наверное, сами помните? —

обратился рассказчик к уста Алиму.— Хамид месяца три скрывался где-то, пока его тут разыскивал курбаши.

Уста Алим кивнул головой:

— Помню, продолжайте!

Атабек не верил своим ушам, слушая эту страшную правду, и изо всех сил сдерживался, чтобы не выдать себя.

Уста Фарфи продолжал совсем тихо:

— По жалобе Хамида Атабек с Утаббаем были вызваны в Коканд, но после допроса совсем оправданы. А Хамид, проболтавшись где-то три месяца, снова, с помощью того же курбаши, вернулся в Маргелан. Но и тут он не утихомирился. Он искал случая сделать еще какую-то подлость и заполучить дочь кутидора. Случай такой подвернулся опять этому дикому кабану. Он придумал новую пакость. Узнав о том, что Атабек вторично женился в Ташкенте, Хамид написал от его имени разводное письмо и передал его в дом Мирзакарима.

Как ни старался сдерживать себя Атабек, тут он не смог подавить своего злнения и невольно вскочил с места.

— Подлец! Дикий кабан! — вскричал он.

Уста Алим поддержал его:

— Безбожник, злодей! — сказал он тоже.

Волнение Атабека вызвало какое-то смутное подозрение у Фарфи, но увидев, что и уста Алим присоединился к нему, он тотчас успокоился. Когда Атабек, опомнившись, снова сел на свое место, Фарфи продолжал:

— Что предпринял Атабек после этого ложного письма о разводе, не знаю. Но вскоре прошел слух, что дочь Мирзакарима получила развод. Выждав три месяца, Хамид засылает сватов в дом кутидора. Однако Мирзакарим-ака выпроводил сватов Хамида ни с чем. Через некоторое время дочь его была просватана за Камильбека, но свадьба была почему-то отложена на год и вот только вчера, наконец, должна была состояться. Но Камильбек был убит вечером в бане. Вот на основании всего, что я вам рассказал, я и думаю, что убийца Камильбека — Хамид и никто другой.

Уста Алим согласился:

— Я тоже не сомневаюсь в этом. Безусловно, это Хамид!—И, как бы рассуждая сам с собой, заговорил:— Где же совесть у человека? У самого две жены, а он по-

кушается на законную жену другого. Знает, что не может ее получить по закону, так проливает кровь безвинных людей. Нет, это не человек, это шайтан!

— Собака! — сказал уста Фарфи. — Видит кусок на чужой крыше, сам не ест и другим не дает... подлинно собака!

Атабек теперь узнал злодея, который был виновником всех его бед. Он должен был скрыть охвативший его гнев и всю ненависть к подлому врагу, чтобы не выдать себя. И все же чувства, кипевшие в нем, отразились на его лице, глаза его горели, он поминутно менялся в лице...

— Я удивляюсь, — сказал после некоторого молчания уста Фарфи, — как же мы с вами до сих пор не догадывались, что это за человек?

— Удивляться тут нечему! — возразил ему уста Алим. — Вы работаете у него сравнительно недавно. А я, хоть и проработал у него в доме почти двадцать лет, никогда не мог понять, что у него на душе. Хамид всегда казался мне страшным, как бездонная черная яма! — Подумав, он как бы спохватился. — Хотя голова в этом деле, конечно, Хамид, но у него должны быть и пособники... помните, в мастерскую к нему несколько раз заходил какой-то человек с выпученными глазами?..

— Он и теперь с ним в близких отношениях. Это Садык — ваш сосед.

— Вот тебе на! Ну конечно же, этот малый и его мать — пособники Хамида в этих делах, потому что последнее время он что-то повадился ходить к моим соседям. Садык и его мать еле перебивались, жили только тем, что каждый год продавали мне куски своего участка. А вот уж год, как они вдруг ожили, словно воды напились. Садык даже женился недавно. Я полагал, что парень, наконец, выбрался на дорогу. А теперь понимаю, что и женил-то Садыка, наверное, тот же Хамид! — сказал уста Алим и обратился к Атабеку: — Вы, кажется, сказали, что встретили Хамида у калитки соседа?

Атабек подтвердил это кивком и вздохнул, потому что этот вопрос не мог не вызвать в его душе сожаления. Именно сейчас, когда он думал о том, как отплатить своему страшному врагу, отравившему ему жизнь, запятнавшему грязью его счастье, этот вопрос уста Алима напомнил ему о недавней встрече с Хамидом, и он проклинал свою судьбу, которая не дала ему возможности

тут же отомстить ему. Но ведь он тогда еще не подозревал, что перед ним его злейший враг. Теперь Атабек знал, что жизнь его и сейчас в опасности, и то, что ждет его, может быть еще страшнее, чем то, что было.

Уста Алим принялся готовить плов, как вдруг увидел, что Атабек собирается в дорогу.

— Погодите, бек, если уж вы просидели с нами столько времени, потерпите еще немного, зато отправитесь в дорогу, покушав плова. Вот я уже и морковь заложил в казан,— сказал он.

Но Атабек ответил:

— Благодарю вас, уста, мне надо спешить. Я должен догнать отправленный утром товар, иначе нельзя.

— Я обижусь, если вы уедете, не отведав моего плова. Говорят: кто выдержал сорок бед, выдержит и сорок первую.

— Садитесь, садитесь, гости! — сказал и уста Фарфи.— Если в плов заложена морковь, говори, что он готов.

— Я уж столько раз ел плов в этом доме. Если торговля моя пойдет успешно, я успею еще надоесть мастеру, навещаясь к нему каждые две недели,— сказал Атабек и направился в сад, где был привязан его конь.

Уста Алим хлопотал около очага.

— Не стану вас принуждать. Но смотрите, если в дороге проголодаетесь, пеняйте на себя.

Атабек вышел в сад, почистил своего коня и стал седлать его. Между тем из-за полуразрушенной стены с соседнего двора кто-то следил за ним, высунув голову. Заметил или нет эту голову Атабек, но продолжал седлать коня, не глядя в сторону соседей. Когда он повел оседланного коня во двор, голова наблюдавшего скрылась за стеной.

Оставив коня посреди двора, Атабек взял с айвана свои хурджуны и шубу, попрощался с уста Фарфи. Сайфи вывел коня на улицу. Уста Алим проводил Атабека до самой дороги и, помогая ему сесть на коня, еще раз попенял:

— Помните, бек, что вы уезжаете, отказавшись от моего плова.

Атабек, усевшись в седло, спросил:

— Неужели вы обиделись на меня?

— Зачем обижаться? Я просто сочувствую вам — проголодаетесь в дороге.

— Я понимаю, что придется поголодать в дороге;— сказал Атабек,— но я обещал погонщикам верблюдов догнать их нынче в Коканде, и если я этого не сделаю, а буду дожидаться вашего плова, то из-за меня будут голодать пять человек, ведь я должен дать им денег на расходы.

Уста Алим отпустил поводья коня.

— Но вы обещаете еще заехать ко мне?

— Конечно,— сказал Атабек.— За эти пятнадцать дней приготовьте мне, по крайней мере, две кипы лучшего атласа, не забудьте.

— Помню, будьте спокойны!

— Счастливо оставаться! Прощай, Сайфи!

Гнедой иноходец тронулся в путь и, подстегнутый против обыкновения двумя резкими ударами нагайки, в одну минуту скрылся из глаз.

Уста Алим уже успел вернуться в дом, когда тихо открылась калитка тетушки Джаннат, и из нее вышел Садык, ведя в поводу коня. Он вскочил в седло, а стоявший за калиткой Хамид приказал:

— Гони!

И Садык погнал коня по следу Атабека.

Проводив Атабека, уста Алим присел на край айвана.

— Вот удивительный человек! — сказал он.

Уста Фарфи спросил:

— Давно вы с ним познакомились?

— Я вам, кажется, рассказывал, что в прошлом году он заблудился в городе ночью, и я пригласил его переночевать.

— Так это он и есть?

— Тот самый! С тех пор каждый раз, как он приезжает в Маргелан или же бывает здесь проездом в Андижан, он обязательно заезжает ко мне. Очень серьезный и разумный человек, но несколько странного нрава.

— Чем же он странный?

— Необычный,— сказал уста Алим.— Вот вчера, например, он ушел побродить по городу, обещал вернуться к обеду. Я приготовил плов к назначенному времени, жду его, жду, а он, думаете, пришел? Вернулся только сегодня, перед вашим приходом. Спрашиваю его, где он был, а он говорит, что провел ночь на мазаре Ходжа-Маоз. Глаза ввалились, после бессонной ночи... Удивительный человек!..

— Хороший человек, — сказал уста Фарфи.

Когда они кончали есть плов, над городом со всех сторон послышались призывы к праздничной молитве — была пятница. Поэтому пить чай не пришлось. Уста Фарфи заторопился в мечеть и вышел немного раньше уста Алима. Выйдя из калитки, он встретился с Хамидом, который сделал вид, что идет из своего дома.

— Ха, уста Фарфи, откуда? — спросил Хамид.

— Был у уста Алима.

— Угостились на славу?

— Хорошо угостились, — сказал, улыбаясь, уста Фарфи. — Уста Алим построил себе мастерскую, вот я и приходил к нему помолиться, чтоб она не покосилась.

— Вот как! — сказал Хамид.

Они пошли рядом.

— Значит, уста Алим построил себе мастерскую, говорите?

— Построил мастерскую.

— И не отпраздновал во славу святого, как же так?

— Зимой собирается отпраздновать.

Беседа не клеилась.

— Небось, плов готовили?

— Конечно.

— И другие гости были? — спросил Хамид.

— Был еще гость, один ташкентский купец, — сказал Фарфи. Тут он вспомнил, что Атабек знает Хамида.

Они подходили к мечети. Хамид хотел еще что-то спросить, но уста Фарфи заторопился и ушел вперед.

ПО СЛЕДАМ СОПЕРНИКА

Месяц чуть выглядывал из-за облаков. Улицы безлюдны, тихи, будто водой залиты. Весь народ в мечети на последней вечерней молитве.

Неизвестный, остановившийся у калитки уста Алима, казалось, рад был воспользоваться этой темнотой и тишиной. Затаившись под застрехой, в тени, он некоторое время ждал, потом осторожно приоткрыл калитку, вошел, постоял немного за калиткой и так же тихо закрыл ее за собой.

Лунный луч наискось пересекал коридор. Неизвестный тихо, еле ступая, миновал его и выглянул во двор. На айване в нише горела свеча. Сайфи готовил постели.

Неизвестный затаился в тени и следил за мальчиком.

Постелив постель, Сайфи взял дастархан и блюдо, стоявшее на краю айвана, и прошел в комнату. Незнакомец, словно только этого и ждал, осторожно проскользнул в сад.

Сад с голыми деревьями, с которых опали уже все листья, был укрыт темнотой, и неизвестного, оставившегося прямо под луной у полуразрушенной стены, теперь легко было узнать. Это был человек, ставший жертвой коварства и жестокости и теперь отважившийся на последнюю борьбу.

Стоя под стеной у разрушенного строения, Атабек с напряженным вниманием прислушивался к тому, что происходило во дворе тетушки Джаннат. Там кололи дрова, подкладывали их в огонь, слышались голоса женщин. Осторожно шагая, Атабек прошелся вдоль стены: он искал лазейки, где бы можно было пробраться во двор соседей. В середине стены оказался пролом, и он, пригнувшись, хотел уже перелезть через него, как вдруг послышались шаги, и ему пришлось лечь на землю. Шаги стихли. Он услышал голос уста Алима, догадался, что тот вернулся из мечети, и, боясь, как бы, мастер не вышел в сад, остался лежать на земле неподвижно.

Время шло медленно. Он ждал, считая удары своего сердца. Пронзительный осенний ветер забивался в грудь, вызывал кашель, и Атабек, лежа на спине, прижимал платок ко рту и смотрел в небо, словно ждал помощи оттуда.

Прошло, наверное, больше часа. Прокричали первые петухи, и в соседском дворе раздались шаги нескольких человек. Атабек приподнялся и прислушался. Невнятный говор, потом скрип дверей, и голоса стихли. Прижимаясь к стене, Атабек встал. Через пролом ему виден был айван на противоположной стороне двора и огонь, горевший в очаге. Из дома довольно явственно доносились голоса людей. Осторожно, чтоб не обрушить полуразвалившуюся стену, он взобрался на нее и легко спустился в развалины старого строения. Крыша его провисла и частью провалилась, поэтому расстояние сверху донизу было невелико. Он тихонько сделал несколько шагов, прибли-

зился к обвалившемуся окошку и выглянул во двор. В доме напротив все ставни были закрыты, но сквозь щели пробивался свет, и был слышен неясный разговор. Потом голоса стали громче, из дома вышла женщина с блюдом в руках и стала из казана выкладывать на блюдо какое-то кушанье. Атабек глубоко вздохнул и отодвинулся от окошка. Когда женщина с наполненным блюдом вошла в дом, Атабек вынул из ножен спрятанный под одеждой кинжал, проверил лезвие при лунном свете, отвел руку с кинжалом за спину и снова стал ждать. Женщина опять вышла и стала разливать шургу в чашки, относила их в дом и вновь возвращалась к очагу. Наконец она закончила свое дело, вошла в дом и закрыла за собой дверь.

Атабек вышел на середину двора к тутовому дереву и оглянулся вокруг, — не видно ли кого-нибудь. Успокоившись, что никого нет на дворе, он тихо подкрался к окошку дома и присел на корточки. В нос ему ударил запах вина и шурпы. Теперь он мог не только слышать, что говорят в доме, но и как жуют. Громко чавкая, кто-то сказал:

— Мне уже хватит, Садык, наливай Мутал-палвану! Атабек узнал этот голос.

— Что же вы меня угощаете, а тетюшку Джаннат забыли? Следует и ей поднести.

— Нашей старухе только подноси — она все выпьет.

— Когда меня угощают, я пью, ких, ких... Хоть я и женщина, но десять Мутал-палванов обгоню...

Эти слова вызвали громкий смех. Пиршество продолжалось.

— Вот это вы должны выпить, Хамид-ака!

— Нет, братец Садык, я уж и так готов... Вино очень крепкое.

— Не отстану, пока не выпьете. Пейте!

— Отдай Мутал-палвану.

— Так вы не будете пить? И за здоровье Кумюш не выпьете?

Атабек невольно вскочил. Послышался смех тетюшки Джаннат:

— Хи-хи-хи...

— Если б ты не помянул это нежное имя, я бы не стал пить, ей-богу. Но здоровье и благополучие Кумюш мне дороже всего.

бросил меня и сбежал. Ну, вот Хатам-тюря подходит к воротам со двора и спрашивает: «Кто тут?» Я говорю быстро: «Это я, я, скорей откройте!» И, представьте себе, он открыл ворота. Я — раз! — ворвался во двор, хватаю его за руку, тащу за собой. Бедняжка, он меня узнал и понял, что дело плохо. Я ему кинжал к горлу, говорю: «Хочешь живым остаться?» У него язык вспух, бормочет: «Хочу, хочу!» «Так вот, — говорю я, — ты тут спокойно спишь рядом со своим сыном, а из-за него один бедняга страдает, о сырую землю бьется... Ну-ка, показывай, где он, твой сын!» Хатам-тюря задрожал весь, ноги подкосились, так я его сам довел до айвана и заставил сына показать. Только поднял я мальчишку, стал его полусонного одевать, вдруг завопила его мать. Схватил я нож и к ней: «Перестань визжать, глупая ослица!.. Я твоего сына не на смерть веду, выпьет там пиалу чаю и назад придет!» Короче говоря, то страхом, то уговорами добыл я мальчишку и отвел его к Джанкельды. На мое счастье в ту ночь ни один миршаб нам не встретился. Ну, Садык-братишка, что ты на это скажешь? Думаешь, прирезал, как телят, одного-двух, так уж и стал человеком?.. Эх, ты!.. Уф, разговорился я, даже хмель прошел! Ну-ка, налей еще!

Хамид:

— Вы молодец, Мутал-палван! Я потому и позвал вас, знал, что вы на все способны...

Мутал:

— Тогда все! Поручите мне это дело.

Хамид:

— Садык прав, я не хочу лезть через ворота. Там часто шляются миршабы.

Мутал:

— Можно с заднего двора пробраться.

Хамид:

— А чей там двор рядом с кутидором?

Джаннат:

— Там участок этого... как его?.. — чтоб он пропал! —
Маликбая.

Хамид:

— Очень хорошо. А лестница достанет до крыши?

Джаннат вздохнула:

— Ких... высоко очень!

Мутал:

— Так мы пробьем стену снизу — и все!

Хамид:

— А сумеем?

Мутал:

— Пробить стену — пустяковое дело, лишь бы взять верное направление.

Хамид:

— Можно ли пробить стену за час-два?

Мутал:

— А там что, пустой участок?

Джаннат:

— Пустой участок, кх...

Мутал:

— И людей нет поблизости?

Джаннат:

— Никого нет.

Мутал:

— Хорошо. В таком случае укажите мне направление, и я завтра же начну подкоп.

— Молодец, палван! — сказали Хамид и Садык.

Тут Атабек поднялся и пошел к калитке. Он уже протянул руку, чтоб снять цепь, но, подумав, вернулся обратно, через разрушенную стену пробрался в сад уста Алима, прошел мимо айвана, где спали мастер и Сайфи, убедился, что они мирно спят, на цыпочках прошел к выходу, отпер калитку и вышел на улицу.

Читатель уже знает из рассказа самого Садыка, что он, выполняя приказ Хамида, проводил Атабека за Кокандские ворота и ехал за ним следом, пока тот не присоединился к каравану. Атабек видел, что за ним следят, поэтому уже после того, как Садык отстал, он еще проехал один перегон, потом свернул на другую дорогу и вернулся в Маргелан через Ташлакские ворота.

Вместо того чтобы, выслушав страшный рассказ уста Фарфи о злодействе Хамида, отправиться в дом тестя и рассказать ему все, он сделал вид, что поспешно уезжает из Маргелана, и это было правильное решение. Остаться в Маргелане, на глазах у Хамида после убийства Камильбека было все равно, что вырыть самому себе могилу, и не только вырыть себе могилу, но и поставить под удар свою честь, принять всенародный позор как убийца, потому что Хамид не остановил-

ся бы перед клеветой и, конечно, сумел бы доказать свое обвинение. Атабек понимал эту опасность и, желая предотвратить ее, с такой поспешностью покинул Маргелан. Он видел, что за ним следят, он знал это заранее, потому что заметил голову над дувалом, следившую за ним, когда он седлал коня, а также тень человека, стоявшего за соседней калиткой, когда он прощался с уста Алимом.

Остановившись на втором перегоне от Маргелана, он все же решил вернуться в Маргелан, пренебrecь опасностью, даже рискуя жизнью. Он не мог допустить, чтобы Хамид остался победителем в этом деле, и тайно вернулся в город. В сумерки, между предзакатной и вечерней молитвой, он въехал в Маргелан, остановился в караван-сараяе, где жил в первый свой приезд, и решил разузнать планы Хамида. Так как Атабек был уверен, что притоном, где замышлялись все дурные дела Хамида, был дом соседей уста Алима, он отправился прямо туда.

Что было дальше, читатель уже знает.

Выйдя на улицу, Атабек прислушался к громкому говору во дворе Садыка и не торопясь отправился в караван-сарай.

Он радовался своей сегодняшней удаче и, так как теперь ему известен был срок, когда предстояло сойтись грудь с грудью со своими врагами, думал только о том, что будет в понедельник. Ему предстояла встреча не с одним врагом, а сразу с тремя. Он подумал даже: не нанять ли людей в помощь себе, не оповестить ли полицию, не предупредить ли кутидора,— и вовсе не из-за трусости. Но потом отказался от этой мысли. Нет, он не возьмет никого с собой, не будет сообщать властям, не предупредит кутидора. Схватиться насмерть одному с соперником перед домом своей возлюбленной, уничтожить врага или погибнуть самому представлялось его воображению более заманчивым. Входя в караван-сарай, он думал: «А если погибну — вот сладкая смерть!»

Хотя и прошлую ночь он провел без сна в Ходжа-Маоз, он долго не мог уснуть и теперь, обдумывая все, что узнал в этот день. Засыпая, он воображал себя то лежащим в крови, то обнимающим свою Кумюш.

НОЧЬЮ В ПОНЕДЕЛЬНИК

Ночь была так темна, как будто хотела скрыть во тьме предстоящую встречу Атабека с Хамидом. И так же темно было — для кого из них пробьет в эту ночь последний час.

На улицах уже не было видно никого, не слышно шагов. Но все же Атабек внимательно всматривался в подворотни, в проломы дувалов, глядел на крыши домов, и только уверившись, что никого нет вокруг, осторожно пошел по узкому переулку. На середине его он вдруг оглянулся, не потому, что заметил что-либо, а чтобы проверить, не следят ли за ним. Дойдя до участка Маликбая, он опять оглянулся вокруг, постоял, подумал и стал через пролом в дувале осматривать участок. Калитка была не заперта, но он не вошел в нее, а взобрался на дувал. Хотя было довольно темно, но так как на участке не росло ни одного дерева, то легко было удостовериться, что там никого нет. Атабек спустился с дувала на землю.

Участок Маликбая занимал около двух танапов земли, с юга он отгорожен был задней стеной дома кутидора, с двух других сторон к нему примыкали чужие строения. Летом здесь, видно, был огород, всюду тянулись грядки, а между ними—довольно глубокие арыки. Земля от дождей размокла, идти было трудно, каждый раз, когда Атабек переставлял ноги, на них налипали тяжелые комья грязи. С трудом перебрался он на южную сторону участка. В задней стене дома кутидора темнел пролом величиной с циновку. Так как вчерашней ночью Атабек уже был здесь и видел подкоп, он не стал осматривать его. Но пройти мимо он не мог равнодушно. Там, за проломом в стене, была комната Кумюш; память бека хранила сладкие воспоминания о счастливых часах, проведенных в этой комнате. И сейчас там была Кумюш — единственная его опора в жизни. Атабек так смотрел на этот дом, словно прощался со своим ангелом. Потом он достал из кармана приготовленное письмо, задумчиво разглядел бумагу и снова спрятал ее. Еще раз взглянув на дом, он отошел от места, где был подкоп, шагов на пятнадцать, к яме, образовавшейся, очевидно, оттого, что здесь брали глину для заливки крыши. Еще

вчера Атабек облюбовал эту яму, чтобы укрыться до времени. Он спустился в нее и прилег, положив голову на руку. Яма была совсем близко от дома, под который велся подкоп, но тень от строений и темнота ночи делали ее надежным убежищем.

Настала полночь. Те, что улеглись рано в постели, успели уже увидеть первые сны.

Наконец открылась калитка, и в нее, один за другим, вошли два человека. Увидев их, Атабек вынул из ножен свой кинжал и приник к земле. Две тени приблизились к пролому в стене дома. Это были Садык и Мутал.

Садык спросил тихо:

— Много еще копать?

— Самая малость осталась, я прорылся уже на аршин вглубь.

Мутал говорил почти во весь голос, и Садык оборвал его:

— Потише, ты!

Снимая кирку с плеча, Мутал сказал:

— Трусись? погоди, я еще песню запою!

— Перестань дурачиться, Мутал-ака! Я тебе нужен здесь?

— Хочешь— будь здесь, хочешь — нет, твое дело.

И, пролезши в дыру, Мутал стал копать.

— Не ударяй тешой так сильно!— сказал Садык.

— Не учи меня, сам знаю!

Садыка, видно, беспокоила неосторожность Мутала. Он постоял, посмотрел, как он копает, потом сказал:

— Пойду постою у калитки... Когда начнешь пробивать стену, свисти.

— Ладно! А где же наш жених?

— Сторожит, наверно, на углу улицы. Когда свистнешь, его тоже позвать?

— Зови!— сказал Мутал, и комья земли с шумом посыпались из пролома.

Садык ушел на улицу.

Атабек поднял голову и тихонько пополз к Муталу. Тот усердно выбрасывал наружу разрытую землю. Вдруг кто-то обхватил его под мышками, точно тисками сжали ему горло. Мутал был силен, но Атабек сильнее. Мутал вырывался, стараясь высвободить шею, но в бок ему вонзился острый кинжал. Он еще пытался освободиться, но сильная рука все крепче сжимала его горло. После

недолгой борьбы Мутал ослабел, перестал сопротивляться, вздрогнул раза два и затих. Не отрывая глаз от калитки, Атабек поволок Мутала к яме, где прятался сам, осторожно разжал пальцы на горле врага и столкнул его вниз. Голова Мутала упала прямо в грязь, он не шевельнулся. Атабек подошел опять к дому и свистнул. Услышав ответный свист от калитки, он скрылся в проломе.

Подошел Садык и, стоя поодаль, спросил тихо:

— Проломил?

— Проломил. Иди сюда!

Садык приблизился к пролому и наклонился, чтобы пролезть в него. Но едва он наклонился, чья-то рука схватила его за горло, и кинжал вонзился в живот. Садык успел взмахнуть рукой, в которой был кинжал, но ударить ему не пришлось. Атабек выскочил из пролома и всем телом навалился на Садыка. Левая рука его сжимала горло Садыка, правая рука с кинжалом вцепилась в руку Садыка, тоже державшую кинжал. Садык хрипел, но не бросал кинжала. Тут Атабек почувствовал боль в руке. А от калитки уже шел Хамид. Нельзя было терять ни минуты. Атабек освободил руку Садыка и всадил кинжал ему в грудь. Слабеющей рукой Садык пытался ударить его в спину, но кинжал выпал у него из рук.

— Ты так предан своему Хамиду-ака, Садык, даже душу свою отдал за него,— сказал Атабек, все еще сжимая горло врага.

Садык застонал.

— Кто тут хрипит?— спросил, приближаясь, Хамид.

— Скорее, Хамид-ака! Тут Атабека убили!— сказал бек.

— Что?..— вскричал, подбегая, Хамид.

Оставив Садыка, Атабек схватил за руки Хамида.

— Мутал подох. И Садык умирает. Остались лишь мы с вами — двое.

Хамид старался вырваться, но Атабек сказал ему серьезно:

— Погодите, Хамидбай, сейчас я отпущу вас, только скажу вам два слова!

Хамид продолжал рваться.

— Не трудитесь, Хамидбай!

— Если ты не трус, отпусти мою руку!

— Не торопись, сейчас отпущу!— сказал Атабек.

В эту минуту Садык, лежавший у их ног, попытался подняться. Атабек оттащил Хамида в сторону. Хамид упирался, но шел за ним. Показывая на дыру в стене дома, Атабек сказал:

— Там, за стеной, спит существо, доставившее вам столько хлопот, заставившее истратить столько золота и, наконец, приведшее вас сюда. Если не принимать во внимание поддельного письма о разводе, которое вы написали, эта женщина — моя законная жена, из-за которой я два года скитаюсь, как бесприютный. Это из-за нее между вами и мной смертельная борьба. До сих пор удача была на вашей стороне: вы привели меня на виселицу, передали в руки Мусульманкула, а когда из этого ничего не вышло, вы с помощью поддельного письма разлучили меня с моей женой да еще убили ни в чем неповинного человека. Вы вступили на путь разбоя и вот погубили еще двух преданных вам слуг, с которыми мне пришлось здесь драться насмерть. Сейчас вы ответите мне за все! Как смели вы посягнуть на чужую жизнь, на чужое счастье?!

— Моя воля!— сказал Хамид. Он рванулся изо всех сил, высвободил руку с кинжалом и тут же упал навзничь, потому что в то же мгновение Атабек распорол ему живот. Хамид лежал на земле, а Атабек, стоя над ним, спросил с усмешкой:

— Ваша воля?..

Собрав последние силы, Хамид пробормотал:

— Моя... воля...— и швырнул в Атабека ножом.

Нож упал к ногам бека.

Он уже спешил прочь от этого побоища и шел к калитке, когда услышал предсмертный хрип Садыка. С отворачиванием покинул Атабек это страшное место.

ПРИЗНАНИЕ

Назавтра весь Маргелан дивился тому, что произошло на участке Маликбая.

— Известно, что Мутал с Садыком из тех, кто проламывают крыши, весь город знает, что они воры и разбойники, они, конечно, могли проникнуть в дом кутидора, чтобы украсть что-нибудь... Но, странное дело, при чем тут Хамид, один из самых больших богачей в городе?.. Ну, ладно, допустим, и Хамид был вор, но тогда кто же

их убил? Что касается кутидора, то он узнал обо всем только утром, как проснулся... Удивительное происшествие!— толковали люди.

Когда солнце поднялось уже довольно высоко и настал час обеда, Атабек вышел из ворот караван-сарая. Он слегка хромал, левая рука у него была перевязана, и он прижимал ее к груди. Ночью во время схватки с Хамидом, тот кинжалом рассек ему руку до кости между большим и указательным пальцами.

Неподалеку от караван-сарая ему встретился Рахмат, волей-неволей пришлось остановиться, поздороваться.

— В добром ли здоровье, мулла Рахмат?

Торопливо поздоровавшись, Рахмат спросил:

— Когда вы приехали, Атабек?

— Два дня назад... Что с вами, вы так взволнованы?

Рахмат вздохнул:

— Ах, Атабек, я и врагу не пожелаю того, что свалилось на мою голову!

Атабек сделал вид, что удивлен.

— А что случилось? Дома у вас все ли здоровы?

— Да где там! Совсем недавно умер мой отец, а сегодня еще несчастье — дядю Хамида зарезали!

Атабек раскрыл глаза:

— Где? Кто? И рана опасна?

— Лежит без сознания, только хрипит. Хотели было ему зашить живот, но лекарь говорит, что ничего не поможет.

— А он назвал убийцу?

— Если б он мог говорить, наверное назвал бы, но он без сознания. Вместе с ним нашли еще двоих убитых. Я уж думаю, не они ли и его убили?

— Ну, может быть, аллах пошлет ему исцеление!

Они расстались.

Свернув в переулок к уста Алиму, Атабек увидел у калитки Садыка людей, готовивших гроб для похорон, и ему стало не по себе. Входя в калитку уста Алима, он слышал плач тетушки Джаннат и других женщин.

Уста Алим готовился совершить омовение, чтобы отправиться на похороны соседа. При виде Шакирбека, которого он всего три дня назад проводил в Ташкент, мастер очень удивился.

— Пожалуйте, пожалуйста, Шакирбек!.. Как же так, ведь вы отправились в Ташкент?..

— А я уже вернулся...

Мастер понял, что гость шутит, и, совершив омовение, принялся рассказывать о необыкновенном происшествии:

— Раз вы не уезжали из Маргелана, вы, наверное, уже слышали, Шакирбек: известно нам с вами Хамида и моего соседа Садыка и еще одного человека по имени Мутал кто-то убил возле дома Мирзакарима-кутидора. Возмездие свершилось!

— Я слышал об этом,— сказал Атабек и улыбнулся.

Мастер не заметил его улыбки и спросил:

— Как вы думаете, кто же мог их убить?

— А вы сами что думаете?

— Я считаю, что убил их, наверное, зять Мирзакарима, Атабек,— сказал уста Алим,— и хорошо сделал... Я преклоняюсь перед ним за его смелость. Мне рассказывали о том, как он говорил с Утаббаем-кушбеги, и я восхищался им. Молодец!

Атабек смутился. Утершись после омовения, уста Алим протянул руку поздороваться с Атабеком и увидел, что рука у гостя перевязана.

— Что с вашей рукой, Шакирбек?

— Ножом задел...

— И сильно поранили?

— Не очень.

Уста Алим сел рядом с Атабеком и спросил:

— Как же так вышло, что вы не уехали в Ташкент? Помешал кто-нибудь?

— Помешали...

— Кто же?

— Кто помешал?..— сказал Атабек с улыбкой.— Знаете, уста Алим, я совершил большой грех перед вами... По дороге я так стал жалеть об этом, что вернулся, чтобы покаяться перед вами... Простите мне мой грех, и я тотчас уеду в Ташкент!

Мастер с удивлением глядел на Атабека.

— Вы шутите, бек?

— Я не шучу. Обещайте простить меня, и я сейчас же во всем признаюсь!

Уста Алим улыбнулся:

— Ну что ж, признавайтесь!

— Сначала обещайте, что простите меня.

— По-моему, вы ничем не провинились передо мной. Но если на вашей совести есть неизвестный мне грех, я готов простить его.

— Благодарю вас!— сказал Атабек, а потом спросил:— Кто я, по-вашему?

— Вы? Вы — Шакирбек.

Улыбаясь смущенно, Атабек сказал:

— Вот это и есть мой грех перед вами, что вы знали меня до сих пор как Шакирбека.

— А кто же вы?

— Прощаете мне этот грех?

— Я уже сказал...

— Я не Шакирбек, за кого вы меня принимали. Я сын ташкентского хаджи Юсуфбека и зять маргеланского купца Мирзакарима-кутидора — Атабек!

Уста Алим отступил назад в изумлении и даже прослезился.

— Так это вы?— сказал он и, подойдя к Атабеку, обнял его.

Не понимая, что происходит, Сайфи, оставив работу, выглядывал из мастерской. Уста Алим, обняв и расцеловав Атабека, принялся хлопотать, расстилая одеяла на айване.

— Что вы хотите делать, уста?— спросил Атабек.

— Я хочу устроить поудобнее моего нового гостя!— с улыбкой сказал мастер.

— На вашем айване я сидел уже много раз, и всегда мне тут было уютно, зачем же еще лишние церемонии?

— Это верно. Но до сих пор здесь сидел некий Шакирбек, а сегодня я хочу приветствовать нового гостя... Пожалуйста, Атабек, присаживайтесь!..

Атабек посмеялся остроумию уста Алима, взошел на айван и сел на одеяла. В это время за стеной опять слышался плач и голос тетушки Джаннат: «Дитя мое, мученик мой!» Атабек виновато посмотрел на мастера. Уста Алим понял его и сказал:

— Вы правы, Атабек! Должно быть возмездие за дурные дела... С вами были еще люди?

— Нет!

Уста Алим долго смотрел на Атабека, словно не веря, потом сказал:

— Вы были один против трех?

— Я был один... Значит, сам бог помог мне покарать дурных людей.

Уста Алим был совсем поражен.

— Боже! Ну и смелый же вы человек, Атабек! И неужели даже не ранены?

— Нет. Вот только рука. Но это пустяки!

— Слава богу, Атабек! А тесть ваш знал об этом?

— Нет! До сих пор об этом деле знали только я и бог! Вы — третий, кто знает мою тайну.

— Боже великий!— воскликнул уста Алим.— И вы, наверное, впервые от уста Фарфи узнали о том, что ваш соперник — Хамид?

— Да, только тогда я узнал обо всем,— сказал Атабек,— только благодаря знакомству с вами я смог узнать все. Как мне благодарить вас?

— Что вы, Атабек! Когда я думаю о вашем героизме, у меня сердце готово выскочить из груди! А как вы узнали о том, что готовится похищение?

Атабек засмеялся.

— Благодарение богу, все раскрылось совсем неожиданно. Рассказать вам все с самого начала или только о том, как Хамид задумал подкоп?

— Рассказывайте все-все, Атабек!— поспешно сказал уста Алим и велел Сайфи готовить морковь для плова.

Видя, что уста Алим готовится слушать его рассказ, Атабек сказал:

— Но вы, кажется, забыли, куда собирались идти?

— Нет, не забыл. Но я думаю, что лучше послушать хорошего человека, чем хоронить плохого. Рассказывайте!

Атабек стал рассказывать другу все, начиная с первого своего приезда в Маргелан. Рассказ обо всех его приключениях за три года затянулся на целый час и закончился, когда Сайфи уже принес на блюде готовый плов.

Уста Алим похлопал Атабека по плечу:

— У вас отважное сердце, друг мой! С таким сердцем вы всегда сумеете отплатить за обиду. И я не сержусь на вас, что вы скрыли от меня свое настоящее имя. Я только огорчен, что в пятницу ночью, когда вы следили за врагами из моего сада, вы не предупредили меня, как друга. Не дай бог, случилась бы какая беда...

После плова уста Алим прочел такую молитву:

— Да уничтожит аллах всех ваших недругов, да пошлет вам счастье с вашей возлюбленной женой!

Атабек поблагодарил его. После чая Атабек достал из кармана два письма и сказал:

— Если это не затруднит вас, я хочу вас попросить об одной услуге, уста!

— Приказывайте!

Отдавая мастеру письма, Атабек сказал:

— В ближайший час я должен выехать в Ташкент. Я прошу вас доставить эти письма в дом кутидора, моего тестя, и передать их из рук в руки.

Уста Алим не понял его намерения:

— Почему же вы хотите уехать?! Лучше бы вы сами...

— Нет, сам я не могу сейчас... это трудно для обеих сторон. Сейчас я должен уехать. Поймите меня!

— Я понял,— сказал уста Алим.— Вы хотите вернуться, когда все здесь успокоится и прекратятся всякие толки?

— Может быть...— отвечал Атабек и добавил: — Одно письмо моему тестю, другое — ей...

— Ладно, передам.

— Так как я пишу тестю коротко, вы расскажете ему все, как было, как я вам рассказывал. А когда переговорите с кутидором, то перед уходом передайте другое письмо — для нее. Хорошо?

— Хорошо.

— Я был бы вам очень признателен, если бы вы потом мне написали о вашем посещении моего тестя, кутидора.

— Охотно напишу.

После этого они обнялись и распрощались до будущей встречи.

Когда Атабек вышел из калитки, он увидел, как люди расходились с похорон Садыка.

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ ПАЛАЧ

Когда кутидор, которого миршабы увели в канцелярию для допроса по поводу ночного происшествия, появился наконец во дворе своего дома, Офтоб-аим и Кумюш, томившиеся в ожидании и полные всяких опасений, сразу ожили. Кумюш, как на крыльях, полетела навстречу отцу и, лаская его, поглаживая по бороде, спрашивала:

— Вас не обвинили там, батюшка?

— Нет, дочка.

Услышав это, Офтоб-аим сразу же отдала Тойбеке семь тенег, которые она пообещала святому ходже Бахауддину, и послала ее к ишану, а потом стала расспрашивать мужа:

— Вас ни в чем не обвиняли?

— Слава богу, я оправдался!— сказал кутидор.— Да и в самом деле, в чем мог я быть виноват, когда даже не знал ничего до того, как проснулся сегодня утром? К тому же, хотя разбойники и сделали подкоп в наш дом, но дыра так мала, что я не мог бы пролезть в нее. Но даже если бы я и мог пролезть, то и тогда меня нельзя ни в чем обвинить, потому что эти люди подкапывались под мой дом явно со злым умыслом против моего имущества и наших жизней. Даже если бы меня и заподозрили в убийстве, то все равно я был бы невиновен, оказалось бы, что я убил воров, защищая свое добро и свою жизнь! Но, слава аллаху, все это страшное дело не принесло нам вреда, возблагодарим его за это!— сказал кутидор, входя на айван и усаживаясь на своем месте.— Что, бабушка твоя не пришла?— спросил он Кумюш.

— Она совсем расхворалась,— сказала Офтоб-аим.— А вы не узнали, кто убил их, этих разбойников?

Кутидор пожал плечами.

— Ну что ты говоришь! Весь город дивится этому и не знает, кто бы мог это сделать. Даже мудрецы, которые способны волос на сорок частей разделить, и те пока ничего не придумали... Я же думаю, что между теми, кто позарился на наше добро, произошла под конец поножовщина, и они зарезали друг друга.

Кумюш не согласилась с отцом.

— Ваша догадка не похожа на правду, отец,— сказала она.

— Почему ты думаешь?

— Потому что если б они устроили драку и поножовщину между собой, то мы бы, наверное, услышали...

— А что делал с ними Хамид, ведь он человек богатый?— удивлялась Офтоб-аим.

Кумюш украдкой взглянула на мать.

— Хамид был дурной человек,— сказал кутидор.—

Может быть и богатство его нажито воровством и разбоем, кто знает...

— Слава богу: он покарал дурных людей!— сказала Кумюш.— Что бы со мной случилось, если бы они влезли через пролом в мою комнату?! Я умерла бы от ужаса! И вы лишились бы вашей дочери... Но как же я крепко и безмятежно спала, что даже не услышала, когда они пробивали дыру у моего изголовья!

Офтоб-аим только качала головой.

— Да уж, в самом деле чудеса!— говорила она.

Кутидор сказал:

— За всем этим кроется какая-то тайна, которую аллах еще не открыл нам. Вокруг нашего дома происходят кровавые дела: в день, когда мы собирались справлять свадьбу Кумюш, убили Камильбека. Вчера позади нашего дома уже не один, а трое оказались убитыми... Дай бог, чтобы на этом все кончилось!

— Бог милостив, все кончится хорошо, батюшка!— сказала Кумюш.— Бог покарал тех, кто покусился на наш дом, это добрый знак!

— Ты права, дочь моя!— сказал кутидор.

Голосом звонким, как колокольчик, Кумюш продолжала:

— Кто бы ни был человек, который смешал их с землей, покарал за их злой умысел против нас, это доброжелательный убийца... пусть наградит его бог!..

— Бог уже покарал тех, кто замышлял злое против нас, он наградит и того, кто заступился за нас!— сказал кутидор.

Так как Кумюш сказала, что она не может больше оставаться в той комнате, под которую велся подкоп, то Офтоб-аим велела Тойбеке перенести все вещи оттуда в другую комнату, и женщины занялись переселением. Кутидор же целый день принимал друзей и знакомых, приходивших его проведать и выразить ему сочувствие.

...Только после вечерней молитвы кутидор освободился от гостей и прошел в ичкари, как вдруг явилась Тойбека, которая убирала в михманхане.

— Вас зовет какой-то человек!

— Кто он, ты узнала?

— Нет, не узнала.

Кутидор нехотя вышел во двор и холодно поздоровался с ожидавшим его неизвестным.

— Чем могу служить?

Уста Алим — это был он — улыбаясь посмотрел на кутидора и сказал:

— Простите, что зашел к вам без приглашения.

— В этом еще нет греха, почтенный,— сказал кутидор.

Они сели.

— Поздравляю вас с благополучным избавлением от злых разбойников!

— Благодарение создателю! — сказал кутидор. Так как в михманхане становилось уже темно, он крикнул Тойбеке через окно: «Принеси свечу!»

Ожидая, пока будет принесена свеча, уста Алим сидел, опустив голову, и молчал. Кутидор поглядывал на незнакомца и думал про себя: «Какое у него может быть дело ко мне?» Наконец свеча была принесена и поставлена в нише. Уста Алим поднял голову и, глядя на кутидора, заговорил:

— Вы, конечно, недоумеваете, глядя на меня. Но больше, чем мое появление здесь, вас удивит это письмо,— и, достав из-за пазухи два письма, он подал одно из них кутидору.

Взглянув на адрес, кутидор, как и предположил уста Алим, сильно удивился, вскрыл письмо и стал читать. Дочитав до конца, он окаменел, пораженный ужасом. Если бы рядом не было уста Алима, он, верно, долго не мог бы опомниться.

— Злодей, замысливший зло против вас, получил по заслугам за свои преступления, брат мой Атабек рассчитался с ним сполна! — сказал уста Алим.— Благодаря ему ваша семья спасена от гоня и теперь находится накануне счастливых событий. Прочтя это письмо, вы не должны ужасаться, а должны радоваться и благодарить бога за то, что враг ваш уничтожен.

Кутидор пришел в себя, глубоко вздохнул и спросил с волнением:

— Значит, это Хамид донес на меня и Атабека, довел нас до виселицы?

— Хамид.

— И письмо о разводе писал не Атабек?

— И письмо написал тот же злодей Хамид! Атабек ничего не знал об этом письме.

Тогда кутидор вскочил, побежал в ичкари и еще со

двора закричал Офтоб-айм и Кумюш, сидевшим у сандала:

— Тайна раскрылась!!

Обе поднялись, смотря во все глаза на кутидора и разом спросили:

— Какая тайна? Что случилось?

Кутидор, стоя, громко прочитал письмо, которое было у него в руках:

«Нашему уважаемому тестю!

Наконец-то, после двух лет скитаний и мучений, я достиг цели—втоптал в прах дикого кабана, носившего имя Хамида, и его достойных пособников. Это он посадил нас с вами в темницу и привел к виселице, а когда ничего не вышло из этого его изуверского плана, он написал от моего имени поддельное письмо вам о разводе с вашей дочерью, добился моего изгнания и зверски убил другого жениха, ни в чем неповинного человека. Кровавая схватка, происшедшая прошлой ночью возле вашего дома, наверное, доставила вам и вашим домашним много беспокойства. Но что делать, пришлось столкнуться с людьми, замыслившими против вас злое дело, и я вынужден был сразиться с ними. Я надеюсь, что вы простите мне это! Не думаю, чтобы это причинило вам какой-нибудь вред, кроме беспокойства да разных толков среди людей. С просьбой простить мне все мои вины остаюсь изгнанный вами ваш зять Атабек, сын Юсуфбека-хаджи».

Но кутидор не произнес вслух слова «изгнанный вами». Письмо произвело на Офтоб-айм, и особенно на Кумюш, такое же впечатление, как сначала на самого кутидора. Невозможно описать, что делалось в душе Кумюш в эти минуты! Она глядела перед собой и вся дрожала. Наконец чувства ее вылились в горячих слезах.

А кутидор все повторял:

— Все, все: и темница, и виселица, и разводное письмо, и разлука с зятем, и злодейский подкоп, чтобы похитить Кумюш,— все дело рук этого подлого Хамида! А разоблачил и уничтожил его с его пособниками Атабек!

Офтоб-айм сказала дрожащим голосом:

— Бессовестный Хамид!

Кумюш воскликнула:

— Бедный мой бек!

Больше ничего они не могли сказать от волнения и замолчали.

— А сам-то он цел, здоров? — с трепетом спросила Кумюш.

— Судя по письму, невредим, — сказал кутидор.

Офтоб-аим спросила:

— А где же он сам? Кто принес письмо?

Этот вопрос напомнил кутидору об уста Алиме, который терпеливо сидел в михманхане. Ничего не ответив жене, он скорее пошел туда. Когда он опять присел возле уста Алима, Офтоб-аим и Кумюш подошли к окошку, чтобы услышать человека, принесшего письмо.

Кутидор извинился перед мастером:

— Простите, пожалуйста, под впечатлением известий, которые вы нам принесли, я чуть не позабыл про вас...

— Это понятно, — улыбнулся уста Алим. — Этот злодей Хамид чуть не погубил всю вашу семью. Но у Атабека львиное сердце, и он разбил все дьявольские козни, а это не каждому под силу.

— Когда Атабек сражался с разбойниками, кто был с ним?

Уста Алим засмеялся.

— Он был один!

— Один против трех? — не поверил кутидор.

— Да, он был один, отважный...

— Боже великий! Почему же он не дал мне знать?

— Он не хотел, он даже мне ничего не сказал. Когда я укорял его за это, он сказал: «Я решил один бороться со своим врагом: или сам отдать жизнь, или отнять ее у него. Поэтому я никого не позвал на помощь».

Кутидор и ужасался и дивился отваге Атабека.

— А сам-то он не ранен?

— Ранен в руку, но не опасно.

Хотя кутидор не настаивал, уста Алим счел необходимым рассказать ему все, начиная с той минуты, как Атабек был прогнан кутидором от ворот своего дома, как он много раз приезжал в Маргелан, как останавливался у него, уста Алима, как, хотя они и подружались, он скрыл свое настоящее имя, как в прошлую пятницу услышал от уста Фарфи, что Хамид его враг и соперник, и как сегодня, наконец, открылся ему во всем.

— Но если письмо о разводе было поддельное, поче-

му же он не пришел сам объясниться ко мне? — сказал кутидор.

— Да ведь вы, по его словам, не захотели с ним говорить и прогнали его от ворот! — объяснил уста Алим.— Он и подумал тогда, что ваше согласие на вторую свадьбу было лишь хитрой уловкой, что вы сами захотели развести его с дочерью. Вот он и не мог переступить ваш порог. Он думал вызвать жену к казию, но, желая избежать встречи с вами, отказался и от этой мысли. Решил отречься от любимой жены, раз она была вашей дочерью!

Кутидор все-таки не мог понять поведения зятя.

— Допустим, он был на меня в обиде, но ведь можно было прислать посредника?

— И так можно было сделать,— улыбнулся уста.— Я тоже говорил ему об этом, но он сказал: «Если кутидор мне самому не поверил, как же стал бы он слушать чужого человека?» Таков уж характер у вашего зятя... Об его необычайном характере свидетельствует хотя бы то, что даже его родители до сих пор ни о чем не подозревают.

— Станный, необыкновенный человек! — сказал кутидор.— Конечно, я был не прав с ним.

— Воля судьбы, почтенный, мы не вольны противостоять ей.

— Да, не вольны...—сказал кутидор.—А он сейчас находится у вас?

— Нынче в полдень уехал в Ташкент.

Кутидор изумился.

— Но почему же? Почему?

— Признаться, я сам не понимаю, почему!

— Но он сказал, когда вернется, назначил срок?

— Я спрашивал его, но он мне не ответил,— сказал уста Алим и вынул второе письмо.— Вот это письмо он передал для вашей дочери. А теперь разрешите мне уйти.— И, проведя ладонями по лицу, уста Алим поднялся.

— Я и не угостил вас ничем, забыл про дастархан. Оставайтесь, посидите еще!

— Спасибо, но мне пора. В другой раз, в более подходящий час... Угощение за вами! — сказал с улыбкой уста Алим.

Кутидор проводил его до самой улицы.

А Кумюш слушала под окошком все, что они говорили, и заливалась слезами.

Возвращаясь вместе с Кумюш в ичкари, Офтоб-аим говорила:

— Помнишь ту курносую старуху, которая помогала Хамиду в его коварных замыслах? Так вот, теперь беда пала на ее голову: один из убитых — ее сын!

— Ах, какая мне польза, что он умер? — возразила Кумюш.

Офтоб-аим удивилась:

— Ты не видишь пользы во всем, что случилось?

— Чему же радоваться, раз бек уехал в Ташкент?

— Ну что ж что уехал, приедет опять!

— Не приедет, — сказала сквозь слезы Кумюш. — Видно, он хотел только отомстить врагу.

— Кто тебе сказал?

— Я поняла так из слов того, кто принес письмо.

Офтоб-аим засмеялась.

— Не бросит тебя теперь муж твой, не бойся, дочка! — сказала она. — Атабек жизнью своей рисковал, чтобы отвести от тебя беду, разве он может позабыть тебя? Ты сначала возьми у отца письмо, которое бек прислал тебе.

Кумюш широко раскрыла красные от слез глаза.

— Разве он написал мне?

— А ты не видела, как тот человек передал отцу письмо для тебя?

— Не видела, — сказала Кумюш. И правда, услышав, что Атабек не сказал, когда вернется, она так огорчилась, что и не заметила, как было передано письмо.

Для Кумюш, которая за два года никак не могла забыть своего любимого, получить хотя бы письмо от него, раз уж она не могла ни видеть его, ни говорить с ним, было величайшей радостью. Когда отец, проводив уста Алима, показался в дверях, сердце ее так забилося, как будто ей предстояло встретиться с самим Атабеком. Кутидор вошел, присел к сандалу и протянул письмо Кумюш, которая смотрела на него так, будто хотела сказать: «Да скорее же давайте мне этот драгоценный подарок!»

— Вот письмо тебе!

Кумюш не спросила, от кого письмо, и не сделала вид, что смущается, — не до того ей было сейчас, она мгновенно

но раскрыла письмо и склонилась над ним у свечи, горевшей в нише. Заплаканные глаза, слипшиеся от слез длинные ресницы, нахмуренные черные брови — все говорило о том, как она взволнована. Откинув прядь волос, мешавшую ей, она читала:

«Луноликой жене моей, чернобровой возлюбленной моей, госпоже Кумюш! В вашем сердце сейчас, наверное, уже не пылает огонь ненависти ко мне, который загорелся от подложного письма, написанного от моего имени мастером на дьявольские выдумки Хамидом. Вероятно, вы уже больше не думаете того, что написали мне в ответ на это поддельное письмо. Рука моя пишет эти строки, а сердце, полное любви к вам, дрожит, как лист, от одного предположения, что, может быть, вы давно забыли меня, и я не в силах выразить моего страдания... Буду откровенен с вами, прекрасная моя подруга: может быть, сейчас вы в тоске и печали оплакиваете Камильбека, и это мое письмо, жалобу забытого сердца, вы уже не сможете прочитать, и оно сгорит в огне вашего пылающего от горя сердца?..

Впрочем, мне все равно, будете ли вы читать мое письмо или сожжете его на огне вашего страдания. Вы скажете: почему? Да потому, что вы — моя законная жена, и я готов доказать это.

Простите меня за ту кровавую битву, которую я затеял позади вашего дома. Я был не волен в этом кровопролитии: это было нужно для вас, чтобы сохранить вашу честь и даже жизнь. Я знаю, что вы будете благодарить меня за это доброе дело. Но не меня надо благодарить!

В ту ночь, когда я сразился с первым врагом и убил его, я сразу ослабел и понял, что не устою перед вторым, что отдам жизнь свою за вас — и это было б блаженство! Умереть, спасая вас, — какая сладостная мечта! И вот, чтобы умереть совсем близко от вас, я проник в отверстие, проломленное врагами у вашего изголовья. Я вдыхал ваш аромат, слышал ваше нежное и чистое дыхание во сне... И тут — о великий боже! — я почувствовал в себе такую силу, что мог противостоять не одному, а сотне врагов... Я хорошо понимал, кто дал мне эту силу — ангел, спавший в доме, влил ее в меня — вы!»

Дочитав до этого места, Кумюш покраснела и не могла читать дальше. Потом продолжала.

«После этого я прикончил второго врага тут же, не вылезая из пролома. А главный виновник всех наших бед Хамид стал игрушкой в моих руках, я тешился им, как мышонком, и расправился с ним шутя.

Помните ли вы, как спасли меня от виселицы и подарили мне жизнь когда-то? В эту ночь вы второй раз спасли меня от смерти, опять вернули меня к жизни. Поэтому я должен вас благодарить, а не вы меня! У меня есть только одна обида, и не на вас, а на вашего отца: как мог он не увидеть, что письмо поддельное, что оно написано не моей рукой? Я думаю, что это письмо вам даже не показали, от ваших глаз не укрылась бы подделка. Но что делать? Мы были игрушкой судьбы. Я тоже был неправ: я так был расстроен вашим ответом на это подложное письмо, что даже не проверил, кто передал его. Я сам способствовал тому, что мы оба стали жертвой Хамида.

Некоторые обстоятельства помешали мне увидеться с вами. В первый раз в жизни я не позволил себе следовать желаниям моего сердца. Но теперь черная колючка, прицепившаяся к нам, вырвана прочь. Вы навсегда моя! Я в Ташкенте, но образ ваш всегда перед моими глазами. Да и разве может быть иначе?

Ваш муж Атабек».

Кумюш прочитала письмо до конца и сразу выбежала из комнаты. Мирзакарим и Офтоб-аим удивленно переглядывались между собой. Но Кумюш сейчас же вернулась, неся в руке другое письмо, и, приблизившись к свече, сличила оба. Второе письмо было то, что написал Хамид,—о разводе. С первого же взгляда ясно было, что оба письма написаны разными людьми.

Держа письма рядом, Кумюш показала их отцу.

— Смотрите, отец! Боже, как мы были безрассудно доверчивы!

Кутидор тоже сразу увидел несходство почерков.

— Вот подлец! — сказал он.

Кумюш сложила письмо Атабека и опустила его в карман, а поддельное сожгла на свече. Потом она спросила отца:

— А после того письма зять ваш приходил к вам?

— Приходил, дочка.

— Почему же вы прогнали беднягу? Почему вы не сказали об этом ни мне, ни моей матери?

— Я понял его приход по-своему и не хотел говорить вам.

— И вам не показалось удивительным, что человек, отрекшийся от вашей дочери, приехал к вам в дом так издалека — из Ташкента?

Кутидор, смущенный и подавленный, сказал:

— Когда нападает гнев, разум покидает человека, дочь моя!

Мирзакарим и Офтоб-аим дивились долго дьявольским козням Хамида и восхищались смелостью Атабека. «Дай бог ему удачи в жизни! Пошли ему бог долгой жизни!» — говорили они. Но мысли Кумюш были заняты другим. Когда родители заговорили о неожиданном отъезде Атабека и Офтоб-аим спросила: «Он не написал тебе, когда приедет?», Кумюш посмотрела на нее с укором и сказала резко:

— Нет, не написал!

Муж с женой многозначительно переглянулись, и в комнате воцарилось молчание. Кумюш смотрела на родителей, и в ее взгляде был немой вопрос.

Наконец кутидор сказал:

— Приедет — хорошо. А не приедет — мы сами поедем в Ташкент! — и он посмотрел на жену.

Слова кутидора не понравились Офтоб-аим, она отвернулась. Но Кумюш, благодарная отцу за его слова, недовольно смотрела на мать.

— Где бы ни жила твоя дочь, не все ли равно, была бы только жива-здоровая, — сказал жене кутидор. — Кажется, лучше всего отвезти ее к мужу, а нам спокойно посылать ей наши благословения.

— Вашей дочери теперь только не хватает еще соперницы! — вскочила Офтоб-аим.

Кутидор улыбнулся.

— Что значит соперница, если муж хорош?

— Муж будь хоть тысячу раз хорош, а соперница есть соперница! Недаром старые люди ее так и называли — «соперница»!

Кутидор посмотрел на дочь, улыбнулся и попытался утешить жену:

— Не бойся, не на веки же вечные!

— А я и на один день не хочу! Жить с соперницей в одном доме — разве это жизнь?

— А ты забыла, что сделал для нас зять, его отвагу?

— Зачем забывать? — сказала Офтоб-аим. — Пусть приезжает. Я готова принять его, как сына. Пусть будет у меня не одно дитя, а двое. А отправлять дочь к сопернице — нет, против этого я буду бороться и зубами, и ногтями!

— Даже если на несколько дней?

— На сколько дней?

— Я хотел сказать, что я готов, чтобы она там пожила подольше, обзавелась бы детьми. Но раз ты на это не согласна, пусть поедет хоть на месяц-другой. Ведь стыдно нам: человек два года мучился, скитался из-за твоей дочери, а ты не хочешь, чтобы она хоть год пожила у него в доме!

Когда кутидор сказал «обзавелась бы детьми», Кумюш покраснела и потупилась. Офтоб-аим после этих слов тоже стала сдаваться.

— Хорошо, но больше, чем на месяц, я не согласна! И то лишь ради зятя! — сказала она.

— Вот теперь наконец ты взялась за ум, жена!

— За ум взялась или нет, а таково мое условие! И я сама поеду с ней!

— Конечно, ты должна ехать. Надо, наконец, и со сватами познакомиться.

— Когда же вы намерены отправиться? — спросила Офтоб-аим.

Кутидор подумал немного, поглядел на Кумюш и сказал:

— Спешить нам вслед за Атабеком — не очень прилично. К тому же в зимнюю пору путешествовать в арбе не так удобно. Переждем зиму и месяца через три отправимся.

Заметив, что Кумюш, услышавшая о таком длительном сроке, нахмурилась, он добавил:

— А может быть, он и сам приедет раньше?

1

КОНЕЦ МУСУЛЬМАНКУЛА

М

естокость Мусульманкула, произвол и насилие над народом перешли всякие границы. Деспотизм его меньше ощущался в других городах, но в столице — Коканде — люди были доведены до крайности. По прихоти правителя налоги теперь объявлялись даже не каждый месяц, а каждую неделю, с народа тянули последнюю рубашку. Постоянные казни беков-карачапанов, виселица за малейший промах приводили в смятение даже верхушку ханства. Худояр-хан, бывший ханом лишь по названию, понимал, что пока власть принадлежит Мусульманкулу, который казнит и милует по своему усмотрению, пока правитель не будет устранен, сам хан — только кукла, марионетка в его руках. Худояр давно уже таил в своем сердце злобу против Мусульманкула и жажду мести, но не видел пути к спасению. Лучшие из кокандских беков, которые могли бы стать ему опорой, были казнены или убиты Мусульманкулом и его людьми, а другие и пикнуть не смели против него. Беки ближайших городов и окрестных кишлаков в большинстве своем были тоже из кипчаков, приверженцев Мусульманкула, и от них нечего было ожидать поддержки.

Можно сказать, что почти все слои городского населения испытывали на себе тяжесть правления Мусульманкула; довольны им были разве только улемы —

высшее духовенство. Именно на них да на кипчаках и держалась его власть. Когда ему надо было уничтожить кого-нибудь из своих противников, он брал разрешение от улемов. А чтобы вознаградить улемов за их услуги, он строил медресе в Коканде и Андижане и назначал в них угодных ему людей. Но были и такие улемы, которым не удалось стать приближенными Мусульманкула и пользоваться его милостями.

Худояр-хан, жаждавший избавиться от регентства Мусульманкула и править самостоятельно, решил опереться в борьбе против своего всемогущего тестя на этих обиженных им улемов. В предвкушении щедрых наград и назначений на видные должности, которые должны были последовать после падения Мусульманкула, кокандское духовенство — из числа тех, кто не был обласкан им, — пришло в движение.

И в то время, как сторонники Мусульманкула доказывали, что его политика отвечает требованиям шариата, другие улемы стремились показать, что многие действия правителя противны шариату, несообразны с ним, незаконны.

Сначала все это делалось втайне, как говорится, «в рукаве», но сам Худояр стоял во главе движения. Он разослал надежным улемам и бекам Ташкента, Андижана, Маргелана и других городов тайные послания, прося оказать ему помощь, чтобы избавиться от Мусульманкула. В этих посланиях перечислялись его незаконные действия, недозволенные шариатом, говорилось о его жестокости и тяжких притеснениях, которые терпели от него жители Коканда и которые хан не может допустить дальше; говорилось также, что, если улемы и беки городов придут ему на помощь, хан готов выступить против изверга Мусульманкула. Началась агитация и среди некипчакских частей кокандского войска.

Ответы из Андижана, Маргелана, Намангана были осторожны и ограничивались 'лишь обещаниями: «Если хан находит это дело разумным, мы готовы помочь». Но из Ташкента от Юсуфбека-хаджи и его друзей было получено послание, содержащее в себе и практические советы.

Вот что говорилось в этом послании:

«Ваше, высокочтимых кокандских улемов и знатных

людей, тайное послание с жалобами на кровожадность Мусульманкула и с указаниями на несообразность его действий с установлениями шариата мы получили. Мы, улемы и именитые люди Ташкента: дамла Салихбек-ахунд, мулла Юсуфбек-хаджи, из военачальников — кушбеги Касым и Нияз, курбаши Каримкул и Мухаммад Раджаб, а также Камбар-шарбатдор, собравшись вместе, беседовали и обсуждали превысившие всякие пределы насилия действия Мусульманкула, притеснения, чинимые им жителям Коканда и других городов, кишлаков и селений. Мы, собравшиеся, также признали, что дела Мусульманкула безрассудны, противны шариату, пагубны для страны и народа. В соответствии с этим, названного Мусульманкула надлежит, если повелитель мусульман сочтет необходимым, удалить от трона. Мы же, ташкентские люди, даем слово стоять твердо на стороне справедливости. Ежели вы, знатные люди Коканда, опоясались на борьбу с этим деспотом, чтобы лишить его звания мингбаши, то вот что надумали мы слабым нашим умишком: пусть Ташкент объявит себя отложившимся от Коканда. Тогда Мусульманкул должен будет повести войско на непокорный Ташкент. В это войско вы должны влить как можно больше своих людей, а также пусть вместе с ними примет участие в походе и сам хан. Когда войско достигнет Ташкента, мы нападем на воинов Мусульманкула со стороны, а вы и ваши люди схватитесь с ними изнутри, и таким путем Мусульманкул будет уничтожен. К этим соображениям мы, ташкентцы, пришли после глубоких размышлений. Полагаем, что в таком случае задуманное может быть выполнено без большого кровопролития. Да будет вам известно, что не следует опасаться нынешнего правителя Ташкента: этот человек самоотверженно заботится о спокойствии и благе народа. Он во всем послушен будет нашим советам. Если аллаху будет угодно и наши соображения будут приняты вами во внимание, мы хотели бы знать, как решит хан, и просим его снизить к нам и написать нам от своего славного имени, чтобы мы с уверенностью приступили к исполнению задуманного».

Как только это послание попало в руки Худояр-хана, он тотчас же послал в ответ благодарственную грамоту, в которой одобрил намеченные действия.

Получив одобрение хана, знатные люди Ташкента, перечисленные выше, пригласили на свое совещание ташкентского правителя Нармухаммада-кушбеги и передали ему обращение хана и улемов. Так как на совещании присутствовали Юсуфбек-хаджи и Салихбек-ахунд, которых правитель Ташкента почитал своими наставниками, то Нармухаммад-кушбеги дал свое согласие — для мира и спокойствия народа и благоденствия страны поддержать восстание против Мусульманкула. Из этого можно было заключить, что даже Нармухаммад-кушбеги, обласканный Мусульманкулом, считал политику своего покровителя и благодетеля противной интересам страны.

Вскоре Нармухаммад-кушбеги объявил, что Ташкент более не подчиняется Коканду, выходит из повиновения ханскому правительству и создает свое самостоятельное правление. Эта мера, намеченная Юсуфбеком-хаджи, немедленно привела к желаемым результатам. У Мусульманкула волосы встали дыбом от ярости, и он немедленно стал готовиться к походу на Ташкент, чтобы покарать мятежников. Худояр, тоже старавшийся казаться разгневаным, отправился в поход вместе с Мусульманкулом. Но в пути он все время тайно сносился с Ташкентом, посылал туда письма и военные сведения.

Когда Мусульманкул со своим войском дошел до реки Чирчик, ташкентские воины, во главе с Нармухаммадом-кушбеги, уже ожидали его на противоположном берегу. Около полудня оба войска выступили друг против друга. Не давая передохнуть противнику, ташкентские воины открыли ружейный огонь. Внезапно часть воинов Мусульманкула бросилась на своих, другие стали перебегать к ташкентцам. Те же, что были верны Мусульманкулу, пришли в замешательство, не зная, что делать: защищать Мусульманкула или бежать. Мусульманкул, видя, что ташкентцы и кокандцы, как стая скворцов, набросились на него и что ему не устоять против них, едва спас свою шкуру, один на коне выбравшись из схватки и ускакав прочь.

Тогда к воинам-кипчакам глашатай обратился с таким призывом: «Братья кипчаки! Мы воюем только против Мусульманкула. Вы же, как служили хану, так и будете служить ему. Если есть среди вас сторонники

Мусульманкула, пусть они покинут войско и уйдут с миром».

Со стороны кипчаков выступил свой глашатай, объявивший:

— Долой Мусульманкула! Наш повелитель — Худояр-хан!

После этого кипчаки смешались с карачапанами и приветствовали друг друга, словно вместе с Мусульманкулом исчезла всякая вражда между ними. Десятки тысяч народа присягнули на верность Худояр-хану, теперь уже полнсправному государю. Жители Ташкента с великими почестями встретили хана и кокандское войско, и три дня в городе шел пир горой. В эти три дня только и разговоров было, что о пользе дружбы и мира и о вреде раздорсв. По совету кушбеги Нармухаммада и муллы Юсуфбека-хаджи, вместо низвергнутого Мусульманкула на пост мингбаши был назначен Утаббай, бывший правитель Маргелана. И Худояр-хан со своим войском и с ловым мингбаши на четвертый день вернулись в Коканд.

* * *

Приближался конец зимы. После свержения Мусульманкула прошло дней двадцать. В доме Мухаммада Раджаба курбаши собрались гости, и три раза уже приходили посланцы за Юсуфбеком-хаджи звать его на пир. Скрения сердце, Юсуфбек должен был пойти.

Тут собралось человек пятнадцать именитых горэжан, начиная с Мухаммада Нияза-кушбеги, Касымингбаша, Камбара-шарбатдора, Каримкула-пансада. Гостям было подано обильное угощение — фрукты и сласти, шурпа, плов и прочее. За едой Нияз-кушбегич открыл собравшимся цель этого сборища и повел такую речь:

— Братья мои, старшие и младшие! Теперь мы уверились, что если мы, люди одного племени, будем дружно держаться друг за друга, будем как одно тело и одна душа, не так уж трудно нам избавиться от засилья кипчаков. Подумайте, в каком положении были мы месяц назад? Беспощадный меч Мусульманкула был приставлен к нашему горлу. Благодаря разумным ме-

рам, предложенным нашим хаджи,— да пошлет бог ему долгой жизни, да будет ему много радости от детей его!— и благодаря крепкому единению наших родичей мы избавились от Мусульманкула. Но разве, избавившись от этой беды, мы избавлены полностью от наших недругов? Вы спросите: почему? Да потому, что и теперь все равно — если не белая, так черная собака лизет наши чашки и ложки. Мы ведь не избавились от кипчаков. Не Мусульманкул, так какой-нибудь Алимкул сядет нам на шею! — Тут кушбеги остановился передохнуть и, взяв с дастархана горсточку очищенного миндаля, продолжал: — Чтобы угодить Нармухаммаду, мы согласились, чтоб Утаббай был назначен мингбаши, хотя в нашей воле было решить по-другому. Это была наша ошибка. С того самого дня я не могу с этим примириться! Неужели у нас перевелись достойные люди, которые могли бы стать мингбаши вместо этой собаки Мусульманкула? Братья, железо куют, пока горячо. До каких пор будем мы терпеть рядом с собой кипчаков?! Лучше уж разом уничтожить эту нашу беду и обрести покой. Мы посоветовались здесь с нашими единоплеменниками и пришли к такому решению. Не сомневаемся, что и наш хаджи одобрит это решение. Хан тоже не пойдет против нас. Наши единоплеменники в Коканде, Маргелане, Андижане, Оше и в других городах тоже, наверное, поддержат нас в этом деле. Потому что кипчаки всем стали поперек горла! — сказал кушбеги и, вытряхнув из табакерки на ладонь табак, бросил шепоть под язык.

Во время этой речи Юсуфбек-хаджи, машинально покачивая пиалу в руке, упорно молчал, находясь в тяжелом раздумье. Когда Нияз-кушбеги кончил, все как один обратились к Юсуфбеку-хаджи и смотрели на него в ожидании. Так как хаджи сидел, не говоря ни слова, Камбар-шарбатдор тоненьким голосом поддержал кушбеги:

— Правильно сказал кушбеги. Перед нами два пути: или истребить кипчаков, или целиком подчиниться им!

Юсуфбек-хаджи выпрямился, посмотрел на Камбар-шарбатдора, потом исподлобья оглядел всех присутствовавших, но продолжал молчать.

Каримкул-пансад, чтобы заставить хаджи прервать молчание, сказал:

— Говорят, дело, затеянное сообща, не развалится. Пусть же наш хаджи-ака откроет нам, что он думает об этом!

— Не знаю...— проговорил, наконец, хаджи.— Или я вас не понял и не понимаю ваших намерений, или же я их понял, но они мне чужды, и я могу только дивиться...

Нияз-кушбеги почесал в затылке:

— Чему дивиться, хаджи?

— Ваша цель, как сказал Камбарбек,— вырезать кипчаков, так, что ли?

Кушбеги ответил, не колеблясь:

— Вырезать всех!

— Кто же и что заставляет вас это делать?— усмехнулся хаджи.

Кушбеги оглянулся на своих друзей.

— Станный вопрос!— сказал он.— Вы должны это знать лучше нас.

— Хорошо сказано!—ответил хаджи, снимая чалму с головы.— Так вот, Мусульманкула мы должны были прогнать, и мы его прогнали. Все дурное ушло с ним, и мы стали жить в дружбе с братьями-кипчаками, старая наша вражда с ними покончена. Чего же нам надо?

Слова хаджи заставили участников собрания переглянуться с недоумением. Но кушбеги не хотел сдаваться, он сказал насмешливо:

— Вы полагаете, что Мусульманкул на этом успокоится?

— Нет, конечно, я этого не думаю. Но оттого, что Мусульманкул еще жив, подымать меч на всех кипчаков? Это не поддается моему разумению! Скажите сами, кушбеги, от кого исходило все дурное, что нам пришлось испытать: от всего племени, которое называют кипчаками, или от некоторых людей из этого племени?

— Сказать правду, мы от каждого кипчака терпим бесчестье.

— Ошибаетесь, кушбеги. Будьте справедливы, и вы найдете немногих людей, которые вносят смуту между нашими народами, сеют семена раздора между нами. Я считаю, что ради успокоения страны следовало бы подумать именно об этих людях. Как можно из-за каких-нибудь четверых мерзавцев подвергать гонению целый народ?!

— Их не четверо, как вы говорите, хаджи. Каждый кипчак норовит сесть нам на шею, сунуть нос в наш котел. Вы слишком легко смотрите на это, хаджи-ака!

Встал Касым-мингбаши.

— Все, что говорил хаджи-ака, говорилось из жалости, от доброты сердца,—сказал он.—Но ведь надо подумать и о том, сколько крови наших сородичей пролито кипчаками! Мы вот с Раджаббеком подсчитали: в одном только Коканде за два года убито семьдесят восемь беков! А уж об убитых из простого люда и говорить не приходится.

— Я не отвергаю эти факты, мингбаши. Я только хочу сказать, что нам не следует отвечать тем же, чтобы не выйти за пределы разума и справедливости...

Кто-то перебил хаджи:

— Мы сыты по горло этим разумом и справедливостью!..

Хаджи замолчал. Он видел, что все слова его пушены на ветер и собрание поддерживает Нияза-кушбеги. Хаджи хорошо понимал, что толкает кушбеги на это дело. Назначение Утаббая мингбаши Коканда было кровной обидой для Нияза. И этот клич — резать кипчаков — брошен был Ниязом из-за личной обиды: «Как может кипчак быть мингбаши, когда я могу быть им?!» Остальные участники совещания были большей частью бездельники, любители поживиться при случае легкой добычей, для которых личные выгоды были дороже интересов народа. Хаджи не могли не раздражать эти люди, и он не сдержался.

— Беки! — сказал он. — Я говорил, думая о пользе народа. Я никогда не забываю, что люди, нечистые на руку, которые заботятся лишь о своей выгоде, встречаются не только среди кипчаков, но и среди нас. И может быть даже среди кипчаков их десятки, а среди нас сотни. Ненавистный вам кипчак Нармухаммад так справедливо правит сейчас городом, что я в своей жизни впервые вижу такого достойного правителя Ташкента. Вы не можете отрицать этого! Значит, виноваты не кипчаки, а те, кто ради своей выгоды угнетает народ, точно так же, как виноваты не карачапаны, как, может быть, думают кипчаки, а только некоторые из их неразумных и жадных беков. Если вы хотите послушаться

совета уже отжившего свой век старика, откажитесь от своего замысла, братья! В противном случае считайте Юсуфбека мертвым, я не хочу участвовать в вашем злом деле! — так сказал хаджи и, не обращая внимания на просьбы и крики: «Погодите! Останьтесь!», покинул собрание.

Не успел хаджи выйти за ворота, как Нияз-кушбеги стал громко смеяться.

— Вай, что он тут наговорил, хаджи? Он, видно, нынче кукнара отведаль, и мозги у него помутились! — сказал он.

Смех старшины был сигналом, чтобы и все засмеялись, загомонили.

— Да!.. — сказал Камбар-шарбатдор. — Постарел наш хаджи, размяк, и ослабело сердце у него.

— Вай, хаджи! — сказал Нияз-кушбеги. — Он не видит пользы в настоящем, видит только беду где-то далеко в будущем.

— Вот-вот, правильно!

Мухаммад Раджаб курбаши, покачав головой, оглядел собравшихся.

— Я говорил вам, кушбеги, что хаджи можно на что угодно уговорить, но не на такое дело!

— Я и сам догадывался об этом, потому что он все не хотел прийти к нам и заставил себя так долго ждать.

— А дело-то наше расстраивается! — сказал Мухаммад Раджаб курбаши.

— Почему расстраивается? — спросил кушбеги.

— Тайна наша раскрыта. Вы думаете, что хаджи будет молчать?

— Ничего еще не раскрыто, — уверенно возразил кушбеги. — Если мы все, тут собравшиеся, родные и друзья, будем твердо держать свое слово, тайну нашу можно скрыть.

— Как же так? — спросил Камбар-шарбатдор.

— Слово наше — слово, и союз остается союзом — так?

— Да, да! — закивали все.

— Если мы едины в нашем намерении, — сказал кушбеги, — то с хаджи легко можно все исправить. Сейчас мы договоримся окончательно о нашем деле, а потом кто-нибудь из нас поедет к хаджи и скажет ему, что мы вняли

его советам, поняли, что ошиблись, и отказались от задуманного. Хаджи, конечно, поверит и не станет никому говорить об этом. А мы будем втайне готовиться. Вот и все!

— Совет хорош! Годится!

— Совет советом, а главное в том, готовы ли мы сами решиться на это дело,— сказал кушбеги.

— Готовы! Готовы!

— Ладно,— сказал хозяин.— Значит, ясно: мы все заодно. А теперь можем перейти к другим делам.

— А удастся нам уговорить на это дело хана?—спросил Касым-мингбаши.

Кушбеги засмеялся самодовольно:

— Считайте, что хан уже с нами!

Слова эти не были понятны собравшимся, они удивленно переглядывались.

— Объясните, кушбеги!

Кушбеги объяснил:

— Перед отъездом хана из Ташкента я, выбрав время, говорил с ним и намекнул ему о наших желаниях. Мысль наша, видно, пришлась хану по душе, он выслушал меня со вниманием и сказал: «Хорошо. Подумайте и напишите мне, что вы желаете предпринять, и я тоже подумаю об этом». И сдается мне, хан сна лишился, поджидая от нас вестей. Остается только обдумать, как приступить к делу, и тогда получим разрешение от хана.

— Значит, хан уже готов?— усмехнулся Камбар-шарбатдор.

— Готов, готов!

Стали обсуждать, как действовать. Каждый предлагал что-то свое, долго ломали головы, потом написали хану такое послание:

«Повелителю мусульман, Счастливейшему Хану, сыну ханов, юному Шахиншаху! Мы, ничтожнейшие из ничтожных его рабов, обращаемся к нему с челобитьем, опасаясь, как бы не было какого злого умысла против повелителя нашего от буйного племени кипчаков, и полагая, что, пока лицо земли не будет очищено от упомянутых подлых степняков, такая опасность будет постоянно угрожать Его Величеству, так же как и всем нам,

ничтожным его рабам! Побуждаемые этими опасениями, мы, ташкентские беки, ничтожные рабы Хана, в надежде долгие годы пребывать под Его благословенной десницей, собравшись вместе, пришли к мысли: если будет получено на то ваше соизволение,— без всякого снисхождения предать казни и уничтожению всех мужчин этого дикого племени от пятнадцати лет до семидесяти. По нашему разумению этот подлый народ заслужил такую кару, ибо от них, неверных, ежедневно и ежечасно грозит опасность нашему повелителю. Однако до определения срока этой кары обязуемся хранить это дело в тайне. Пусть венценосный наш Повелитель сам соизволит назначить день и час возмездия и разошлет тайный приказ по всем городам, кишлакам и селениям людям верным и твердым сердцем. Так как и в благословенной столице вашей, подобном раю Коканде, имеется множество упомянутых выше злоумышленников-кипчаков и их сторонников, мы, ваши ташкентские рабы и слуги, считаем своим долгом прийти Хану на помощь. Как только Хан соизволит известить нас о дне и часе расправы, мы, оставив здесь необходимое число наших людей, объявим, что направляемся к Хану на поклон, чтобы поздравить Его с благополучным избавлением от Мусульманкула, а сами устремимся к вам, каждый с сотней или двумя сотнями, или даже с пятьюстами воинов, и, достигнув ворот Коканда, обнажим наши мечи, чтобы расправиться с этими собачьими выродками.

Что касается нынешнего правителя Ташкента, кичака Нармухаммада, ваше слово развязало бы нам руки и избавило бы нас от излишних размышлений и сомнений.

Да соблаговолит наш Повелитель известить своих слуг, пришелся ли Ему по нраву наш замысел, плод скудного нашего разума, и, указав возможные ошибки наши, да порадует нас своими наставлениями, после чего мы крепко перепояшем чресла наши, чтобы послужить Ему! Да будет над ним благословение Аллаха!

Собравшиеся здесь, преданные слуги ваши».

И подпись.

Это послание решено было отправить хану немедленно, для чего выбрали надежного человека. Опасаясь,

как бы Юсуфбек-хаджи не помешал заговорщикам, кушбеги отправился к нему прямо с собрания. Остальные разошлись по домам.

2

СУМРАЧНАЯ ВЕСНА

Недели через две после возвращения Атабека из Маргелана он получил письмо от уста Алима. В этом письме уста Алим описывал до мельчайших подробностей свое свидание с кутидором и писал так: *«Как вы обижались на вашего тестя, пока не узнали о предательстве, так и он тоже был обижен на вас. Ему казалось, что вы насмеялись над ним и его дочерью, и он думал, что никогда не простит вам этого оскорбления. Узнав же от меня правду, он едва не лишился чувств. О том, что произошло вичкари, не могу сообщить вам точно, но догадываюсь, что и женщины впали в такое же состояние, как и ваш тесть. А тесть ваш не в силах был даже представить себе всю тяжесть перенесенного вами испытания и не находил слов, чтобы по достоинству оценить отпор, который вы дали вашим врагам. Во всяком случае вы можете не сомневаться, что теперь все обиды и недоразумения исчезли.»*

Дальше он писал: *«Ваш тесть спросил меня, где вы сейчас находитесь. Я ответил ему, что знал. Он спросил, приедете ли вы сюда, но я дал ему такой же неопределенный ответ, какой получил от вас. Но думаю мне, что если не зимой, то весной они обязательно сами приедут в Ташкент.»*

В конце письма была приписка: *«Хамид умер на другой день после вашего отъезда. Эта дикая свинья сдохла, не обмолвившись ни единым словом. А я боялся, как бы он не выдал вас. Кутидору ничего не причинили худого, так как родичи убитых никаких подозрений не могли высказать, полиция не стала расследовать это дело. Мне только кажется, что хотя никто не может знать вашей тайны, мать Садыка о чем-то догадывается. Но она тоже молчит, а когда ее спрашивают, говорит: «Пусть бог их накажет». Полагая, что от этой женщины можно ждать всего самого худшего, я сказал вашему тестю, чтобы они не допускали в дом к себе никаких чужих жен-»*

щин и не ели ничего, доставленного со стороны. С дурными людьми надо всегда быть настороже».

После этого из Маргелана около двух месяцев не было никаких вестей. Атабек жил, как в тумане, не зная, что принесет ему завтрашний день — радость или горе. Порой он оживал, окрыленный надеждой, а затем вновь впадал в мрачную задумчивость.

Порой у него возникала надежда, вдруг чудилось ему — вот не нынче-завтра войдет в ворота, откинув с лица сетку паранджи, в желтом или в черном атласном платье, войдет она и скажет...

А иной раз слышались ему такие речи:

«Значит, он ездил в Маргелан только для того, чтобы расправиться со своими врагами, а как свел счета с ними — и пропал без вести?.. Что ж, если попадетс я хорошей жених, может быть, выдать Кумюш замуж, чтобы ее жизнь не проходила в одиночестве?..»

От таких мыслей его бросало в жар, и сомнения раздирали ему душу. «Почему же целых два года я ездил туда взад и вперед, а когда добился своего, сижу тут, как дурак?! — думал он и уже готов был ехать в Маргелан. Но ехать сейчас не входило в его расчеты. — Раз я уехал, зачем теперь вернуться, что скажу? «Если верить уста Алиму, вы обещали привезти вашу дочь в Ташкент?.. Но вы не привезли ее, и вот я сам явился», — так, что ли, им скажу?..»

Так проходили дни.

Узбек-аним потихоньку радовалась: сын, который месяца не мог прожить, чтобы не съездить в Маргелан, теперь вот уж три месяца не двигается с места. Даже говорить перестал о Маргелане. Видно, последний наговор подействовал. Теперь только бы перестал спать один в михманхане, пригрелся у жены! Во всяком случае надо продолжать ворожбу! — думала она и заставляла Зайнаб ходить к муллам и колдунам.

Так как Атабек в последнее время совсем забросил свои торговые дела, Хасанали оказался без дела. Тогда, чтобы не скучать дома, он с разрешения хаджи открыл небольшую лавочку на гузаре¹. Атабек много времени

¹ *Гузар* — перекресток.

проводил за книгами в михманхане. Когда же надоедало читать, шел в лавку к Хасанали; если же и там было скучно, отправлялся куда глаза глядят, гулял по берегу Салара, бывал в Чукур-кишлаке. Правда, бывая там теперь, он не напивался, как раньше, ограничиваясь несколькими чашками бузы, и возвращался чуть под хмельком, немного забывшись от мучивших его дум, и даже Хасанали не в чем было упрекнуть его.

Однажды он ездил в Чукур-кишлак, вернулся незадолго перед часом предзакатной молитвы и остановился на гузаре у лавки Хасанали. Сегодня Атабек был хмельнее обычного, задумчиво глядел он на улицу, и ему показалось, что слишком много конных и пеших людей шло мимо, что-то необычное было в этом движении.

Хасанали несколько раз взглянул на него, потом спросил:

— Почему вы так долго не едете в Маргелан?

Этот вопрос словно сразу отрезвил Атабека.

— Не хочется...

— Если б ваш тесть согласился, лучше бы вам привезти сюда вашу жену, чем ездить туда-сюда.

— Не знаю...

Раньше ему было трудно говорить неправду, когда его спрашивали о Кумюш, хотелось рассказать все, пожаловаться, что ее разлучили с ним. Сейчас же он не смутился и не огорчился, только подумал вдруг, что, если сам он не хочет ехать, можно бы послать Хасанали в Маргелан, и пора уже найти время и рассказать ему все. Эта мысль прочно засела у него в голове, даже хмель соскочил с него. Хасанали закрыл лавку, они пошли домой, вместе поели в михманхане. За обедом он продолжал думать о том же, но ни к какому решению не пришел. «Кто знает, что там делается в Маргелане? Может быть, они опять раздумали? Стоит ли посылать человека, не узнав ничего точно?..»

* * *

Погода прояснилась. Весенние тучи, уже два дня покрывавшие небо, устав поливать землю живительным дождем, расплылись в разные стороны, и солнце с улыб-

кой ласкало лицо земли. Чирикали воробьи, вылезшие из своих гнезд, ворковали горлинки. Громко мычал облезлый теленок, бежавший за матерью, которая спешила на зов пастуха. Голубь на крыше, защищая свою самку, надувая зоб, боком-боком кружил около соперника... Казалось, весь мир был в хорошем настроении, словно после приятного сна.

Весенний день радовал и Атабека. Быстро напившись чаю, он вслед за Хасанали отправился на гузар. Сосед Хасанали, молодой человек по имени Али, лениво подымал ставни своей лавки. Увидев Атабека, он спросил:

— Вы нынче свободны?

— Свободен.

— Если свободны, не съездить ли нам на кумыс в Мингурюк? Там Тула-ака пустил своих кобыл на джайляу.

— А как же быть с лавкой?

Али поставил на место снятую было ставню.

— Э, разве на этом свете когда-нибудь все дела переделаешь? Если вы согласны идти со мной, я закрою лавку, и отправимся!

Атабек прищурился на сиявшее солнце.

— Закрывайте лавку!

Атабек недавно познакомился с Али. Это был простодушный, веселый парень открытого нрава, он так держался с беком, будто они знали друг друга много лет.

Предложение Али оказалось кстати: Атабек сам мечтал провести этот день за городом. Они купили мяса и пешком отправились в Мингурюк.

Уже само название Мингурюк говорит о том, что это был обширный сад со множеством урюковых деревьев, ряды которых тянулись от Шевли до реки Салара. За Саларом начиналась холмистая степь, покрытая как ковром молодой зеленой травой. На берегу реки стояло несколько казахских юрт. Атабек и Али вышли на берег Салара. Они отдали мясо снохе Тула-ака, чтобы она приготовила им шурпу.

Али вынес из юрты кошму и расстелил на берегу. Женщина принесла им одеяла и подушки. Атабек растянулся на кошме, отдыхая.

Солнце слегка пригревало, легкий ветерок был напоен ароматами трав. Ласточки летали низко над водой

и славил весну. Покрытые свежей зеленью степные холмы и низины скрывались вдаль в туманной дымке. Пенье птиц, стрекотанье кузнечиков звучало, как саз, и эта музыка вызывала в человеке неясные чувства, которые трудно передать словами.

Атабек любовался прекрасной картиной, открывшейся перед ним, и, подумав: «Если бы здесь была она!», глубоко вздохнул.

Али тоже был под впечатлением красоты этого весеннего дня.

— Чудесный день!— сказал он.

Атабек пожаловался на тоску, которая мешала ему наслаждаться этим днем.

— В такие дни нужно, чтобы у человека не было на душе ничего тяжелого...

— Неужели и вам есть о чем горевать?— улыбнулся Али.

— А вы думаете, нет?

— У всех есть, а у вас, мне думается, нет.

— Почему же вам так кажется?

— Да как же,— сказал с улыбкой Али,— у вас такой отец, которого все уважают и почитают, авторитет его выше, чем кушбеги, насчет богатства тоже, не скажешь, чтобы вы голодали... Две красавицы жены расчесывают свои косы для бека. Чего же вам еще не хватает?

Такой простой взгляд на человеческое счастье показался Атабеку наивным, и он усмехнулся:

— Ваша правда.

— Бога надо благодарить, бек-ака!— сказал Али и стал жаловаться, что ему едва хватает на пропитание, и он до сих пор не может жениться.

Атабек сочувственно слушал его жалобы и думал о том, что жизнь наносит свои удары каждому соответственно его положению, но не милует никого.

— Увы, так устроен мир, Али!— утешал он приятеля.

Оба помолчали.

— От маргеланской жены у вас уже, наверное, есть дети?

— Нет еще...

— Ведь вы уже несколько лет как женагы... Не живут, что ли?

— Не живут...

Али подумал, что Атабек и печалится потому, что у него нет детей.

— Не надо огорчаться из-за этого, бек, вы еще молоды.

Атабек не ответил. Принесли кумыс и деревянные раскрашенные чашки. Бек выпил чашку кумыса и, опять растянувшись на кошме, загляделся в небо. Али затянул песню:

Глаза устремлены на пыльную дорогу.
О милая, скорей приди, рассея тревогу.
Какой разбойник преградил твой путь?
О новой встрече здесь молюсь я богу.

— Что ж вы не подпеваете?

— Вы и один хорошо поете, продолжайте.

Али пропел всю газель до конца.

— Хорошо, бек-ака?

— Вы, оказывается, хороший певец!

— Раз так, выпейте-ка еще!— сказал Али, со смехом протягивая ему чашку кумыса.

Бек залпом опорожнил ее. Потом он долго смотрел в степь и вполголоса повторял строки газели:

Глаза устремлены на пыльную дорогу.
О милая, скорей приди, рассея тревогу.

— Вы слышали, бек-ака, что войско из Ташкента ушло в Коканд?

Атабек оборвал свою песню и посмотрел на Али.

— Да, слышал.

— Мой старший брат ушел с отрядом... Благополучно им вернуться!

— Разве ваш брат военный?

— Нет, он просто хороший стрелок. Но ему почему-то захотелось поехать вместе с товарищами, которые отправились в Коканд. Войны пока нет, но они, видно, поехали за благословением на это дело.

— Кто знает?— сказал бек и, подумав, добавил:— Не должно быть войны...

Кумыс допит, шурпа съедена. Пожелав казашке, складывавшей дастархан, доброго сына и дав ей тридцать грошей на сурьму, они пошли в степь собирать фиалки.

РЕЗНЯ

Часа в четыре после полудня они вошли в город через Каймасские ворота и тут же, у самых ворот, увидели три человеческих трупа с отрезанными головами. Атабек удивился. Если это были преступники, так их обычно казнили на Эски-Намазгох. Он не понимал, в чем дело, и вызвал из сторожки привратника.

— Кто это?

Привратник, узнав бека, сложил на груди руки:

— Таксыр, это кипчаки!

— За что их?

Привратник посмотрел на лежавшие рядом трупы и подошел к беку поближе:

— Таксыр сам знает... что я могу сказать беку?

— Что они сделали? Почему их казнили?

— Они кипчаки.

Атабек начинал сердиться:

— Я уже слышал, что они кипчаки, но я спрашиваю у вас, в чем дело, в чем их вина?

Привратник стоял со сложенными на груди руками и смотрел удивленно на Атабека.

— Разве таксыр ничего не знает?

— Ничего я не знаю!

— Вай, таксыр, да ведь сегодня с самого утра начали резать кипчаков, каждого встречного... Никто и не спрашивал, чем они провинились,— сказал привратник и, подойдя к убитым, объяснил:— Вон того вытащили из дома и зарезали, а этот служил вместе со мной привратником, царство ему небесное... А этого я совсем не знаю; верно, тоже был кипчак.

Атабек с ужасом взглянул на Али, тот смотрел на мертвые тела, стиснув зубы.

— Кто же убил их?— спросил, ужасаясь, Атабек.

— Прискакали воины, человек двадцать — и наши и кокандские,— стали искать кипчаков, все вверх дном перевернули, таксыр... То ли от беков, уехавших в Коканд, то ли от самого хана получен такой приказ. А мы что — мы люди подчиненные, что мы можем знать?...

Атабек начал догадываться, что происходит. Охваченный ужасом, он вместе с Али пошел дальше. Не про-

шли они и тридцати шагов, как опять увидели убитых. И дальше опять мертвое тело.

Теперь уже Али спросил:

— Что случилось, бек-ака, что делается?

— Не спрашивайте...

— Неужели это все преступники?..

— Преступники?!— со злой насмешкой сказал Атабек.— Вы Мусульманкула знаете, конечно?

— Как не знать, я видел сам, как он бежал два месяца назад...

— Вот эти все погибли из-за него!

— Боже мой, что же это такое?!

На каждом шагу попадались им убитые. Али сосчитал их. Когда они добрались до своего гузара, счет достиг семидесяти человек. И это на одной только улице, а сколько еще в Ташкенте улицы и переулков!.. На гузаре они увидели сорок уложенных в ряд трупов.

Уже миновал час предзакатной молитвы, наступали сумерки. На гузаре были открыты всего три-четыре лавки. Хасанали сидел перед полуоткрытой дверью своей лавки.

— Слава богу, вы вернулись, бек! А мы тут беспokoились, бог знает что думали,— сказал Хасанали.

Атабек думал о другом. Не слыша вопроса, он спросил Хасанали:

— Где был сегодня мой отец?

— После вашего ухода он отправился в урду. Через час вернулся, очень растерянный спросил вас и опять уехал, куда — не знаю...

— Когда началась резня?

— Вот когда ваш отец вернулся из урды,— сказал Хасанали и, задыхаясь, стал рассказывать: — Ой, бек! Это настоящее злодейство! Чем они провинились, эти бедняги? Хватали всех, кто дома сидел и мирно трудился — и всех резали... В чем вина их? На улицах ловили прохожих и приводили к палачу, и он отрубал им головы. Многие плакали... Особенно один красильщик... его взяли прямо от чана... руки в краске. «Боже! Я не виноват!»— плакал он... Сил не было терпеть... Я запер лавку и убежал... и многие убежали... А другой...

— Довольно!— сказал Атабек.

Хасанали оборвал свой рассказ—он видел, что Атабек

крайне взволнован. Али убежал, не простясь с Атабеком.

Придя домой, Атабек отказался от ужина и не захотел видеть отца. Словно желая укрыться от этого мира хищников и изуверов, он сразу лег, завернувшись с головой в одеяло. Домашние, видя его состояние, не стали его ни о чем спрашивать и не подходили к нему.

Наутро Юсуфбек-хаджи, чтобы выпить утренний чай с Атабеком, вышел в михманхану. Атабек, хмурый, сел за чай, даже не поздоровавшись с отцом. Он думал, что отец — главный зачинщик вчерашней резни кипчаков. Чай был выпит в полном молчании. Отец и сын не обменялись ни одним словом.

Наконец хаджи, как бы желая ободрить сына, заговорил:

— Не огорчайся так, сын мой!

— Прикажете радоваться, как вы все?— с злой насмешкой сказал Атабек.

Хаджи понял, в чем подозревает его сын и почему он так мрачен.

— Ты ошибаешься, сын мой!— сказал он.

— А кто же составлял план этой резни на совещании у Раджаба?— спросил все так же зло Атабек.

Хаджи вздохнул:

— Что ты знаешь о совещании у Раджаба?

— Знаю...

— Если б знал, тебе стыдно было бы возводить напраслину на меня, дитя мое!

— Разве вы не совещались у Раджаба?

— Совещались...

— А раз так, что ж вы, хотите выйти сухим из воды?

Юсуфбек-хаджи усмехнулся, как над малым ребенком.

— В некоторых своих легкомысленных суждениях ты похож на свою мать, Атабек!— сказал он.— Если ты знаешь о совещании, значит, должен знать и то, что на нем было и чем оно окончилось...

— Этого я не знаю...

— А что говорилось там, знаешь?

— Не знаю, о чем там говорилось, но вчера я понял, что на этом сборище была объявлена резня кипчаков. Почему все, кто там был, кроме вас, собрали войско и отправились в Коканд, а вчера, еще не успели они туда доехать, здесь начались эти зверства?

— Увы, твоя догадка верна. Но то, что ты и отца твоего посчитал заодно с этими зверьями, показывает твою недалковидность,—сказал с горечью хаджи.— Подумай, сын мой! Какая может быть польза нашей стране, если мы своими руками будем резать своих же? Если, по-твоему, я участвовал в этом страшном замысле, какими же соображениями я руководствовался, чьи интересы защищал? Если бы я когда-нибудь стремился к власти и жаждал богатства, разве ты не знал бы этого раньше всех? Почему твой разум вдруг захромал, когда ты дошел до такой мысли? Почему ты еще подливаешь масла в огонь, когда и без того горит мое сердце?

Эти слова, взволнованный, дрожащий голос хаджи, тотчас заставили Атабека раскаяться в его несправедливых нападках на отца; он понял, что упрекать хаджи — ~~все равно что топтать мертвого.~~

Юсуфбек-хаджи рассказал о том, как он выступил против предполагаемой резни и из протеста даже покинул совещание.

— А через час ко мне приехал Нияз-кушбеги, просил у меня прощения, сказал, что после моего ухода участники совещания признали, что ошиблись, и отказались от своего намерения затеять резню кипчаков. Я обрадовался и долго еще доказывал ему вред этого дела. Прощаясь со мной, Нияз-кушбеги сказал мне: «Дорогой хаджи-ака! Пусть этот разговор и наши планы останутся тайной, чтобы нам не пришлось смотреть в землю и испытывать стыд и позор, если кто-нибудь узнает про это. Мы все вас об этом просим, все, кто был на совещании!» И я поддался этому чудовищному обману и рта не раскрыл — ни тебе, ни Нармухаммаду не сказал ни слова. Я не сомневался, что они поехали в Коканд просто на поклон-к хану. Ах, дьяволы!

Помолчав немного, хаджи продолжал:

— Вчера утром я был в урде. На площади собралось сотни четыре вооруженных людей, они кого-то поджидали. Я не обратил внимания на них и прошел в канцелярию кушбеги. Вхожу, а перед ним стоит Каюм-пансал, который, я знал, уехал со всеми в Коканд, и с ним три-четыре воина. Нармухаммад-кушбеги сидел неподвижно, держа в руках какую-то бумагу. Увидев меня, он молча протянул мне эту бумагу и опустил голову. Ничего не

подозревая еще, я подошел, взял у него из рук бумагу, прочитал, и вся кровь застыла у меня в теле. Это был ярлык хана, приказ, в котором говорилось следующее:

«Мы, Худояр, хан Туркестана, признали племя кипчаков зловредным для нашей державы и для нашего царствования. Доводим это до сведения всех беков, правителей, курбаши и дахбаши и повелеваем немедленно по получении этого нашего указа всех кипчаков мужеского пола, от пятнадцати лет до семидесяти, предать мечу без всякой жалости. Все должностные лица, которые проявят медлительность в исполнении нашего приказа, будут сочтены неповинуящимися нам и преданы жестокому наказанию. Правителю Ташкента, Нармухаммаду-кушбеги изъявляем нашу особую милость, ибо хотя вы и происходите из племени кипчаков, но оказали нам незабываемую услугу и доброжелательство при изгнании Мусульманкула, и потому мы вас милуем и не сомневаемся в вашей преданности и в исполнении вами нашей воли».

Я глядел на кушбеги, а он — на меня, и ждал, что я скажу.

— Когда получен приказ?— спросил я.

Он кивнул на Каюм-пансада.

— Я привез приказ! — сказал Каюм-пансад.

— Привезли из Коканда?— спросил я, потому что, как ты знаешь, съездить в Коканд и вернуться за три дня невозможно.

— Мы ехали в Коканд и на пути получили указ хана,— сказал Каюм.— Нияз-кушбеги дал мне этих воинов и послал меня помочь беку выполнить волю хана.

Эти слова открыли мне их сатанинский замысел, и я понял, что обманут ими. Я посмотрел на кушбеги и сказал:

— Что, если мы приступим к выполнению воли хана с завтрашнего дня?

— Да, я тоже так думаю, завтра начнем!— сказал кушбеги.

Но, видно, пославшие Каюма предвидели, что мы будем пытаться отложить казнь.

— Нельзя откладывать до завтра,— сказал Каюм.

— Почему?

— До завтра все кипчаки разбегутся.

Я не стал слушать Каюма и обратился к кушбеги, надеясь договориться с ним, как поступить. Тогда рассерженный Каюм подошел ко мне.

— Не хлопочите напрасно, хаджи-ака!— сказал он. Я возмутился его настойчивостью.

— Мы с вами не имеем права вмешиваться в это дело!— сказал я ему.

— Вы — нет, а я имею право,— ответил Каюм.

— А на чье имя приказ?

— На имя кушбеги.

— Раз так, то мы с вами можем поднимать кетмень, лишь когда он прикажет.

Каюм, ухмыляясь, порылся в кармане, достал второй приказ и сказал мне:

— Прочитайте!

Я прочитал.

— Если у вас в руках этот приказ, зачем же вы обратились к кушбеги?— спросил я.

— Все-таки он начальник, вот я и уважил его. Уж вы не взыщите, хаджи-ака,— сказал Каюм, беря у меня из рук бумагу, и обратился к кушбеги.— Ну, что вы теперь скажете, бек?

— Послушайте меня, начнем завтра!— сказал кушбеги.

— Невозможно, бек. По всем городам и кишлакам дан приказ на сегодня,— сказал Каюм.

Мы не двигались, точно придавленные горой. Разум наш был бессилён, мы не знали, что делать. Каюм, стоя, ожидал ответа кушбеги. Тот долго молчал, потом махнул рукой:

— Делайте как знаете!

Каюм со своими воинами вышел из канцелярии. Едва он вышел, я сказал кушбеги:

— А что же нам теперь делать?

— А что мы можем?

— Мы не можем смотреть спокойно... Время не терпит. Направим против них наших людей!

— Оставьте, хаджи!

— Значит, пусть режут ни в чем неповинных людей?

— Пусть режут!— сказал кушбеги.

Я смотрел на него, потрясенный. Он сказал сквозь слезы:

— Если спокойствие страны зависит от этого, пусть режут! Если для благоденствия страны нужна кровь кипчаков, пусть она прольется! Если спасение в том, чтобы истребить род кипчаков, пусть убьют и меня! Я не нуждаюсь в милости этих извергов!

Я пытался уговорить его, сказал, что сейчас не время упрямиться, что надо действовать, но он не хотел ничего слушать. Делать нечего, я ушел и один, насколько мог, постарался предупредить кипчаков, чтобы бежали, разослал своих людей. Но что я мог сделать один против четырех сотен палачей?! Они загубили множество невинных...— сказал хаджи.—Вот, Атабек, как было на самом деле! Не следует человеку, когда он не знает всей правды, возводить поклеп на другого!

Атабеку стало стыдно своих резких слов, сказанных отцу, и он молча опустил голову. После долгого раздумья он спросил:

— Какая же цель была у этих извергов? Зачем понадобилась им эта резня?

— Цель простая,— отвечал хаджи.— Один хочет стать мингбаши, другой — занять место Нармухаммада-кушбеги, третий — сделаться правителем еще какого-то города. А хан хотел отомстить кипчакам за то зло, какое причинил ему Мусульманкул. Никаких иных целей у них нет, так я думаю, сын мой. Большую часть своей жизни я потратил на то, чтобы добиться спокойствия и мира для нашего народа, и ничего не добился, кроме огорчений для себя. Я не в силах себе представить, чтобы люди могли быть счастливыми у нас в Туркестане, пока с земли туркестанской не исчезнут изверги, натравливающие один народ на другой, честолюбцы, стяжатели, готовые пожрать друг друга ради личных выгод. Тираны, убивающие невинных людей, делающие сиротами детей, разрушающие семьи,— проклятье им! Все живое на земле: птицы, растения, звери — все проклинает их, сын мой!..

4

ЛУНУ НЕ ЗАКРЫТЬ ПОЛОМ

Чай был выпит. Разговор оборвался. Атабек, помолвившись, проведя ладонями по лицу, хотел удалиться.
— Останься!

Этот повелительный возглас заставил Атабека снова присесть около отца, он взглянул на него, как бы спрашивая: «У вас есть дело ко мне?» Юсуфбек-хаджи, не говоря ни слова, снял чалму, положил ее на колени, причесал затылок, потом снова надел чалму. Это был признак того, что сейчас произойдет серьезный разговор. Атабек смотрел на отца и ждал.

На лице Юсуфбека теперь уже не было скорби и волнения, оно выражало отцовскую строгость.

— Что ты натворил в Маргелане?

Этот вопрос застал Атабека врасплох. Вместо ответа он отвернулся и стал смотреть во двор.

— Я тебя спрашиваю, Атабек!

— Раз вы уже оповещены, значит вы знаете, что я сделал...

— Значит, просто так убивал людей?

Атабек чуть усмехнулся.

— Не просто так, а потому что меня принудили...

Хаджи не понял иронии сына.

— Кто мог тебя принудить убивать людей?

— А вы не знаете?

— Не знаю!—сказал хаджи.—Насколько я знаю, тебя никто не заставлял убивать.

— Меня заставили, принудили к этому,—сказал Атабек с горькой усмешкой.— Вы должны знать, что для вашего сына убивать людей — ужасно!

— Кто ж тебя заставил в конце концов?

— Вы и моя мать.

— В своем ли ты уме, мальчик?!

— Вполне!—сказал сын.— Вы принудили меня против моего желания исполнить вашу волю и тем самым развязали руки моим врагам, и вот я, волей-неволей, был вынужден расправиться с ними, иначе был бы позор для меня!

— Вот что?! —сказал хаджи, задумавшись.— Если так, прости меня, сын!

— Отец, у меня нет права ни обвинять вас, ни прощать вашу вину. Я только хотел сказать, что вынужден был защищаться, потому что ни в чем не был виноват, а на меня легло подозрение...

Хаджи закусил губы и покачал головой.

— Все мы люди — рабы божии, и нам свойственно

ошибаться,— сказал он. — Ты винишь нас — и ты, вероятно, прав... Но если на твоей дороге встали злые люди, почему ты молчал, почему столько времени ты ни о чем не сказал мне? Разве и молчать тебя принуждал кто-нибудь?

— Нет,— сказал Атабек.— Но как просить помощи у того, кто толкнул тебя на этот путь?..

Хаджи низко опустил голову. Эти слова сына произвели на него сильное впечатление. Он понимал, что сын прав.

— Хотя мы и женили тебя в Ташкенте,— сказал, наконец, хаджи,—мы совсем не собирались разлучать тебя с твоей первой женой. Думать так и из-за этого скрывать от меня все — большая глупость с твоей стороны, дитя мое.

Атабек не возражал, теперь он был готов слушать любые упреки, потому что высказал свою обиду, все, что наболело на душе. Но сердце его рвалось от нетерпения, ему хотелось скорее узнать, чем вызван этот разговор с отцом.

Хаджи продолжал:

— Когда человек сталкивается в жизни с какими-нибудь затруднениями, он обычно просит совета, а то и помощи, у других людей. Мне странно, что мой собственный сын оказался человеком, желающим скрывать свои дела даже от отца с матерью. Я получил письмо от твоего тестя, читаю его, читаю, дивлюсь и не могу ничего понять. Я думал, как же так? Ведь мой сын каждый месяц ездил в Маргелан... Наконец-то я понял, что произошло. По словам Мирзакарима, он, кажется, допустил какую-то невежливость с тобой, но по сравнению с твоим мальчишеством это просто халва!.. Ну, скажи сам, если бы ты хоть словом намекнул мне о том, что случилось, разве я не написал бы тотчас письмо твоему тестю, не послал бы Хасанали и не узнал бы всей правды? И в таком случае не понадобилось бы убивать людей...

Но Атабек уже не слышал ничего, он терзался, ожидая конца отцовской речи, желая только одного — узнать то, что больше всего его тревожило.

— И, наконец, совершив такие подвиги, почему ты уехал, не повидавшись ни с женой, ни с тестем?

— Я не мог иначе.

— И когда же теперь ты собираешься в Маргелан?

Атабек задумался. Не так просто было ему ответить; это надо было еще обдумать. Подумав, он сказал:

— Не знаю...

Хотя сердце его жаждало этой поездки и он готов был на крыльях лететь в Маргелан, но что-то более сильное, чем это желание, мешало ему, заставляло говорить «не знаю».

— Ну так вот что,—сказал хаджи.—Тесть твой пишет, что намерен на той же неделе выехать в Ташкент. Письмо написано десять дней назад. Возможно, они приедут не нынче-завтра. Крайнюю комнату надо освободить, устлать паласами...

Услышав эти слова отца, Атабек вдруг почувствовал необыкновенное облегчение. Его словно обдало ласковым теплом, он глубоко вздохнул: «Наконец-то!» Перед ним возник образ Кумюш, он словно опьянел от радости и широко раскрыл глаза, растерянный и ошеломленный. Он увидел обращенный к нему взгляд отца, словно спрашивавший его: «Ну, что ты скажешь?» — и не мог вымолвить ни слова.

Юсуфбек-хаджи по-своему истолковал его молчание. Он испугался, что сын может как-то оскорбить, унижить Мирзакарима, который с дочерью ехал сюда издалека, не посчитавшись, что он старший, делал первый шаг к примирению. Поэтому хаджи счел нужным высказать сыну несколько наставлений, которые показались ему очень смешными.

— Сын мой! — сказал хаджи.— Надо уважать того, кто уважает тебя. Может быть, для тебя они что-то потеряли в своем достоинстве, но я высоко ценю их и чту. Кутидор — первый наш сват, а его дочь — наша старшая невестка. Если ты считаешь меня за отца, обещай мне встретить их приветливо. Не обижайся на тестя за то, что он не принял тебя тогда, ведь бедняга сам был введен в заблуждение. Во всяком случае ты должен оказать им почтение, ведь это ради тебя они едут сюда из Маргелана!

Такие слова отца сулили большие перемены в доме, и Атабек, опустив голову, сделал вид, что покоряется необходимости.

— Если б мы знали точно, когда они приедут, тебе следовало бы их встретить!—сказал хаджи.

Атабек промолчал.

— Во всяком случае, они вот-вот придут. Если ты не поедешь им навстречу, пусть едет Хасанали!

— Пусть едет! — сказал Атабек.

5

П И С Ь М О

После такого ответа хаджи несколько успокоился, провел ладонями по лицу, поднялся и, достав из кармана письмо, передал его Атабеку:

— Вот — оказалось в письме тестя. Наверное, тебе от жены, — сказал он.

Атабек взял письмо. Оно было сложено восемь раз, прошито в нескольких местах красной шелковой ниткой и адресовано Атабеку. Он не вскрывал его, ожидая, когда уйдет отец, и сердце его дрожало, как запаленный конь. Наконец, разорвав нитки, он развернул письмо и жадно впился в него глазами.

«...Как Зулейка, потерявшая покой из-за страсти к Иосифу Прекрасному, как Лейли, рыдающая от любви к Меджнуну, я шлю вам бессчетные, как волосы моих кос, приветы! Мое дело каяться, а ваше — прощать. Говорят, кто старое помянет, тому глаз вон. Для меня вспоминать те черные дни, что пришлось мне пережить за два года, — все равно, что заново их пережить, поэтому вы, как хотите, забудьте или не забывайте, а я их забыла. Я хочу вспоминать только начиная с того дня, от которого веет на меня ароматом счастья.

Вы — беглец. Вы наспех написали мне несколько строк и сбежали. Значит, я верно истолковала ваши приезды в Маргелан за эти два года, значит я угадала: вы приезжали, вы волновались и хлопотали только для того, чтобы отомстить вашим врагам, иначе вы повидались бы со мной. Если у вас самого не было желания видеть меня, пусть хоть я увидела бы вас... насмотрелась бы досыта!..

Видно, уж такая я несчастливая, такая уж доля моя, что я надоела вам, и не удивительно, что вы стали убеждать от меня. Что ж, бегите, но я сегодня опоясала стан свой, чтобы догнать моего любимого. На днях в сопровождении отца моего и моей матери я отправлюсь

к вам служить вам, быть вашей рабой! Наконец, я узнаю, чего я стою в сравнении с моей соперницей, с вашей любимицей?.. Вы благородны: из уважения к нашей прежней любви, вы, хоть из учтивости, взглянете на меня, улыбнетесь и тем осчастливите меня, бедную! Только я очень боюсь, боюсь до потери сознания, как бы не обидела, не оскорбила меня ваша младшая жена! Когда вы получите это письмо, в первый же ваш счастливый час наедине с нею, ради бога, возьмите с нее обещание не смотреть на меня как на соперницу.. Я готова быть служанкой вам и вашей возлюбленной, чтобы только видеть моего Атабека!..

Под конец признаюсь вам: в душе моей живет постоянный страх,— не прогонят ли меня от ворот в отместку за то, что было?.. Но если приведет бог и я благополучно поселюсь у вас, я уж знаю что мне делать.

Ах, как далек отъезда день!

И дорога длинна, как жизнь...

3-го хамала . Маргелан. Писала ваша Кумюш.

Радость переполнила грудь Атабека, он улыбался. Перечитал письмо еще раз и обрадовался еще больше. Но вдруг почему-то он вспомнил вчерашний день, перед ним невольно возникли картины резни. Он вздрогнул, словно вновь увидел мертвые тела, и торопливо сложил письмо, как бы стараясь спрятать его от мертвецов, сунул в карман, вскочил и вышел из дома.

Побродив по улице, он как будто забылся немного и, вернувшись в михманхану, снова стал перечитывать письмо. Но на этот раз оно не принесло ему радости, смысл его обернулся для него по-иному, словно память о загубленных легла тенью на письмо Кумюш.

«Только я очень боюсь, как бы не обидела меня, не оскорбила ваша младшая жена...» Он удивился, как он мог радоваться только что. Ведь эти слова таили в себе такую тоску, смысл их не давал возможности радоваться. В них было предчувствие будущей беспокойной и горькой жизни, которая представлялась еще неясно, но была уже вполне вероятной.

Хотя Атабек и не очень опасался Зайнаб — «соперницы», как писала Кумюш,— но при мысли о матери

1 3-го хамала — соответствует приблизительно марту.

у него замирало сердце. Не его ли родная мать отравила ему самые драгоценные дни его жизни? Не она ли заставила его два года мучиться, скитаться и даже пойти на убийство? Не ее ли прихоть развязала руки его сопернику?

Это она, перевернув весь город вверх дном в поисках невесты, нашла, наконец, достойную, по ее мнению, красавицу и умницу, устроила свадьбу, праздник и, радуясь исполнению своего желания, с гордостью поднесла ему: «Вот тебе жена!» Как же теперь она встретит маргеланскую пери, которая явится сюда назло ее любимице?

Кумюш боялась только соперницы, а Атабек гораздо больше, опасался своей матери.

6

ПЕРЕМЕНА В УЗБЕК-АИМ. ТОСКА ЗАЙНАБ

Юсуфбек-хаджи, хорошо зная ограниченность и взбалмошный характер своей жены, решил не рассказывать ей ничего о том, что произошло с Атабеком, не раскрывать его тайн; но он счел необходимым предупредить Узбек-аим о приезде маргеланской невестки и ее родителей. Он лучше Атабека знал, как враждебно относилась жена к маргеланке, постоянно он слышал жалобы, что сын женился бог знает на ком; знал хаджи и о том, что она бегала по всяким колдунам и гадалщикам, надеясь «приворотами» отбить сына у маргеланки. Зная все это, хаджи решил принять меры, чтобы оградить приезжих от возможных выходок жены, попытаться наставить ее на путь истинный, чтобы после не краснеть за нее.

Он уже привык, что всякий раз, когда они оставались одни, стоило Узбек-аим открыть рог, начинались бесконечные жалобы на «чужеземку» и беспутного сына. Но если раньше он старался не слушать эти причитания или отвечал на них усмешкой, теперь он даже хотел услышать эту старую песню и с нетерпением ждал ее.

Как говорится, что о чем, а мышь о кувшине с зерном, так и Узбек-аим при первом удобном случае завела свое.

— Дурзчь наш, кажется, взялся за ум,— сказала

она хаджи.—Вот уж три месяца он и думать забыл про Маргелан.

Хаджи засмеялся:

— Верно, твои заговоры подействовали?..

— Может быть... Во всяком случае, он стал, как говорится, тише воды, ниже травы... Да снизойдет к нам аллах!..

— Уже снизошел! — засмеялся хаджи.

Узбек-аим догадалась, что муж смеется над ней, и затараторила:

— Что вы смеетесь? — даже притопнула ногой.— Вы все смеетесь, а мы чуть сына не лишились... и теперь опять... прости господи!

— Без толку тужиться — спину сломать, говорят таджики...

— При чем тут еще какие-то таджики! — рассердилась Узбек-аим.— Правду сказагь, вы всему причина! Вы только и знаете, что смеяться, только и умеете усмехаться. Лучше уж прямо признайте, что вы не умеете воспитывать детей...

Хаджи опять засмеялся.

— Действительно, не умею, моя дорогая!

— Смейтесь, смейтесь! Грех вам издеваться надо мной! — рассердилась Узбек-аим и отвернулась.

— Послушай, жена! — сказал хаджи серьезно. Узбек-аим посмотрела на него.— Говорят тебе, без толку тужиться — спину сломать. Вот ты без толку тужишься и меня тянешь за собой.

— По-вашему, значит, зря я хлопочу?

— Зря хлопочешь.

— Почему это?

— Чего ты хочешь: разлучить сына с маргеланской невесткой, чтобы он жил только со здешней, не так ли?

— Именно так.

— Вот я и говорю, что ты зря стараешься. Скажешь: почему? А ты бы лучше подошла к сыну да спросила у него: «С какой женой ты хочешь остаться, а с какой развестись?» Что тебе ответил бы сын твой? Сама знаешь, жена, что он сказал бы.

— Конечно, — отвечала Узбек-аим, — дамла маргеланки сильнее, я знаю. Она крепко привязала к себе нашего бедного сына, не оторвешь...

Хаджи опять не мог удержаться, чтобы не рассмеяться.

— Но ведь ты за три года у каких только мулл и ворожей не побывала, а вот не могла же приворожить к Зайнаб сердце сына?

Узбек-аим не растерялась.

— Дамла маргеланки, наверно, индус, а я здесь не нашла индуса.

Хаджи не смеялся больше. Ему стало жаль жену.

— Вот что, жена.— заговорил он ласково.— Пора оставить эти глупости! Давай будем рассуждать разумно. Человеку, который поступает сообразуясь с разумом, не приходится после жалеть о своих поступках. Сын у нас один, он наша единственная надежда в жизни, наша опора, его здоровье и счастье нужны нам самим, как ему. Значит, надо заботиться о его счастье и благополучии. Я верю, что ты все это делала, думая, что заботишься о нем, и тебя нельзя обвинить ни в чем дурном. Тебя огорчали его частые отлучки в Маргелан, так знай, что и меня они раздражали не меньше. И если я смеялся иногда, то это был горький смех, а ты не понимала этого. Скажу больше: наконец, когда мне стало уже невтерпеж, я сказал сыну, чтоб он прекратил эти поездки в Маргелан...

Узбек-аим, слушая мужа, согласно кивала головой, а при последних его словах поклонилась ему низко, как бы говоря: «Хвала вам, спасибо!» Хаджи продолжал:

— А ты, не зная, почему сын перестал ездить в Маргелан, приписала это заклинаниям твоих мулл и знахарей, вот почему я и смеялся. На самом-то деле это я так решил...

— А почему же вы мне не сказали? — попеняла Узбек-аим.

— Виноват!—сказал хаджи.—Но я полагал, что у нас с тобой одна цель, и вот, когда я не пустил Атабека в Маргелан, я написал письмо нашим сватам и просил, чтобы они привезли нашу невестку к нам в Ташкент. Очевидно, они послушались меня, и вот сегодня я получил от свата ответ. Он разумный человек, дай бог ему здоровья! Вот что он пишет: «Мы должны были бы уже сами посетить вас, не утруждая вас приглашением. Получив ваше письмо, мы были

смущены, особенно невестка ваша, она давно жалеет, что незнакома с вами, говорит: «Какими глазами я буду смотреть теперь на мою матушку-свекровь?» Мы надеемся, что вы простите ее неучтивость...»

Узбек-аим, опешив, растерянно смотрела на мужа. Хитрая уловка хаджи совсем сбила с толку эту недалекую женщину. А хаджи сразу, не ожидая ответа от Узбек-аим, как говорится, поверх одной крыши громоздил другую:

— Какую комнату нам освободить для гостей, как посоветуешь? — спрашивал он. — Чем угощать сватов, ты сама должна сообразить, ведь это люди, которых не удивишь, если даже верблюда зарежешь...

В голове Узбек-аим все перевернулось вверх дном: индус ли чародей опять тут подействовал, но во всяком случае трехлетняя вражда, ненависть, все жалобы моментально вылетели из головы, и их сменила одна торжествующая мысль: «У меня будут две невестки!» Ей казалось, что она уже слышит со всех сторон голоса: «К Узбек-аим приехала маргеланская невестка, такая красавица, точь-в-точь птенчик попугая! Полюбуйтесь!» И если до сих пор она сама ухаживала за Зайнаб, теперь ей уже виделось, как обе невестки ползают у ног ее и стараются ей угодить...

— Как бы там ни было, а порядок нужно соблюсти, — сказала она. — Из уважения к сватам, может быть, освободим для них эту комнату?

— Как знаешь...

— Мы сами можем перебраться и в крайнюю... Дело-то деликатное!..

Вдруг она вся преисполнилась добротой и заботой. И она бы даже не покраснела ничуть, если б ей сказали, что за три минуты до того она была полна злобы и вражды, да она и не знала, что можно краснеть от таких вещей. Она считала себя гораздо опытнее самого хаджи, который, по ее убеждению, не умел ни обращаться с людьми, ни воспитывать детей.

Юсуфбек-хаджи не удивился этой внезапной перемене настроения жены и не стал смеяться над ней, потому что он прожил почти тридцать пять лет с этой женщиной, обладавшей таким нелепым характером.

Настроив соответствующим образом Узбек-аим, хаджи сказал ей:

— Пожалуй, следовало бы предупредить заранее и Зайнаб.

— При чем тут Зайнаб, раз мы сочли это необходимым? — сказала Узбек-аим. Теперь Зайнаб, о которой она так заботилась три минуты назад, уже потеряла для нее интерес.

— Я не говорю о том, что надо спрашивать у нее совета,—возразил хаджи.—Но когда в доме живут две жены одного мужа, надо заботиться, чтобы между ними было согласие. Если начнутся размолвки и ссоры, пойдут сплетни,—это не только нам, но и сыну не понравится.

— Позвать ее, что ли?

— Позови.

Узбек-аим пошла искать Зайнаб и совсем неожиданно застала ее весело разговаривающей с Атабеком.

— Что, о будущих детях разговор идет?

Атабек с улыбкой посмотрел на Зайнаб, она, поправив на себе платье, встала и пригласила свекровь присесть:

— Почти угадали, матушка! Сегодня и об этом можно поговорить,—и она с улыбкой взглянула на Атабека.

Узбек-аим даже не присела и сразу выпалила:

— Обеим купи по два платья! Не унижай и не возвышай одну перед другой: эта твоя жена, но и та тоже, к тому же та первая! Зайнаб, пойдём-ка со мной, хаджи хочет говорить с тобой!

Эти слова посыпались на них, как шепки и сначала оба не поняли ничего. Но Атабек быстро уразумел смысл материнской речи: видно, мать уже примирилась с маргеланкой, и он избавился от одного из самых сильных своих противников. Догадался он также, зачем отец позвал к себе Зайнаб. Зайнаб же, ничего не подозревая и не догадываясь ни о чем, пошла вслед за свекровью.

Когда Узбек-аим с невесткой вошли и сели напротив хаджи, он ласково посмотрел на Зайнаб.

— Дитя мое, Зайнаб! — сказал он. — Мы надумали перевезти сюда твою старшую сестру из Маргелана... Что ты на это скажешь?

Зайнаб быстро глянула на свекровь, теперь ей стали понятны ее слова. Она вздохнула.

— Что я могу сказать?..

— Дело не в том, что ты скажешь или не скажешь,—сказал хаджи,—дело в том, сможешь ли ты, когда она придет, жить с ней, как младшая сестра с старшей сестрой?

— Смогу, наверное...

— Будешь ей сестрой?

— Не знаю...

— Почему же ты не знаешь?

Зайнаб немножко задумалась.

— В ладоши хлопают двумя руками,—сказала Зайнаб,—если я буду хорошей, а старшая сестра плохой, как же тогда я сдержу обещание?

— Ты верно говоришь, дитя мое. Но такое же обещание мы возьмем и с нее.

Зайнаб молчала.

— Зайнаб не из тех невесток, каких вы опасаетесь,—сказала Узбек-аим.— Слава богу, у нее есть разум в голове.

— Не подумай ничего плохого, дочь моя! Для нас нет разницы между тобой и нашей маргеланской невесткой, обе вы наши дочери.

Зайнаб кивнула головой. Хаджи благословил ее, и она вернулась к Атабеку.

Атабек тотчас заметил грусть на ее лице. Они посидели немного друг против друга молча, оба чувствуя неловкость.

— Зачем вас звали? — спросил наконец Атабек.

— Вы же знаете, зачем спрашиваете? — отвечала Зайнаб, заставляя себя улыбнуться.

— Что я знаю?

— Что из Маргелана к вам приезжает кто-то...

Атабек смутился, и с языка у него сорвались слова:

— Это не моя воля... это отец затеял...

— Воля отца, а желание ваше.

— Какое мое желание?

— Соединиться с вашей возлюбленной — это же ваше сердечное желание!

— Вы думаете, я люблю ее?

— Конечно, любите...

Атабек сказал:

— Ошибаетесь.

— Нет, не ошибаюсь! — сказала Зайнаб. — Вы и

женились на ней по любви, а меня вы взяли только по желанию ваших родителей. — И глаза ее наполнились слезами.

Атабек оказался в трудном положении, эти прямые слова совсем его смутили, противоречить им — значило бы солгать... И все-таки иного выхода он не нашел, как солгать.

— Сначала, правду вы сказали, я полюбил и женился по любви. Но теперь все не так... — сказал он.

— Не верю.

— Почему не верите? Верьте!..

Зайнаб долго смотрела на него, потом сказала:

— У меня есть основание не верить...

Атабек встревожился:

— Что же это такое, скажите?

— Сколько времени прошло, как мы женаты?

— Два года.

— За эти два года вы ни капельки не переменились ко мне. Вы не считаете меня за жену!

— Напрасно вы так говорите...

— Не напрасно, милый! — горячо возразила Зайнаб. — Вы не можете отрицать, что после возвращения из Маргелана вы проводите все ночи в михманхане. Вы даже и не подумали обо мне: ведь она мол выходила за меня с надеждой, что кладет свою голову на одну подушку со мной...

Она не договорила, отвернулась и заплакала. Атабек чувствовал себя так, будто на него гора навалилась...

— Вы не так поняли...

— Тогда в чем же причина?..

— Причина ясна... — сказал Атабек, еще сам не зная, какую выставить причину.

— Скажите же?..

— Да вы, наверное, сами догадались...

— Нет, я ничего не знаю.

— Знаете...

— Честное слово, не знаю!..

— Если вы не знаете... — сказал бек, — и хорошо, что не знаете... Мне стыдно вам признаться...

— Стыдиться меня, жены своей?

— А можно не стыдиться?

— Не надо стыдиться!

— Ну, если уж признаваться... я слаб... мужской силы у меня мало...

Зайнаб смотрела на него недоверчиво.

— Вы неправду говорите...

— Хотите верьте, хотите нет, но это и есть причина, почему я удаляюсь от вас...

— Если бы я даже верила тому, что вы говорите, то все равно это не причина, чтобы вы отдалялись от меня, спали отдельно... Я обижаюсь на вас совсем не потому... — сказала она, глядя на Атабека полными слез глазами. — Мне вовсе не то нужно... Вы сами мне нужны! — и, рыдая, она бросилась ему в объятия.

Впервые Атабек почувствовал, как велика обида в сердце Зайнаб. Но бедняжка обнимала, целовала, ласкала словно бесчувственную статую. Атабек оставался холоден.

7

ВСТРЕЧА СВАТОВ

Накануне стало известно от приезжих купцов, что сваты придут нынче. Хасанали уехал их встречать.

Сам Юсуфбек-хаджи следил за всеми приготовлениями к приезду гостей, за уборкой двора и дома. Что касается женской половины, то Узбек-аим с помощью соседок уже все расставила по местам, двор ичкари был точно вылизан. А комнату для гостей освободили и устлали коврами еще три дня назад. Приготовлено было все и для угощения, в хлеву уже стоял привязанный к столбу баран, которого зарежут, как только придут сваты. Не удовлетворившись купленным для Кумюш и Зайнаб атласом, Узбек-аим решила, что «эта, здешняя, уже одета, а та — гостья все-таки, нужно купить ей еще китайского шелка», и сшила еще одно платье для маргеланки. Потом, подумав, что одного чесучового халата мало, отдала свой собственный дорогой парчовый халат и прибавила к нему еще свой калмыцкий платок, который не надевала с первых лет замужества.

Зайнаб не казалась огорченной, выполняла живо все распоряжения свекрови и сейчас готовила дастархан на мужской половине дома.

Узбек-аим велела одной из женщин, взятой в помощь, разжигать огонь в тандыре, а сама прошла к Зайнаб.

— Готов дастархан, дитя мое? — спросила она.

— Все готово. Только, по-моему, мало меда.

— Так принеси из кладовой: сколько надо. А потом присмотри за тестом, оно уже подошло! — распорядилась Узбек-аим и через окно оглядела разостланную скатерть. — Дастархан хорош! Не забудь про пирожки.

Увидев Юсуфбека-хаджи во дворе, она поманила его к себе: — Подите сюда!

Юсуфбек-хаджи в белом шелковом халате, с белой тюрбетейкой на голове, не спеша подошел к Узбек-аим.

— Ну что?

— Полюбуйтесь на наш дастархан!

Хаджи довольно равнодушно взглянул на угощение.

— Тебе нравится — и хорошо! — сказал он.

— А мясника позвали, чтобы потом не бегать, когда гости придут?

— Мясник здесь. Может быть, сейчас зарезать барана?

— Нет! — сказала Узбек-аим. — Еда хороша, когда ее при гостях готовят. А к здешним нашим сватам вы послали?

— Да, — сказал хаджи. — Алимбека нет дома, он уехал в поле, а сватья обещали прийти.

Зайнаб отправилась в кладовую за медом. Хаджи подошел к Узбек-аим и тихо спросил:

— Зайнаб не очень огорчается?

— А чего ей огорчаться?

— Я так просто спрашиваю.

— Она ведет себя, как полагается, — сказала Узбек-аим. — У вас там Айбадак не освободилась?

— Да, она закончила уборку. Вот что: я позвал еще несколько человек из общины нашего квартала, так что плова следует готовить побольше.

— Ладно.

Оглядываясь по сторонам, хаджи спросил:

— А где сын твой, почему его не видно?

— Да он там, на мужской половине был.

— Нет, он, кажется, сюда пошел.

— Может быть, на гузар ушел? — сказала Узбек-аим.

Хаджи ушел в михманхану. Айбадак, закончившая уборку, Зайнаб и женщины, пришедшие помочь, принялись делать сдобные лепешки.

Когда солнце перешло за полдень, все было готово к приему гостей.

Узбек-аим разоделась, как на свадьбу: надела платье из лучшего атласа, на голову — белый шелковый платок, глаза подвела сурьмой. Она приказала и Зайнаб: «Приведи себя в порядок, пусть не говорят, что мы свою невестку в лохмотьях водим». Зайнаб тоже нарядилась в шелка и была похожа на новобрачную.

Пришла мать Зайнаб Махира-аим, старшая сестра Хушрой-биби и тетка Ханифа-ниса. Явились соседки, с которыми Узбек-аим дружила, — учительница Кариматин, Шарафат-руководельница и Махина-бану, — все тоже разодетые. Женщины присели к дастархану, приготовленному в ичкари. Узбек-аим пустилась расхваливать своего маргеланского свата, его богатство, почет, каким он пользуется в Маргелане, говорила, что он ни слова не сказал против женитьбы Атабека в Ташкенте, даже сам приезжал на свадьбу.

— У них одна единственная дочь — наша невестка. Атабека он любит, как родного сына, говорит: «Я всегда мечтал о таком сыне, умру — все мое богатство ему».

Махира-аим, которой было неловко это слушать, говорила:

— Да, милая сватьяшка... говорят: ласковый теленок двух маток сосет...

Вдруг Айбадак, поливавшая двор на солнцепеке, услышала шум снаружи и подбежала к окошку, у которого сидели женщины:

— Приехали, кажется! — сказала она.

Узбек-аим, прервав на полуслове свои разглагольствования, вскочила с места, гости тоже. Побледневшая Зайнаб убежала в свою комнату. Женщины вышли во двор. Махира-аим шепталась с Хушрой-биби, и обе чему-то смеялись. Узбек-аим не успела дойти до калитки, как вбежал соседский мальчишка.

— С вас подарок! — кричал он. — Прибыла ваша невестка!

Узбек-аим полезла в карман и дала ему несколько монет, как полагалось за добрую весть. Вслед за мальчиком явился Хасанали.

— Ну, хозяйка, с вас причитается: нашел и привез вашу непокорную невестку! — сказал он и обернулся к проходу. — Погодите, погодите, я должен получить что-то за добрую вест!

Во двор вошла Офтоб-айм в парандже, придерживая сетку рукой. Хасанали представил ее Узбек-айм:

— Вот ваша свашенька, Офтоб-айм!

Узбек-айм и Офтоб-айм принялись обниматься. Потом и остальные женщины поздоровались с приезжей. Глаза всех обратились ко входу. Ждали Кумюш, а она все не показывалась. Узбек-айм во все глаза глядела на калитку, а Хасанали почему-то подмигивал, глядя то на Узбек-айм, то туда, откуда должна была появиться Кумюш. Офтоб-айм отошла от женщин, столпившихся в сторонке, и с улыбкой сказала сватье:

— Стесняется она...

Узбек-айм воскликнула:

— Эй, царевна-невестка! Мы ждем тут, не смущайтесь, деточка! И подарок для Хасанали готов.

А Хасанали, глядя в проход, манил рукой. И вот, вся раскрасневшись от смущения, появилась Кумюш: паранджа в руке, черное атласное платье, поверх него — голубой легкий халат, на голове — белый шелковый платок. Большие черные глаза лучились улыбкой.

Хасанали возвестил:

— Вот ваша свекровь!

Кумюш отдала салам, бросила на землю паранджу и, подбежав к Узбек-айм, обняла ее. Узбек-айм крепко прижимала ее к груди, чмокала то в одну, то в другую щеку, любовалась ею и почему-то плакала... Родственницы Зайнаб, увидав Кумюш, переглянулись между собой и закусили губы.

Объятия свекрови и невестки продолжались целую минуту. Потом Кумюш поздоровалась с остальными. Позади всех стояла Зайнаб, она только что вышла из своей комнаты. Узбек-айм с улыбкой указала на нее Кумюш.

— Ну-ка, догадайся, кто это?

Кумюш не смутилась. Взглянув на Зайнаб, она шагнула к ней и сказала:

— Зайнаб, сестра моя!

Зайнаб, тоже улыбаясь, подошла к Кумюш. Соперницы со словами «Здоровы ли вы? Все ли у вас благо-

получно?», обнялись, как полагается, обхватив друг дружку за плечи и за талию... Когда они так здоровались, в коридоре показался Юсуфбек-хаджи. Посторонние женщины, как положено, отошли в сторону и отвернулись. Офтоб-аим, отдав ему салам, прикрыла платком шею и рот. Хаджи поздоровался со сватьей и сказал приветливо:

— Хвала вам, сестра! Не устали ли вы в дороге? Пришлось вам ради меня потрудиться...

— Ну, отец, давайте теперь подарок за погляденье! — сказала Узбек-аим и кивнула на Кумюш.

Застыдившись, Кумюш едва могла отдать салам, затем, приблизившись, склонила низко перед ним голову. Хаджи приласкал Кумюш, погладил ее по плечу по лбу, потом поцеловал свою руку.

— Оказывается, вот какая у нас невестка в Маргелане, а мы и не знали! — сказал он с улыбкой, поглядел вокруг и раскрыл руки для благословения.— Вы оказали нам уважение, приехав издалека, и пусть если не мы, так бог оплатит вам добром за это! Да примет аллах нашу молитву!

Все провели ладонями по лицу. Потом Юсуфбек-хаджи обратился к Кумюш и Зайнаб.

— Видел я, как вы приветствовали друг друга, и порадовался! — сказал он.— Желая, чтобы вы и впредь жили дружно, как две сестры. — Ну что же? — повернулся он к Узбек-аим.— Ведите гостей в дом!

И сам направился на мужскую половину.

8

ТАЙНАЯ ВРАЖДА

Узбек-аим повела Кумюш с ее матерью в дом. За ними последовали остальные. По пути Узбек-аим отдала распоряжение Айбадак.

— Приготовь чай, да побыстрее! Бедняжек, наверно, совсем растрясло в арбе.— И затем обратилась к невестке и свахе: — Я на вас очень обижена. Столько времени ждали вас!

— Уж не говорите, нам и без того стыдно,— сказала Офтоб-аим, бросив быстрый взгляд на Кумюш.

— Прошу на почетное место! — пригласила Узбек-аим.

Офтоб-аим пошла туда, а Кумюш застенчиво остановилась, но Узбек-аим настаивала:

— Не смущайся, Кумюш. Сегодня-завтра ты наша гостья, новая невестка. А дня через три я у тебя, хитрюга, на голове жернова буду вертеть...

Все засмеялись, а Узбек-аим продолжала:

— Ты еще моим мылом не стирала, так придется! Теперь улыбнулась и Кумюш.

На почетном месте уселись сватья Офтоб-аим и Махира; слева от Офтоб-аим — Кумюш, рядом с Кумюш — Хушрой; справа от Махиры-аим — Ханифа, за ней — Карима-атин, Шарафат-чевар и Махина-бану. Узбек-аим села последней. Карима-атин, подняв руки к небу, прочла молитву, и тогда Узбек-аим обратилась с приветствием к приехавшим:

— Добро пожаловать!

Тут все, словно сговорившись, стали разглядывать Кумюш. Молодая женщина смущенно потупилась. Наступило молчание. Его прервала Махира-аим, обратившись к Офтоб-аим:

— Наверное, вы очень устали, пока ехали сюда из Маргелана?

— Нет, не очень, — ответила Офтоб-аим. — Ведь от Маргелана до Ташкента десять дней пути, а мы, чтобы не устать в дороге, ехали не спеша целых двенадцать.

— Дорога грязная, должно быть? — спросила Махина-бану.

— Представьте, нет. Дорога оказалась хорошей. По обеим сторонам пробивается зеленая травка, на холмах тюльпаны. Ехать было весело, интересно.

Тут заговорила Узбек-аим.

— Если бы вы не приехали, я Атабека не отпустила бы больше в Маргелан. «Господи боже, — сказала я ему, — неужели тебе не надоело ездить туда три года подряд? Пусть уж теперь они приедут!» И непустила его!

Услышав имя Атабека, Кумюш привстала.

Офтоб-аим не удивила болтовня Узбек-аим, ведь та, по словам Хасанали, не знала о событиях, происшедших в Маргелане.

— Уж не попрекайте, и без того стыдно! — сказала Офтоб-аим.

Зайнаб внесла угощение.

— Добро пожаловать,— приветствовала она гостей, снимая скатерть, покрывавшую поднос с яствами. Принимая блюда от Айбадак, стоявшей в сенях, она украдкой раза два взглянула на Кумюш, та перехватила ее взгляд.

Когда блюда были расставлены, Айбадак внесла четыре кувшина с чаем на медных подставках Зайнаб собралась разливать чай, присев подле кувшинов, а Узбек-аим остановила выходящую Айбадак:

— Пришел мясник?

— Давно пришел. Если гости благословят, я приведу к нему барана.

Узбек-аим посмотрела на Офтоб-аим:

— Ну как, свашенька, благословите?

Офтоб-аим обратила взоры на Махиру-аим.

— Благословите, вы старшая!

— Баран предназначен для вас,— возразила Махира-аим,— ваше право и благословлять, а нам уж не раз приходилось...

Узбек-аим подала знак Офтоб-аим, чтобы та согласилась. Офтоб-аим, хоть и была смущена, но исполнила обряд.

Айбадак вышла, и все начали угощаться.

— Кушайте, кушайте,— уговаривали они друг друга, посматривая на Кумюш. Особенно приглядывалась к ней Узбек-аим и все упрасивала:

— Ну возьми же, кушай, дитя мое! Я не люблю людей, которые стыдятся есть. Может быть, тебя обижает, что я сразу начала говорить тебе «ты»?

— Я нисколько не обиделась, напротив, даже обрадовалась,— сказала Кумюш и взяла кусочек с одного из блюд.

— Раз вы говорите ей «ты»,— сказала Офтоб-аим — значит считаете ее уже третий год своей дочерью. Я вам очень благодарна!

— Человек говорит «ты» своим детям. Станет ли он так говорить чужим? — вставила и Карима-атин.

— Мне тоже начали говорить «ты» наутро после свадьбы,— подхватила Зайнаб.

Тут снова заговорила Узбек-аим:

— Я не могу говорить «вы» близкому человеку! — В ее голосе звучали нотки похвальбы.— Эй, Кумюш,

съешь хотя бы этот пирожок, ты ведь, наверное, изголодалась!

Кумюш сказала, извиняясь:

— Должно быть, от усталости у меня совсем пропал аппетит.

Узбек-аим рассмеялась.

— Не от усталости это, а потому, наверное, что ты истосковалась по мужу.

Все рассмеялись. Смеялась и Зайнаб, а Кумюш от-вернулась. Возможно, она мысленно отдала должное догадливости свекрови.

Узбек-аим усердно угощала своих свях — Офтоб-аим и Махиру-аим.

— Кушайте, кушайте, не обращайтесь внимания на молодых, их мужья убажуют, а нам остается одна радость — еда.

Все снова рассмеялись. Смеялась Офтоб-аим, смеялась открыто Кумюш, глядя на Зайнаб, смеялась и Зайнаб...

Когда поутихло, к Кумюш обратилась тетка Зайнаб:

— Сколько времени вы не виделись с вашим мужем?

Кумюш испуганно посмотрела на мать, та ответила за нее:

— Кажется, месяца три.

У Хушрой зло сверкнули глаза:

— Ха! Тетушка права. Значит, аппетит у вас пропал именно поэтому!

— Да, да! — воскликнули хором женщины.

— Я знаю, — сказала Узбек-аим, — потому-то и не пускала Атабека целых три месяца к ней.

«Вот как, — думала Кумюш, — нарочно не пускали!»

Офтоб-аим сказала смеясь:

— Не только у нее, у меня тоже что-то пропал аппетит...

Тут Узбек-аим вспомнила о сыне.

— Ой, кстати, видели вы Атабека? — спросила она у Офтоб-аим.

— Нет еще...

Узбек-аим посмотрела на Зайнаб.

— Не в михманхане ли он?

— Кажется, нет... — ответила Зайнаб.

— Недавно и отец твой его искал. Куда же он про-

пал, непутевый? — удивлялась Узбек-аим. — Он тебе ничего не сказал утром?

Кумюш во все глаза смотрела на Зайнаб, ожидая, что та ответит. И Зайнаб взглянула на Кумюш.

— Они попросили, чтобы я подала верхний халат, — сказала она. — Когда я спросила: «Куда собираетесь?», они ответили, что есть какое-то дело.

Кумюш стало нехорошо от этих жалящих слов Зайнаб. Помрачнела и Офтоб-аим. А родственники Зайнаб весело переглянулись друг с другом. Узбек-аим поняла, что происходит, и решила замять этот разговор:

— Наверное, у него было очень срочное дело.

Вошел Хасанали, держа бурдюк кумыса в руках.

— Добро пожаловать! — приветствовал он гостей, стоя в дверях и, улыбаясь, протянул кумыс Офтоб-аим. — Вот зять посылает вам кумыс.

Офтоб-аим сразу успокоилась, а на щеках Кумюш заиграл румянец. Что же касается противоположной стороны, то они заметно огорчились.

Обрадованная Узбек-аим спросила Хасанали:

— Когда он возвратился?

— Только что.

— Где он пропадал, глупец?

— Вчера хаджи поручил ему одно дело, — ответил Хасанали, — но он был чем-то занят и забыл о нем. Сегодня утром вспомнил и решил, что успеет до гостей вернуться. Отправился туда, но это оказалось довольно далеко, вот он и запоздал. А чтобы смягчить свою вину, достал по дороге два бурдюка с кумысом. Передавая их мне, он сказал: «Объясните, что мне очень стыдно, и я прошу простить меня!»

Говоря это, Хасанали рассмеялся.

— Прощения не будет, — сказала Карима-атин. — Подумаешь, что такое кумыс!

А Офтоб-аим, оглядев гостей, улыбнулась Хасанали.

— Мы очень хотим пить и потому прощаем.

— Хорошо, хорошо. Пойду и скажу, что вы его простили.

— Да, скажите ему, — подтвердила Офтоб-аим.

Кумюш взглянула на Зайнаб и смущенно ответила:

— Я тоже прощаю...

— Я заранее знал, что простите его! — сказал Хасанали, и комната огласилась веселым смехом.

Когда все умолкли, Узбек-аим спросила:

— Почему он сам сюда не зашел?

— Он беседует с тестем.

Хасанали удалился, а Узбек-аим распорядилась, чтобы Айбадак перелила кумыс в большой медный сосуд. Тем временем был зарезан и освежеван баран. Узбек-аим спросила у Офтоб-аим:

— Что прикажете изготовить?

— Не у меня спрашивайте — у гостей, что они пожелают, то и нам понравится.

Узбек-аим вышла во двор психлопотать насчет обеда. Зайнаб разлила черпаком кумыс в чашки и принялась обносить им гостей.

9

ХАДЖИ ОТРЯХИВАЕТ ПОЛЫ ХАЛАТА

На почетном месте сидел кутидор, рядом с ним имам¹ махалли Юнус Мухаммад-ахунд, далее — старейшина квартала Пирназар-палач² и старик по имени Сатыбалды. Рядом с Пирназаром-палачом сидел Атабек, а с Сатыбалды — Юсуфбек-хаджи. Хасанали разливал из бурдюка кумыс.

Разговор зашел о резне, которой подверглись кипчаки четыре дня назад.

— Я совсем потерял надежду, что из нашего народа выйдет толк, — говорил Юсуфбек-хаджи. — Сколько я себя помню, я думал только об интересах мусульман. Не мечтал ни о должностях, ни о чинах, а в конце концов, как ребенок, дал себя обмануть нескольким честолюбцам из тех, что добивались званий кушбеги и мингбаши. Великий повелитель тоже склонил уши свои к словам честолюбцев, никогда не советуясь со мной. А между тем, именно я был одним из тех, кто спас его от такого негодяя, как Мусульманкул.

Юнус Мухаммад прервал говорившего:

— Э, хаджи, все зло от самого повелителя. Если бы он был настоящим человеком, горсточка мерзавцев

¹ *Имам* — духовное лицо.

² Исполнявший некогда обязанности палача сохранял за собой это прозвище на всю жизнь.

была бы бессильна что-либо сделать, и не пролилась бы напрасно кровь невинных. В изречениях великого пророка говорится: если дело народное отдано в руки недостойного человека, то это приближает судный день, то есть гибель народа. А поскольку наши дела уже давно ведутся недостойными людьми, то с нами и происходят всевозможные беды. Да пошлет аллах гибель всем негодьям.

— О господи!— воскликнул хаджи.— Горе нам, несчастливым!— Он грустно помолчал, а потом закончил свою речь, прерванную имамом.— Всю жизнь я тщетно стремился обратить недостойных, сделать их хорошими людьми. И вот приходит мой конец...— Хаджи пощупал свою бороду.— Эта борода побелела в заботах о благе народа. А душа моя почернела при виде нечистых дел всех этих честолобцев. Теперь я решил посвятить остаток моей жизни приготовлениям к переходу в иной мир, стряхнуть с себя мирскую суету.

Всем стало грустно от этих слов. Наступило долгое молчание. Особенно сильное впечатление слова хаджи произвели на Пирназара-палача. Он высказался в духе, подобающем его прежнему занятию:

— Одному за другим нужно отрезать головы всем этим мерзавцам. Иначе трудно обеспечить покой народу.

Все ждали, что ответит на это хаджи. А он улыбнулся и сказал:

— Вы правы, палач! Для этого дела можете пригласить себе в помощники моего сына, вот он сидит рядом с вами.

Под общий смех кутидор с улыбкой поглядывал на Атабека, а тот, поняв намек отца, покраснел, как свекла. К его счастью, никто, кроме кутидора и Хасанали, не понял намека.

Пирназар с уважением посмотрел на молодого человека.

— Атабек не то что палачом, настоящим полководцем может стать. Пусть отдаст мне приказ, а вы все благословите меня, и я сниму головы мерзавцам!— воскликнул он.

Тут взял слово хаджи.

— Все мы, от велика до мала, только и знаем, что снимать головы. Мы считаем, что все в мире можно

устроить таким путем. Сказать по правде, я тоже не против того, чтобы дурным людям снимать головы. Однако есть при этом несколько важных условий: прежде всего нужно создать общество людей, не преследующих личной выгоды, готовых жизнь отдать за народное счастье; далее, перед этими людьми должна стоять ясная цель, вытекающая из их убеждений. Лишь стремясь к этой цели и возможно отмести мусор, путающийся в ногах. Только при этих условиях пролитие крови будет оправдано и законно. В противном же случае оно ничем не отличается от того, что творят эти честолюбцы!— Передохнув, хаджи продолжал:— К сожалению, дожив до преклонных лет, я встретил всего несколько человек, которые могли бы войти в подобное сообщество.

Поговорив еще немного, все собрались идти в мечеть на полуденную молитву. Атабек поднялся, чтобы идти с ними, но Хасанали остановил его:

— Подождите, Атабек. Сейчас, когда все приехали, вам неловко не зайти в ичкари. А насчет вашего опоздания я уже что-то наплел им, и, кажется, они успокоились.

Атабек почувствовал внезапную слабость и сел на прежнее место, пробормотав:

— Ладно уж, если так...

10

ХИТРОСТИ ХАСАНАЛИ

Мы знаем, что когда человек сильно испуган, его охватывает оцепенение. Представьте себе, что вам навстречу вышел тигр. Вы, конечно, очень испугаетесь, поняв, что вас ждет смерть, а для человека нет ничего страшнее смерти. И страх ваш в этом случае совершенно естественен. Однако заметили ли вы, что когда вас ожидает большое счастье, когда перед вами возникает видение этого счастья, вы почему-то впадаете в такое же состояние, как и в ожидании смерти?

Это произошло с Атабеком еще утром, а после слов Хасанали он чуть не лишился чувств.

Тем временем старик давал ему советы, как вести себя на женской половине.

— Ваша мать и Зайнаб ничего не знают о том, что произошло в Маргелане, предупредил я и вашу тещу, и Кумюш. Поэтому, когда будете здороваться с ними, справляться о здоровье, держитесь так, как будто вы не виделись всего три месяца.

— Это не так уж трудно,— вздохнул Атабек.

— А что же трудно?

— Неужели вы не догадываетесь?

Хасанали долгим взглядом посмотрел в глаза Атабеку.

— Вы же мужчина! А? Как вам не стыдно!

— Мужчина-то мужчина, но разве сердце спрашивает?

Хасанали призадумался. Действительно, у Атабека было сложное положение. Долго думал старик, то почесывая затылок, то теребя свою бороду. Наконец, улыбаясь, как бы про себя, он сказал:

— Хорошо, погодите, в таком случае я проделаю одну штуку...

— Что вы хотите сделать?

— Не спрашивайте пока! Но с этой минуты предоставьте дело мне.

Атабек как-то неестественно улыбнулся.

— Что же это будет?

— Не спрашивайте! Спокойно совершите омовение и помолитесь.

Хасанали вышел из михманханы, а Атабек покорно выполнил то, что ему было сказано, совершил омовение, вернулся в михманхану и начал молиться. Так прошло около получаса. Когда Хасанали вернулся из ичкари, Атабек все еще бил поклоны.

— Как, вы еще не помолились?!— спросил Хасанали, заглядывая в окно.

Атабек взглянул на него, позабыв, как полагалось при молитве, поклониться в обе стороны. Заметив это, Хасанали готов был рассмеяться, но сдержался.

— Идемте со мной.

— Куда?

— В ичкари.

— Опять?

Хасанали рассмеялся.

— Сейчас это будет в первый раз. Из коридора пройдите в мою комнату. Женщины еще молятся, и вас

не заметят. Я прикрою за вами дверь и через некоторое время пришло к вам ее... Хорошо?

— Да...

— Ну, подымайтесь, и побыстрее!

Атабек встал. Он немного успокоился, еще было время подготовиться к встрече.

Хасанали шел впереди. Показав на дверь своей комнаты, он шепнул:

— Входите.

Атабек вошел, а Хасанали неплотно прикрыл дверь и приоткрыл немного ставеньку в окошке, но так, чтобы из окон напротив нельзя было рассмотреть, что делается в комнате. Ухмыльнувшись своим мыслям, он отправился в ичкари.

Комната Хасанали, обставленная, как у всех людей среднего достатка, была чисто прибрана тетушкой Айбадак.

Стены комнаты отделаны гипсом, потолки окрашены, на полу — цветная кошма, а в нише, завешенной покрывалом, сложены одеяла.

Атабек, оставив кавуши в сенях, вошел в комнату, прошелся раза два из конца в конец и взволнованно вздохнул. Вдруг покрывало, закрывавшее нишу, заколыхалось. Атабек не заметил этого. Но вот кто-то поднял покрывало, и Атабек похолодел... Из ниши на него смотрела она и улыбалась. Атабек задрожал... Наконец оба пришли немного в себя и безмолвно кинулись друг другу в объятия. Атабек вдыхал аромат индийского нарда, исходивший от волос Кумюш, а она крепко прижималась к его груди. Так простояли они минуту, потом оторвались друг от друга, прошли в конец комнаты и сели. Ни он, ни она не в состоянии были заговорить. Они лишь глядели друг на друга. Молчание длилось несколько минут. Кумюш заговорила первая. Она сказала, улыбаясь сквозь слезы:

— Вы... беглец!

— А вы?

— А я? Преследовательница!

— И правильно поступили.

Она легонько ударила мужа по щеке.

— И эту, — сказал он, подставляя другую щеку.

— По этой пусть Зайнаб ударит!

— У Зайнаб нет на это права!

Глаза Кумюш радостно сверкнули.

— Правда?

— Правда!

— Тогда вот вам! — сказала Кумюш и ласково погладила Атабека по другой щеке.

Они тихо рассмеялись.

— Я состарилась, тоскуя по одному человеку, — сказала Кумюш.

— Неправда! Вот если бы вы сказали это обо мне, то была бы правда.

— О вас? Вы только возмужали.

— Вы говорите неправду.

— Нет, правду.

— Зато вы...

— Что я?

— Потом скажу...

— Говорите сейчас, — сказала Кумюш и проникновенно посмотрела на него.

Вместо ответа Атабек поцеловал ее в щеку. Кумюш освободилась из его объятий и встала.

— Счастливо оставаться!

Атабек смотрел на нее, ничего не понимая.

— Что с вами? Куда вы собираетесь?

— В Маргелан.

— Сегодня поздно уже, отправитесь завтра!

Кумюш рассмеялась и снова ударила Атабека по щеке.

— О нашей тайной встрече, — сказала она, — никто не знает, кроме моей матери и Хасанали. Очень нехорошо будет, если узнает ваша Зайнаб.

— А что она сделает, если узнает?

— Ничего не сделает... А все-таки нехорошо. Выйдите отсюда через некоторое время после меня, зайдите к нам, поздоровайтесь с моей матерью. Мать Зайнаб умирает от радости, что вы не нашли до сих пор времени зайти.

Кумюш снова улыбнулась и вышла. Атабек был теперь спокоен: если сердце его и билось сильнее обычного, то лишь потому, что его переполняла любовь к той, что вышла из комнаты. Атабек чувствовал в эту минуту благодарность к Хасанали. Он предвкушал счастье. Какое счастье ждало его!.. Трудно выразить охватив-

шее его радостное волнение. Атабек забыл обо всем на свете, ни разу не вспомнил и о Зайнаб.

Рассчитав по времени, что Кумюш уже успела вернуться к гостям, Атабек тоже направился туда. Зайнаб увидела его из своей комнаты и пришла вслед за ним.

Все женщины приветствовали Атабека стоя. Только Узбек-айм продолжала сидеть и молчала.

Офтоб-айм, здороваясь, обняла его и проследовала. Затем он поздоровался со своей второй тещей — матерью Зайнаб — и другими и, наконец, улыбаясь, обратился к Кумюш:

— Как вы поживаете?

Кумюш улыбнулась ему в ответ.

— Слава богу, — сказала она.

Взаимные приветствия закончились.

Все сели. Атабек занял место рядом с матерью, Зайнаб села рядом с ним. Кумюш передернуло, она исподлобья бросала взгляды на Зайнаб.

Произнесли благодарственную молитву.

Атабек обратился к Офтоб-айм с извинениями:

— Простите меня, я думал утром, что успею вернуться до вашего приезда, но не успел, потом в михманхане задержался...

— Вы сын мне, и я прощаю, — сказала Офтоб-айм.

А Узбек-айм добавила:

— Но если б ты не привез кумыса, не промочил горло своей теще, то так легко не отделался бы, сын мой!

Все засмеялись, а Карима-атин сказала:

— Кумюш-ай все попрекала Зайнаб: ты спрятала моего мужа.

Снова все залились смехом. Как ни раздражена была Кумюш поведением Зайнаб, но и она повеселела. Смеясь, она украдкой поглядывала на Атабека, а за ней следила Зайнаб.

На мгновение все замолчали. Атабек, желая в свою очередь повеселить гостей, сказал, глядя на Зайнаб и Кумюш:

— Удивляюсь я...

— Чему же? — спросила Махира-айм.

— Почему Зайнаб толстая, а Кумюш худая?

Ответила Узбек-айм.

— Об этом ты у меня спроси, сын мой. Твоя Кумюш, видно, много думает, как и ты сам. А Зайнаб — вроде меня, веселая.

Кумюш было приятно, что свекровь сравнила ее с Атабеком. А Зайнаб рассердилась на нее за это же.

Карима-атин возразила:

— Вы ошибаетесь, тетушка. Тот, кто читал повесть об Иосифе Прекрасном и Зулейке, тот понимает, в чем дело. Три месяца — большой срок, Кумюш похудела с тоски по мужу.

Карима-атин поступила так же, как те, кто, подрисовывая брови, чуть не выдавливают глаза: сравнив Атабека и Кумюш с Иосифом и Зулейкой, она разожгла гнев Зайнаб и всей ее родни.

— Узбек-аим права, — сказала Махира, — Зайнаб веселая, а Кумюш, кажется, чрезмерно задумчива...

— Да, да! — подхватила Хушрой.

Кумюш и ее мать поняли, что происходит, и сидели молча, чтобы не подливать масла в огонь. Кумюш лишь взглянула на Атабека, делая вид, что недовольна им.

— Пойдите, — воскликнул Атабек, — никто не угадал!

Все повернулись к нему лицом.

— Скажите вы, раз мы не угадали, — сказала Шарафат-чевар.

— Зачем же я стану говорить, если вы не угадали!

— Я угадала, ах, шайтан! — крикнула Карима-атин. — Он хотел сказать, что у красной розы и у белой розы — у каждой из них свой аромат.

Все расхохотались.

— Верно, верно.

Атабек встал, приговаривая: «Нет, нет, нет, не угадали», — и вышел из комнаты. У Зайнаб и Махиры-аим стало легче на душе. Пока все смеялись и болтали, подали кушанья.

11

ЗАГАДКИ КУМЮШ

Гости разошлись перед началом вечерней молитвы. В михманхане остались лишь Юсуфбек-хаджи. Мирза-карим-кутидор, Хасанали и Атабек.

В ичкари, проводив гостей, Узбек-аим начала прекращать Кумюш и ее мать:

— Я очень сердилась на вас обеих. Не хотела даже знаться с вами. За три года ни разу не приехали, слыханное ли дело?! Бедный сын мой, как челнок ткацкого станка, каждый месяц сновал из Ташкента в Маргелан и обратно. В конце концов у меня тоже есть чувство достоинства, все меня знают в Ташкенте, я жена хаджи, сам Худояр-хан был на одну ночь гостем в нашем доме! Что до кушбеги, то там ни одного дела не начнут, не посоветовавшись со мной. И вот человек, пользующийся таким почетом, встречает невнимание со стороны свахи и невестки! В Ташкенте мне все уши прожужжали: когда же придет мол ваша невестка, как вы допускаете, чтобы она жила в Маргелане? А я, не зная, как выйти из этого положения, говорю: мол мать моей невестки больна, да и сама невестка прихворнула. А поглядишь, ведь она словно алая розочка. И за этакую неучтивость я еще ей собственную комнату предоставила!

Подкупающее добродушие и простота Узбек-аим очень скоро сблизили с ней и Офтоб-аим и Кумюш. Они улыбались ее речам и просили прощения.

Зайнаб, потому ли, что Атабек ушел, или по другой причине, оставила гостей и уединилась в своей комнате.

Время близилось к последней вечерней молитве. Зажгли свечи. Вошел Атабек. Офтоб-аим и Узбек-аим решили не мешать молодым и удалились в другую комнату посекретничать. Тогда, словно она только этого и ждала, явилась Зайнаб с кувшином и предложила Атабеку выпить чаю.

Он начал было отказываться, но тогда вмешалась Кумюш:

— Я буду пить, и вы присаживайтесь!

Зайнаб не пришлось уговаривать, она тут же села и подала чай Кумюш. Втягивая ее в разговор, Кумюш спросила:

— Вы, наверное, огорчены тем, что я, как злой рок, явилась сюда?

Зайнаб взглянула на Атабека.

— Что же мне огорчаться!— сказала она.— Когда вас не было, все равно они к вам сами туда ездили...

— А вот и не ездили бы,— ответила Кумюш,— поссорились со мной и уехали...

Атабек исподлобья взглянул на Кумюш и улыбнулся. Кумюш ответила ему улыбкой.

— Разве они могут с кем-нибудь ссориться?— возразила Зайнаб.— За два года грубого слова от них не припомню.

— Вы правы,— согласилась Кумюш.— Не они, а я поссорилась... Они ни в чем не виноваты... Размолвка наша произошла из-за одного негодяя.

— Кто же этот злодей?— спросила Зайнаб.

— Так, дрянной человек...— ответила Кумюш и обратилась к Атабеку:— Вы знаете, его недавно убил один бек!

Атабек улыбнулся.

— Слышал...

— С того дня, как я это узнала, я каждый день молюсь за этого бека.

— А из-за чего тот человек на вас сердился?— спросила Зайнаб.

Атабек посмотрел на Кумюш, как бы спрашивая: «Ну, что теперь ответишь?» А Кумюш спокойно сказала:

— Негодяй тот собрался жениться и послал сватов к моей подруге. Я же отговорила ее выходить за него замуж. Он узнал об этом и оклеветал меня перед ними.— Кумюш кивнула в сторону Атабека.— А они рассердились за то, что я вмешиваюсь в чужие дела.

Атабек смеялся, слушая, что сочиняет Кумюш, а Зайнаб поспешила оправдать мужа:

— Значит, вы сами виноваты! Зачем было становиться между вашей подругой и тем человеком?

— Да уж, признаюсь, что виновата!— Говоря это, Кумюш смотрела на Атабека.— Но если правду говорить, главная виновница — дочь моей тетки, Зайнаб, она колючкой вьелась между нами.

Атабек резко повернулся к Кумюш.

— Зачем вы еще и Зайнаб сюда приплели?

Кумюш засмеялась, несколько не смутившись.

— Не волнуйтесь, бек,— сказала она.— Я была недавно у матери Зайнаб, и она подробно рассказала, как ее дочь-толстуха обо всем нашептала на ухо негодяю Хамиду. Ясно вам, в чем дело?

Атабек еле удерживался от смеха.

— Что бы там ни было, а вы сами виноваты: зачем вмешались в это дело? — сказал он.

Зайнаб подхватила:

— Конечно, нехорошо было вмешиваться!

Кумюш стала серьезной.

— Вы правы, толстуха-Зайнаб тоже не виновата. Что до меня, то я считаю виновными родителей. Им давно нужно было отдать свою дочь за подходящего человека. Ничего бы этого тогда не случилось. Зачем им вот уже два года причинять столько волнений, беднягам! Короток ли путь между Ташкентом и Маргеланом!

Атабек хохотал. А Зайнаб совсем уж ничего не понимала.

— Почему вы все-таки отговорили вашу подружку выходить замуж, когда представился случай? — спросила она.

— За богатого да рябого?! Уж лучше в могил лечь, чем на богатство польститься!

— Это правда, — сказала Зайнаб.

«Да, Кумюш не лезет за словом в карман, — удивленно подумал Атабек. — Вот молодец!»

А Кумюш все еще не угомонилась.

— К нашей размолвке имеет отношение еще и Карим-сундучник!¹ — сказала она.

Атабек спросил нарочно:

— Какое же он мог иметь отношение? По-вашему выходит, что весь город принимал в этом деле участие!

— Подождите, милый, — сказала Кумюш. — Ведь он не подумав как следует, прогнал молодого человека который подошел к воротам. Не так ли?

— Господи! Но ведь и это произошло из-за того ж Хамида. А Хамид озлился из-за вас...

Зайнаб порывалась что-то спросить, но Кумюш прервала ее:

— Да и не в этом дело... На все воля божья!

— Вот это правильно, — подхватил Атабек.

А Кумюш продолжала:

— И в том, что курносая, гоняясь за хвостом, потряла ухо да так и осталась ни с чем, в этом тоже воля божья!

¹ Тут подразумевается отец Кумюш, так как буквальное значение слова «кутидор» — сундучник.

Атабек рассмеялся. Ничего не понимая, Зайнаб попросила разъяснений, но Кумюш надоело выдумывать, и она перевела разговор на другое:

— А сколько вам лет, Зайнаб?

— Кажется, идет девятнадцатый.

— Так вы совсем девчонка!

— А вам какой пошел?

— Не спрашивайте, я уже старуха...

Зайнаб, с завистью глядя на Кумюш, пролепетала:

— Но выглядите вы молодой.

— А как по-вашему, сколько мне лет?

Зайнаб посмотрела на стройный стан, на юное лицо гонерницы. Ей показалось, что Кумюш даже моложе ее, но она не решалась сказать об этом.

— Откуда мне знать?

— Мне пошел двадцатый год.

— Вы, значит, перегнали меня всего на год.

— Я, конечно, перегнала!— сказала Кумюш.

И Атабек уловил тайный смысл этих слов: Кумюш и по красоте, и по уму, и по всему остальному далеко впереди Зайнаб.

Наступило молчание. Зайнаб задумчиво перебирала кисти ковра; Кумюш как будто задремала; Атабек украдкой поглядывал на нее, и вдруг его сердце сжалось от жалости:

— Вы, наверное, очень устали с дороги Кумюш?

Зайнаб оторвала свой взгляд от ковра, а Кумюш очнулась от дремоты.

— Не знаю, право...

— Так мы уйдем, а вы спите спокойно,— сказал Атабек.

— Хорошо... Я, кажется, пропустила и вечернюю молитву?

— Ничего! — сказал Атабек.— Вы не боитесь одна?.. Может быть, Зайнаб ляжет с вами?

— Зайнаб пусть ложится с вами!.. Я привыкла к одиночеству.

— Может быть, вашу матушку позвать?

— Спасибо!

— А если мать узнает, что вы остались одна?..

— Если вы или Зайнаб не расскажете об этом, никто не узнает... Спать вот здесь?

Зайнаб почему-то очень обрадовалась. Она даже

не дала Кумюш стелить, а сама взяла из ниши постель и разостлала на полу, покрытом ковром. Кумюш поблагодарила ее, сидя в углу на почетном месте и едва преодолевая дремоту. Атабек, стоя в противоположном углу, улыбаясь, погрозил ей пальцем. Кумюш, прищурившись от дремоты, отвечала ему тем же.

Зайнаб, постелив постель, собралась уходить, но Кумюш остановила ее.

— Зайнаб, не позволяйте этому человеку спать в михманхане! Хорошо?

— Почему?

— Мой отец может еще что-нибудь подумать...

— Хорошо!— сказала Зайнаб, посмотрев на Атабека взглядом, в котором можно было прочесть: «Вы слышали?», и вышла из комнаты.

— Ну и вы тоже идите к себе,— строго сказала Кумюш.— Я говорю серьезно!

Атабек сделал вид, что не слышит, и подошел к ней:

— Вы...

— Я?

— Вы хитрая...

— Я не хитрю!— улыбнулась Кумюш.— Но все еще сержусь, еще не помирилась с вами.

— Но что вы тут такое говорили! У меня душа ушла в пятки от страха. Вот-вот, думаю, все откроется.

— Почему это могло открыться? Я только собиралась поговорить с вами о происшедшем, а она, как нарочно, явилась. Я все же решила не отступать от своего намерения и рассказала обо всем по-иному. А разве она что-нибудь заметила?

— Не думаю... А все же я очень боялся.

— С таким робким сердцем вы убили троих?! Не верю!— сказала Кумюш.

Тут она заметила на его руке шрам от удара кинжалом.

— Где вы поранились? Воробьев, что ли, резали? Ну, идите, я хочу лечь!

— Ложитесь, пожалуйста.

— Что же, при вас раздеваться?!

— Если вы стесняетесь, я могу отвернуться.

Атабек повернулся к ней спиной.

— Хорошо, не смотрите!— сказала Кумюш и начала раздеваться.— Я еще не разделась... Нет еще, нет

еще,— повторяла она и, уже скользнув под одеяло, смеясь продолжала твердить:— Нет еще, нет еще!..

Атабеку, наконец, надоело ждать, и он повернулся.

— Обманщица!

— О, то ли еще будет, беглец!

— Вы, правда, не боитесь спать одна?

— Чего же мне бояться? Я уже привыкла — два года сплю одна. Это вы, наверное, боитесь одиночества!

— Вы насмехаетесь...

— Вовсе нет, правду говорю! А что до меня, то я не одна...

— Что вы хотите этим сказать?

— А то, что у меня есть друг, и вы за меня не беспокойтесь!..

Атабек снова не понял:

— Друг?

— Да!.. Это моя мечта об одном человеке. Может ли быть что-нибудь лучше? Иногда она слаще сна.

Атабек теперь понял, о каком друге идет речь. Он прилег рядом с Кумюш и поцеловал ее.

— А знаете, я не верю вам,— сказал он.

— Почему?

— Потому что... в ту ночь вы не думали ни о ком, вы спали да еще посапывали во сне.

Кумюш положила руку Атабеку на плечо.

— Да, правда, тогда я спала без мечты... Я совсем потеряла надежду на того человека. Мысли о нем приводили меня в ужас. Мне был сладок в те дни только сон: во сне я видела его и даже днем старалась уснуть. А потом моя мечта о нем стала снова желанным спутником. Что вы обо всем этом скажете?

— Ничего не скажу... Вы уже не прежняя Кумюш, не та, какой были два года назад.

Кумюш с головой закуталась в одеяло.

— Идите! Меня разморил сон.

Атабек нехотя встал. Когда он отошел, Кумюш осторожно приоткрыла лицо и сонно улыбнулась ему вслед.

Во дворе раздались чьи-то шаги, и Атабек потушил три свечи, стоявшие в нише. В окне показалась Зайнаб.

— Ах, вы еще здесь! А я думала, что вы ушли к себе,— сказала она.

Атабек, не отвечая, потушил остальные свечи.
Услышав голос Зайнаб, Кумюш сразу проснулась.
Атабек вышел, прикрыв за собой дверь.

СОПЕРНИЦА ОСТАЕТСЯ СОПЕРНИЦЕЙ

Умом и приветливостью Кумюш за каких-нибудь три-четыре дня совершенно покорила и свекра и свекровь.

— Это не женщина, а ангел,— говорил о ней Юсуфбек-хаджи.

Если бы не Зайнаб, он говорил бы это при всех. А Узбек-аим и думать позабыла о своей прежней неприязни к Кумюш. Она хвасталась перед женщинами, приходившими посмотреть «маргеланскую невестку».

— Дивная у вас невестка!— говорили они.

— Да, настоящая моя невестка была, оказывается, в Маргелане.

И Узбек-аим не переставала восхвалять ее. Оставшись с хаджи наедине, она повторяла:

— Хвала вашему сыну, смотрите, какую жену нашел!

И хаджи, посмеиваясь, восклицал:

— Видно, чародей-индус, о котором ты рассказывала, и тебя приворожил!

Она, тоже смеясь, отвечала:

— Правда, у этой женщины помимо красоты есть и еще какие-то чары...

После ухода соседок, восхвалявших Кумюш, Узбек-аим приказывала Айбадак окурить Кумюш от сглаза; чтобы не обидеть Зайнаб, то же самое проделывали и с нею, а если Атабек попадался под руку, то и его окуривали.

Большим почетом в доме хаджи пользовались и родители Кумюш. Кутидора ежедневно водили в гости к друзьям и почитателям Юсуфбека-хаджи. А дома он был окружен вниманием хозяина. Узбек-аим не знала, куда посадить, как угодить получше Офтоб-аим, называла ее не сватьей, а младшей сестрой, ничего не начинала готовить из еды, не справившись о ее пожеланиях.

За две недели у них в гостях перебивали все знатные женщины города, начиная с жев юз-баши, пансад-

баши, курбаши и кончая женой самого кушбеги. Все наперебой приглашали Офтоб-аим к себе.

— Вы не уедете, не побывав у нас,— говорили они.

По совету Узбек-аим было принято несколько приглашений и прежде всего решено было побывать во дворце и навестить супругу Нармухаммада-кушбеги Сарабек-аим.

Это произошло на шестнадцатый день, когда гостей стало меньше. Узбек-аим уведомила Сарабек-аим, что приедет, и приказала Хасанали запрягать коней в арбу. Кумюш хотелось поехать посмотреть, как живут во дворце; за утренним чаем она спросила:

— Зайнаб тоже поедет с вами?

— Зайнаб уже была разок, и довольно с нее,— ответила Узбек-аим.

— А я?

— И ты не поедешь!

Кумюш помрачнела и замолчала.

— Ты, дитя мое, невестка Юсуфбека-хаджи. Тебе не подходит ехать туда, куда тебя не приглашали,— сказала Узбек-аим.

Атабек ускакал куда-то на коне. Юсуфбек-хаджи и кутидор отправились в гости к Салихбеку-ахунду в медресе Кукельдаш. Дома остались только Кумюш, Зайнаб и Айбадак.

Кумюш и Зайнаб проводили старших женщин до ворот, и Узбек-аим сказала им смеясь:

— Смотрите, не вцепитесь друг другу в волосы, соперницы! Айбадак, присматривай за ними.

А Офтоб-аим, усаживаясь в арбу, возразила:

— Избави бог! В голове у них достаточно разуменья.

— Они же не соперницы, а сестры,— добавил Хасанали, усевшись уже в седло.

— За то, что вы не берете меня с собой, придется сорвать зло на Зайнаб! А то на ком же?— шутила Кумюш, играя кольцом на воротах.— Ну как, поцапаемся?— обратилась она к Зайнаб.

Зайнаб промолчала.

Узбек-аим отдала последние распоряжения Айбадак и наказала невесткам:

— В полдень непременно покушайте.

Арба тронулась. Зайнаб удалилась к себе, ни словом не обмолвившись с Кумюш. Та, раздумывая, что

бы это могло значить, постояла немного во дворе и тоже прошла в свою комнату.

Ей было ясно, что Зайнаб со дня на день становится все холоднее, все больше чуждается ее. Сегодня она даже не откликнулась на шутку, и Кумюш, сидя у окна, всерьез призадумалась. Смутно было у нее на душе. Какие предосторожности принимала она в обращении с Атабеком, чтобы не вызывать чувства зависти в Зайнаб, все было напрасно. Как же можно наладить отношения? До какой степени дойдет неприязнь Зайнаб за месяц, если так обострилась она за какие-нибудь пятнадцать дней. Кумюш понимала, что при таких отношениях она не сможет долго жить в этом доме. В то же время ей не хотелось уезжать, оставив на длительный срок Атабека с Зайнаб. В Кумюш тоже проснулась ревность. Думая о сопернице, она вдруг вспомнила, что недавно Атабек посмотрел на Зайнаб как-то многозначительно улыбаясь, перед ней всплыло полное, как луна, привлекательное лицо Зайнаб, каким оно казалось ей в ту минуту... Отмахнувшись от этих раздумий, Кумюш вскочила, взяла с полки зеркало и начала всматриваться в него.

Известно, что когда человек смотрит в зеркало, как бы хорош он ни был, он видит прежде всего свои недостатки. И Кумюш осталась недовольна собой. Ей не нравились ни большие с поволокой глаза, ни длинные пушистые ресницы, ни черные густые брови, ни родинка — в общем, ничто не нравилось ей. По сравнению с Зайнаб она казалась себе щуплой девчонкой-подростком.

Поставив зеркало обратно, Кумюш снова села у окна, полная чувства ревности к Зайнаб.

Размышляя обо всем этом, она, наконец, подумала: «Только бы он любил меня — и с меня довольно!» Но и это ее не успокоило. Ей вдруг показалось, что они с Атабеком любят друг друга всего несколько месяцев, и вот теперь Зайнаб с ее приятным лицом положит конец этой любви. Ей захотелось еще раз хорошенько рассмотреть Зайнаб, оценить силу ее прелести, и Кумюш поднялась, чтобы идти к ней.

Зайнаб сидела у окна и вышивала тибетейку.

— Как велела мама, я пришла к вам поцапаться, — улыбаясь, сказала Кумюш.

Зайнаб отложила тибетейку в сторону и встала.

— Я тоже собиралась к вам идти.

Кумюш усмехнулась.

— Как же можно — и тюбетейку расшивать и ко мне собираться?..

Зайнаб смутилась и не нашла, что сказать. Да, это у нее получилось по-детски. А Кумюш, чтобы вывести ее из затруднения, принялась рассматривать тюбетейку.

— Вы хорошо вышиваете. Кому это?

— Да так, не знаю... Кому-нибудь пригодится... Садитесь!

Они уселись друг против друга. Кумюш внимательно смотрела на Зайнаб. Та все не могла оправиться от смущения, сидела потупившись, с раскрасневшимися щеками. Минуты две длилось молчание. Первая заговорила Зайнаб.

— Вас задело даже то, что я не зашла к вам,— сказала она.

— А почему бы и не задеть?!. Я не ребенок, все понимаю. Еще и шестнадцать дней не прошло со дня моего приезда, а вы уже сторонитесь меня. Я надеялась, что мы с вами будем сестрами...

— Но ведь между нами ничего такого не произошло... Если вы станете обижаться на каждый пустяк...

— Это не пустяк. Вы знаете, что мы в доме одни остались, и скрылись... Значит, вам неприятно быть со мною!

— Бросьте! Вы слишком близко принимаете все к сердцу. Я совсем не такая.

Разговор, носивший вначале шутливый характер, стал принимать серьезный оборот. Кумюш, наконец, излила свое раздражение, нараставшее пятнадцать дней.

— Раз я принимаю близко к сердцу, значит чувствую, что меня обижают.

— Почему вам пришло в голову, что я не хочу видеть вас и потому не вышла? Ведь вы не были у меня в душе!

Зайнаб тоже начала горячиться, а Кумюш заговорила еще резче:

— Мне совсем не нужно заглядывать в душу, чтобы заметить... Ваши поступки говорят за себя!

— Какие поступки?

— Не спрашивайте.

— Но я не знаю, скажите!

— Если узнаете, тогда еще больше рассердитесь.

— На правду сердиться не буду.

Кумюш понизила голос, чтобы не слышала Айбадак, хлопотавшая по хозяйству.

— Если не рассердитесь, скажу: почему, когда муж заходит ко мне, вы, по делу ли, без дела ли, приходите и садитесь с нами, а когда я одна, вы не заходите?

— Я так и знала, что вы это скажете. Ну что ж, если вы и это так близко принимаете к сердцу, то я никогда больше не буду заходить!

— А вы говорили, что не рассердитесь, если я правду скажу!

— Я говорю только, что не стану заходить, когда у вас муж.

— Не хитрите, Зайнаб! Я сказала об этом не для того, чтобы вы не заходили, когда он у меня, а в доказательство своих слов.

Теперь обе приумолкли. Айбадак заглянула в окно.

— Пора обедать,— сказала она.— Что вам приготовить?

Кумюш взглянула на Зайнаб.

— Что мы закажем?

— Она у вас спрашивает...

— Приготовьте любимое блюдо Зайнаб.

— Лагман хотите?—спросила Айбадак, обратившись к Зайнаб.

— Мне вообще не хочется есть. Готовьте что хотите!

Айбадак молча ушла. Зайнаб возмущенно воскликнула:

— Удивляют меня ваши слова!

— Не удивляйтесь, Зайнаб! Хоть разговор этот вам и не нравится, я начала его потому, что вы оставили меня одну. Я не на всю жизнь приехала в ваш дом, а лишь на некоторое время повидаться со свекром и свекровью. К чему же нам дуться и ссориться друг с другом? Нехорошо!

Услышав слова «на некоторое время», Зайнаб просияла, и голос у нее стал ласковее, когда она заговорила:

— Вай, умереть мне, Кумюш, сестра моя! Вы и

правда все близко к сердцу приняли. Чтобы я до завтрашнего дня не дожидая, если у меня на сердце была хоть крупинка злого умысла!

Увидев, как просияла Зайнаб при упоминании об отъезде, Кумюш мысленно засмеялась и подумала: «Скорее умру теперь, чем уеду отсюда!»

Молодые женщины снова замолчали. Кумюш думала о чем-то, обняв колени, а Зайнаб вышивала тюбетейку. Через некоторое время она украдкой бросила недружелюбный взгляд на свою соперницу, вздохнула и снова сделала два-три стежка.

— Можете не беспокоиться,— вдруг сказала она.

Кумюш помолчала, потом, прислонившись к стене, спросила:

— А чего мне беспокоиться?

— Ну... я хочу сказать... не надо ненавидеть..:

— Кого?

— Сами знаете, кого...

— Стыдно, Зайнаб!

— А вам не стыдно?

Соперницы опять смотрели друг на друга, как два петуха, готовые к драке.

— Чего мне стыдиться?— спросила Кумюш.

— Говорить, чтобы я не входила, когда у вас муж. Конечно, стыдно.

— Я сказала это в ответ на ваше поведение. Но если вы считаете, что так оно и должно быть, то я вас тоже спрошу: входила ли я когда-нибудь к вам, когда у вас муж?

Зайнаб замаялась. Что ей ответить? Она не могла припомнить ни одного случая, чтобы Кумюш зашла к ней, когда у нее находился Атабек.

— А если бы и зашли, я не вытолкала бы вас в грудь!— сказала Зайнаб.— Вы меня ненавидите, равняете по себе, потому и не заходите.

— Нечего клепать, Зайнаб, вы не кузнец.

— Боже упаси уподобляться кузнецу! Мои родители никогда не были кузнецами.

— А кто это говорит?

— Из ваших слов так выходит.

— О господи,— засмеялась Кумюш.— Вы не так поняли. То заявляете, что я вас ненавижу, то укоряете тем, что я равняю вас по себе, то еще что-нибудь

приклепаете, как иглой тычете, говоря, чтобы я не беспокоилась.

— Я правду говорю, можете не беспокоиться...

— Ну-ну, продолжайте!

— Ведь...

Зайнаб начала что-то плести неразборчиво.

— Я поняла!— перебила ее Кумюш.— Вы хотите сказать, что я могу не беспокоиться, потому что муж меня любит?

Зайнаб побледнела и отбросила вышивание. Она смотрела на Кумюш, но в голову не приходило ничего, что бы могло исправить совершенную ошибку.

— Они, может быть, и вас, как меня, заверяли?

— В чем это они вас заверяли?

— Может быть, и вам говорили, что жить не могут без вас.

— Нет.

— А мне сотни раз твердили... Я думала, что и вам также.

Эта ложь пришла ей в голову мгновенно в ту минуту, когда она, замаявшись, не знала, как ответить сопернице.

И все же ее невнятная болтовня смутила Кумюш, которая уже готова была торжествовать победу. Сомнения, заставившие ее смотреться в зеркало, вспыхнули с новой силой, она потеряла над собой власть. «Зайнаб говорит правду,— думала она в смятении,— стал ли бы он дожидаться, пока я приеду в Ташкент, если бы не любил ее!»

Зайнаб, соврав, тут же испугалась последствий и торопливо принялась опять за тубетейку. А Кумюш почувствовала вдруг такую слабость, словно все силы оставили ее.

Айбадак принесла обед, он стоял остывая, но никто из них не притрагивался к еде. Зайнаб робко предложила:

— Угощайтесь, сестра!

Обе чуть отведали лагмана, вытерли руки о край скатерти и тут же разошлись по своим углам.

Еще через час вернулся Атабек. Его встретила Зайнаб, он передал ей верхний халат и продолжал стоять во дворе, раздумывая, к кому из жен зайти. Зайнаб вертелась вокруг него, но пойти к ней — значит обидеть Кумюш, пойти к Кумюш — обидеть Зайнаб.

А Кумюш не показывалась. Он подумал, что она спит, и вошел в комнату Зайнаб. Зайнаб из кожи воплезла, стараясь угодить мужу. Она усадила его на сложенные вчетверо одеяла, подложила ему под бок три пуховых подушки. Вытерла ему ноги и попросила позволения опаживать его. Атабек испугался этой чрезмерной заботливости и под благовидным предлогом отклонил ее услуги. Ему захотелось выпить чаю, но не успел он договорить свою просьбу, как Зайнаб сорвалась с места и побежала разжигать огонь в очаге. Оставшись один, Атабек заглянул к Кумюш. И окно, и дверь были открыты, но комната — пуста.

Со дня приезда Кумюш Атабек с каждым днем все больше чувствовал скованность. Он начал обдумывать каждый шаг, каждый взгляд, каждую улыбку. И все время испытывал неловкость.

Зайнаб не знала всей истории его отношений с Кумюш в Маргелане. С Зайнаб он раньше держался естественно и просто. Но дальше так не могло продолжаться. Улыбнувшись Кумюш, он должен был тут же улыбнуться и Зайнаб, и так во всем. Однако в первом случае улыбка и нежность шли от чистого сердца, во втором... Впрочем, мы уже потратили немало бумаги, рассказывая об отношениях Атабека и Кумюш, и кажется, читатель не соскучился, следуя за нашим описанием их чувств, пронизанных искренностью и, вернее сказать, поэтичностью. Если же мы обратимся ко второму случаю, то увидим, что Атабеком здесь руководило лишь чувство долга, а если и заметим тут что-то другое, то вряд ли это будет представлять какой-либо интерес.

Наши уважаемые читатели, вероятно, хорошо понимают, что руководило поведением героя, но все же постараемся разобраться.

Прежде всего Атабек уважал волю своих родителей, а затем на него не могло не подействовать признание Зайнаб, открывшей свое сердце, плакавшей перед ним. Атабек сам за три года испытал подобные чувства, немало пережил и сладкого и горького и из жалости к Зайнаб вынужден был притворяться.

Когда Атабек выпил две пиалы чаю, Зайнаб сказала:

— Мы думали, что вы поздно вернетесь, и не позаботились о еде. Я немного припрятала, правда, все уже остыло, но если хотите поесть...

Атабек проголодался в дороге и сказал:

— Давайте, несите!

Лагман, не тронутый женщинами, был подан Атабеку. Он, заметив, что мелко крошенное мясо лежит все наверху, спросил:

— А сами вы ели?

— Ели. Здесь Кумюш была. Только, видно, лагман ей не по вкусу — мало съела. А раз она не стала есть, то и я постеснялась...

— Ну так теперь давайте вместе поедим,— предложил Атабек.

Зайнаб охотно присоединилась к мужу. Кушая, она сказала, что Кумюш легла спать. Атабек, поев, тоже прилег. Как только он заснул, Зайнаб — словно только этого и ждала — присела у его подушки с опахалом, все время посматривая в сторону комнаты Кумюш. Ей очень хотелось, чтобы соперница увидела это. Хотя она и знала, что успех ее случаен, но он как бы подтверждал то, в чем она недавно старалась убедить Кумюш.

Зайнаб долго размахивала опахалом, и в конце концов ей повезло.

Кумюш выглянула из своей комнаты и увидела Зайнаб с опахалом у постели Атабека.

Через час он проснулся. Зайнаб прекратила свое занятие, которым стремилась растерзать сердце соперницы.

Атабек пошел к Кумюш. Она спала, косы ее в беспорядке были разбросаны на подушке. Он смотрел несколько минут на нее, спящую, и, чтобы не разбудить, тихонько направился к выходу. Подойдя к двери, он оглянулся. Кумюш смотрела на него.

— Спите спокойно, я уйду!

Но Кумюш поднялась с постели и повязала упавший с головы платок. Глаза у нее были красные, как от бессонницы.

— Почему вы встали? Спите! — сказал Атабек.

Кумюш хмуро молчала.

— У вас красные глаза! Вы не выспались?

— Мне нездоровится...

— Господи помилуй! — воскликнул Атабек, садясь рядом с ней. — Что у вас болит?

— Не знаю! — резко сказала она, разглядывая что-то в нише.

Атабек, думая, что она шутит, улыбаясь, потрогал лоб Кумюш.

— Как, вы не знаете, что болит?

— Уберите руку!

— Почему?

— Вы ведь брезгаете мной!..

— Я? Брезгаю? Да что вы...

У Кумюш блестели глаза.

— А Зайнаб?

Атабек не ожидал такого вопроса, растерянно посмотрел во двор и ответил:

— Вы все знаете об этом... лучше, чем я.

Смущение Атабека, взгляд, брошенный им во двор, казалось, подтверждали и то, что говорила Зайнаб. Кумюш нахмурилась еще больше и отвернулась.

— Оставьте! Не увиливайте от ответа.

Атабек ничего не понял, а слезы в глазах Кумюш окончательно его смутили. Все же он сказал, улыбувшись:

— Вы, должно быть, встали с левой ноги сегодня.

— Да, потому что нет никого, кто бы помог мне встать с правой.

— Вот из-за чего вы сердитесь! — рассмеялся Атабек.

Кумюш вытерла глаза.

— Да, из-за этого.

— Ну, из-за этого не стоит.

Кумюш начала горячиться.

— А из-за того, что вы двуличны? Что вы и одной и другой говорите те же слова, и из-за этого не стоит?

— Не понимаю что-то...

— Конечно, не понимаете да и не хотите понять.

Впервые в жизни Кумюш говорила с Атабеком так раздраженно. Разные предположения, одно за другим, промелькнули в его голове.

— Зайнаб сказала вам что-нибудь?

— Сказала!.. О том, что вы без нее жить не можете, сказала...

Атабек понял, что между женами произошел неприятный разговор; видно, Зайнаб наврала что-то Кумюш и тем разожгла ее ревность. Но он продолжал говорить в том же спокойном шутиливом тоне.

— И вы поверили Зайнаб?

— А разве ей нельзя верить?

— Хорошо, допустим даже, что я сказал это... Вы меня удивляете...

Кумюш молчала. Атабек легонько дернул ее за косу.

— А ну, признавайтесь, вы с ней поссорились?

— Да,— сказала Кумюш и улыбнулась, повернувшись к нему спиной.

— И это на пятнадцатый день знакомства!

— Будь на моем месте другая, она поссорилась бы с Зайнаб в первый же день.

— Да пошлет вам бог удачу!— иронически сказал Атабек.

— А вы не смейтесь!

— Тогда расскажите, что произошло.

Кумюш немного успокоилась и рассказала Атабеку о столкновениях, происходивших в последние дни между ней и Зайнаб. Между прочим упомянула и насчет того, что видела, как Зайнаб опахивает его спящего.

Атабек слушал сначала с таким видом; как будто не придавал всему этому значения, но когда Кумюш кончила говорить, он призадумался и долго молчал, а потом взглянул на нее улыбаясь.

— Почему вы опять смеетесь?

— Да потому, что не стоит плакать.

— Я не стерплю больше проделок вашей Зайнаб,— сказала Кумюш, сердито хмуря брови.

— Оставим пока разговор о том, стоит ли терпеть или нет. Ответьте мне лишь на вопрос: вы верите мне?

— И верю и не верю,— улыбнулась Кумюш и, подумав, добавила: — Слова Зайнаб заставили меня усомниться...

— Но у вас есть доказательства, которые должны были бы разрушить все сомнения.

Кумюш призадумалась, а Атабек, понизив голос, продолжал:

— Вот поэтому-то я и спросил вас третьего дня, остаетесь вы в Ташкенте или нет. Я хотел оградить вас от огорчений и думал, что если вы чувствуете себя здесь плохо, то лучше уж уехать. К чему терпеть обиды и неприятности!

— Нет! Если вы меня не прогоните, я в Маргелан не вернусь.

— А если вы будете нападать на меня по пустякам, я непременно прогоню вас.

Кумюш смотрела на него с укором.

— Могу ли я верить вам?— сказала она.

— А что говорит вам сердце?

— Сердце... сердце говорит: не верь!

— Тогда это не голос сердца.

— Нет, голос сердца.

— Значит, есть причина, по которой оно так говорит?

— Да!

— Объясните.

— Сердце спрашивает: «Кто должен быть изгнан?...»

И вы тоже ответьте на это, спросив свое сердце.

Атабек понял, чего хочет Кумюш, и заколебался. Это был очень сложный и деликатный вопрос.

А она, не дождавшись ответа, добавила:

— Хотя у меня не хватает умения распознать сердце другого человека, но мое сердце не вмещает двоих сразу...

— Вы хотите сказать, что мое сердце вмещает, не правда ли?

— Я не говорю этого... Это, по-моему, невозможно...

Кумюш все еще хотела объяснить свою тайную мысль.

Атабек был крайне удивлен резкой переменой, происшедшей в Кумюш за этот день, ее решительным тоном. Изменился не облик молодой женщины, сидевшей перед ним, а только ее характер.

— Мне ясно, чего вам хотелось бы,— сказал он наконец. Вы правы, как ни верти! Однако сейчас, пока... впрочем, я думаю, что вы и сами понимаете...

Кумюш молчала. Вероятно, она стремилась лишь узнать, как ответит муж на ее последний вопрос.

„БУДЕМ ЖИВЫ — УВИДИМСЯ“

Через двадцать дней после приезда в Ташкент кутидор стал собираться домой в Маргелан. Сколько ни уговаривали его Юсуфбек-хаджи и Атабек остаться еще хоть на неделю, кутидор не соглашался.

— Дом остался без присмотра,— говорил он,— там только Айша-буви и Тойбека. Как они, что с ними — неизвестно. Да и торговые дела запущены. Мы и так долго у вас погостили. Хватит. Спасибо вам за почет и уважение!

Хаджи сказал улыбаясь:

— Но теперь мы нашу невестку в Маргелан не отпустим!

Кутидор ответил:

— Она теперь и ваша дочь, а не только моя. И здесь, и там она у себя дома. Ваша воля будет и моей.

— Если бы не было всех тех событий, я бы не настаивал, чтобы она оставалась здесь,— уже серьезно сказал хаджи,— жаль ведь и вас лишать дочери. Но если вам это не очень тяжело, то пусть хоть с годик поживет у нас, пока там улягутся толки. Думаю, так лучше будет.

Кутидор согласился с ним.

— Вы рассуждаете справедливо. Да-да, пусть годик поживет здесь.

Кутидор решил оставить Кумюш в Ташкенте, даже не подумав о том, согласится ли на это его жена. А ведь до этого он безоговорочно принял ее условие: не оставлять здесь дочь. Но уж таково было у нас отношение мужей к женам. С женщинами не считались. Это общеизвестно, и не к чему распространяться на эту тему.

Как только Офтоб-айм узнала от Хасанали, что кутидор собирается уезжать, она первым делом решила поговорить с дочерью. Ведь от дочери даже больше, чем от мужа, зависело решение, ехать ли ей вместе с ними.

— Кумюш,— сказала она улыбаясь,— ходят слухи, что мы возвращаемся. Отец говорит...

Кумюш в это время что-то шила.

— Ну что же, в таком случае поезжайте,— сказала она, не отрываясь от шитья.

Услышав эти равнодушно сказанные слова, бедняжка мать так и присела.

— Что ты говоришь?

Кумюш усмехнулась, продолжая работать.

— Говорю: прощайте, раз собрались ехать! Я остаюсь!

Офтоб-аим смотрела на дочь неподвижным взглядом. Кумюш делала стежок за стежком, не поднимая глаз.

— Брось шутить.

— Я не шучу.

— И тебе не стыдно?

Кумюш улыбнулась.

— Почему мне должно быть стыдно?

— Неужели не понимаешь?

— Ведь я остаюсь у мужа. Он мне не чужой, почему же стыдно?

Офтоб-аим воскликнула удивленно:

— Останешься, если даже никто не попросит тебя об этом?!

Кумюш посмотрела на мать, отложив работу.

— Никто, кроме вас, не имеет ничего против этого. А если на вашей стороне Зайнаб, то ее желание не имеет для меня значения.

— Ты в своем уме, дочь моя?

— Вполне,— рассмеялась Кумюш.— Я, ваша дочь Кумюш, нахожусь у своего мужа в Ташкенте.

— И ради мужа, бесстыдница, ты отказываешься от родной матери?!

— Нет, я не отказываюсь. Я лишь готова немножко поскучать без вас в Ташкенте.

Офтоб-аим заплакала.

— А я не могу быть без тебя,— сказала она,— не могу доверить тебя дому, в котором живет твоя соперница!..

— Соперница одна, а друзей много.

Офтоб-аим отерла слезы.

— Не шути, доченька, с соперницей.

— Но и я ведь ей соперница!

У Кумюш был такой вид, словно она готова сейчас броситься на Зайнаб.

— Повтори это хоть тысячу раз, но ты не то, что она.

— Почему?

— Да потому, что муж любит тебя. Поэтому она тебе настоящий враг.

Кумюш улыбнулась и шепнула матери на ухо:

— Насчет этого будьте спокойны.

— Почему это я должна быть спокойна?

— Если Зайнаб причинит мне хоть малейшее зло, ваш зять даст ей развод. Значит мне лучше остаться здесь.

— Приехать ты успеешь, когда он разведется...

— Нет, если я уеду, он не разведется.

— Почему ты так думаешь?

— Да потому что мать его заступится, скажет, что не может жить без невестки... А при мне ей нечего будет сказать.

Офтоб-айм все еще не сдавалась, продолжая уговаривать дочь.'

— Ты молода, доченька. Не причиняй зла другим. Уезжай лучше со мной, а они пусть делают, что хотят. Зайнаб ведь тоже надеялась на счастье, выходя замуж.

— Вы не хотите понять...— начала Кумюш, но тут кто-то подошел к двери, и она замолчала.

Вошла Узбек-айм, говоря уже на ходу:

— Что это вы домой спешите? Враги за вами гонятся, что ли? Приехали из такой дали через пески и, не прожив месяца, уезжаете?!

Офтоб-айм и Кумюш почтительно поднялись с места.

— Вы слышали уже? — спросила Узбек-айм, усаживаясь.

— Слышала,— сказала Офтоб-айм.— Мы как раз говорили об этом.

— Да что же это такое... Так скоро!

Офтоб-айм сказала, оправдываясь:

— Мы и так принесли вам много беспокойства: прожили целых двадцать дней, как у себя дома. Вы оказали нам такое гостеприимство, познакомили со столькими уважаемыми людьми!.. Теперь очередь за вами, ждем вас к себе!

— Пустяки все это! Мы еще не приняли вас так, как надо бы, стыдно нам будет, если вы уедете. Я сама пойду сейчас к свату. Если он хочет обидеть нас, пусть хоть завтра уезжает!

Офтоб-айм продолжала оправдываться:

— Вот и Кумюш говорит, что мы довольно уже погостили, теперь приезжайте к нам с Зайнаб. Если хотите нас огорчить, идите к мужу, а хотите порадовать — не надо этого делать.

Услышав в связи с разговором об отъезде имя Кумюш, Узбек-аим перестала быть любезной.

— Кумюш тоже собирается ехать?— спросила она строго.

Кумюш, улыбаясь, смотрела на мать.

— У вас, слава богу, есть Зайнаб,— сказала Офтоб-аим.— Мои же крылья и хвост, все мое достояние — Кумюш. Неужели вы ее не отпустите?

Узбек-аим нахмурилась.

— Нет, нет, уважаемая Офтоб-аим, уж Кумюш-то я не отпущу.

— Хоть на этот раз отпустите, очень вас прошу!

— Не могу внять вашей просьбе, Офтоб-аим. А вам, невестка, не стыдно?— обратилась Узбек-аим к Кумюш.— Вчера только приехала, а сегодня уже бросает нас!

— Не по своей воле, мама,— ответила Кумюш.— Я поступлю так, как решите вы.

Узбек-аим одобрительно кивнула головой:

— Вот это молодец!

А Офтоб-аим взглянула на дочь.

— Что же ей еще ответить?— сказала она.— Кумюш не захочет меня обидеть. Если бы не это, она, конечно, не уехала бы.

Узбек-аим не собиралась отступить ни на шаг. Она все твердила:

— Стыдно ей уезжать! Атабек целых три года подряд ездил к ней. Что случится, если ваша дочь поживет годик в Ташкенте?

Тут Офтоб-аим решила иначе поговорить со сватьей и велела Кумюш выйти из комнаты.

— Друг мой,— сказала она, когда Кумюш ушла,— не думайте, что я не хочу оставить у вас дочь, тут другие соображения...

— Что же?

— А вот что,— замялась бедная Офтоб,— я хорошо знаю характер Кумюш. Росла она в неге, баловали мы ее, она не терпит, когда ей перечат. Будут они с Зайнаб каждый день ссориться, только измучают вас. Вот

я и не хочу, чтобы вы на меня сердились, говорили, что я вас не предупредила. Ведь я лучше всех знаю нрав моей дочери.

Но слова Офтоб-аим не произвели на Узбек-аим никакого впечатления.

— Конечно, всякое бывает,— сказала она,— но, слава богу, и хаджи и я еще живы, и мы не допустим, чтобы они ссорились. Зайнаб — кроткая божья тварь, она понятия не имеет о том, что такое обиды или ссоры.

— Что до Зайнаб, то вам, конечно, лучше знать ее нрав, но у Кумюш неважный характер, уверяю вас.

— Впервые в жизни слышу, чтобы мать говорила дурно про дочь,— смеясь, сказала Узбек-аим.— Лучше уж прямо скажите, что не доверяете нам ее.

— Почему не доверяю, я ведь отдала ее вашему сыну.

— Что бы то ни было, я не отпущу Кумюш!

— Ну что же, пусть остается,— сказала Офтоб-аим.— Только потом, если будут неприятности, на меня не пеняйте.

— Если вы сами не научите свою дочь дурному, я в обиде на вас не буду.

Обе женщины вышли во двор, где прогуливалась Кумюш. Затем прошли в комнату Зайнаб, которая, усадив их и стараясь быть приветливой, сказала, обращаясь к Офтоб-аим:

— Говорят, вы уезжаете. И месяца не пожили.

— Милая Зайнаб, мы достаточно погостили. Теперь вы должны к нам приехать.

Тут заговорила Узбек-аим

— Сколько ни прошу, не соглашаются побыть еще немного! Спешат, словно за ними какие-то враги гонятся. Если предоставить волю сватье, так она и Кумюш с собой увезет.

Зайнаб растерялась, но овладела собой и спросила:

— Зачем же ей уезжать?

— Нельзя ей не ехать,— сказала Офтоб-аим.— Вы ведь умница, посудите сами: у меня кроме Кумюш нет больше никого. Если она останется, считайте, что я умерла. А вот ваша свекровь не хочет понять этого.

Зайнаб украдкой взглянула на Узбек-аим. Та была раздосадована упорством Офтоб-аим.

— Бросьте!— сказала она.— Ну что с вами станется, если вы и поживете без дочери некоторое время?

— Вы все никак не поймете, милая!.. Впрочем, что еще скажет отец...

— Понимаешь, Зайнаб,— заговорила Узбек-аим, уже не обращая внимания на Офтоб-аим,— наша милая родственница, кажется, из-за тебя не хочет оставить здесь Кумюш, она думает, что Кумюш стеснит тебя, что вы начнете ссориться. А я ей говорю: ты не из таких, ты умница, из хорошей семьи, уважаешь нас и Кумюш окажешь внимание... А она вот все не слушает...

Офтоб-аим была смущена. Вышло так, что она готова оставить Кумюш, но боится ее соперничества с Зайнаб.

— Вы ошибаетесь,— пробормотала Офтоб-аим.

— Ошибаюсь я или нет, Кумюш из этого дома никуда не двинется!

Огорченная Офтоб-аим увидела, что препираться бесполезно, и решила поговорить обо всем с мужем.

Кучера, прибывшего с семьей кутидора из Маргелана, рассчитали, и на обратном пути его должен был заменить Хасанали. Срок отъезда назначили окончательно, и начались сборы в дорогу.

Узбек-аим захлопоталась: нужно было и напечь коржей, и толокно смолоть.

Офтоб-аим махнула на все рукой. Бедняжка совсем растерялась, когда муж ей сказал:

— Хаджи считает, что надо пожить ей годик в Ташкенте. Нельзя, говорит он, совать две ноги в один сапог,— а затем, перебивая жену, добавил: — Хаджи сидит в михманхане, неловко мне стоять тут в коридоре и препираться с тобой,— повернулся и ушел.

Кончилось тем, что она решилась обратиться к Атабеку, но и от него не добилась поддержки. Атабек частично принял ее соображения, но закончил тем, что сказал:

— Как бы там ни было, но ради меня придется немного потерпеть. Если я соглашусь исполнить вашу просьбу и отпущу ее, то в душе вашей дочери появятся сомнения. Вы сами прекрасно понимаете, что мое вмешательство будет плохо истолковано. Вы правы, говоря, что между ними может вспыхнуть вражда, но ду-

мгю, что до этого не дойдет. В крайнем случае отпра-
вим Кумюш к вам, так что будьте спокойны!

К кому ни обращалась Офтоб-айм, все гасили в ней надежду на то, что Кумюш вернется домой. У нее ще-
милло сердце, когда она смотрела на дочь: никак не мог-
ла себе представить разлуку с ней. Кумюш старалась
ничем не расстраивать мать, была с ней нежна и в то
же время бросала на Зайнаб насмешливые взгляды, ра-
дуясь при виде ее нахмуренных бровей и надутых губ.

Все было готово к отъезду, в том числе и подарки,
заказанные Узбек-айм для кутидора, Офтоб-айм и ба-
бушки Кумюш Айши-буви.

Гости проводили последнюю ночь в доме хаджи. Уз-
бек-айм до полуночи проговорила со своей сватьей, за-
тем, оставив ее наедине с дочерью, ушла к себе. И тут
Офтоб-айм сразу начала укорять Кумюш:

— И не стыдно тебе, доченька, бросать свою мать в
огонь разлуки?!

— Но зачем же так изводить себя?

— А как же не изводить! Нет у меня на свете другої
радости, кроме тебя... Если б это было возможно, я по-
казала бы тебе свое сердце, истлевшее от горечи. Жили
бы мы вместе, в одном городе!..

Кумюш всем сердцем сочувствовала горю Офтоб-айм,
ей самой было тяжело при мысли, что она разлучается
с матерью, холившей ее все двадцать лет.

— Всего несколько месяцев, мамочка... За это время
ничего не произойдет. Будем живы-здоровы, еще уви-
димся.

Из глаз Офтоб-айм градом текли слезы. Кумюш то-
же не могла сдержаться. И обе они долго плакали.

— Ну, раз так,— сказала наконец Офтоб-айм,—
будь послушна свекру и свекрови, не теряй их доброго к
тебе отношения, а особенно не делай зла твоей сопернице.
Худо ли, хорошо ли она поступает, ты ни во что не вме-
шивайся!

— Мне какое дело!

— Вот именно, никакого! И все-таки я побаиваюсь.
То, что ты мне вчера рассказала... Соперница твоя, хоть
и кажется простодушной, а себе на уме. Ее надо остере-
гаться. Не связывайся с ней. А если отношения ваши
совсем испортятся, попроси свекра отпустить тебя. Я уже
и с мужем твоим говорила об этом. Хорошо? Ты, слава

богу, грамотная, не ~~оставляй меня без вестей~~. Пиши хотя бы раз в две недели, и пусть муж отправляет письма.

— Непременно, и вы не забывайте.

Помолчали. Офтоб-аим тяжело вздохнула и печально смотрела на Кумюш. А та взглянула на мать и вдруг, неизвестно почему, усмехнулась.

— Ты смеешься надо мной, доченька,— сказала Офтоб-аим огорченно.

— Нет!— опять улыбнулась Кумюш.— Но мне, кажется... вы меня предупреждали...

— О чем я предупреждала?

Кумюш покраснела.

— Вы говорили, что будет тошнить...

— Правда?!

— Не знаю...— сказала Кумюш, еще больше смутившись и опустив глаза.— С третьего дня меня поташнивает... Особенно при виде плова... и хочется чего-нибудь кислого.

— Да принесет он счастье!— торжественно сказала Офтоб-аим, а потом зашептала ей на ухо:

— Никому не говори, кроме мужа! Свекровь твоя тоже несерьезная женщина, но особенно не дай заметить твоей сопернице!

Кумюш кивнула головой, и они легли спать вместе, на одной постели. Долго еще Офтоб-аим шептала дочери на ухо, теперь уже насчет внука, все время приговаривая:

— Наступит ли день, когда я его увижу?!

Поднялись на рассвете. Попили чаю. После утренней молитвы запрягли лошадь, сложили вещи. Хасанали держал коня за повод. У арбы стояли, разговаривая, кутидор и хаджи. Атабек вынес лесенку и приставил ее к арбе сзади. Женщины собрались в коридоре, Офтоб-аим попрощалась с каждой из них в отдельности. Последней прижала она к груди Кумюш и заплакала. Кумюш тоже не удержалась от слез. Поплакали и все остальные.

— Да благословит тебя бог, Кумюш! Если придет мой смертный час и я умру, не повидавшись с тобой, не поминай меня лихом.

— И вы, мама, не поминайте.

Кутидор тоже зашел в коридор, где стояли женщины, и поцеловал Кумюш в лоб.

— До свидания, дочь моя...

— До свидания, отец!

Юсуфбек-хаджи повернулся лицом к коридору, и все подняли руки на молитву. После молитвы Атабек вывел гнедого иноходца и подвел его к кутидору. Офтоб-аим еще раз обняла дочь и, не переставая плакать, взобралась с помощью Атабека по лесенке на арбу, прошла вперед и села. Кутидор, прощаясь с Юсуфбеком-хаджи, крепко обнял его. Атабек помог ему сесть верхом на коня. Последним взобрался на арбу Атабек и сел рядом с Офтоб-аим. Все произнесли «Алла акбар»¹, и Хасанали тронул коня.

Кумюш подошла к самым воротам.

— До свидания, мамочка! Обнимите за меня бабушку, передайте привет подругам!

— Да хранит тебя господь, Кумюш! Счастливо оставаться, сватья!

— Счастливо доехать вам, Офтоб-аим!

— Счастливо оставаться, Зайнаб!

— Счастливо доехать, тетушка!

Все время, пока арба не выехала на улицу и не свернула за угол, слышались возгласы: «Счастливо оставаться! Счастливо доехать!»

Арба скрылась из глаз. Оставшись последней из провожавших, Кумюш, плача, вернулась в ичкари. Атабек поехал проводить гостей на несколько перегонов.

ХУШРОЙ И ЗАЙНАБ

Хушрой — старшая сестра Зайнаб. У их матери Махиры-бану было два сына и две дочери. Первенца звали Алимбек, за ним шла Хушрой, затем Каримбек и, наконец, четвертая — знакомая нам Зайнаб. Она приблизительно на семь лет моложе своей старшей сестры. Хотя обе они вышли из одного чрева, но по характеру были совсем не похожи. Впрочем, различались они и по внешности. Хушрой — высокая, сухощавая, смуглая. Зайнаб — низкая, полная, белолицая. Хушрой — подвижная, говорливая. Зайнаб — медлительная, нелов-

¹ Алла акбар — велик аллах, начало молитвы.

кая, молчаливая. Глаза Хушрой так и бегали, сверкая, по сторонам. Зайнаб, даже разговаривая с кем-нибудь, смотрела в одну точку. Хушрой с детства и домашние и соседи называли «неистойвой», «властолюбивой». Она всегда умела настоять на своем, и если что делалось не по ее воле, поднимала дикий крик. В доме казан на очаг не ставили, не спросившись у нее; боялись говорить вслух о том, что могло ей не понравиться, даже ходить старались потише.

Зайнаб прозвали «скрытной». «У, немота, чтоб ты сдохла», — ругалась мать, сердясь на нее.

Все поведение обеих сестер обнаруживало разницу их характеров.

К каждому годовому празднику дочерям шили новые платья. Махира-бану уже за месяц просила мужа купить материю. Если Хушрой не нравилась обнова, она прямо заявляла об этом отцу, требовала замены и не успокаивалась до тех пор, пока ее не получала. Зайнаб же, если даже ей материя не нравилась, молчала, а когда платье было уже скроено и сшито и наступал канун праздника, вдруг надувалась и переставала разговаривать. Махира-бану говорила: «А чтоб тебя, немота! Какой злой дух в тебя вселился?»

Зайнаб хмурилась, дулась и продолжала молчать. Наконец в самый день праздника Зайнаб начинала плакать. Лишь тогда выяснялась причина ее неудовольствия, но уже было поздно что-нибудь изменить.

Когда собирались к кому-нибудь в гости, Хушрой заявляла раньше всех: «Я тоже пойду». После такого заявления никто не осмелился бы оставить ее дома, точно так же, как никто бы не сдвинул ее с места, если б она говорила: «Я не пойду», Зайнаб, когда мать и тетка собирались куда-нибудь ехать, не высказывали своих желаний, а они, по пословице «Пока ребенок не заплачет, молока не получит», уезжали в гости. Вернувшись домой, они заставляли Зайнаб плачущей в каком-нибудь углу.

— Чего ты плачешь?

— А вы почему меня с собой не взяли?

Такой Зайнаб выросла, такой же осталась и выйдя замуж.

Читатель уже знает об ее отношениях с Атабеком. Муж за все время ни разу и не взглянул на нее, а она

словом не обмолвилась. Только Узбек-аим заступалась за Зайнаб и учила ее, как надо действовать. Но то, что вошло с молоком матери, уйдет лишь с последним дыханием.

Распоряжения свекрови Зайнаб выполняла лишь по обязанности. Пока та ей не говорила «Сходи к мулле, действуй так-то», она и шагу не делала. Ни матери, ни сестре — никому из близких — она и слова не сказала о том, что муж готов бросить ее. И вовсе не потому, что ей было безразлично, как он к ней относится. Ведь мы видели, что услышав о приезде в Ташкент второй жены, Зайнаб бросилась Атабеку на шею. Словом, если мы попытаемся сравнить поведение Зайнаб в детстве и теперь, то увидим, что в детстве Зайнаб плакала из-за платья уже в самый канун праздника, когда надо было его надевать, а в замужестве она сказала мужу о своей любви к нему лишь перед самым приездом соперницы.

Мы уже познакомили читателя с Хушрой — ребенком и девушкой. Теперь покажем ее в семейной жизни. Как и все, что она делала, Хушрой вышла замуж не так, как принято. Большинство наших девушек выходило замуж за тех, кого выбирали им родители. А вот с Хушрой получилось иначе.

Вполне понятно, что родители, зная ее нрав, не осмеливались решать что-нибудь без ее согласия. Немало молодых людей, понравившихся ее отцу и матери, были ею отвергнуты. «Сын такого-то?» — спрашивает Хушрой и тут же, не дожидаясь ответа, восклицает: «Пусть бог приберет его к себе! Уж лучше в землю лечь, чем выйти за него!»

Долго-долго прислушивались родители к ее желаниям, наконец им надоело ждать, и они твердо решили выдать ее замуж по своему выбору. Пронюхав об этом, Хушрой ни словом не обмолвилась. А когда был совершен предварительный сговор, прочитаны молитвы и свахи явились завершить сватовство, Хушрой вышла к ним и бросила им в лицо:

— Мне еще не нужен муж! Без лишних хлопот отправляйтесь восвояси!

Махира-бану готова была со стыда сквозь землю провалиться. А свахи, пораженные таким бесстыдством и дерзостью девушки, поторопились уйти. Отец с ма-

терью ругали ее, попрекали, но дальше этого не шло. Старший брат Алимбек попробовал было поднять на нее кулак, но она справедливо ему заметила:

— За что вы меня бить собираетесь, разве я совершила что-нибудь постыдное?

И брат не тронул ее.

После этого случая сваты перестали заходить к ним в дом. Каждому встречному-поперечному рассказывали целые легенды о поведении Хушрой. Махира-аим на все лады ее укоряла: «Так и проживешь без мужа, одна останешься!» Но на Хушрой это мало действовало: «Мужья перевелись, что ли, на земле?! Если захочу, завтра же выйду замуж!» — говорила она.

Через некоторое время пришли все же сваты от Нусратбека, одного из товарищей брата Хушрой. У Нусратбека уже была одна жена. Махира-аим, не посоветовавшись даже с мужем, пошла уговаривать дочь. А та, и глазом не моргнув, дала согласие. Отец и старший брат обрадовались: Нусратбек был знатного рода и занимал высокое положение. Поэтому не обратили внимания и на то, что он уже был женат.

Через неделю после сговора отпраздновали свадьбу, и по тому, как вела себя Хушрой за брачным пологом, женщины сразу поняли, что она заранее обо всем договорилась с Нусратбеком.

Еще свадебный пир не кончился, как Хушрой начала нападать на первую жену Нусратбека, тут же ухаживавшую за гостями. В первые дни после свадьбы она уже открыто преследовала ее. Еще через неделю она окончательно подчинила себе мужа и перестала пускать его к сопернице. А через две-три недели прибрала к рукам и хозяйство, держа чуть не впроголодь и первую жену и двоих ее детей.

Нусратбек вне дома вел себя, как и положено знатному человеку, начальнику, а дома сам покорялся командиру — Хушрой. Первая жена и дети оказались в загоне. Еще через некоторое время Хушрой стала давать волю рукам, била, душила соперницу, таскала ее за косы.

Месяца через два бедная женщина вконец измучилась и, не имея сил больше терпеть, попросила у мужа развод. Что ж поделаешь, Нусратбек вынужден был удовлетворить ее просьбу.

Уходя из дома, первая жена думала оставить там хотя бы детей, но Хушрой заявила:

— Рожденное собакой богу в жертву не приносят. Если ты уж совсем махнула рукой на своих щенят, то бросай их в этом доме.

В голосе Хушрой звучала угроза, и у бедной матери сжалось сердце от страха. Зная, что Хушрой способна на самое черное дело, она забрала детей и, обливаясь слезами, покинула дом.

Так за короткое время Хушрой разрушила крепкую семью и лишь тогда успокоилась, когда Нусратбек подчинился ей во всем.

Вот уже несколько лет Хушрой живет, казалось бы, припеваючи. Все хорошо, только одна печаль — нет детей. Как-то муж с заискивающей улыбкой сказал ей:

— Вот уже шесть лет, как мы поженились, а ты все не родишь. Не осталось, наверное, ни одного лекаря, который бы тебя не пользовал... Что же теперь делать?

Хушрой догадалась, к чему он клонит.

— Если человек не может прожить без детей, — ответила она, — так я достану яд, ему первому дам, а потом и сама приму.

Вторично Нусратбек не поднимал этого разговора — с Хушрой шутки были плохи.

НАДОУМИЛА

Недаром говорится: «Там, где много жен, каждый день скандал». Человек, сказавший это первым, знал, что говорил. Да и впрямь соперницы не были бы соперницами, если бы не подымали шум, ну хотя бы раз в неделю. В иных семьях и при одной жене по несколько раз в неделю ломаются ложки, бьются чашки, раскалываются тарелки. Что уж говорить о тех домах, где несколько жен! И нам не остается ничего более, как признать справедливость этой поговорки: «Там, где много жен, каждый день скандал».

Пишущий эти строки мог сколько угодно слушать рассказы своего покойного отца о минувших днях. Лишь одно в этих воспоминаниях неизменно вызывало отвращение и скуку — это рассказы о скандалах и

ссорах между женами, вспыхивавших по пустякам. Жалея драгоценное время читателя, я и свое перо освобождаю от подробного описания этих перепалок. Надеюсь, меня простят.

Когда горечь Зайнаб переливалась через край, она уходила к своим родным излить ее. Раза два побывала она за последние месяцы и у Хушрой, и вот пришла к ней в третий раз.

— Слава богу, привелось свидеться,— встретила Хушрой младшую сестру.

На дворе было прохладно, но лицо Зайнаб покрыли жемчужины пота.

— Что это ты так осунулась, Зайнаб? Все ли у тебя благополучно? Как муж, жив-здоров?

— Чтоб он пропал! — воскликнула Зайнаб, и глаза ее наполнились слезами.

Вместо того чтобы посочувствовать сестре, Хушрой расхохоталась.

— Пойдем на айван! — пригласила она.— Ты была у матери?

— Нет.

— Прямо из дому идешь?

— Да.

Хушрой усадила сестру и распорядилась, чтобы принесли чай. Прочитали короткую молитву. Зайнаб спрашивалась о здоровье шурина. Хушрой сердито ответила:

— А, чтоб он сдох, твой шури! Уехал в имение Наджмеддинбека и четвертый день, как пропал без вести. Жив ли, сгнил ли — не знаю.

За короткое время Зайнаб неузнаваемо изменилась, сильно похудела, и на лице появилось старческое выражение, в глазах — какое-то беспокойство; обычная ее медлительность сменилась нервным возбуждением.

— Вы неблагодарная женщина, сестра,— сказала она с упреком.— Вам ли жаловаться на своего мужа! Вот что бы вы сказали, если бы вам моя участь досталась!

— Если бы я была Зайнаб, то мне, наверное, выпало бы то же самое,— смеясь, сказала Хушрой.— Я считаю, что каждый отвечает за свою судьбу, сам добывает хорошее и плохое в жизни.

— Что вы, сестра? Каяться надо за такие слова!

— Я до сего дня ни перед кем головы не клонила и считаю постыдным каяться перед кем бы то ни было. Вот потому-то я всегда и одерживаю верх...

— Ой, не зазнавайтесь!

— Зазнаюсь я или нет — мой характер всем известен, а тебе лучше других... Ну, бросим этот разговор! Поговорим о твоих делах.

— Пропади они пропадом!

— Да у тебя, кажется, и так все уже пропало!

— Пусть сгинет тот, кто загубил меня!

— Никто тебя не губил, Зайнаб. Сама виновата в том, что мучаешься.

— Вот вы всегда так говорите, — упрекнула Зайнаб, — а кому охота самого себя мучить?

— Тебе и всем на тебя похожим.

— Бог накажет...

— Э, бог уже наказал!

— Да разве я себе желала всего этого?

— Желала!

Зайнаб видела, что сестра насмешливо улыбается, но не могла разгадать, что она при этом думает.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ты знаешь, как я вышла замуж?

— Знаю...

— Вот и помни! А когда тебя сватали, ты не выказала и крупинки собственной воли. Может быть, у тебя ее не было, а возможно, ты не умела ее проявить. Во всяком случае, поводыя были в руках у родителей, а ты оказалась вьюком на верблюде: куда отправят, кому продадут — тебя не спрашивали. Помнишь, в день моей свадьбы я, смеясь и шутя, взобралась на арбу, уезжая из отцовского дома, ты же плача покинула его и плача вошла в дом своего мужа... Так! Муж понравился тебе, но ты и не подумала, что он нравится еще кому-то другому. Он пренебрег тобой, а ты и не пикнула. И лишь когда вытащила пустое решето из воды, начала метаться и вопить... Теперь хоть на тысячу ладов извивайся — ничего не изменится: каждый день для тебя несчастье — таков уж твой удел. Лучше уходи пока жива-здоровая из мужниного дома.

В безжалостных словах Хушрой была большая доля истины. Зайнаб заплакала.

— Я никогда не думала, что такое случится...

— А ты разве умеешь думать? — смеясь сказала Хушрой.

— Человек чуть не при смерти, а вы смеетесь?

— А я не умею плакать. Когда я вижу слезы, меня разбирает смех.

— Будь вы на моем месте, вы тоже не переставали бы плакать.

— О, будь я на твоём месте, ты знаешь, что бы я сделала? Я весь мир перевернула бы! В каждую каплю моих слез я вливала бы тысячу капель яда...

При этих словах Зайнаб приподняла голову и увидела на лице сестры злую усмешку.

— Хорошо,—сказала Зайнаб,—а если бы все ваши друзья стали врагами—и свекровь, державшая вашу сторону, повторявшая ваши слова, перешла на сторону врага, и даже собственные родители отделялись пустыми разговорами: потерпи мол, что бы вы делали тогда, если не плакали?!

Хушрой смеялась как ни в чем не бывало.

— А что такое враг?—заговорила она.—Я не раз тебе говорила: у человека нет друзей, он лишь сам себе друг. У него и врагов нет, разве только он сам себе враг. Возьмем тебя: ты думала, что родители — друзья тебе, а что хорошего видела ты от них! «Потерпи, потерпи!..» Может ли такой совет стать бальзамом для твоих ран? Конечно, нет. Муж твой никогда не обращал на тебя внимания. А ты верила словам свекрови, ее обещаниям, что все будет хорошо. Но подумай сама: мать родила сына, но может ли она зародить в нем любовь к кому-то? Это невозможно! А ты, бедненькая, верила. И что же? Отец пичкает тебя призывами к терпению, свекровь молится за твою соперницу, а ты в объятиях скорби и страданий...

— Я пришла к вам не за тем, чтобы вы меня язвили,—плача сказала Зайнаб.—У меня дома хватает гадин, которые этим занимаются... Вместо того чтобы раздувать пламя горя в моей душе, вы бы лучше утешили свою сестру...

— Тебя никто не может утешить.

— У вас ума на все хватает. Хоть раз подумайте о моей судьбе! Сколько раз я приходила к вам за помощью с тех пор как на меня свалилась беда, и все уходила ни с чем.

Хушрой метнула на Зайнаб короткий взгляд.

— А ты слушаешься меня?

— Если дадите хороший совет, почему же...

— Так вот — уходи от мужа!

Зайнаб вскрикнула:

— Я так и думала, что вы это скажете!

— Это единственное средство от твоего горя.

— Да как же я могу уйти?

— Так, как другие уходят...

Зайнаб молчала. Служанка расстелила скатерть, пода-
ла чай. Хушрой отправила ее и сама начала хозяйничать.

— Кушай, Зайнаб!

— Не хочется...

— Поступишь, как я говорю, — у тебя и аппетит по-
явится.

— Как же я могу решиться... Оставить мужа?!

— А как ты думаешь, если ты попросишь у него раз-
вод, даст он? — улыбаясь, спросила Хушрой.

— Не знаю.

— Ты прекрасно знаешь, что даст. Только ты глупа, не
понимаешь, что по одежке протягивают ножки и что для
хлопкá нужны две ладошки.

— Вы хотите сказать, чтобы я ушла, отряхнув полы
халата?

— Конечно! Иного выхода нет.

— Значит, чтоб я страдала, а моя соперница наслаж-
далась? Так, что ли?

— А сейчас разве оно не так?

— Хорошо, но зато я каждую минуту нарушаю ее
блаженство. Она раз клюнет, а я ее — десять раз!

Хушрой расхохоталась.

— И что с того?

— Так или иначе, я не даю покоя этой пришлой.

— Если ты не дашь ей покоя, другие заставят тебя
успокоиться!

— Что вы этим хотите сказать?

— Если ты им будешь мешать, муж тебя прогонит.

Зайнаб призадумалась. Злые глаза Хушрой так и
уставились на сестру. Вдруг на лице Зайнаб появилось
выражение необычной для нее решимости. Сразу высох-
ли слезы, а в голосе зазвучали твердые ноты.

— Вы меня надоумили, сестра! — сказала она. —
Спасибо вам,

— Меня благодарить не за что. Сердце свое благодари, если уверена, что оно осмелится...

БЛИЗИТСЯ СРОК

Близился день, когда Кумюш предстояло стать матерью. Узбек-аим совсем захлопоталась. Еще за месяц до родов она уже начала готовиться к торжеству. Надо было думать и о повивальной бабке, и о том, сколько понадобится баранов для пира, и сколько дней он будет продолжаться, и кого пригласить из мужчин и женщин.

По некоторым признакам Узбек-аим не сомневалась в том, что родится мальчик.

— Ты родишь сына, Кумюш! — говорила она. — Я легко носила Атабека, и ты легко носишь...

Вот уже месяц, как Кумюш освобождена от работы по хозяйству, ее обязанности выполняет Зайнаб.

В то время, как Узбек-аим радовалась, ожидая внука, Атабек места себе не находил от беспокойства: глядя на Кумюш, он почему-то вспоминал трагедию уста Алима, жена которого умерла от родов.

После ташкентской резни и всех событий, с ней связанных, Юсуфбек-хаджи отошел от государственных дел. Большую часть времени он проводил за чтением корана. Когда до него доходили слухи о перебранках между женами Атабека, он призывал их обеих, усаживал рядом и начинал укорять. Сначала он обращался к Кумюш:

— Красавица, вы ведь старшая. Нехорошо! Старший всегда должен быть снисходительным к младшему.

Затем переводил свой взгляд на Зайнаб:

— Дитя мое! В вас еще не перебродил молодой задор. Не забывайте, что вы тоже мне дочь.

После увещевания он давал им свое благословение, заставлял поклониться друг другу и отпускал, говоря:

— Так вот, будьте умницами, милые дочки.

Как только они выходили из его комнаты, там появлялась Узбек-аим, и хаджи, обращаясь к ней на «вы», говорил:

— Вы не умеете воспитывать невесток. Мне кажется, что вы притесняете Зайнаб, а вы должны быть и к ней внимательной, и Атабека учить тому же.

Если Узбек-аим становилась на сторону Кумюш и

при этом говорила: «Да бог с ней, с Зайнаб, сама виновата!..» — хаджи останавливая ее:

— Тише, тише, стыдитесь! Свекровь должна быть справедливой. Ведь Зайнаб была взята в дом по нашему желанию.

Вскоре Кумюш напояала матери письмо:

«Милая мама, пишу вам в шестой раз, не считая писем от вашего зятя. От вас же получила всего три письма да от отца — два. В глазах у меня потемнело, когда я читала последнее письмо отца с горестным известием о смерти бабушки. Смерть для всех неизбежна, и все-таки я очень страдаю при мысли, что не была с нею в последние минуты ее жизни и не получила ее благословения! Я заливалась слезами. Сегодня, на пятый день, я начала молиться о душе покойной бабушки. Прошу бога, чтобы он был милостив к ней, а вам дал силы и терпения пережить утрату. Будьте вы живы и здоровы, хотя бы для вашей дочери, оставленной в чужом краю! Аминь!

Да будет вам известно, что, слава богу, ваш зять и сваты пребывают в благополучии, а под их сенью и я, ваша дочь, живу счастливо. Очень соскучилась по вас и по отцу, и если бы не была на сносях, отправилась бы в Маргелан, несмотря на зимнее время. Свекровь говорит, что в будущем месяце я рожу. Она бережет меня, не доверяет ни земле, ни небу! Вот уж две недели, как я освобождена от всех обязанностей по хозяйству, даже воды сама не зачерпну. Свекровь же готовится к торжеству, заказала колыбель, справляет платье для подарков... А у меня почему-то на сердце страх...

Я подшучивала в предыдущих письмах над моими распрями с соперницей. Но говоря по правде, наши отношения совсем испортились, я очень невзлюбила ее. А она особенно возненавидела меня с тех пор, как узнала о моей беременности. У вас-то не было никоеда соперницы, но вы, наверное, поймете, что мы готовы были съесть друг друга. Теперь мне даже стыдно бывает вспомнить, как мы ссорились иногда. Хорошо еще, что свекор не всегда узнавал о наших ссорах. Но бывали случаи, когда до него доходили сведения об этом. Тогда он вызывал нас обеих, мы выслушивали его наставления, но не переставали быть врагами. Может, я обижу вас, но все же ска-

жу, что люблю свекра больше родного отца, и не за то, что он отец вашего зятя, а за доброе сердце, за ласковое ко мне отношение — он зовет меня «красавица», — за необходимые убедительные назидания. Когда он говорит со мной, я испытываю истинное удовольствие. Ссориться с Зайнаб — иногда тоже удовольствие, а слушать после этого наставления свекра — удовольствие вдвойне. Пусть вас не смущают эти безумные слова. Вы все поймете, когда приедете в Ташкент и своими ушами услышите речи моего свекра.

Словом, стычки с Зайнаб повторялись часто. Нам не надоедала наша грызня, но зять ваш был сыт ими по горло. Недавно он заявил: «Если и дальше так будет продолжаться, я дам вам обоим развод, чтобы избавиться, наконец, от этого». Пожалуй, он угрожал лишь одной из нас, во всяком случае, я не испугалась этих угроз. Боялась лишь одного, что Зайнаб поймет, на кого из нас он намекает, и станет вести себя тихо. Так оно и произошло: сразу после этого разговора она, обидевшись, ушла к своей матери. Но там, видно, ее хорошо пробрали, и она через несколько дней вернулась смиреннькая. После этого прошло уже два месяца, и у нас не было больше скандалов. Мне такое ее поведение не предвещает ничего хорошего, все равно она всегда торчит между мужем и мной, как колючка...

В ожидании предстоящих родов сердце мое сжимается от страха. Смотрю на небо и думаю: буду я в эти же дни следующего месяца жить на белом свете или меня уже не станет... Если бы не смерть бабушки Айши, вы, конечно, могли бы приехать в Ташкент. А, может, все же выберетесь сюда? Как ваш приезд был бы отраден мне! Передайте эту просьбу отцу; он, конечно, не откажет. Передайте ему несчетные мои поклоны! Очень боюсь будущего месяца. Если не свидимся, не поминайте лихом. Это же передайте от меня всем друзьям и знакомым.

Писано Кумюш в 1269 год хиджры, в первый день месяца кавса¹».

Как писала Кумюш, Зайнаб действительно присмирела. Ей скажешь десять слов, а она и одного не ответит — тихая, ласковая, ну совсем такая, какой была

¹ Кавс 1269 года хиджры — ноябрь 1852 года.

год назад. Безропотно, даже радостно приняла она распоряжение свекрови:

— Твоей старшей сестре пришло время родить. Теперь ты хлопочи по хозяйству!

Зайнаб все делала сама, даже Айбадак отстранила от кухни. На обязанностях служанки осталась лишь уборка комнат, двора и другие мелкие дела. Так же мирно вела себя Зайнаб и с мужем. Когда Атабек заходил к ней, она не восклицала: «А, наконец-то пришли!» А если не заходил, не попрекала: «Почему не заходите?» Лишь легкая улыбка появлялась на ее лице, когда он мягко задавал ей какой-нибудь пустячный вопрос.

* * *

Наконец настал долгожданный срок. Из Маргелана пришло сообщение, что Офтоб-айм выехала в Ташкент. Когда у Кумюш начались предродовые схватки, она сначала никому не сказала об этом. Но боли трудно было скрыть; первым заметил, что она страдает, Атабек, а затем уж и Узбек-айм. Атабек был так взволнован, так боялся за жизнь Кумюш, что не мог и рта раскрыть от страха. А Узбек-айм сразу начала действовать. Прежде всего она послала Хасанали за повитухой, которую рассмотрела для этого случая еще полгода назад.

К приходу повитухи во дворе женской половины не осталось мужчин. Кумюш сильно страдала. Узбек-айм и повитуха суетились, стараясь облегчить ей боли. Но к вечеру схватки участились.

Атабека не было дома. Хасанали, потирая руки от волнения, шагал от михманханы до ворот и обратно, заглядывал иногда в конюшню и обмахивал гнедого иноходца. Хаджи, охваченный смешанным чувством радости и тревоги, читал комментарии к корану, но каждые пять минут отрывался от чтения, прислушиваясь к тому, что делается в ичкари, и подзывал Хасанали, чтобы справиться, все ли благополучно.

После предвечерней молитвы Айбадак подала им ужин. Но ни Хасанали, ни Юсуфбек-хаджи ни о чем не спросили у нее, не обратили они внимания и на отсутствие Атабека. Едва прикоснувшись к еде, они тут же вытерли руки...

— Был уже призыв к вечерней молитве? — спросил, наконец, хаджи.

— Я не слышал... Впрочем, можно идти в мечеть!— ответил Хасанали.

Вдруг из ичкари донеслись громкие женские возгласы и крики. Мужчины со страхом переглянулись между собой и прислушались. Сквозь шум был едва различим совсем особый слабый голосок. Хасанали и Юсуфбек-хаджи все так же молча улыбнулись. Вскоре из ичкари прибежала Айбадак и сказала в окно:

— С вас подарок за радостную весть!

Хаджи порылся в кармане, приговаривая:

— Слава богу, слава богу!

Хасанали улыбнулся и тоже начал рыться в карманах.

— Мальчик или халва?¹

— Мальчик!

— Вот хорошо!

Радостно улыбаясь, хаджи дал Айбадак несколько серебряных и одну золотую монету.

— Серебряные возьми себе, а золотой передай повитухе.

Хасанали вручил и свой подарок. Молитвенно воздев руки к небу, мужчины проговорили: «Да пошлет господь ему долгую жизнь!» — и спокойно отправились в мечеть.

Атабек уже входил в михманхану, как вдруг услышал младенческий писк. Он тут же свернул в ичкари и повстречался в коридоре с матерью. Даже в темноте он заметил счастливое выражение ее лица.

— Поздравляю с сыном, сынок! — сказала она.

— А как она?

— Ничего, здорова.

— Можно мне к ней?

— Нет! К роженице в течение сорока дней нельзя входить вечером, да еще с улицы! Пройди к Зайнаб. Отец твой дома?

— Ну как же, как же она?

— Да говорю тебе, будь спокоен! — сказала Узбек-аим, повернув обратно в ичкари.

Атабек пошел в противоположную сторону, но услышав шаги отца и Хасанали, приостановился. Ему было почему-то неловко встретиться сейчас с отцом.

¹ В старое время в Ташкенте новорожденную девочку называли «халва».

Постояв немного на месте, он прошел в ичкари. Подойдя к комнате Зайнаб, он бросил несколько взглядов на дверь, за которой находилась Кумюш.

— Поздравляю с сыном! — Этими словами встретила его Зайнаб, когда он вошел, и улыбнулась.

Атабек ответил ей улыбкой.

— Пусть будет счастливым, — сказал он.

Они сели. Вдруг Зайнаб усмехнулась.

— Эта... — начала она говорить и на полуслове замолкла — то ли забыла, что хочет сказать, то ли задумалась. Атабек смотрел на нее, выжидательно улыбаясь, и, наконец, спросил:

— Кто «эта»?

— Эта...

— Ну же?..

— Да ну ее!.. Вы будете кушать плов?

— Буду.

— Он, может, еще горячий.

— Все равно какой!

Атабек с утра не ел и вдруг почувствовал, что очень проголодался.

Зайнаб казалась очень добродушной, но под этим добродушием скрывалось что-то иное — не то растерянность, не то беспокойство; какая-то затаенная дума одолевала ее. Разговаривая с Атабеком, она все время осекалась, забывала, что хочет сказать, так что он в конце концов вынужден был ее спросить:

— Чем это вы так взволнованы?

Зайнаб усмехнулась.

— Мне не из-за чего волноваться.

— А мне кажется, что вы волнуетесь.

— Правда... Испугалась я.

— Чего?

— Родов...

— Она страдала?

— Еще как! Трудно даже передать!

— А мать не сказала мне этого.

— Они скрыли от вас.

У Атабека больно сжалось сердце. Можно себе представить, как ошеломили его эти слова — ведь даже Зайнаб с ужасом вспоминала о муках Кумюш. Он побоялся узнать подробности и, наспех выпив чаю, попросил постелить постель. Когда он лег, Зайнаб потушила

свечу, а сама, так как спать еще было рано, отправилась в комнату Кумюш.

Атабек не смог уснуть, в его ушах так и звучали слова Зайнаб: «Еще как страдала!» Лежа с открытыми глазами, он переворачивался то с боку на бок, то на спину, но сон не приходил. К тому же из комнаты Кумюш доносился шум: к Кумюш беспрерывно заходили женщины, плакал ребенок. Хотя голосок ребенка пробуждал в Атабеке теплое, нежное чувство, но это чувство было омрачено беспокойством за Кумюш. Так, то впадая в беспокойство, то испытывая радостное волнение, он уснул. Но вскоре снова проснулся... Зайнаб нет. В соседней комнате Кумюш... Протирая сонные глаза, Атабек прислушался к тому, что там делается, снова услышал голос ребенка, повернулся на правый бок, закутался в одеяло и на этот раз спокойно уснул.

И вот ему приснился сон. Будто он на лугу, покрытом цветами... И будто весь этот цветник принадлежит ему. Он не может оторвать глаз от пестрых цветов — так они красивы. Но вдруг появляются откуда-то враги. Он с ножом идет на них... Враги бегут, и — о ужас! — он видит среди них своего отца и мать!.. Он возвращается на луг, а там пасется корова, она ломает и топчет цветы. Вне себя от гнева, он бросается на корову с ножом... Но корова — совсем не корова, это оборотень, рыжеволосая ведьма... Он почувствовал полное бессилие, выронил нож, и мрак окутал его...

Атабек вздрогнул и проснулся. Рядом с ним спала Зайнаб. От привидевшегося только что кошмара у него сделалось сильное сердцебиение, тело покрылось потом. Он осторожно повернулся на другой бок. В этот миг Зайнаб приоткрыла и тут же закрыла глаза.

Близился рассвет. Один за другим, просыпаясь, кричали петухи. От стука деревянных молотов на работающей неподалеку крупорушке слегка содрогалась земля. Сквозь щели в дверях из соседней комнаты проникал свет. Там стояла тишина.

Атабек не мог больше уснуть. Он вспомнил о мучениях, испытанных Кумюш. Издалека донесся призыв к утренней молитве. Начало светать. Когда раздался голос муэдзина из мечети их общины, Атабек встал, чтобы совершить омовение.

Завтракал он в ичкар, в комнате Зайнаб — хотелось

поскорее зайти к Кумюш. Узбек-аим позволила ему навестить жену. Повитуха после чая вышла. Кумюш лежала на почетном месте, а у ее ног сидела Узбек-аим с младенцем на руках. Когда Атабек вошел, Кумюш повернула к нему осунувшееся, похудевшее лицо с немного запавшими глазами. Она взглянула на мужа и улыбнулась. А он, запинаясь, произнес слова поздравления: «Пусть принесет он счастье!»

Кумюш стыдливо прикрыла лицо одеялом.

— Спасибо тому, кто послал его в этот мир,— сказала Узбек-аим.— Садись!

Атабек присел у изголовья Кумюш. Узбек-аим прочитала благодарственную молитву и поднесла ребенка к Атабеку.

— Давай, отец, подарок за то, что поглядел на моего жеребеночка! — сказала она.

Атабек смущенно смотрел на сынишку. Кумюш опять прикрыла лицо.

— Хорошо ли вы себя чувствуете?— спросил он ее.

— Слава богу...

— Я слышал, что вы очень мучились...

— А ты думал, это шутка — родить! — проворчала Узбек-аим.

Кумюш подозвала пальцем Атабека и шепнула ему на ухо:

— Это за ваши грехи я расплачивалась!

— Ели вы что-нибудь?

— Со вчерашнего дня,— сказала Узбек-аим,— ничего горячего в рот не брала. Пойду, скажу Зайнаб, чтобы сварила жиденькую похлебку.

— Непременно! — сказал Атабек, вручил матери в подарок золотую монету и, спокойный, вышел из комнаты.

Миновал полдень. Атабек сидел в михманхане и читал. Хасанали чинил в сенях порванную сбрую. Хаджи ушел не то в мечеть, не то по каким-то делам. Вдруг из ичкари прибежала Айбадак — и прямо к Атабеку.

— Зайдите туда. Вас зовут.

Атабек закрыл книгу, положив в нее закладку.

— Все ли там благополучно?

— Благополучно... Идите скорее!

Атабек бросился за Айбадак. Из комнаты Кумюш вышла смертельно бледная Зайнаб.

— Что случилось?— спросил Атабек.

— Не знаю... Сестру мою рвет. Дурно ей.

Атабек был уже у двери, оттуда выходили женщины в паранджах, он пропустил их и вошел.

Кумюш склонилась над тазом, который держала Узбек-аим.

— Что, что случилось?

Кумюш не могла произнести ни слова.

— Не понимаю, вот уже сколько времени рвет беспрерывно,— ответила Узбек-аим.

Кумюш устало опустила голову на подушку. Слезающимися глазами смотрела на мужа.

— Вы, наверное, дали ей съесть что-нибудь нехорошее.

— Ничего она такого не ела. Только похлебку. Да и то съела всего полчашки. Остальное вон стоит... в нише.

Узбек-аим не успела договорить, как Кумюш снова начало рвать. Атабек поддерживал ее голову.

— Может, лекаря позвать?

— Да, да! Я тоже подумала об этом.

Атабек бросился вон из комнаты. Хасанали по-прежнему чинил сбрую.

— Отец! Бегите скорее за лекарем!

Хасанали бросил работу.

— Что случилось?

— У невестки вашей все время рвота.

Хасанали выбежал из дома. Атабек вернулся в ичкери. Зайнаб держала ребенка на руках; Кумюш по-прежнему тошнило. Вконец ослабевшая, она откинулась на подушки, под глазами обозначились синие круги.

Атабек подошел к жене, но у нее не было сил даже повернуться, чтобы взглянуть на него.

— Ну, как вы?

— Плохо мне...

Атабек весь дрожал, но старался, чтобы Кумюш не заметила этого.

— Давали ей катык?— спросил он у матери.

— Нет.

— Так велите принести!

Пока Айбадак сбегала за катыком, Кумюш снова потянулась к тазу. Снова рвота! Атабек подал воду, она сполоснула рот, потом отпила два глотка катыка и откинулась на подушку. Жар охватил все ее тело, сердце

колотилось со страшной силой. Атабек приложил к ее лбу руку, и Кумюш притихла.

Зайнаб с ребенком на руках сидела в углу. Узбек-аим забрала у нее внука и велела вынести таз.

Рука Атабека, лежавшая на лбу Кумюш, очень скоро стала горячеей, он положил другую, и молодая женщина открыла глаза, ощутив прохладу.

— Лучше стало?— спросил Атабек.

Кумюш молча приподняла голову. Но таза не было, и он быстро подставил китайскую фарфоровую чашку. Кумюш снова рвало. Вместе с катыком вышло что-то желто-зеленое. От катыка, предложенного ей после того как она сполоснула рот, Кумюш отказалась и снова откинулась на подушку...

Наконец пришел лекарь. Атабек обрадовался. Зайнаб, входившая в это время в комнату с тазом, попятилась назад. Узбек-аим вышла, унося ребенка.

Атабек даже не встал, как полагалось, из уважения к лекарю, он прижимал руку ко лбу Кумюш.

Лекарь расспросил обо всем, прощупал пульс больной и, прикусив губу, понюхал содержимое китайской чашки.

— Что ела она сегодня?

— Похлебку.

— Есть остатки?

— Вот! — сказал Атабек и подал чашку с похлебкой, которую ему показала мать.

Лекарь обмакнул в чашку конец пальца, лизнул его и тут же плюнул.

— Она выпила яд!

Лицо Атабека стало страшным. Даже лекарь испугался при виде его лица.

— Я сейчас пришлю противоядие,— забормотал он, поднимаясь.

Вместе с ним поднялся и Атабек.

— Кто же отравил?

Что мог сказать лекарь!

— Откуда я знаю!.. Сами подумайте.. Я принесу сейчас лекарство. Вы ей дадите.

— Знаю, знаю! — вскрикнул несчастный.— Зайнаб! Подлая! Подлая!.. А вы пришлите, немедленно пришлите лекарство!

Лекарь ушел. Атабек, как иступленный, подбежал к

изголовью Кумюш, открыл ее лицо и поцеловал, кладя руку ей на лоб.

Кумюш приоткрыла глаза и, с большим усилием подняв левую руку, положила на его плечо. Вошла Узбек-аим, держа ребенка на руках.

— Зови Зайнаб, зови!

Узбек-аим знала уже, что сказал лекарь.

Зайнаб вбежала, бледная, как смерть. Атабек протянул ей чашку с остатками похлебки.

— Пей, пей, подлая!

Зайнаб отшатнулась. Атабек швырнул в нее чашку, залил платье. В эту минуту появился Юсуфбек-хаджи.

— Уходи, подлая! талак¹ тебе, талак, талак! — воскликнул Атабек.

Услышав эти слова, Кумюш приоткрыла чуть заблестевшие глаза и тут же их закрыла.

Хаджи понял все. Он знал уже от лекаря о том, что здесь произошло.

— Уходи, Зайнаб! — сказал он. — И будь проклята!

Зайнаб пошатнулась и выскользнула из комнаты.

Хаджи подсел к изголовью больной.

Атабек с матерью сидели у ее ног. Глаза молодой женщины были закрыты, волосы в беспорядке разметались по лицу. Хаджи осторожно отвел их, увидел вздрагивающее от судорог посиневшее лицо и положил руку на лоб Кумюш.

— Красавица... красавица моя! — говорил он.

Кумюш, открыв глаза, пыталась приподняться.

— Не двигайся, красавица! Лежи спокойно!

По виску ее скатилась слеза.

Хаджи не в силах был сдерживать волнение. Он отер слезы Кумюш, погладил ее по голове.

— Бог даст, выздоровеешь, дитя мое!

Кумюш потянулась к тазу. Атабек держал ее за руки, хаджи поддерживал голову. Кумюш рвало кровью. Несколько капель крови выкатилось из носа. Глаза широко раскрылись. С тревогой и отчаянием она смотрела по сторонам.

— Мама... отец... любимый... — простонала Кумюш. Потом прижалась лицом к лицу Атабека и, словно застыдившись, закрыла глаза.

¹ Трижды произнесенное слово «талак» означает, что муж дает жене развод.

* * *

На следующий день состоялись похороны. Кумюш хоронил весь Ташкент. Лишь самые близкие люди — ее родители — не успели на печальный обряд. Они приехали на третий день после похорон.

Несчастная мать! Несчастный отец!

Можно ли описать их горе?

Когда на седьмой день кончили читать коран, были устроены поминки, угощали пловом народ. В этот же день младенцу дали имя Ядгар¹.

Не только родные Кумюш, но все в городе, знавшие о причинах ее трагической гибели, нетерпеливо ждали, какая кара постигнет Зайнаб. Однако на десятый день после трагических событий разнесся слух, что Зайнаб сошла с ума и с открытым лицом вышла на улицу, Брат поймал ее и посадил на цепь.

Безумие Зайнаб подтвердили и лекари, и казии. Наказание было отменено. Достаточно было и того, что она помешалась и сидела на цепи.

На двадцатый день снова читали коран, и снова народ угощали пловом. Несчастные родители, потерявшие единственную дочь, начали собираться в Маргелан. Они увезили с собой Ядгара, никто и слова не возразил против этого.

В последний день перед отъездом Мирзакарим-кутидор, Офтоб-аим и Атабек пришли на кладбище и остановились у нового кирпичного надгробия, сложенного между двух старых засохших чинар. С правой стороны надгробия была вделана в кирпич большая каменная плита с надписью:

«Кумюш, дочь Мирзакарима из Маргелана, родилась в 1248 году, умерла в 1269, джумадул — аввал². Этот памятник поставлен горячо скорбящим мужем любимой жене. Вот горестный пример того, к чему приводит обычай многоженства».

Громко вопя и рыдая, мать обнимала надгробие. Рядом с ней на коленях стоял Атабек, омывая землю слезами... Читая надпись на плите, кутидор тоже не мог сдержать слез. Так прошло около получаса, ни у кого из них не было сил молиться.

¹ Ядгар — память.

² Эти годы мусульманского летосчисления соответствуют 1832 и 1852 гг.

لَا إِلَهَ إِلَّا اللَّهُ مُحَمَّدٌ رَسُولُ اللَّهِ
 هَذِهِ الْمَقْدَةُ الْمُنَوَّرَةُ الْمَطْلُوعَةُ
 الْمَشْهُودَةُ الْمَغْضُومَةُ
 كَوْشِ بِي بِي بِنْتِ مِيرْزَا كَرِيمِ مَرْغَنَانِي
 تَمَازِيخِ تَوْلِيدِي ١٢٣٨ هـ وَفَاتِي ١٢٦٩ هـ حِجْرِي جَمَادِي الْأُولَى

بوندہ مرغان کوش بی بی تک نمایان برتر با نیر

ابو جیحون ایندیگ زونن جبرئیل
 کوزم ایندیغ تبلیغہ قالدی اولاد

عیا جم لاندردین ابودنیک
 اقبیب جانیم کیم کیم کیم کیم کیم

تولوم سرد پادشاه دین حسن صنیگه یادگار در

Приглашенный Юсуфбеком чтец корана вышел из маленькой молельни, сел в сторонке и начал читать молитвы.

Офтоб-аим замолкла, но слезы не просыхали на ее лице. Вместе с ней плакали и Атабек, и кутидор.

Чтение корана закончилось, чтецу дали деньги, и он ушел.

Попрощавшись с могилой, родные медленно пошли с кладбища. Офтоб-аим, уходя, снова и снова оглядывалась назад.

Атабек, проводив родителей Кумюш домой, вернулся на кладбище и оставался там всю ночь.

Утром Хасанали подал арбу. Он погрузил на нее вещи, затем помог взойти Офтоб-аим, державшей Ядгара, принес платья Кумюш.

Через некоторое время вышли кутидор с Юсуфбек-ом-хаджи. Они попрощались, и в ту минуту, когда кутидор взобрался на арбу, появился Атабек, только сейчас вернувшийся с кладбища. Он подошел к арбе и коротко сказал Хасанали, уже сидевшему на лошади:

— Слезайте!

Когда Хасанали слез, он сам сел на коня, запряженного в арбу, и обратился к кутидору:

— Трогать?

Кутидор и Юсуфбек-хаджи недоуменно переглянулись. Узбек-аим, стоявшая в коридоре, ведущем на улицу, выглянула из ворот.

Кутидор молчал. Атабек тронул коня.

— До свидания!

— Счастливо оставаться!

Хасанали, который должен был ехать в Маргелан, стоял посреди улицы и растерянно смотрел на хаджи, а тот бросил быстрый взгляд на жену... Атабек ехал не оглядываясь.

ЭПИЛОГ

Только через год Атабек приехал в Ташкент вместе с уста Алимом. Отец и мать ни словом не попрекнули его. Но не было между ними открытой сердечности, Атабек чувствовал себя гостем в родительском доме. Он прожил там неделю! Последнюю ночь он провел у могилы Кумюш. Светила луна, на кладбище стояла тишина, которую изредка нарушал доносившийся издалека голос кого-то читавшего коран.

Этот голос слушал лишь Атабек, стоявший на коленях у могилы, да совы на ветках деревьев, да могильные надгробия. Стихи корана торжественно растекались по кладбищу, и вместе с ними текли слезы из глаз Атабека.

Так прошел час. Наконец голос умолк. Атабек поднялся с колен и вдруг увидел перед собой тень полураздетой женщины. Он отступил к могиле, а женщина приблизилась к нему, словно моля о чем-то.

— Кто это?

— Я Кумюш!

Атабек узнал голос: перед ним была безумная Зайнаб.

— Уходи отсюда!

— Я Кумюш! — снова сказала она. Но тут же повиновалась голосу любимого человека. Уходя, она продолжала оглядываться. Атабек даже не взглянул в ее сторону, он снова встал на колени перед могилой.

На другой день Узбек-аим, плача, передала сыну одежду, сшитую ею для внука, а Атабек вместе с уста Алимом уехал обратно в Маргелан.

Больше в Ташкент он не приезжал.

Осенью 1277 года хиджры¹ Юсуфбек-хаджи получил от одного знакомого письмо, в котором тот сообщал:

«Ваш сын Атабек вместе со своим другом находился в рядах наших войск. Во время столкновения с царскими войсками под Алма-Атой они храбро сражались и оба погибли. Я похоронил их своими руками».

Юсуфбек-хаджи устроил поминки, Узбек-аим надела траур, горько оплакивая сына.

¹ 1277 год хиджры — 1860 год.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Абдулла Кадыри (Джулкунбай). Критико-биографический очерк. <i>Иззат Султанов</i>	5
От автора	24

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Перевод Л. Бать

1. Атабек, сын Юсуфбека-хаджи	27
2. Достойный ханской дочери	33
3. Атабек влюблен	39
4. „Климат Маргелана не по мне“	42
5. Вот бы мне такого зятя	44
6. Кровавые тучи над Ташкентом	50
7. Вынужденное сватовство	53
8. Поздравляем с хорошим зятем!	56
9. Приготовления к свадьбе	61
10. Девичник, свадьба	65
11. Неожиданное счастье	70
12. Клевета	75
13. Арест	79
14. В Ташкент за помощью	86
15. Ташкент в осаде	89
16. Азизбек	92
17. Юсуфбек-хаджи	96
18. Оглашение	99
19. Приговор	104
20. Жажда власти	112
21. Бунт	115
22. Беззащитный странник	120
23. Мусульманкул	125

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Перевод В. Смирновой

1. Так хотели отец и мать	135
2. „Вы меня не забудете?“	144
3. Пояс юродивого	157

4. Индус-чародей	162
5. Вероломство	172
6. Заговор	179
7. Изгнание	187
8. Счастье и несчастье в любви	195
9. Что делать, если не можешь забыть	208
10. Черные дни	212
11. Мелодия „наво“	218
12. Страшная ночь	221
13. Враг открыт	225
14. По следам соперника	236
15. Ночью в понедельник	246
16. Признание	249
17. Доброжелательный убийца	254

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Главы 1—7—перевод В. Смирновой, главы 8—17—Л. Бать

1. Конец Мусульманкула	269
2. Сумрачная весна	280
3. Резня	286
4. Луну не закрыть полой	292
5. Письмо	296
6. Перемена в Узбек-аим, тоска Зайнаб	298
7. Встреча в сватов	305
8. Тайная вражда	309
9. Хаджи отряхивает полы халата	314
10. Хитрости Хасанали	316
11. Загадки Кумюш	321
12. Соперница остается соперницей	328
13. Будем живы — увидимся	340
14. Хушрой и Зайнаб	348
15. Надоумила	352
16. Близится срок	357
Эпилог	371

АБДУЛЛА КЛДЫРИ
Минувшие дни
Роман

Оформление художника *И. Икрамова*
Технический редактор *Я. Пинхасов*
Корректоры *А. Мурахвер, Е. Корнилова*

* * *

Сдано в набор 5/VIII-1958 г. Подписано к печати 11/XII 1958г. Формат 84×108^{1/2}_{за} 11,75 печ. л. 19,27 усл. печ. л. Издат. л. 24,5 +1 вклейка. Тираж 105 000. Индекс: худ.

Государственное издательство художественной литературы УзССР. Ташкент, ул. Навои, 33. Договор № 267 — 57.

* * *

Типография № 1 Главлита Министерства культуры УзССР. Ташкент, ул. Хамзы, 21.1958. Заказ № 354.

Цена в ледериновом переплете 9 р. 40 к.
в бумажном переплете 8 р. 80 к.